

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Д. С. Мережковский

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Эсхил
Софокл
Еврипид

ТРАГЕДИИ

Переводы
Дмитрия
Мережковского

Ломоносовъ
издательство

МОСКВА 2009

УДК 821.14
ББК 84(2Рос-Рус)1-5
Э84

Серия Библиотеки Российской Академии Наук
«Вечные спутники»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Д. Андрианова, Н.В. Колпакова (БАН),
Г.Г. Мартынов (отв. редактор), А.В. Успенская,
О.Г. Юдахина (БАН)

Вступительная статья и примечания
А.В. Успенской

Составление и подготовка текста
Г.Г. Мартынова

ISBN 978-5-91678-002-4

© Успенская А. В., вступительная статья, примечания, 2009
© Издательство «Ломоносовъ», 2009

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ В ПЕРЕВОДАХ Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО

«Нужен какой-то необычайный, великий порыв, чтобы спасти Красоту, Искусство от того варварства и пошлости и самодовольной позитивной тупости, которые надвигаются на нас», — так писал Мережковский М.Н.Ермоловой летом 1892 года, вернувшись из поездки по Греции. И спасти русскую культуру могут именно древние греки — «величайшие идеалисты», которые знают «и ужас жизни, и бездну сердца человеческого». ¹ В этом письме была дана целая переводческая программа: «Воскресить Греческий театр (который до сих пор тайна) — значит воскресить идеализм, чистейший и бессмертный идеализм <...> Не Антигона, так Ипполит, не Ипполит — Альцеста или настоящая Медея, <...> или Электра, или Ифигения — но что-нибудь должно ударить по сердцам с неведомой силой. Я буду переводить, и, если доживу до 30 или 35 лет, — переведу все эти лучшие трагедии греческого театра». ² По причинам, о которых будет сказано ниже, полностью осуществить эту программу не удалось, но и того, что было сделано, достаточно, чтобы Мережковский с полным правом мог считаться одним из крупнейших поэтов-переводчиков XIX века. Случилось так, что его античные переводы, вначале высоко оцененные и принятые читателями, многократно переиздававшиеся, впоследствии оказались забытыми на столетие, практически вычеркнутыми из истории русского перевода. Тем важнее представляется их нынешняя беспристрастная оценка.

¹ «Как бы мне хотелось с Вами много и много поговорить»: Письма Д.С.Мережковского М.Н.Ермоловой // Театр. 1993. № 7. С. 96.

² Там же.

Любовь к античному миру возникла у Мережковского еще в раннем детстве. Отец несколько раз брал его с собой в Крым, где у семьи было небольшое имение. Берег южного моря предстал разительным контрастом с серыми, дождливыми петербургскими буднями. «Там я впервые почувствовал прелесть южной природы, — вспоминал писатель. — Помню великолепный дворец в Ореанде, от которого остались теперь одни развалины. Белые мраморные колонны на морской синеве — для меня вечный символ Древней Греции».¹ Как и у многих современников Мережковского, у него еще в детстве сложилось представление об античности как идеале — сначала эстетическом, а вскоре и нравственном. Греция классического периода виделась Золотым веком, где стройность и соразмерность форм гармонировала с мудростью и простотой содержания, веком, породившим свободного, мыслящего человека и совершенные формы общественной жизни. В очерке «Акрополь» он вспоминал, как в детстве с восторгом повторял слова стихотворения А.Н.Майкова:

...Беги со мною!..

...Уйдем скорей!..

Возьмем корабль! летим стрелою

К Афинам, в мраморный Пирей:

Там все иное — люди, нравы!

Там покрывал на женах нет!

Мужам поют там гимны славы.

Там воля, игры, жизнь и свет!..²

Знал ли Мережковский древние языки в достаточной степени, чтобы переводить греческих поэтов с подлинника? В годы обучения в 3-й петербургской гимназии он, безусловно, основательно познакомился с латынью и древнегреческим. Гимназические годы его пришлись на конец 70-х — начало 80-х, самый разгар школьного классицизма, введенного реформами Д.А.Толстого и И.Д.Делянова. При этом 3-я гимназия являлась «наиболее классической» в Санкт-Петербурге: уже в 1820-е — 1840-е годы в ней достаточно серьезно преподавали древние языки, а после падения в конце 40-х годов системы классического образования, созданной в свое время С.С.Уваровым, она на некоторое время осталась единственной гимназией в Петербурге, где преподавался древнегреческий. Ко времени учебы

¹ Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 24. М., 1914. С. 109.

² Мережковский Д.С. Акрополь // Там же. Т. 17. М., 1914. С. 12.

Мережковского древние языки стояли в ней по количеству учебных часов на первом месте: латынь учили со второго класса, греческий — с третьего, уроки были не менее пяти раз в неделю. По свидетельству В.Д.Набокова (отца писателя В.В.Набокова), также учившегося там в начале 80-х годов, учеников заставляли очень много заниматься грамматикой, причем постоянно практиковались нелюбимые большинством так называемые «extemporalia» — устные и письменные переводы с русского языка на латынь и греческий. Читались и греческие авторы: в пятом классе — Ксенофонт и «Одиссея» Гомера, в шестом — «Илиада» и Лукиан, в седьмом — Демосфен и Платон, в восьмом — Софокл и Геродот.¹

Позднее, в автобиографической поэме «Старинные октавы» (1905—1906) Мережковский с грустью вспоминал, как их учили древним языкам — начетнически, подменяя живое общение с великими классиками унылым изучением грамматических форм.

От слез дрожал неверный голосок
Когда твердил я: *lupus... conspicavit...*
In rupe pascebatur... и не мог
Припомнить дальше; единицу ставит
Мне золотушный немец-педагог.
Томительная скука сердце давит...²

Впрочем, в старших классах латынь вел блестящий преподаватель и ученый Э.Э.Кесслер, «земному чуждый, пламенный фанатик» — автор известной грамматики,³ о котором в тех же «Старинных октавах» Мережковский вспоминал с благодарностью (с. 516—517). А вот как вспоминались Мережковскому занятия греческим языком:

Лимониус, директор, глух и стар,
Софокла нам читал и «Одиссею»,
Нас усыплять имея редкий дар;
Но до сих пор пред ним благоговейно <...>.

Урок по спрятанной в руках бумажке,
Бывало, всякий бойко отвечал.
При нем играли в карты мы и в шашки:

¹ Петербургская 6. Третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 126—130.

² Мережковский Д.С. Собрание стихотворений. СПб., 2000. С. 496. Далее ссылки на это издание — в тексте статьи.

³ Кесслер Э.Э. Синтаксис латинского языка. СПб., 1874; Он же. Краткая грамматика латинского языка. СПб., 1886.

Нам добродушный немец все прощал... (с. 516).

Василий Христианович Лемониус был магистром греческой и римской словесности, человеком классически образованным и, по воспоминаниям его многочисленных учеников, необыкновенно добрым и снисходительным. К началу 80-х годов он проработал в этой гимназии уже сорок лет, двадцать пять из которых был ее директором. Несмотря на почтенные годы, к занятиям древними языками он относился с редким энтузиазмом, любил комментировать с учениками тексты (правда, не выходя за пределы мнений авторитетных комментаторов), заставлял гимназистов заучивать наизусть большие куски из «Илиады», «Одиссеи» и трагедий. К переводам же подходил не творчески — требовал не художественных красот, а буквальную точности. Один из его учеников, И.А.Шляпкин, вспоминал, что однажды брат Д.С.Мережковского, Николай, несказанно порадовал старика таким переводом: «Олень был ранен стрелой относительно затылка...».¹ С другим преподавателем греческого Мережковскому повезло меньше:

Читал Платона Бюрик — не педант,
Напротив, весельчак, но злейший в мире,
Весь белый, бритый, выхолненный фронт,
В обрызганном духами вицмундире;
К жестоким шуткам он имел талант.
Того, кто знал урок, оставив в мире,
Он робкого лентяя выбирал
И долго с ним как с мышью кот играл (с. 517).

Герман Васильевич Бюрик, читавший, как правило, Платона и Геродота, по воспоминаниям выпускников, действительно пользовался дружной нелюбовью гимназистов, он относился к ним с презрением, как к дикарям,² но его боялись — и уроки учили старательно.

Мережковский по греческому не был среди первых учеников, часто получал тройки. Но тройка в такой гимназии много значила. Еще один из выпускников этой гимназии, К.К.Сент-Илер вспоминал: «Я был не из сильных учеников по древним языкам... в старших классах переходил из класса в класс с тройками... Однако я многому выучился и не могу сказать, чтобы скоро забыл латынь и греческий язык; многое, особенно слова, оставались долго в памяти».³

Таким образом, еще в гимназические годы Мережковский получил достаточно серьезную подготовку и потому следует

¹ Петербургская б. Третья гимназия... С. 96—97.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 43.

исключить, как совершенно неосновательные, предположения некоторых критиков о том, что он делал переводы не с греческого подлинника.

На историко-филологическом факультете Петербургского университета греческий язык также входил в число обязательных предметов, и Мережковский если и не стал владеть им свободно, как выпускник отделения классической филологии, то хорошие навыки чтения, перевода и комментирования, разумеется, получил. Под руководством академика П.В.Никитина он занимался Эсхилом и Софоклом; В.К.Ернштедт вел у него семинарий по Платону. В эти же годы он начинает переводить с греческого. В первом поэтическом сборнике (1888) напечатана «Смерть Клитемнестры. Мотив из Еврипида». Это пока еще перевод очень вольный, хотя и верно передающий содержание произведения Еврипида.

С 1891 года Мережковский начинает почти ежегодно совершать заграничные путешествия: наконец у него появилась возможность воочию увидеть тот античный мир, по которому он так тосковал в детстве. Одним из самых сильных впечатлений явилось посещение афинского Акрополя весной 1892 года. Позднее Мережковский посвятил этой поездке очерк, вошедший в сборник «Вечные спутники» (первое изд. — 1897). В сущности, этот очерк мог бы стать прекрасным предисловием к его античным переводам. Мережковский стремится ответить на вопрос — что может дать современной культуре, современному человеку мир, исчезнувший много веков назад?

«Чем больше я всматривался в создания Renaissance'a, тем более чувствовал, что невозможно проникнуть в дух нового человека, не побывав в Греции, не увидев собственными глазами воплощение древнего эллинского духа. Он лежит как глубочайшая, иногда бессознательная, основа во всем, что творят истинно прекрасного и вечного художники новых времен. <...> Что же люди создали там, на клочке каменистой, бесплодной аттической земли? Почему народы через двадцать веков после торжества христианской проповеди, уничтожившей Олимп, не могут забыть о веке Перикла? Что там было?»¹

Сама встреча с живой античностью оказалась ошеломляющей:

«Я взглянул, увидел все сразу, и сразу понял — скалы Акрополя, Парфенон, Пропилеи, и почувствовал то, чего не забуду до самой смерти.

В душу хлынула радость того великого освобождения от жизни, которое дает красота. Смешной заботы о деньгах, невыносимой жары, утомления от путешествия, современного,

¹ Мережковский Д.С. Акрополь... С. 9, 10.

пошленького скептицизма — всего этого как не бывало. И — растерянный, полубезумный — я повторял: “Господи, да что же это такое”.

<...> мне показалось, что все мое прошлое, все прошлое человечества, все двадцать болезненных, мятущихся и скорбных веков, остались там, позади, за священной оградой, и ничто уже не возмутит царящей здесь гармонии и вечного покоя. Наконец-то настало в жизни то, для чего стоило жить! И странно: как во всех очень важных, единственных обстоятельствах жизни, мне казалось, что я все это уже где-то и когда-то, очень давно, видел и пережил, только не в книгах. <...>

И что-то строгое и сурово-божественное в запустении, но ничего печального, ни следа того уныния, чувства смерти, которое овладевает в кирпичных подземельях палатинского дворца Нерона, в развалинах Колизея. Там — мертвое величие низвергнутой власти. Здесь — живая, вечная красота. Только здесь, первый раз в жизни, я понял, что такое — *красота*. Я ни о чем не думал, ничего не желал, я не плакал, не радовался — я был спокоен.

Вольный ветер с моря обвевал мое лицо и дышал свежестью.

И не было времени: мне казалось, что это мгновение было вечно и будет вечно».¹

Как человек творческий, Мережковский стремился воплотить эту любовь, это восхищение античностью именно в переводческой деятельности, которая, как известно, — лучший способ изучения подлинника. В 1890 году им уже был переведен «Скованный Прометей» Эсхила. Сразу же после возвращения из Италии, осенью 1891 года Мережковский начинает перевод «Антигоны» Софокла, в июне — августе 1892 года он переводит еврипидовского «Ипполита», к осени 1893 года был закончен перевод трагедии Софокла «Эдип-царь», в середине 1890-х годов переведены «Медея» Еврипида и «Эдип в Колоне» Софокла. Судя по приведенному выше письму к М.Н.Ермоловой, Мережковский собирался перевести еще «Электру» Софокла, а также «Электру», «Алкестиду», «Ифигению в Авлиде» и «Ифигению в Тавриде» Еврипида.²

Выбор переводимых авторов, конечно, был серьезно обдуман. Эсхил, Софокл, Еврипид, представленные их самыми известными трагедиями, должны были, по мысли Мережковского, наиболее полно отразить великую и удивительную эпоху — классический, афинский период греческой культуры. Ведь V век до н. э. действительно обозначил исключительное событие в истории человечества, так называемое «греческое

¹ Мережковский Д. С. Акрополь... С. 13, 14. Курсив Мережковского.

² «Как бы мне хотелось с Вами много и много поговорить»... С. 96.

чудо» — возникновение в исторически короткое время, на небольшой территории небывалых прежде форм государственно-го устройства, невиданного расцвета науки и философии, литературы и искусства, когда были заложены основы всей европейской цивилизации.¹

Мир древнегреческой культуры представлялся Мережковскому Золотым веком, приобщение к которому спасет и возродит культуру современную. Три великих поэта, чье творчество символизирует этот век, были близки Мережковскому не только эстетически: их объединяла убежденность в том, что поэт должен быть учителем, пророком и проповедником. Трагедия несла людям не просто ужас и страдание, но непременно очищение — катарсис, связанный с обретением истинного знания о мире и о себе. Пророк, взывающий истины и обретающий прозрение, пусть даже недоступное современникам, но очень важное для потомков — именно таким видел Мережковский истинного поэта.

Идеи греческой трагедии представлялись Мережковскому не просто важными в философском плане, но удивительно созвучными трагическому мироощущению современного человека. Мережковский писал, что его поражает «безнадежная скорбь» перед лицом «Судьбы, того Непознаваемого, что язычники называли Роком», а в сущности, можно назвать и Смертью, и в то же время — величие человеческого духа.²

В предисловии к трагедии «Эдип-царь», которую Мережковский считал «одним из самых законченных и безупречных созданий человеческого ума, какие вообще есть у людей», он блестяще формулирует эту двойственную идею. Эдип, разрешивший загадку Сфинкса, ставший «спасителем народа, освободителем человечества от темных сил Рока, героем разума и воли» оказывается перед иной, куда более страшной загадкой: «Сфинкс уже <...> не в природе, а внутри, в душе своего победителя. <...> он — тайна жизни, тайна каждой человеческой совести. <...> Пусть он узнает, кто его мать, кто отец, в чем смысл жизни — в победе его духа над Судьбой или в победе Судьбы над его духом. Пусть человек разгадает загадку своего собственного происхождения, — и окажется, что смысл жизни — преступление, отчаяние и ужас, что воля ничтожна перед вечным законом необходимости. Древний коварный Сфинкс победил своего победителя, перехитрил разум человеческий, вовлек его в преступные соблазны и погубил.

¹ См. об этом: Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.

² Мережковский Д. Вместо предисловия (К трагедии «Эдип-царь») — см. настоящее изд. С. 424.

Но в том, как побежденный герой гибнет, столько величия, что все-таки трудно решить, что беспредельнее — воля Судьбы или воля человека: вы сомневаетесь, не есть ли побежденный — победитель, жалеть ли его за гибель, или, напротив, гордиться им, благоговеть перед его всепобеждающим духом».¹

В статьях о Еврипиде Мережковский также обращал внимание прежде всего на пророческий характер его откровений, на звучащие в его творчестве задолго до наступления новой эры христианские идеи любви как милосердия и всепрощения, «галилейское учение целомудрия, смирения, отречения и покорности».² Творчество Еврипида казалось особенно обращенным к современности: «Язычник Эврипид каким-то чудом прозрения увидел то, чего и мы, христиане, еще не видим или уже не видим в христианстве».³

Между тем, о пророческой роли современной литературы Мережковский мог только мечтать, по контрасту с греческим Золотым веком свой век мог показаться ему «железным». Особенно наглядно это проявлялось в падении театрального искусства: «у древних греков театр был храмом», современный же театр являет «мерзость запустения на месте святом. Театр сделался местом, наиболее противоположным храму, чуждым святой святости, местом самых плоских и пошлых развлечений толпы <...>».⁴

Важно отметить, что начало работы над переводами древних трагедий совпало по времени с началом реформаторской деятельности Мережковского как основоположника русского символизма. Быть может, зарождению новой, символистской эстетики дали толчок не только поездки по Европе, знакомство с западноевропейским декадансом, что неоднократно отмечалось критикой, но именно погружение в античную литературу. Это дало возможность Мережковскому яснее увидеть и осознать, в каком кризисе находится литература современная. В знаменитой статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), ставшей первым манифестом нарождающегося русского символизма, Мережковский сравнивает российскую литературную ситуацию со «знакомым великорусским пейзажем»: «Откройте наудачу современный “толстый” журнал или газету, вы встретите то же настроение, тот же мертвый колорит, ту же скуку, ту же печаль уродливой, полуварварской цивилизации и ту же унылую,

¹ См. настоящее изд., с. 424.

² Мережковский Д. С. Трагедия целомудрия и сладострастия — см. настоящее изд., с. 451.

³ Мережковский Д. С. О новом значении древней трагедии — см. настоящее изд., с. 471.

⁴ См. настоящее изд., с. 465.

безнадежную плоскость».¹ В этот кризис литературу завел, по мнению Мережковского, позитивизм шестидесятников, во главу угла ставивших утилитарные потребности текущего момента, прививших литературе грубую, «гражданскую» тенденциозность, слабость критики а также восторжествовавший в литературе торгашеский дух, порожденный ориентацией на Запад с его гонорами, порабащившими писателя. В результате литература утратила пророческий, проповеднический ореол, так свойственный ей когда-то.

Но дело было не только в литературной ситуации. Люди 80-х — 90-х годов ощущали себя как бы на разломе эпох. Конец XIX века обернулся утратой многих иллюзий. Кризис традиционной веры, объявленной позитивистами ненужной, и в то же время — кризис рационализма, страшная, засасывающая власть обыденного, одиночество человека во враждебном и полном трагизма мире — все это чувствовалось очень остро. Принять чисто материалистическую картину мира не позволяло явственное ощущение «что кроме денег, кроме хлеба иное в мире что-то есть», как писал Мережковский в начале 1890-х годов в поэме «Смерть» (с. 409—410).

Эти особенности эпохи Мережковский блестяще сформулировал в своей программной статье: «Никогда еще пограничная черта науки и веры не была такой резкой и неумолимой, никогда еще глаза людей не испытывали такого невыносимого контраста тени и света. Между тем как по сю сторону явления твердая почва науки залита ярким светом, область, лежащая по ту сторону плотины, по выражению Карлейля — “глубина священного незнания”, ночь, из которой все мы вышли и в которую должны неминуемо вернуться, более непроницаема, чем когда-либо. <...> Первобытная легенда хотя немного освещала эту бездну своим тусклым, но утешительным светом.

Теперь последний догматический покров навеки сорван, последний мистический луч потухает. И вот современные люди стоят, беззащитные, — лицом к лицу с несказанным мраком, на пограничной черте света и тени, и уже более ничто не ограждает их сердца от страшного холода, веющего из бездны. <...> Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить», — писал Мережковский.² В такие переломные моменты уже не раз в истории мировой культуры возникало стремление обратиться к античности как к непреходящему, вечному идеалу, утерянному современной жизнью.

¹ Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 18. М., 1914. С. 187—188.

² Там же. С. 211—212.

В поисках выхода, как считал Мережковский, необходимо вернуться к великим традициям классической литературы. Не случайно, что первый пример, к которому он обращается в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» — литература Древней Греции.

Чем же стали для Мережковского занятия переводами? Приступая к ним, он был уже вполне зрелым поэтом, и они не являлись, в сущности, школой поэтического мастерства, как, например, переводы Горация у раннего Фета¹ или еврипидовские штудии И. Анненского, после которых явились на свет его оригинальные поэтические сборники. Не были они и «побочным продуктом» ученых занятий филолога-классика, как, например, переводы Софокла, сделанные Ф. Зелинским. Задачу свою Мережковский ощущал скорее как просветительскую — ведь именно на путях возвращения к классике, в том числе и античной, он видел возможность воскрешения не только современной литературы, но и самого общества, усталого и изверившегося.

Надо сказать, что задача, поставленная Мережковским, была по многим причинам весьма сложной. Приобщение современного человека к миру античной культуры — идеальному, совершенному — требовало перенести этот мир на российскую почву в его первоизданном виде, по возможности, без искажений. С другой стороны, этот сакральный мир должен был стать доступным даже «непосвященным», знаменитый лозунг Горация: «*Odi profanum vulgus et arceo*»² для Мережковского был в данном случае неприемлем. При этом приходилось не столько популяризировать, сколько реабилитировать классическую древность. Реформа гимназического образования, проведенная в 1870-е годы Д. А. Толстым, принесла печальные плоды. Неумеренное и насильственное, а главное, сухое и нетворческое изучение древних языков (в основном — грамматических тонкостей) прививало большинству прошедших через классическую гимназию читателей не любовь к античности, а стойкую ненависть, в лучшем случае — скуку. Мало того, по свидетельству многих бывших гимназистов, несмотря на каторжные усилия по изучению древних языков, практически никто из них не мог читать классиков в подлиннике свободно, с листа, для удовольствия.³ Дать возможность образованной, но не читающей по-гречески публике познакомиться с лучшими классическими образцами, погрузиться в мир яркий и удивительный, полный героическо-

¹ Успенская А. В. Антологическая поэзия А. А. Фета. СПб., 1997. С. 9—10.

² «Ненавижу чернь грубую и изгоняю...» (лат.) — ода Горация III, 1.

³ См. об этом: Гаспаров М. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Сб. 8. М., 1971. С. 121.

го пафоса и философских откровений — к этой цели устремился Мережковский с энергией и энтузиазмом проповедника.

Однако переводчику, движимому просветительскими стремлениями, бывает нелегко удержаться от некоторых соблазнов и прежде всего — осовременивания текстов. Пытаясь приблизить к читателю произведения, отделенные от него более чем двумя тысячелетиями, переводчик нередко прибегает к русификации текста. Даже у такого убежденного сторонника точного перевода как Фет, встречаются выражения «римский гусляр», «терема царей». В переводах Ф.Зелинского и И.Анненского, прекрасно представлявших себе античные реалии, русификации также имели место. Так, например, Креонт из «Антигоны» в переводе Зелинского изъясняется так:

И тебя, мой друг, я один убил,
Я, — один лишь я. Слуги верные,
Уведите в глушь поскорей меня —
Вознесен был я — стал ничем теперь.
О несчастный я! О постылый день!
Приросла к душе горесть лютая.¹

Здесь явственно слышатся размер и интонации Кольцова (и прежде всего знаменитый «Лес»). Или, например, в «Медее» Анненского читаем:

Когда твоих детей, Медея, *складень*
Дустворчатый и их отец прошли
К царевне в спальню...

Или о Федре:

Вот идет поспешно *в терем*,
Вот рука *на белой шее*
Петлю вяжет и не дрогнет...² (курсив наш. — А. У.).

Таких примеров в переводах предшественников и современников Мережковского набирается достаточно.

Другим способом «осовременить» текст, приблизить его к читателю, было введение авторских ремарок, отсутствующих в подлиннике. Этим методом широко пользовался Анненский. Так, например, Креонт в «Медее» охарактеризован следующим образом: «Он еще не стар. Вид и голос человека, живущего порывами и впечатлениями. Голосу не хватает уверенности».

¹ Софокл. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зелинского. М., 1990. С. 167.

² Еврипид. Трагедии: В 2 т. / В пер. И. Анненского. Т. 1. М., 1999. С. 110, 202.

Каждому персонажу придается очень подробное описание не только внешности, но и жестов, мимики. Конечно, выглядит это весьма спорно и дает представление не о греческом подлиннике (вспомним, что в древнем театре актеры выступали в масках), а о впечатлении, произведенном на переводчика.

Даже очень доброжелательно настроенные к Анненскому рецензенты резко критиковали эти ремарки, способные ввести неискушенного читателя в заблуждение.¹ Мережковский к этому методу не прибегал.

Но, пожалуй, главная трудность заключалась в состоянии самих греческих текстов. Наличие нескольких древних рукописей и значительных разночтений в них, «темные места», поправки многочисленных комментаторов, часто противоречащие друг другу — все это несет большие трудности и ставит переводчика с древних языков перед выбором: можно взять «вульгату» — некий сводный, наиболее общепризнанный вариант текста — и переводить по ней, не вникая в сложности и довольствуясь наиболее авторитетными объяснениями. Но в этом случае переводчик отказывается от самостоятельного проникновения в тайны древнего текста, от права на интерпретацию.

Мережковский пошел именно этим путем и вызвал многочисленные нарекания филологов-классиков. Его упрекали в том, что он не указывал издание, с которого переводил, некоторые критики даже выражали сомнение, с греческого ли сделаны эти переводы.

Думается, что сомнения такого рода вряд ли уместны. Безусловно, Мережковский, с его навыками кропотливой научной работы, достаточно тщательно изучал подлинник. О том, насколько свойственны были ему привычки кабинетного ученого, свидетельствуют, например, воспоминания З.Гиппиус. Когда в Висбадене Мережковский работал над романом «Тутанкамон на Крите» (1924), ему привозили из местной библиотеки на дом книги *целыми тачками*.² В его распоряжении, по-видимому, были комментарии А.Наука, А.Кирхгофа, Н.Векляйна, И.Гартунга, Ф.Шнейдевина.³

¹ Варнеке В. Театр Еврипида. СПб., 1907 // Журн. М-ва народного просвещения. 1907. № 5. С. 226—237; Холодняк И.И. Театр Еврипида И.Ф.Анненского // Там же. 1909. № 7. С. 86—89.

² Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З.Н. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 349.

³ Приведем несколько наиболее известных греческих писателей, которые могли быть в распоряжении Мережковского: *Aeschyl's tragoediae* / Edidit A. Kirchhof. Berlin, 1880; *Sophoclis Werke* / Griechisch mit metrischer Uebersetzung und prüfenden und erklärenden Anmerkungen von J. A. Hartung. Leipzig, 1850—1851; *Sophocles*: 7 Bd. / Erklärt von F. W. Schneidewin und A. Nauck. Berlin, 1849—1878; *Sophocles*.

Однако не будучи филологом-классиком, Мережковский не считал возможным выступать с собственными конъектурами или критиковать чужие.

Другой путь состоит в том, чтобы самостоятельно изучать и интерпретировать подлинник, то есть быть не просто переводчиком, но комментатором. Так поступали, например, Зелинский и Анненский. Любопытно, что Анненский также не указал, каким изданием Еврипида он пользовался, но филологи-классики относились к нему гораздо более благосклонно: «При сличении его переводов с оригиналом, мы, как и ожидали, не могли определить его “вульгаты”: видно, что у переводчика были под руками все главнейшие аппараты», — писал И.Холодняк.¹ Но и этот путь таит опасность. Классическая филология развивается достаточно бурно, каждое поколение ученых старается сказать в текстологии свое слово, и исправления, которые современникам кажутся бесспорными, через несколько лет или десятилетий могут оказаться сомнительными, а то и просто неприемлемыми.

Важно заметить, что Мережковский, очевидно, никак не помышлял о своеобразном соперничестве с подлинником, вполне довольствуясь скромной ролью переводчика: он предлагал читателю именно перевод, а не «своего» Эсхила, Софокла или Еврипида, как, в общем-то, получилось у Вяч. Иванова, Ф.Зелинского и И.Анненского.

Конечно, Мережковский в переводах греческой трагедии не был первопроходцем. Первую серьезную попытку познакомить русского читателя с античной трагедией предпринял профессор Московского университета, поэт, критик и переводчик А.Ф.Мерзляков: в 1806 году он выпустил сборник «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» с большими отрывками из «Скованного Прометея», «Антигоны» и «Эдипа в Колоне». Эти переводы были достаточно вольными, но свободное владение александрийским стихом и, в целом, высокий уровень поэтического мастерства обеспечили им внимание читателей.

К «Прометею» Эсхила обращались еще несколько раз. Небольшие отрывки перевел А.Тархов.² Гораздо более удач-

Ausgewählte Tragödien zum Schulgebrauche: 3 Bd. / Mit erklärenden Anmerkungen versehen von N. Wecklein. München, 1874—1877; *Euripides Werke*: 19 Bd. / Griechisch mit metrischer Uebersetzung von J. A. Hartung. Leipzig, 1848—1878; *Euripides. Tragoediae*: 3 vol. / Ex recensione A. Nauckii. Ed. tertia. Lipsiae, 1869—1871; *Ausgewählte Tragödien des Euripides*: 8 Bd / Für den Schulgebrauch erklärt von N. Wecklein. Leipzig und Berlin, 1874—1888.

¹ Холодняк И.И. Театр Еврипида И.Ф.Анненского... С 87.

² Отрывок из трагедии Эсхила «Скованный Прометей» // [Пер.] с греч. А. Тархова // Маяк. 1841. Ч. 17/18. С. 5—8.

ной попыткой явились «Сцены из Промефея» Каролины Павловой.¹ Известная поэтесса, профессиональная переводчица, она считала необходимым стремиться к максимальной близости к оригиналу. Действительно, перевод передавал и дух подлинника, и саму фактуру греческого стиха. Интересно выглядела попытка передать некоторые сложные эпитеты: «И морепребегаящие создал Пловцам я тканекрылые суда», лето «жатвообильное», «всепотрясающий бич мира» и т. д. Однако высокие поэтические достоинства соседствовали с недостатками: тяжеловатым языком, обилием старославянизмов.

Следующая попытка перевода «Прометея» была сделана Мих. Илецким (М.Л. Михайловым).² Перевод был также неполный. Революционный демократ и просветитель, Михайлов стремился донести до читателя прежде всего дух подлинника, не очень заботясь о точности. Его единомышленником перевод очень понравился: «Какое могучее титаническое спокойствие, какой страстный вызов, какая простота и какое величие в этих строках».³ Однако, говоря беспристрастно, «Прометей» не принадлежит к числу лучших работ Михайлова. Перевод вышел почти в два раза длиннее оригинала. Помимо того, что Михайлов перевел пьесу не полностью, он допустил много неточностей, не удалось ему в полной мере воспроизвести и стиль подлинника. Вместо энергичного, величественного, возвышенного языка Эсхила — стихи достаточно гладкие и плавные, но монотонные и маловыразительные:

За молнией — молния — шипят и вьются
И всюду мечут огненные стрелы;
Столбами вихри поднимают пыль;
Везде шумит, как в буйном хмеле, буря,
С мятежнической яростью и с воем
В отчаянном схватились бое море
И небеса... И эту кару Зевс
Мне шлет, чтоб испугался я!.. Рази,
Хлещи, гроза! — О мать земля святая,
О ты, эфир, священная стезя
Зиждительного света! посмотрите,
Какую я терплю несправедливость!

¹ Сцены из Промефея, [трагедии] Эсхила / [Пер. с греч. К. Павловой] / Москвитянин. 1850. № 7. Ч. II. С. 153—161.

² Скованный Прометей: Последняя сцена из трагедии Эсхила / [Пер. с греч.] Мих. Илецкого // Современник. 1863. Т. 94. № 1/2. С. 55—62.

³ [Б. п.] Русские переводы Эсхила // Книжки «Недели». 1891. № 2. С. 175—182.

По сравнению с переводом Каролины Павловой это был шаг назад.

Как не слишком удачные пропытки, можно отметить еще перевод И.А.Коссовича и неоконченный перевод Вл. Турбина.¹

Незадолго до выхода работы Мережковского увидел свет перевод В.Г.Аппельрота. Как филолог-классик, Аппельрот сделал перевод достаточно филологически точный, но поэтом он не был — и художественные достоинства его работы невелики.²

Софоклу в России повезло несколько больше. П.Львов перевел в 1801 году прозой хор из «Антигоны».³ Я. А. Галинковский также перевел трагедию «Царь Эдип» прозой, но монолог Эдипа и ответ жреца был переведен шестистопным ямбом без рифмы.⁴ После упомянутых выше опытов Мерзлякова в 1846 году появился перевод «Антигоны» Ап. Григорьева.⁵ Исповедовавший идеи буквализма, переводчик стремился как можно ближе передать подлинник, но, по общему мнению критики, его постигла поэтическая неудача. Сочетание 5-6-7-стопных ямбов делало стих неуклюжим, множество тяжеловесных оборотов иногда затемняло смысл оригинала, и работа эта имеет значение в основном как первая попытка перевода буквального.

В 1852 и 1854 годах вышли переводы «Царя Эдипа» и «Антигоны» С.Д.Шестакова.⁶ В них имеются ошибки и неточности, к тому же автор не обладал версификаторскими способностями и стихи изобилуют неудачными оборотами, насыщены устаревшей лексикой. Вот, например, как выглядит знаменитый первый стасим из «Антигоны»:

¹ Прометей в цепях: Драма Эсхила / Пер. с греч., [предисл., примеч. и послесл.] И. А. Коссовича // Варшавские унив. изв. 1872. № 6. С. 13—53; 1873. № 1. С. 1—55; Скованный Прометей: Трагедия Эсхила / [Пер. с греч. и предисл. Вл. Турбина] // Журн. М-ва народного просвещения. 1882. Ч. 220. № 3. С. 128—150 (2-я pag.).

² Прикованный Прометей: Трагедия Эсхила / Пер. В. Г. Аппельрота. М., 1887; см. также: Семь против Фив: Трагедия Эсхила / Пер. В. Г. Аппельрота. М., 1887; Персы: Трагедия Эсхила / Пер. В. Г. Аппельрота. М., 1888; Гераклиды: Трагедия Еврипида / Пер. В. Г. Аппельрота. М., 1890.

³ Хор из «Антигоны», трагедии Софокла / Пер. [с греч.] Па...ъ Ль...ъ // Иппокрена, или Утехи любословия. 1801. Ч. 9. № 44. С. 283—285.

⁴ Корифей, или Ключ литературы. Кн. 2. М., 1803. С. 129—133.

⁵ Антигона: Трагедия Софокла / Пер. с греч. [и предисл.] А. Григорьева // Б-ка для чтения. 1846. Т. 77. № 8. С. 99—148.

⁶ Эдип Царь: Трагедия Софокла / Пер. с греч. [и предисл.] С. Шестакова // Пропилеи: Сб. ст. по классич. древности, / изд. П. Леонтьевым. Кн. 2. М., 1852. С. 5—70; То же. 2-е изд. 1857; Антигона: Трагедия Софокла / Пер. с греч. С. Шестакова // Отеч. записки. 1854. Т. 95. № 7. С. 1—40.

И речь, и воздушную мысль
 Придумал, и нравы нашел,
 Что блюдут города; избегать он знает
 Сурового холода,
 Дождей и воздушных стрел.
 Все придумал, безсоветным
 Не застигнет его время.
 Лишь ада избежать не может он,
 Но от болезней трудных
 Спасенье он нашел.
 И чудным каким-то умом,
 Искусным владеет умом.
 То к хорошему он, то к дурному стремится,
 Когда нарушает он
 Законы родной земли
 И богов святое право...

Гораздо более удачными следует признать переводы В. Водовозова: «Антигона» и «Эдип в Колоне»,¹ выдержавшие несколько переизданий (в 1873, 1884, 1888, 1895 годах). Водовозов сумел подойти достаточно близко к тексту. Хоры он перевел разностопными анапестами, дактилями или вольными ямбами, но в первом стасиме «Эдипа в Колоне» была сделана удачная попытка отразить греческий размер. Однако перевод этот в целом получился очень неровным: многие строки и целые строфы вышли почти безупречными — и рядом стихи достаточно вялые и слабые. Особенно это относится к «Антигоне». Приведем отрывок из того же первого стасима:

Много могучего в свете;
 Но что человека *могучей?*
 Он и при Ноте ненастном
 Моря седую пучину
 Смело пройдет, не страшася
 Волн, отовсюду шумящих.
 Он истощает богиню
 Высшую, вечно-живую
 Неутомимую, Землю,
 Плугом, кружащим с конями,
Что год ее бороздя.

¹ Антигона: [Трагедия Софокла / Пер. с греч. В. Водовозова] // Журн. М-ва народного просвещения. 1856. Ч. 91. № 2; Эдип в Колоне: [Трагедия Софокла / Пер. с греч. В. Водовозова] // Там же. 1859. Ч. 101. № 1. Янв. С. 1—100.

В сети завлечь он умеет
Птиц легковверное племя,
Диких зверей; хитроумный,
Он уловляет искусно
Рыб, обитательниц водных,
Неводом, тканым из вервий.
Он укрощает искусством
Хищного горного зверя:
Конь густогривый и дикий,
Вол под ярмом ему служит (курсив наш. — А. У.).

В то же время монолог Гемона выглядит очень слабо:

Какой иной хвалы искать *детям*,
И от детей отцу? Итак, оставь же
Обычай этот, будто верно только,
Что скажешь ты, а все другое ложь.
Кто одного себя считал разумным,
Иль полагал, что у него язык,
Или душа, какой в других уж нет,
Тех только разверни: увидишь... пусто!
(курсив наш. — А. У.).

Встречаются у Водовозова и случаи явного недопонимания текста.

«Эдипа в Колоне» переводил также В.Зубков.¹ В предисловии необходимость нового перевода объяснена тем, что Водовозов все-таки был недостаточно близок к подлиннику: он допускал неточность слов и выражений, шероховатость языка, неровность стиха. Однако сам Зубков также был не вполне точен, хотя его перевод ближе к подлиннику, чем водовозовский. Он переводил, стараясь не переходить границы строк, и ему почти удалось сохранить нумерацию. Но выдержать размер не удалось — он использовал то 5-, то 6-стопные ямбы, и стих получился неровным:

Когда ж пришел он к пропасти порогу,
На медных основаниях утвержденному,
То на одной из расходящихся дорог,
Став близ пещеры, в коей некогда Тезей
С Пирифоем верный заключил союз на век
Меж дикой грушью и скалой Форикской
Вблизи могилы высеченной в камне...

¹ Эдип в Колоне: Трагедия Софокла / [Пер. с греч. и предисл. В. Зубкова] // Журн. М-ва народного просвещения. 1883. Ч. 229. № 10. С. 89—160.

Отрицательные отзывы вызвали переводы Н.Котелова¹ и В.Краузе,² действительно, совершенно дилетантские.

Наиболее удачный перевод «Царя Эдипа» был сделан Ольгой Вейсс. Он вышел в 1893 году³ и был единодушно отмечен критикой. Легкий стих, 6-стопный ямб, соответствующий подлиннику, — все это способствовало успеху. Однако она перевела хоры рифмованными стихами, что выглядело модернизацией — в подлиннике рифма отсутствует.

Среди переводов Еврипида следует отметить оставшиеся на периферии читательского внимания неплохие переводы П.Д.Шестакова.⁴ Они достаточно близки к подлиннику, 5-стопные ямбы легко читаются. Однако стремясь сделать Еврипида близким и понятным читателю, переводчик злоупотребил просторечиями и руссизмами, кроме того, он не всегда выдержал ударения: «Отца убить Пелеевен понудив»; «Простушка! Про господ сказать коль можно так»; «Коли муж твой теперь уважает новый брак, не теряй ты ума»; «О несчастный! Как велико твое заблужденье!»; «Зачем смеетесь последним этим смехом вы ко мне?» и т. д.

Похвалы критики вызвали переводы Е.Ф.Шнейдера,⁵ рекомендованные Министерством народного просвещения для гимназий. Рецензенты отмечали добросовестное, профессиональное изучение греческого текста и верное воспроизведение формы подлинника: в переводе «Медее», например, по-

¹ Электра: Трагедия Софокла / [Пер., предисл. и примеч. Н. Котелова] // Журн. М-ва народного просвещения. 1875. Ч. 175. Окт. С. 89—162; Антигона: Трагедия Софокла / Пер. с греч. Н. Котелова. СПб., 1884. (Греч. театр; Вып. 1); То же. 2-е изд. СПб., 1897; Эдип Колонейский: Трагедия Софокла / Пер. с греч. и введ. Н. Котелова // Пантеон лит. 1893. № 3. Сент. С. 1—99. См. также: Орестейя: Единств. дошедшая до нас трилогия Эсхила, данная на греч. театре в Афинах... / Пер. Н. Котелова. СПб., 1883; Андромаха: Трагедия Еврипида / Пер. с греч. Н. Котелова; Комментар. по Диндорфу, Клоцу и др. СПб., 1884.

² Филоклет: Драма Софокла / Пер. с греч., введ. и примеч. В. М. Краузе // Пантеон лит. 1893. № 2. Июнь. С. 1—59.

³ Царь Эдип: Трагедия Софокла / Пер. с греч. О. Вейсс; Предисл. В. А. Грингмута // Рус. обозрение. 1893. Т. 22. № 7. С. 5—55; № 8. С. 483—533. См. также: Софокл. Царь Эдип / Пер. О. Вейсс; Предисл. В. А. Грингмута. М., 1893.

⁴ Еврипид. Медее // Уч. зап. Имп. Казан. ун-та. 1863. № 1. С. 321—380; Гипполит, несущий венок: Трагедия Еврипида / Пер. с греч. [и предисл.] П. Д. Шестакова // Изв. и уч. зап. Казан. ун-та. 1871. Т. 7. Вып. 1. С. 115—192.

⁵ Медее: Трагедия Еврипида / Пер. с греч. и введ. Е. Ф. Шнейдера // Пантеон лит. 1888. Т. 1. Март. С. 1—2; Апр. С. 33—66; Произведения Еврипида / В пер. Е. Ф. Шнейдера. Вып. 1. Ипполит: Трагедия / Вступ. ст. Е. Ф. Шнейдера. М., 1889.

лучилось лишь на три строки больше, что действительно удается редкому переводчику с греческого.¹ Перевод действительно сделан хорошим русским языком, нет ни просторечий, ни русификации, ни злоупотребления архаической лексикой. Но все-таки он имеет очень большой недостаток: Шнейдер был лишен поэтического дара. Стих его неровен, 5-6-7-стопные ямбы часто производят впечатление слабо ритмически организованной прозы. Вот, например, отрывок из монолога Медеи:

О Зевс, и Правда, Зевса дочь, и Солнца свет!
Теперь врагов моих мы славно одолеем.
Подруги, вышли мы на верный путь теперь.
Надежда есть, что враг возмездие получит.
Когда совсем было в отчаянье я впала,
Что замыслам не суждено исполниться,
Предстал, как гавань, предо мною этот муж.
Канат причальный за него зацепим мы,
Когда достигнем города и крепости Паллады.

Хоры переведены также не слишком удачно: чтобы воспроизвести сложные размеры подлинника, Шнейдер использует дактили, амфибрахии и анапесты попеременно, что, в сущности, не свойственно русскому стиху. Хор из «Медеи»:

Часто умом углубляясь в решение
Слишком мудреных вещей, часто в споры вступала о том,
Что выше стоит пониманья
Нашему полу доступного.
Все ж есть и у нас к развитию склонность,
Необходимая Мудрости спутница...

Следует еще упомянуть прозаические переводы. Полный прозаический перевод Софокла сделан И.И.Мартыновым — с 1823 по 1825 годы все семь трагедий были выпущены в Петербурге отдельными изданиями. В 1878 году П.В.Тихонович перевел «Медею».² В.Чуйко перевел в 1883 году трагедии «Ион», «Медея», «Орест».³ В.А.Алексеев перевел «Медею», «Ипполита», «Прикованного Прометея» и «Эдипа в

¹ См., например: Алексеев В.А. Произведения Еврипида в переводе Е.Ф.Шнейдера // Филол. записки. 1891. Вып. 4/5. С. 1—5.

² Медея: Трагедия Еврипида / [Пер. с греч., введ. и примеч. П. Тихоновича] // Журн. М-ва народного просвещения. 1878. Ч. 197. № 5. С. 163—210.

³ Эврипид. Трагедии: Ион; Медея; Орест / Предисл. СПб., 1883 (Б-ка европ. писателей и мыслителей. Изд. В. В. Чуйко. 2-я сер. № 13).

Колоне».¹ Эти переводы знакомили читателей с содержанием древних трагедий, но ни один из них не поднялся до подлинно художественного уровня. Мало того, часто и точность их, казалось бы, легко достижимая в прозе, весьма сомнительна — и это, как ни странно, относится даже к специалистам, каким, безусловно, являлся В.Алексеев. Как соотносится с подлинным Еврипидом, например, следующий отрывок из «Ипполита»: «Оную же евбеянку, невинную, не знавшую уз брака девушку, по воле Афродиты, корабль разлучил с семьею, и, словно беснующую (!) вакханку, она дала ее (!) в жены сыну Алкмены, справив среди резни и пожара кровавую свадьбу»?²

Таким образом, к 1890-м годам античная трагедия была достаточно хорошо знакома русской читающей публике, но большинство переводов оказалось неудовлетворительного качества — неточные, устаревшие или просто не отличающиеся высокими художественными достоинствами, кроме того, издавались они (за исключением переводов Водовозова и Алексеева) незначительными тиражами в журналах для специалистов. На этом фоне задача, поставленная Мережковским, — дать широкой публике собрание самых известных греческих трагедий в новых, современных переводах — выглядела весьма своевременно.

Каковы были переводческие принципы Мережковского?

В истории русского переводческого искусства на протяжении всего XIX века соседствовали и соперничали две главенствующие тенденции: перевод вольный и перевод буквальный — так называемый «буквализм». Вольный перевод понимал прежде всего воспроизведение духа подлинника, точная передача формы считалась делом второстепенным. Сторонники буквального перевода, напротив, ставили во главу угла именно форму — воспроизведение размера подлинника, точного количества строк, порядка слов, считая, что без этого и дух подлинника передать не удастся. На стороне каждой тен-

¹ Медея: Драма Еврипида / С греч. пер. В. Алексеев. С введ. и примеч. СПб., 1889. (Дешевая б-ка; № 81); Гипполит: Трагедия Еврипида / С греч. пер. В. Алексеев. С введ. и примеч. СПб., 1889. (Дешевая б-ка; № 99); Эсхил. Прикованный Прометей: Драма / С греч. пер. В. Алексеев. С введ. и примеч. СПб., 1890; То же. 2-е изд., испр. и значит. доп. с приб. отрывков из «Освобожденного Прометея». СПб., 1900; То же. 3-е изд. СПб., 1914; Софокл. Эдип в Колоне: Трагедия / С греч. пер. В. Алексеев. С введ. и примеч. СПб., 1896. (Дешевая б-ка; № 192).

² Гипполит: Трагедия Еврипида / С греч. пер. В. Алексеев. СПб., 1889. С. 19.

денции были свои авторитеты. Традиции вольного перевода связаны с именами Державина, Жуковского, Батюшкова, в определенной степени — Пушкина, чьи переводы стали органической частью русской поэзии. Идеи буквального перевода развивали А.Х.Востоков, один из первых переводчиков Горация, П.А.Вяземский, несколько позже — А.А.Фет.

В начале 1860-х годов, на волне общественного подъема, этот спор принял неожиданно острые формы. Вопрос о том, каким — буквальным или вольным — должен быть поэтический перевод, парадоксальным образом стал связываться с требованием актуальности, значимости переводимого автора. Этим требованиям в глазах радикально-демократической общественности полностью соответствовали, например, переводы В.С.Курочкина из Беранже, получившие громкую известность. Д.Минаев, соратник Курочкина по журналу «Искра», писал: «Перевод иностранных поэтов только тогда имеет цену и значение, когда приобретает достоинство оригинального, самобытного произведения <...>. Переводчик обязан передавать только мысль, впечатление, букет подлинника — иначе он будет бесцветным тружеником, педантом буквы».¹ Впоследствии именно из радикально-демократического лагеря Мережковский получит самую недоброжелательную рецензию — на перевод «Скованного Прометея».

Противоположные взгляды на сущность и значение перевода отстаивал А.А.Фет. Он считал, что, в отличие от подражания, перевод должен быть максимально точным, должен воспроизводить не только сюжет и образы, но и точное количество строк, своеобразное строение фразы, сохранять игру слов и другие особенности подлинника. Это казалось настолько важным, что Фет соглашался скорее пожертвовать чистотой и правильностью русского языка, чем соответствием подлиннику. На практике сохранить абсолютную точность удавалось, конечно, не всегда. Фет, например, часто не соблюдал метрику, вводил отсутствующую в подлиннике рифму. В отдельных случаях он подменял точный перевод калькированием — и текст делался запутанным и непонятным. Впрочем, первый в России полный перевод Горация, сделанный по этому рецепту, явился несомненной удачей, хотя и мало кем, кроме филологов-классиков, оцененной.

Свои взгляды Фет выражал в крайне резкой, полемической-заостренной форме и подвергся ожесточенным нападкам современников, особенно критиков радикально-демократического направления. С их легкой руки «буквализм» стал ругательным словом.

¹ Цит. по изд.: Русские писатели о переводе / Под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. Л., 1960. С. 483—484.

Отказавшись и от идеи вольного перевода, и от «буквализма» как от крайностей, переводческая наука к концу 80-х годов XIX века выдвигает идею «точности» — во всех смыслах. Хороший перевод должен был, как считалось, воспроизводить и букву, и дух подлинника, при этом избегая погрешностей со стороны языка. Постепенно теоретики переводческой науки пришли к тому, что перевод, в условиях, когда подавляющее большинство читателей не может и никогда не сможет читать греков и римлян в подлиннике, должен *заменять* этот подлинник. А это значит, что точно воспроизвести содержание — недостаточно, необходимо повторить совершенство формы подлинника и особенности авторского стиля, так, чтобы Вергилий и Гомер, Эсхил и Сенека, Сапфо и Катулл не казались бы похожими друг на друга, — бережно сохранять стилистические фигуры, расположение слов, созвучия и т. д. Так, например, считал В. Брюсов. Мало того, по его мнению, должны учитываться и местные особенности эпохи, чтобы не звучали в русском переводе «трагики эпохи Перикла — как лирики времен Антонинов». ¹ Наконец, перевод должен быть пригоден и для цитат по нему — то есть, должно совпадать количество строк оригинала и перевода.

Сложность в том, что перевод, полностью соответствовавший этим требованиям, явился бы идеальным переводом, к чему в реальной жизни можно только стремиться. На практике переводчику постоянно приходится чем-то жертвовать. Лучшее доказательство этому — собственный перевод Брюсова: когда в переводе «Энеиды» он попытался полностью воплотить свои теоретические принципы, то достиг формальной точности, но текст стал причудливым и неудобопонятным. ² Идея идеального перевода существовала и в советский период. Известный немецкий исследователь В. Буш, автор монографии «Гораций в России», говоря об оценке советской критикой различных переводов из Горация, иронически замечал, что советские исследователи верят в возможность перевода идеального, при котором жертвовать ничем не придется. ³

Наиболее привлекательную точку зрения на то, каким должен быть перевод, как нам кажется, высказал М. Гаспаров. Он отмечал, что, говоря о двух течениях, буквализме и «вольном» переводе, переводчика обычно призывают держаться золотой середины между Сциллой и Харибдой. «А возможно

¹ Брюсов В. Вступительная статья к неосуществившемуся изданию «Энеиды» Вергилия (1920) // Мастерство перевода. Сб. 8. М., 1971. С. 122—123.

² Публикацию см.: Там же. С. 88—128.

³ Busch W. Horaz in Russland: Studien et Materialien. München, 1964. S. 44.

ли это и необходимо ли это? Не полезнее ли ясно представить и ясно противопоставить эти две тенденции, чтобы сознательно выбрать одну из них и держаться ее — конечно, до известного, самым переводчиком для себя устанавливаемого предела? Это лучше, чем метаться, уклоняясь то в одну, то в другую сторону, — ибо золотая середина, как известно, есть вещь недостижимая. <...> Разным читателям нужны разные типы переводов. Одному достаточно почувствовать, что Гораций и Сапфо писали иначе, чем Пушкин; для этого достаточен сравнительно вольный перевод. Другому захочется почувствовать, что Гораций писал не только иначе, чем Пушкин, но и иначе, чем Сапфо; для этого потребуется гораздо более буквалистский перевод. <...> Классические произведения мировой литературы — особенно чужих нам цивилизаций — заслуживают того, чтобы существовать на русском языке в нескольких вариантах: для более широкого и для более узкого круга читателей».¹

В начале 1890-х годов, когда выходили в свет переводы Мережковского, этот спор еще не утратил остроты, и требования «идеального перевода» считались весьма актуальными. При этом перевод становился весьма уязвимым для недоброжелательной критики — неточным или не следующим духу подлинника мог быть объявлен любой, даже самый качественный перевод, ведь все они не были идеальны.

Переводы Мережковского в полной мере испытали эту участь. Их с удовольствием читали, многократно переиздавали. Критика же резко разделилась на два лагеря. Доброжелательно относившийся к творчеству Мережковского в целом Н. Чубаров писал: «Перевод, как все, выходящее из-под пера Мережковского, очень хорош и очень близок к подлиннику»²; одобрили перевод «Прометея» и А. Волынский³, и анонимный критик «Русской мысли».⁴

В то же время литературные недоброжелатели Мережковского не стеснялись в выражениях. Отметив все-таки, что перевод «Прометея» написан «звучными, местами красивыми стихами», анонимный критик «Книжек “Недели”» писал: «Точностью перевод г. Мережковского не отличается; мы даже сомневаемся, чтобы это был перевод с греческого — так мало в нем эллинского и эсхилового. О том же можно заключить и

¹ Гаспаров М. Брюсов и буквализм... С. 102, 111, 112.

² Чубаров Н. Д. Мережковский. Символы (песни и поэмы)... // Рус. обозрение. 1892. № 7. С. 353.

³ [Волынский А.] Символы (песни и поэмы) Д. Мережковского // Сев. вестник. 1892. № 4. С. 64.

⁴ [Б. п.] Периодические издания... // Рус. мысль. 1891. Кн. 2. С. 109—110.

из полного отсутствия комментариев и указаний на различные чтения и толкования авторитетных издателей Эсхила <...>. Кроме того, Эсхил — гигант, а г. Мережковский — не более как скромный поэт. Прометей Эсхила — горд и могуч, Прометей Мережковского — дерзок и нахален. Язык Эсхила прост, силен и страстен; язык Мережковского вычурен, вял и преисполнен аффектации, под которой поэт скрывает свое равнодушие и бессилие». И далее суровый критик выносит вердикт: «Поэты такого таланта, каков талант г. Мережковского, не должны полагаться на свое непосредственное чувство: оно не вывезет их в решающий момент. Им надо вчитываться и вдумываться, изучать и исследовать, и только при таком детальном изучении, когда они сумеют подобрать каждому переводимому выражению соответственное русское — тогда только могут они воспользоваться своим умением легко складывать мысли в стопы. Только точность и отделка стиха могут выкупить незначительность таланта...». Между тем, раздражение рецензента объяснялось просто: он стремился во что бы то ни стало принизить новый перевод, чтобы возвысить перевод Мих. Илецкого (М.Л.Михайлова): «Тем, кто имеет возможность прочесть перевод Михайлова, лучше и не заглядывать в перевод нашего молодого поэта».¹

Такого же рода претензии предъявил к переводам Мережковского и Г.Зоргенфрей. Отметив «глубокую поэтичность», «звучный и легкий» стих, он увидел недостаток в «отсутствии введений или примечаний, облегчающих понимание текста», в «слабом понимании текста и духа переводимых творений»: «Порою прямо-таки кажется, что он переводил не с греческого языка, а с французского или немецкого перевода».²

Не менее суровыми критиками явились И.Анненский и И.Холодняк. Они, правда, не переходили на личности и старались сохранить по крайней мере видимость объективности. «В общем стихами г. Мережковского читатели журналов остались, вероятно, довольны. Он не только опытный, но и талантливый версификатор; главное и редкое теперь достоинство, что он не выдумывает новых слов и форм: язык его чист, без игры в архаизмы и неологизмы». При этом Анненскому также кажется весьма вероятным, что «греческого текста он, переводя, перед собою не имел». «В общем же впечатлении от текста, — продолжает Анненский, — Еврипид у г. Мережковского выходит безусловно скучным и банальным. Происходит это главным образом от двух причин: от непонимания текста и от небрежного

¹ [Б. п.] Русские переводы Эсхила... // Книжки «Недели». 1891. № 2. С. 180.

² Зоргенфрей Г. [Отдельные издания переводов г. Мережковского] // Лит. вестник. 1902. Т. 3. Кн. 4. С. 414, 417.

к нему отношения».¹ Далее следуют замечания на восьми страницах. В том же духе выдержана статья И. Анненского и И. Холодняка 1908 года.²

Эти замечания специалистов-филологов прозвучали очень резко и создали переводам Мережковского определенную репутацию в научных кругах. Несмотря на явную читательскую любовь, стало хорошим тоном говорить о них пренебрежительно, ставя в один ряд с дилетантскими поделками, или же обходить молчанием.

Однако если беспристрастно рассмотреть эти замечания, то большая часть их имеет весьма субъективный характер, меньшая — заслуживает внимания, но никак не свидетельствует о низком качестве переводов Мережковского. Ниже мы еще обратимся к этой теме. Основное замечание Анненского — отсутствие точности, переводы Мережковского не дословны, то есть Анненский-теоретик стоит на позициях жесткого «буквализма». Заметим, что в собственных переводах критику, как это часто бывает, следовать этим теоретическим воззрениям не удавалось. Переводы Анненского — значительное явление в русской культуре, но они часто далеки от подлинника: переводчик по своему усмотрению усиливает звучание, вводит отсутствующие у Еврипида образы и реалии, прибегает к русификации. Недаром Ф. Зелинский, издавая эти переводы уже после смерти Анненского, вынужден был подвергнуть их весьма существенной редактуре.

Пожалуй, единственный благожелательный (и, на наш взгляд, наиболее справедливый) отзыв о Еврипиде в переводах Мережковского принадлежит его другу Д. С. Философову: «Перевод сделан настоящим поэтом, вдохновившимся красотой подлинника и сумевшим в звучных и благородных стихах передать весь аромат и глубину трагедий Эврипида. Ученые рецензенты-специалисты отнеслись к переводу г-на Мережковского недоброжелательно. С добросовестностью настоящих учителей гимназии они накинулись на поэта за неточность перевода, за искажение подлинника, как будто все дело в букве, а не в духе. Но разве можно убедить в этом специалистов, лишенных всякого художественного вкуса, специалистов, беспощадно всех нас мучивших на школьной скамье?»³

Сделанные Мережковским переводы греческой трагедии, очень популярные в конце XIX — начале XX века, оказались

¹ Анненский И. «Ипполит» Еврипида в переводе Д. Мережковского // Филол. обозрение. 1892. Т. 4. С. 184—185.

² Анненский И., Холодняк И. Переводы Д. С. Мережковского... // Журн. М-ва народного просвещения. 1908. Новая сер. Ч. 18. № 12. С. 236—239.

³ Философов Д. С. Первое представление Ипполита (14 окт. 1902 г.) // Мир искусства. 1902. № 9/10. С. 8—9.

после революции почти совершенно забытыми: Мережковский стал эмигрантом, и упоминание самого его имени было на родине нежелательно. Впрочем, в 1931 году Ал. Дейч все-таки сумел опубликовать «Скованного Прометея»,¹ не обозначив имени переводчика на титульном листе, но назвав его в послесловии, и печатая стихотворные строки в подбор, как прозу. Только в конце 1990-х годов интерес к этим переводам начал проявляться: в 1997 году была переиздана «Антигона» Софокла,² в 2000 году в сборнике оригинальных стихотворений Мережковского был воспроизведен «Скованный Прометей».³

Чтобы по достоинству оценить вклад Мережковского и в историю переводческого искусства, и в саму историю русской литературы, следует внимательно рассмотреть его переводы — теперь, когда со дня их появления минуло более ста лет — уже «*sine ira et studio*».⁴ Нас будут интересовать, главным образом, отклонения от подлинника.⁵ Они могут быть вызваны различными причинами, обратим внимание на некоторые из них:

— усиление или распространение словесного образа оригинала, вносящее в перевод оттенки смысла, краски, в оригинале отсутствующие;

¹ Эсхил. Скованный Прометей. М., 1931 (Б-ка «Огонек»; № 626).

² Софокл. Антигона // Греческая трагедия: [Сб.] / Сост. Т. А. Миросьниченко; Предисл. Н. В. Алексеевой. Ростов н/Д, 1997. С. 205—264. (Всемирная б-ка поэзии).

³ Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. К. А. Кумпан. СПб., 2000. С. 429—466. (Новая б-ка поэта). Если ростовское издание вышло вообще без комментариев, то примечания К. Кумпан к «Скованному Прометею» содержат неточности. Так, статья Анненского и Холодняка «на десяти страницах» написана не в 1908 году, а опубликована в «Филологическом обозрении» 1892 г. (см. сноску на с. 27 настоящего изд.) и посвящена разбору ошибок не «Скованного Прометея», а еврипидовского «Ипполита»; приведенная же Кумпан на с. 837 цитата действительно относится к трехстраничной заметке 1908 года, также посвященной критике переводов «Медии» и «Ипполита»; неверно отмечена и «ошибка переводчика» («по берегам Керхней тихоструйной»): в подлиннике Керхнея — не «город вблизи Аргоса», как считает комментатор, а *réos*, «поток» (с. 838); Зевс должен не погибнуть от «брака Зевса со смертной женщиной Алкменой», а быть низвергнут в результате союза с морской богиней Фетидой (с. 839) и т. д.

⁴ Без гнева и пристрастия (лат.).

⁵ Греческий текст дается по изд.: Aeschyli septem quae supersunt tragoediae / Recens. G. Murray. Oxonii, 1937; Sophocle. [Oeuvre] / Texte établi et trad. par P. Masqueray. Paris, 1929; [Oeuvre] Euripide. T. 1—2 / Texte établi et trad. par L. Méridier. Paris, 1925—1927.

— ослабление словесного образа оригинала или опущение подробностей, приводящее к потере некоторых оттенков смысла, содержавшихся в оригинале;

— внесение в перевод черт мировоззрения или психологии героев, чуждых древнегреческому миру;

— отклонения, вызванные требованиями размера и ритма, а также прямые ошибки, произошедшие в результате непонимания текста или недосмотра.

Обратимся к «Скованному Прометею». Рассмотрим прежде всего те случаи, когда Мережковский каким-либо образом хочет расширить или усилить подлинник.

Гефест страдает оттого, что должен приковать Прометея к скалам: «Я не смею приковать бога, кровно близкого» (ст. 14). У Мережковского: «дерзну ли приковать... возлюбленного брата» — это аргумент сильнее и более высокого порядка. У Эсхила Гефест боится оскорбить, нарушить много значившие для древних кровные связи, у Мережковского — речь о родственной эмоциональной близости, братских чувствах.

Гефест говорит Прометею: «Ты, почитая смертных, облагодетельствовал их свыше меры» (τέρρα δίκης), — т. е. дал им больше, чем положено (ст. 30). У Мережковского: «Взнес людей ты к почестям безмерным», — сказано сильнее.

Прометей рассказывает, что он похитил для людей огонь: «Он учителем всех искусств для смертных стал и великим путем» (ст. 110—111). У Мережковского речь Прометея становится более взволнованной и чувствительной:

И людям стал огонь любезным братом,
Помощником, учителем во всем.

Прометей говорит о Зевсе: «Я знаю, что Зевс суров и лишь свое почитает справедливым» (ст. 186—187). В переводе Мережковского: «Зевс упрям и жесток, презирает закон». Если у Эсхила речь идет о грозном самовластии бога, то в переводе — о характере более низменном, земном. У Эсхила, конечно, Зевс имеет черты вполне знакомых грекам реальных тиранов, но Мережковский делает акцент именно на этой стороне облика отца богов.

Возможно, бессознательным стремлением усилить подлинник продиктован и следующий, не совсем точный перевод. Прометей рассказывает хору, что был в прежние дни наилучшим советчиком титанам (ст. 204—205). У Мережковского: «Я был в те дни сообщником титанов». По мифу же титан Прометей как раз не был сообщником восставших титанов, но принял сторону Зевса.

Сочувствующий Прометею, но осторожный Океан советует ему: «Познай самого себя и усвой новые привычки» (ст. 309—

310). У Мережковского Океан уже откровенно труслив: «Смирись пред Зевсом, новые законы признай».

Строки 968—969 обычно относят к Гермесу. Он говорит: «Я полагаю, что лучше служить этой скале, чем отцу Зевсу верным вестником?» Эту издевательскую фразу Гермеса Мережковский передает Прометею, и она начинает звучать совершенно иначе, усиливая этот образ:

Почетней быть прикованным к граниту,
Чем вестником проворным у царей служить.

В некоторых случаях перевод ослабляет, сокращает, несколько упрощает подлинник. Власть говорит, что Прометей будет прикован к скалам, «чтобы он научился тиранию Зевса любить, человеколюбие же оставил» (ст. 10—11). У Мережковского: «Дабы он власть Крониона признал и разлюбил людей». Заставить «признавать власть» и заставить насильно «полюбить» ее — разные степени давления на личность, к тому же изобретенное Эсхилом слово «чело̀веколю́бие», «φίλανθρώπου τρόπου», — осталось за рамками перевода, соответственно исчезло и важное противопоставление: Прометея хотят заставить полюбить Зевса, от любви же к людям — отказаться.

Гестф говорит, что Прометея прикуют там, где он «не увидит ни голоса, ни вида смертных» (ст. 21). При этом греческий глагол «ὁράω» обладает более широким значением, чем русское «видеть». Чтобы избежать неудачного выражения «не увидит... голоса», Мережковский переводит эту мысль более кратко: «Где голоса людского никогда Ты не услышишь...».

В другом случае не удается адекватно передать некоторые особенности поэтики подлинника. У Эсхила говорится: «Пестроодетая ночь скроет свет...» (ст. 24). Имеется в виду пестрая, то есть звездная одежда ночи — это типичный для Эсхила сложный эпитет. Мережковскому передать его не удалось, но он заменяет один поэтизм другим:

Темная ли ночь
Отнимет свет у *жаждущего* света...

Заметим, что в знаменитом переводе А.Пиотровского, несколько более точном, этот эпитет воспроизведен: «ночь пестроодетая».¹ Казалось бы античный колорит сохранен, но что значит — пестроодетая? Без комментария неискушенному читателю это непонятно.

Иногда Мережковский опускает при переводе некоторые местные особенности, при этом невольно внося черты психологии

¹ Греческая трагедия. Ростов н/Д, 1997. С. 162.

человека нового времени. Власть грозно спрашивает колеблющегося Гефеста: «Почему не ненавидишь ненавистного богам бога?» (ст. 37). У Мережковского здесь звучит скорее увещательная интонация: «Ужели враг Олимпа Тебе не враг?» Гефест же в ответ, боясь быть изобличенным в «оппозиционности», приводит довод, важный для древнего грека: «Страшно родство и дружба» (ст. 39) — то есть, страшно нарушить их законы. У Мережковского: «Священны узы дружбы». У Эскила, таким образом, Гефест мечется между страхом послушаться тирана и страхом нарушить древние неписанные законы (за пролитие родственной крови накажут Эринии), у Мережковского же характер Гефеста чуть-чуть облагорожен, для него дружба представляет явную этическую ценность, о родстве не упоминается вовсе.

Следующая фраза также несколько изменена. Власть в ответ ссылается на не менее важный закон древнегреческой жизни: как можно послушаться слов отца, то есть Зевса? (ст. 40—41). В Греции власть отца действительно имела почти религиозный смысл. У Мережковского Власть говорит о подчинении скорее государственной власти, а не отцовской: «Но Зевсовы веления священной».

Еще один пример некоторого упрощения смысла. Власть говорит, что наказанию Прометей подвергнется, «чтобы выучил мудрец, что Зевс его мудрее» (ст. 61—62). Мережковский переводит эту издевательскую фразу проще, при этом делая Власть более примитивной сторонницей грубого насилия: «Силен титан, а Зевс еще сильнее».

Наконец, есть в переводе Мережковского и некоторые неточности, объясняемые, правда, не столько непониманием текста, сколько простым недосмотром. Так, Прометей говорит: «Пусть бы под землю, вниз, в Аид, принимающий мертвых, в безысходный Тартар он <Зевс> низверг бы меня...» (ст. 152—154). Мережковский же перевел все наоборот:

Пусть бы лучше под землю меня он низверг,
В черный Тартар, приемлющий мертвых,
Или ниже, под своды Аида...

Между тем, не только у Эскила Аид расположен выше Тартара. Гомер в «Илиаде» (VIII, 13 сл.) специально уточняет этот вопрос: Зевс грозит слушникам, что низринет их в Тартар, который «настолько же ниже Аида, насколько земля ниже неба».

Выше уже говорилось, что слова Океана «ἴψωσκε σούτον» (ст. 309) Мережковский перевел: «Смирись пред Зевсом, новые законы признай...» Этот неточный перевод повлек изменение и в следующих строках, где Океан говорит: «Вероятно, я, говоря это, кажусь тебе устаревшим» (ст. 317). Речь идет именно о мудрости, приписываемой одному из семи легендарных мудрецов — Хилону из Спарты («познай самого себя»), ее придерживается и

старый Океан, но Прометею она кажется уже не мудростью, а трусливой осторожностью. У Мережковского эта мысль не прозвучала: «Быть может, советами наскучил я тебе...».

У Эсхила Прометей говорит об Океане: «Ты был во всем участником и бунтовал со мной» (ст. 331). Некоторые комментаторы даже считали это темным местом, так как выше сам Прометей говорит, что он как раз отказался бунтовать вместе с титанами и советовал им примириться с Зевсом (ст. 204). Мережковский, видимо, чтобы обойти в переводе эту неясность, немного изменяет текст:

Завидую тебе: ты невредим,

А был, как я, мятежником когда-то...—

то есть, Океан был раньше бунтарем (правда, не понес за это наказания и смирился), а Прометей бунтует сейчас (но о смирении не помышляет). Интерпретация безупречная, хотя образу Прометея она не вредит.

Прометей вспоминает еще одного бунтаря — Тифона: «земнорожденного жителя Киликии» (ст. 351) — области на юго-восточном побережье Малой Азии. Мережковский переводит: «живущего в пещерах сицилийских», — видимо, потому, что далее излагается легенда, согласно которой Тифон был низвергнут с небес и лежит в Сицилии, раздавленный «корнями» вулкана Этны.

Строку 677 Мережковский переводит: «...бросилась бежать... по холмам Лернейским», в то время как у Эсхила Ио бежит «по Лернейскому ручью».

По какой-то причине Мережковский не перевел строки 712—716, о ковацах железа, Халибах, которых следует опасаться Ио.

Далее у Эсхила Прометей рассказывает, что дорога Ио лежит мимо амазонок, «которые когда-нибудь переселятся в Темискиру, возле Термодонта», а далее — уже следующая мысль, о дальнейшем пути Ио: «там суровая челюсть Сальмидесская (то есть, узкая гавань), враждебная морякам, мачеха кораблям» (ст. 724—727). У Мережковского это одна и та же мысль:

Им <амазонкам> суждено уйти к стране далекой,

На Термодон, где грозный Сальмидес,

С утесами залив, открытой пастью

Испуганных встречает моряков.

Перейдем теперь к переводам Софокла. Они заслужили одобрение даже самых придирчивых критиков, в том числе И.Анненского, были рекомендованы для гимназий. Ф.Зелинский, готовя собрание своих переводов Софокла, решил «фи-

ванский» том выпускать последним, так как уже существовали хорошие переводы О. Вейсс и Мережковского.

Действительно, все три пьесы переведены не только прекрасным русским языком, но и отклонений от подлинника в них не много. Тем интереснее проследить, чем они вызваны.

Рассмотрим случаи, когда Мережковский расширяет подлинник. Цели такого расширения могут быть различными: усиление эмоционального впечатления, попытка что-то прокомментировать прямо в тексте.

Хор поет, что души погибших людей быстрокрылыми птицами мчатся «к вечернему (закатному, западному) богу» (ст. 177). У Мережковского:

Тени умирающих,
Словно легкокрылые
Птицы, устремляются,
К Западному берегу,
В царство вечной Тьмы.

Если бы он перевел дословно — «к западному богу» — это было бы непонятно, и тем самым разрушилось художественное впечатление этих строк. «Западный берег» же сразу провоцирует знакомые ассоциации — край земли на далеком Западе, омываемый потоком Океаном, обитель мертвых. В последней строке, добавленной Мережковским, это представление конкретизируется: «В царство вечной Тьмы».

Хор поет, что поседевшие жены и матери молят богов у алтарей (ст. 184) о прекращении мора. У Мережковского:

Поседевшие матери, жены — с мольбой,
Пред *немым* алтарем *беспощадных* богов.

Выделенных слов в подлиннике нет, к тому же они не совсем соответствуют психологии софокловского хора, именно к этим богам обращающегося с молитвой, но эмоциональная выразительность их несомненна.

Тиресий в гневе обращается к Эдипу: «И тебя с двойным ударом — за мать и за отца — изгонит из этой земли проклятые со страшными ногами» (то есть, беспощадно преследующее) (ст. 417—418). Мережковский расширяет подлинник, добиваясь замечательной наглядности:

Но за отца, за мать твою, Эдип,
С *двуострою* секирой, тяжким шагом
Войдет, войдет Проклятие в твой дом,
И будешь ты... изгнанником...

В подлиннике нет выделенных слов, но они помогают современному читателю представить это персонифицированное Проклятье, Рок, с секирой в руках, его страшную, тяжкую поступь. У читателя, ориентирующегося в античной литературе, может возникнуть ассоциация и с горацянским образом Смерти, стучащей железной ногой в дверь обреченного дома (ода I, 4). Усилению впечатления способствует и повтор, отсутствующий в подлиннике: «Войдет, войдет...».

Иногда расширение контекста несет у Мережковского важную смысловую нагрузку.

В знаменитом первом стасиме «Антигоны» хор поет о человеке, который, обладая умом, знаниями и умениями, гордясь мудростью и изобретательностью, не может, тем не менее, избежать смерти, а кроме того, влечется то к злему, то к доброму. И далее: «Вводящий земные законы, освященные справедливостью богов, высоко вознесен в городе, лишен города (изгнан) будет тот, кто из дерзости творит недоброе» (ст. 367—370). Мережковский переводит неточно:

Не умеет он порою
Отличать добро от зла.

(У Софокла, скорее, речь о том, что человек не в силах порой противостоять *искушению* зла.)

Человеческую правду
И небесные законы
Ниспровергнуть он готов.
Но и царь непобедимый,
Если нет в нем правды вечной,
На погибель обречен.

Возможно, Мережковский недопонял это место — у него исчезло противопоставление человека, живущего по божественным законам, который будет «вознесен в городе», и беззаконного, который будет «изгнан из города». Но, скорее, эти отклонения обусловлены общей идеей: Мережковский хочет избежать двусмысленности слов хора о человеке, нарушающем законы. Слова эти могут быть отнесены пока что равным образом и к Антигоне, и к Креонту — и это приводило к совершенно разным трактовкам нравственных коллизий пьесы. Согласно известному мнению Гегеля, не только Креонт ошибался, отвергнув неписанные божественные законы, но и Антигона впадает в ошибку, восставая против законов человеческих, государственных, в данном случае — созданных Креонтом. В переводе Мережковского слова хора можно понять как прямое осуждение Креонта, поправшего божественный закон, но у Софокла эта мысль звучит еще в очень завуалиро-

ванном виде и относится к человеку вообще. Заметим, что песни хора действительно дают основание для двойственной трактовки поведения Антигоны, но слова хора — это вовсе не истина в последней инстанции, это лишь мнение обычных, растеряных, сомневающихся граждан. Истина, открытая Антигоне изначально, величие ее подвига выявляется и для хора, и для зрителя постепенно, в ходе всего действия.

Мережковский стремится уйти от подобной неясности и в другом месте. Хор поет о грядущей гибели Антигоны, последнего отпрыска рода Лабдакидов: «И вот теперь ее срезает кровожадный нож подземных богов, речь безумная и Эриния духа», — то есть, беснующийся дух (ст. 601—603). Слова хора и так двусмысленны: безумные речи и безумный дух, в сущности, свойственны и Креонту, хотя на первый взгляд явно относятся к Антигоне. Мережковский в переводе усиливает эту неопределенность.

Но вот и тебя,
О последняя жертва безумия,
Поражают кровавой секирою
Боги подземные.

Можно понять эти слова так, что Антигона — жертва безумия богов (выше говорится, что Лабдакидов «губит безжалостный бог») или жертва безумия Креонта.

В других случаях расширение подлинника играет в переводе роль комментария. Так, Креонт, решившийся казнить Антигону несмотря на то, что она невеста его сына, бросает циничную фразу, часто приводившую в смущение переводчиков: «Есть для семени и другие пашни» (ст. 569). Эта афористическая краткая фраза дается у Мережковского в расширенном, откомментированном (и несколько смягченном) виде:

Для мужей —
Довольно жен: земли всегда довольно
Для пахарей!

Рассмотрим случаи сокращения, ослабления подлинника. В «Эдипе в Колоне» престарелый Эдип спорит с Креонтом, желающим насильно увести его в Фивы. Они обмениваются репликами, язвительными репликами, Эдип восклицает: «Уйди, от имени вот этих скажу: не следи (не выслеживай), встав на якорь там, где мне суждено плавать» (ст. 811—812). У Мережковского это изящное «мореходное» сравнение опущено:

Ступай ты лучше прочь,
Разведчиком пришел сюда напрасно.

В этой же трагедии Мережковский не переводит три строки из песни хора (ст. 229—231). Хор пытается оправдаться, отказываясь принять скитальца Эдипа в Колоне. Согласно неписаному закону, странники находятся под покровительством Зевса, и нарушившего закон гостеприимства ждет кара богов. Но хор оправдывается тем, что «боги не грозят тому возмездием, кто мстит за обиду обидчику», — и добавляет: «прибавляя обман к обману, тяготы, а не радость получишь взамен». Хор считает, что Эдип, скрыв свое имя и давние преступления, сам поступил нечестиво. Возможно, Мережковский счел последние строки повтором уже сказанного и исключил их из перевода.

В «Антигоне» есть более значительная попытка «смягчить» подлинник. Хор описывает приход Исмены, узнавшей об аресте Антигоны: «Над бровями туча омрачает лицо окровавленное, слезами орошает прекрасные щеки» (ст. 528—530). Лицо Исмены окровавлено, так как она в знак скорби царапала себе ногтями щеки. У Мережковского этот античный, «грубый» колорит не передан:

Вот у порога Исмена
Льет о сестре своей бедной
Тихие слезы любви.
Скорбь опустила как туча,
И на прекрасных ланитах —
Жаркий румянец от слез.

Несколько ниже Креонт говорит сыну о долге подданных — подчиняться правителю: «Нужно слушаться и в малом и в справедливом и в ином» (ст. 666—667). Комментаторы сходятся во мнении, что Креонт использует эвфемизм, и τὰ ἐναντία, «иное, противоположное», означает τὰ ἄδικα — «несправедливое». Почему Креонт не говорит прямо, также понятно: он посягает на сложившееся у греков представление, что нерассуждающая покорность господину — удел раба, а не свободного. У Мережковского мысль Креонта несколько ослаблена:

Чтить волю тех, кто правит нами, должно
Не только в легком, но и в трудном...

Как видим, о необходимости подчиняться каким-то «иным», то есть несправедливым приказам, речи нет. Но у Мережковского Креонт более лицемерен: подчиниться приказу отца и главы государства, при этом нарушающему божественные установления, он называет делом «трудным», но, подразумевается, справедливым, благочестивым.

Рассмотрим случаи, когда, изменяя подлинник, Мережковский вносит в него элементы чуждой психологии, принадлежащей, скорее, новому времени.

В «Царе Эдипе» Эдип, решив, что Креонт готовит против него заговор, восклицает: «О богатство, и власть, и искусство, превосходящее другие искусства в многотрудной жизни...» (ст. 380—381). У Мережковского:

О мудрость, слава многотрудной жизни,
Сокровища и царственный венец,
Безмерную внушаете вы зависть...

Видимо, по мнению Мережковского, благородный и мудрый царь Эдип не может ставить на первое место богатство. Искусство искусств — Софокл имеет в виду искусство государственного управления — также превращаются в более возвышенную «мудрость» и «славу многотрудной жизни».

В «Эдипе в Колоне» Антигона молит хор не изгонять их с Эдипом из страны, она закликает их «сыном, женой, имуществом, богом» (ст. 251). У Мережковского — более возвышенно, это уже не простая, бесхитростная речь молодой девушки: «заклинаю славой, отечеством, небом, детьми...».

В этой же трагедии Исмена рассказывает Эдипу и Антигоне о своих братьях, затеявших распрю по вине «богов и собственного злого разума» (ст. 371). У Мережковского в качестве причины выдвигается либо одно, либо другое:

Но скоро ум их злой иль Рок в сердца
Вложил раздор...

Между тем, для миросозерцания древнего грека именно двойственное объяснение человеческих поступков, движений души казалось наиболее правильным.

Хор, обращаясь к Афине, называет ее «*ὑπαρκῶπις*» (ст. 706). Этот эпитет дословно передать довольно трудно. Зелинский перевел его как «ясноокая», Шервинский — «синевзорая». У Мережковского получилось очень изящно, но совершенно в духе нового времени: «Смотрит... Афина глазами прозрачно-зелеными...».

В трагедии «Антигона» Антигона говорит Креонту, что его закона не объявлял ей ни Зевс, ни живущая среди подземных богов Правда (ст. 450—451). У Мережковского слова Антигоны подверглись некоторой христианизации:

Закона твоего
Не начертал ни Бог, ни справедливость,
Царящая в загробном мире...

Креонт объявляет, что Антигона будет замурована в подземный склеп — и, по крайней мере, тогда она узнает, «что беспо-

лезный труд — почитать тех, кто в Аиде», то есть мертвых (ст. 779—780). У Мережковского:

Поймет она, как бесполезно верить
В загробный мир и мертвых чтить.

При всем нечестии Креонт вряд ли мог сомневаться в существовании загробного мира — это уже черта совершенно иного мировоззрения.

Несколько ниже хор упоминает «соседнего» Арея, обитающего у Сальмидеса (ст. 970). У Мережковского этот непривычный и не совсем понятный читателю эпитет заменен более «приличествующим» богу войны: «Где вечно царит беспощадный Арей...».

Наконец, отметим случаи неточного перевода, вызванного невнимательностью или недопониманием текста.

В разговоре с Тиресием Эдип в переводе Мережковского обращается к прорицателю: «Тиресий-царь». В подлиннике действительно стоит слово $\delta\nu\alpha\chi$ (ст. 276, 304). Но если титул Эдипа — тиран ($\tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\nu\nu\omicron\varsigma$) — мы переводим как «царь», то Тиресия уместнее было бы назвать «Владыка», «Старец», как в переводах Зелинского и Шервинского, ибо правитель, царь в Фивах один — Эдип.

В «Царе Эдипе» Эдип обращается к хору, пытающемуся убедить его в невиновности Креонта и забыть причину ссоры: «Видишь, каков ты! Хоть ты и благомысленный муж, но ослабляешь меня и притупляешь мой дух» (ст. 687—688). У Мережковского Эдип видит в поведении хора предательство, хотя у Софокла этого нет:

Хотя вы зла мне сердцем не желаете,
Но вижу, скоро от меня отступитесь.

Ниже Иокаста спрашивает Эдипа, чем вызвана его ссора с Креонтом. Эдип отвечает: «Скажу; тебя ведь, жена, почитаю больше, чем их. Креонт злоумышляет на меня» (ст. 700—701). У Мережковского ситуация домыслена:

Скажу (затем, что больше чту Иокасту,
Чем те из вас, кто побоялся ей
Ответствовать)...

Эдип горделиво восклицает, что судьба — ему мать, а родичи — месяцы, они сделали его «малым» и «большим» (ст. 1082—1083). Мережковский переводит не совсем точно, но он старается прояснить эту мысль: «Судьба мне мать и Время — мне отец».

В «Эдипе в Колоне» Исмена объясняет Эдипу, что Креонт потребует выдачи Эдипа, «чтобы поместить близ Кадмовой зем-

ли» (ст. 400). У Мережковского: «Тебя хотят близ Кадмовой земли похоронить». Но Эдип пока еще жив, его хотят не просто похоронить вблизи родных мест, а лишить свободы и ждать его смерти.

Интересно отметить, что именно в переводах из Софокла Мережковский, стараясь переводить близко к тексту и во многом преуспев в этом, несколько раз допускает недочеты именно из-за стремления к точности.

В «Царе Эдипе» $\delta\alpha\iota\tau\rho\omicron\tau\epsilon\ \Phi\omicron\upsilon\alpha$ (ст. 157) Мережковский переводит как «слово богов амброзийное» — это звучит красиво, но не вполне понятно. «Амброзийное» может быть воспринято читателем как «напоенное божественным запахом». Между тем, буквально в греческом это слово значит «бессмертное», как и напиток богов амброзия — это просто напиток бессмертия. Таким образом, буквальный перевод, как ни странно, не всегда бывает точным.

Иокаста спрашивает, как у Креонта появилась мысль о виновности Эдипа: «Сам догадался (сообразил), или кем-то научен?» (ст. 704). Мережковский переводит: «С чужих ли слов или сам он это видел?» Слово $\xi\upsilon\nu\epsilon\iota\delta\acute{o}\varsigma$ он, переводя дословно, понимает как «очевидец», «вместе наблюдавший». Однако если бы Креонт «сам видел», как Эдип убил Лая, вряд ли он столько лет сохранял бы ему преданность.

В «Эдипе в Колоне» в переводе Мережковского говорится, что Полиник бежал в «глубокий Аргос», что не очень удачно. $\kappa\omicron\iota\lambda\omicron\nu$ (ст. 378) действительно дословно значит «глубокий», но имеется в виду — лежащий в глубокой долине среди гор.

В «Антигоне», увидев сестру, Антигона восклицает дословно следующее: «о родная голова сестры Исмены», — и Мережковский переводит почти буквально: «Дай голову твою обнять, Исмена». Но $\iota\sigma\mu\acute{\iota}\nu\eta\varsigma\ \kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$ — обычная синекдоха, *pars pro toto*, и перевести следовало: «О родная моя сестра Исмена!» Вообще говоря, в русском языке можно отыскать нечто подобное: «Исмена, бедная головушка», например, но такой перевод грешил бы неуместной русификацией. Надо сказать, что это несколько раз встречающееся у Софокла выражение представляло трудность для переводчиков, обычно слово $\kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$ опускают, Зелинский же предлагал переводить его «голубчик» («Царь Эдип», ст. 40, 9).

Обратимся теперь к переводам из Еврипида.

Как уже отмечалось выше, именно переводы Еврипида подверглись наиболее беспощадной критике. В двух статьях И. Анненский достаточно подробно останавливается на ряде неточностей и, как ему кажется, неудачных моментов. Однако, по нашему мнению, и примеры, приведенные суровым критиком, далеко не всегда убедительны, и оценка переводов в целом видится несправедливой. Во-первых, перевод Мережковского не соответствовал декадентским вкусам Анненского, казался каким-то скромным пересказом. Во-вторых, Анненский в этот момент начинает собственный огромный труд — им задуман перевод всего Еврипида.

да — и раздражение против молодого собрата по перу (Мережковскому нет еще и тридцати, Анненский на десять лет старше), да еще и не классика по образованию, дерзнувшего «выскочить» со своими переводами, очень понятно. Но как бы то ни было, эти критические статьи создавали репутацию. Мережковский не захотел втягиваться в публичную полемику, но, по всей вероятности, эти уничижительные отзывы произвели на него тяжелое впечатление. Во всяком случае, из упоминавшегося уже письма М.Н.Ермоловой от 8 июня 1894 года следует, что Мережковский собирался перевести еще пять трагедий: «Электру» Софокла, «Алкестиду», «Электру», «Ифигению в Авлиде» и «Ифигению в Тавриде» Еврипида, но переводы эти не были осуществлены.

Поскольку следом за критическими отзывами о переводах Мережковского начали выходить в свет и собственные переводы Анненского, и именно они на целое столетие практически полностью определили облик «русского Еврипида», нам кажется справедливым для оценки и уяснения значения работы Мережковского в некоторых случаях сравнивать оба перевода.

Интересно, что в целом в переводе «Медеи» и «Ипполита» отклонений от подлинника несколько больше, чем в переводе Софокла. Возможно, это объясняется трудностью языка Еврипида, возможно, здесь сказалось более пристрастное отношение Мережковского к этому поэту — именно Еврипид казался ему наиболее современным из всех трех авторов, и возникло желание сделать текст с одной стороны ярче, эмоциональнее, с другой стороны — доступнее, понятнее неискушенному читателю. Обе эти тенденции явственно просматриваются в переводе.

Рассмотрим случаи расширения подлинника.

Кормилица рассказывает, как Медея убила отца дочерей Пелиад, то есть дочерей Пелия (ст. 9). У Мережковского: «*несчастных* дочерей Пелеевых», что не совсем уместно в устах кормилицы, преданной Медее, хотя и усиливает эмоциональность ее слов. Анненский также решил усилить это место, но уже в изысканно-декадентском духе: «рожденных им и нежных Пелиад».

Воспитатель обращается к кормилице дословно таким образом: «О старое домашнее имущество (то есть, рабыня) госпожи моей» (ст. 49), при этом κτῆμα имеет не уничижительный, а скорее, уважительный оттенок (это богатство, собственность, добро). Мережковский перевел неточно, но верно по смыслу:

О добрая, почтенная рабыня
Владычицы моей...

Анненскому показалось это неправильным, он переводит «О старая царицына раба», что звучит менее почтительно, чем у Еврипида.

Хор поет о несчастьях преданной Ясоном Медеи, которая уже не может вернуться в дом отца: «На твое же ложе другая царица, лучшая, в дом вошла» (ст. 443—445). Мережковский расширяет подлинник, придавая ему более яркую эмоциональную окраску:

Для тебя же путь утрачен,
О, Медея, в дом отца;
А на ложе *брачное*
В *новый* дом вошла к тебе
Полною владычицей
Гордая соперница
Юная жена (курсив наш.— А. У.).

При этом не совсем ясно, почему «в новый дом вошла к тебе», ведь это Ясон ушел женихом в новый, царский дом. Это место оказалось трудным и для Анненского, его перевод вышел весьма темным и далеким от подлинника:

От бури спасти не смогли
Отцовские стрелы Медеи,
И руки царя увлекли
Объятий ее горячее.

Медея вспоминает, на какие преступления она пошла ради любви к Ясону: «Пелия я погубила, так что мучительнейшей смертью погиб от собственных детей» (ст. 486—487). У Мережковского:

Коварством я достигла, чтоб Пелей,
Безвинный царь, погиб горчайшей смертью...
Пал под рукою собственных детей... (курсив наш.— А. У.).

Мысль усилена, но уместно ли жестокой к врагам Медее жалеть убитого ею? Кроме того, перевод длиннее подлинника.

В трагедии «Ипполит» Ипполит обращается к Артемиде: «Если бы мне закончить жизнь как начал», то есть поклоняясь богине (ст. 87). У Мережковского:

О, если бы у ног твоих, любя,
Окончить мог я жизнь мою как начал!

Ипполит, несомненно, питает к богине восторженно-почтительную любовь, но у Еврипида он сдержаннее. Анненскому решительно не нравился этот перевод, но его вариант также не идеален:

О если бы, как начинаю путь,
И обогнув мету, все быть с тобою.

Глагол *κόπτω* действительно может означать спортивный термин — «огибать метку» (в беге на соревнованиях), так буквально его и переводит Анненский, но в данном случае — он часть устойчивого оборота «заканчивать жизнь». К тому же атлет, огибая метку, лишь переходит ко второй части пути, Ипполит же хочет, чтобы их священная дружба с богиней длилась до самой смерти.

Кормилица уговаривает Федру не отчаиваться, а попытаться добиться любви Ипполита: «Теперь же бой (спор) большой за спасение жизни твоей и не заслуживаю за это ненависти» (ст. 496—497). У Мережковского кормилица говорит несколько более возвышенно:

Но предвижу
Последнюю борьбу на жизнь и смерть,
И чтоб тебя спасти, на все дерзаю.

У Анненского, напротив, кормилица слишком приземленно-расчетлива:

Тянуть зачем, когда вопрос поставлен
Решительный — о жизни?

Хор поет о сыне Киприды — Эроте: «Ни огонь, ни луч звезд не сравнятся со стрелами Афродиты, пущенными рукой Эрота, сына Зевса» (ст. 530—534). Мережковский, расширяя подлинник, несколько смягчает общее звучание и романтизирует его.

Нет, слабей огонь *пожара*
И светил, *враждебных людям*,
Смертоносные лучи,
Чем из рук твоих *любезных*,
Стрелы *нежной* Афродиты,
Олимпийское дитя! (курсив наш. — А. У.).

Выделенные слова отсутствуют в подлиннике, но общий смысл передан вполне удовлетворительно. Что же касается лучей «враждебных людям» и «смертоносных», то здесь явная попытка дать комментарий прямо в тексте: ясно, что страшны не просто лучи звезд, но враждебные людям светила.

Анненский писал по поводу этих строк: «Как можно, не краснея, пристегивать имя Еврипида к такому набору слов». Но посмотрим, как он сам перевел эти строки:

Нет такого огня, и лучи светил
Со стрелой не сравниются горние,
Что из рук своих мечет в нас
Дия сын, и стрелой Кипридиной.

Стремясь сохранить эпиграмматическую краткость подлинника, он делает перевод непонятным и даже не вполне грамматически выверенным.

Хор, услышав, что Федра повесилась, спрашивает, не войти ли во дворец, но решает, что «многое делать — небезопасно» (ст. 785). Мережковский переводит эту осторожную фразу более определенно:

В чужих делах
Излишнее участие — опасно.

Вином ключе понимает эти слова Анненский: «Кто без толку хлопочет — не поможет», игнорируя намек хора на опасность вмешиваться в жизнь владык.

Тезей, узнав о гибели Федры, требует привести его к телу: «Чтобы увидеть ужасное зрелище — жену, которая погибла, убив и меня» (ст. 825, 810). У Мережковского:

...чтоб мне увидеть труп
Жены моей *возлюбленной*. Погибнув,
О, *милая*, ты губишь и меня! (курсив наш. — А. У.).

То, что безусловно чувствует Тезей у Еврипида, у Мережковского он стремится высказать.

Интересно, что в переводе Анненского эта мысль изменена:

Пускай достойной плача
Картиной я насыщу взор, — жены
Я видеть труп хочу, себе на горе...

Тезей в подлиннике говорит не о том, что он хочет принести себе еще большее горе лицезрением мертвой жены, а о том, что жена, покончив с собой, принесла ему страдание.

Далее Тезей говорит о Федре: «Как птица бесследно пропавшая, стремительным прыжком вырвалась из рук моих в Аид» (ст. 828—829). У Мережковского несколько более чувствительно:

Как *пугливая* птичка, вспорхнув,
Улетела в *холодный* Аид (курсив наш. — А. У.).

Артемиду, утешая умирающего Ипполита, говорит: «О мужественный страдалец, каким несчастьям ты подвергнулся (ты был обречен)! Тебя погубило благородство духа» (ст. 1389—1390). Мережковский расширяет подлинник до трех строк и придает словам Артемиды романтический оттенок: Ипполит не просто благороден и несчастен — он одинокий, изгнанный, непонятый.

О милый мой, для мук ты *был рожден,*
И жить с людьми не мог, затем что слишком
Была для них душа твоя чиста (курсив наш. — А. У.).

Ипполит, изгнанный Тезеем, обращается к Артемиде:
«О моя собеседница, моя спутница на охоте» (ст. 1092—1093).
У Мережковского добавлено несколько слов:

О *светлая* подруга *светлых* дней,
Участница охот моих *беспечных*.

В целом, Ипполит Мережковского более склонен к лирическим излияниям, более сентиментален, чем в подлиннике, и тем самым несколько суховатый на современный взгляд образ античного аскета, девственника должен стать ближе читателю.

Рассмотрим случаи, когда Мережковский сокращает или упрощает мысль подлинника. Это бывает вызвано стремлением сделать сложный язык Еврипида более понятным, структуру его фраз менее запутанной. Как правило, эти небольшие изменения были совершенно безобидными и не нарушали общего значения фразы, во всяком случае, Мережковский явно старался далеко от оригинала не уклоняться. Однако такого рода небольшие отклонения давали пищу строгим критикам. Так, Анненский обрушился на начальные строки «Медеи», обвинив Мережковского в недостаточно глубоком изучении Еврипида и даже в незнании греческого языка.

Приведем эти начальные строки: «О, если бы корабль “Арго” не приставал к берегам Колхиды, счастливо миновав черные (темно-синие) утесы Симплегады, если бы никогда не падала срубленная сосна на лесистый Пелион, если бы не снабдила она веслами руки благородных мужей, которые отправились добывать золотое руно Пелию» (ст. 1—6). Мережковский переводит так:

О лучше бы *отважным аргонавтам*
В *далекую* Колхиду кораблей
Не направлять меж Симплегад лазурных.
О лучше бы не падала сосна
Под топором в ущельях Пелиона
На весла тем бестрепетным мужам,
Что некогда для *славного* Пелея
Отправились за золотым руном!

Перевод несколько расширен за счет выделенных слов и двойного перевода *ἄνδρων ἁρίστον* — «отважным аргонавтам» и «бестрепетным мужам». Эти изменения, как и в прежних примерах, подчинены одной цели: придать рассказу персонажа (в данном случае — кормилицы) возвышенный, эмоциональный

характер. Этой же цели служит и кажущаяся ошибка: «Корабль Арго» переведен множественным числом. Разумеется, Мережковский понимает, что здесь единственное число, но кормилица у него хочет сказать: «Лучше бы никаких кораблей не направлять в Колхиду». Анненский особенно негодовал на сокращение подлинника: «В подлиннике сосна упала вовсе не *на весла*; переводчик не заметил, что “μῆδ’ ἐρετὶβῶσα” — отдельная мысль» (курсив Анненского). Однако у Еврипида сосна упала именно, чтобы сделаться веслами, и Мережковский объединяет две близкие мысли в одну, в общем-то, оправданно. Сам же Анненский перевел следующим образом:

О, для чего *крылатую ладью*
Лазурные, *сшибаясь*, утесы
В Колхиду *пропускали*, ель зачем
Та падала на Пелий, что *вельможам*
Их веслами вооружив, дала
В высокий Иолк в *злаченных завитках*
Руно *царю Фессалии* доставить?

Выделенные слова или отсутствуют в подлиннике, или передают его неточно. Возникает впечатление, что текст Еврипида казался Анненскому недостаточно «красивым» и ему последовательно придается утонченный, куртуазный характер: «крылатая ладья», «злаченные завитки», «царь Фессалии» вместо Пелия. Наконец, утесы, которые «сшибаясь, пропускали» корабль, — просто неверно по сути: они, как раз сшибаясь, старались не пропустить аргонатов. Неудачна и модернизация «вельможам» — она резко выделяется на античном фоне. Наконец, «в высокий Иолк» — это начало следующей мысли, о Медее. К тому же, особенно при чтении вслух, строка «В высокий Иолк в злаченных завитках» воспринимается как одна мысль, хотя завитки, конечно, относятся к руно.

Несколько упрощены у Мережковского и начальные строки «Ипполита», опять же ради ясности. В прологе Афродита рассказывает о себе: «Я — великая и небезызвестная среди смертных и на небе богиня, зовущаяся Афродитой» (ст. 1—2). Мережковский переводит проще:

Я — грозная богиня Афродита,
Царящая на небе и земле.

Сравним с переводом Анненского:

Полна земля молвой о нас и ярок
И в небесах Киприды дивной блеск,
И сколько есть людей под солнцем дальним...

И неудачная анафора (и ярок, и в небесах, и сколько), затемняющая смысл фразы, и трудночитаемая первая строка, особенно звукосочетание «онасыярок», и сложность грамматической конструкции — все это делает текст тяжелым для понимания.

Ограничим сравнение двух переводов еще одним примером. В том же монологе Афродита говорит, что Ипполит чтит одну только сестру Феба Артемиду, дочь Зевса. Мережковский сокращает эту мысль, он переводит лишь «дочь Зевса». Перевод Анненского вместили обе характеристики Артемиды, но превратился в головоломку:

А меж богов сестры милее Феба
И Зевсовой нет дочери ему.

Все эти соображения призваны не столько зачеркнуть усилия Анненского, чей перевод действительно стал в свое время интереснейшим литературным явлением, сколько доказывают, как трудно создать адекватный, «точный» перевод, даже если именно такова установка самого переводчика. Свидетельствуют они и о том, как легко быть пристрастным критиком.

Надо заметить, что в некоторых случаях с замечаниями Анненского можно согласиться: при стремлении к ясности в переводе пропадают некоторые психологические тонкости. Так, влюбленная Федра, очнувшись от бреда, говорит: «Прямо (здраво) мыслить — больно, безумствовать — стыдно, лучше не осознавая (не приходя в сознание) умереть» (ст. 247—249). У Мережковского:

*Больно думать, больно чувствовать,
Легче было бы в забвении
И в бреду мне умереть (курсив наш. — А. У.).*

Кормилица пытается утешить Федру, видящую для себя один выход — смерть. Хор вмешивается в их разговор: «Она говорит более полезное в несчастии, хвалю же тебя, похвала же эта более тяжела, чем ее упрек и тебе еще тяжелее ее слушать» (ст. 482—485). У Мережковского эта мысль дана несколько упрощенно:

Хотя полны слова ее надежды,
Я все-таки, владычица, скажу,
Что не она — в надежде неразумной,
А ты в своем отчаянии права!

Другой вид упрощения текста Еврипида заключается в том, что не сохраняется точность воспроизведения античных имен и географических названий, Мережковский часто сохраняет

лишь некий общеантичный колорит, иной раз происходит и латинизация. В «Медее» вместо «пеплос» дается слово с латинским окончанием — «пеплум» (ст. 786 и т. д.). В подлиннике «гони Эринию» — в переводе «гони Фурию» (ст. 1260). Вместо Аластора, демона мщения — опять Фурия (ст. 1333). Вместо «О счастливые Эрекиды» у Мережковского «О счастливые жители Аттики», вместо «пизэрид» — музы (ст. 824 и далее). Ясон говорит детям: «Пусть о вас заботится отец и какой-нибудь из богов, благосклонный к вам» (ст. 918—919), у Мережковского — «отец и Гений, вас хранящий».

В «Ипполите» говорится: «один из граждан в этой земле Трезенской» (ст. 12) — у Мережковского «один из всех мужей Эллады». Хор спрашивает Федру, кто из богов поразил ее недугом, «Пан, Геката или гнев священных корибантов или матери горной (Кибелы)» (ст. 143—144). Последние два предположения Мережковский пропускает.

В целом, надо сказать, что эти мелкие изменения в основном продиктованы потребностями размера и существенного влияния на смысл не оказывают.

Рассмотрим теперь изменения греческого подлинника, привносящие в него элементы культурных представлений иных эпох или черты психологии, чуждой античным героям. Возможно, эти моменты продиктованы неосознанным стремлением несколько осовременить текст, притом что сознательной установки на модернизацию у Мережковского все-таки было.

В «Медее» кормилица говорит, что власть имущие тяжело смиряют гнев и «лучше (простому) человеку жить среди равных себе» (ст. 121—123). У Мережковского кормилица неожиданно разражается политической речью: «Нет, я верю, что все пред законом равны...». (Заметим, что Анненский, поняв эту мысль верно, облек ее в причудливо-изящную форму: «Не лучше ли быть меж листов невидным листом?»)

Хор поет о Киприде, которая посылает Мудрости (Софии) спутников-Эротов, помогающих во всем прекрасном (доблестном) (ст. 844—845). У Мережковского возникает элемент христианизации:

Людам шлет Киприда милую
Строгой Мудрости сообщницу —
Непорочную Любовь.

Вообще говоря, именно внесение черт, свойственных христианской психологии — наиболее частое, самое существенное отклонение от подлинника: ни русификации, ни режущих глаз и слух архаизмов или неуклюжих неологизмов мы у Мережковского практически не встречаем.

Медее говорит: «Клянусь подземными демонами мщения Аида» (ст. 1059). У Мережковского: «Клянусь тенями Ада».

Впрочем, «Ад» вместо «Аида» ставили многие переводчики, в том числе и Зелинский в трагедиях Софокла.

В трагедии «Ипполит» хор поет о Федре, которая хочет предпочесть смерть бесчестию: «Увы, увы, добродетель прекрасна повсюду и пожинает у смертных добрую славу» (ст. 431—432). У Мережковского:

О, не было ль вовек *святое сердце*
И мудрое прекраснейшим из благ.

В другом случае эпитет «святой» и вовсе неуместен: слова Тезея «мое ложе» переведены: «мое святое ложе».

В некоторых случаях в переводе неточно передан *couleur locale*, черты, характерные именно для греческой жизни. Так, Тезей упрекает Ипполита: «Ты гораздо больше самого себя стараешься почитать, чем родивших тебя, как должно по справедливости» (ст. 1080—1081), то есть речь идет о почтении к родителям, считавшемся в Греции государственным и религиозным долгом детей. У Мережковского говорится несколько о другом:

Ты самого себя привык жалеть,
Но ни любви в душе твоей, ни правды.

Федра после долгих просьб кормилицы, которая даже хватается за руку, соглашается открыть ей свою тайну: «Исполню просьбу» (ст. 335). У Мережковского:

Жаль тебя.
Исполню все, о чем меня ты просишь.

Но у Еврипида говорится не столько о жалости, сколько о религиозном уважении к правам молящего, дотронувшегося до руки.

В других случаях подлинник претерпевает небольшие изменения в соответствии с представлениями Мережковского о Роке как главной движущей силе античной трагедии. В принципе это действительно так, но иногда Мережковский старается усилить этот мотив, вводя Рок даже туда, где его в подлиннике нет. Медея говорит: «Все равно их необходимо убить. Если же нужно, сама их убью, которых родила» (ст. 1062—1063). У Мережковского:

Я родила их, я же и убью.
Назначенное Роком да свершится.

Ниже Медея снова возвращается к этой мысли: «Вооружись же сердце. Что ты медлишь совершить страшное, но необходимое зло?» (ст. 1242—1243). У Мережковского:

Вооружись же сердце, будь бесстрашным
И то, что Рок назначил, соверши.

Наконец, завершающие строки «Медеи»: «Так совершилось это дело» (ст. 1419). У Мережковского: «Так и здесь воля Рока свершилась».¹

И наконец, несколько случаев, когда изменения в переводе не несут, видимо, никакой «идеологической» нагрузки и объясняются недопониманием текста или простой небрежностью. Как и раньше, таких случаев набирается немного.

Хор откликается на вопли Медеи, призывающей смерть: «Что это у тебя за желание страшного ложа», — то есть смерти (ст. 151—154). Мережковский понимает это как «неприступное ложе», то есть как тоску по брачному ложу с Ясоном, которое теперь недоступно:

Неужели, Медея,
Жаждешь так ненасытно,
Так безумно тоскуешь
Ты по брачному ложу,
Что зовешь к себе смерть?

Но судя по следующим словам, хор имеет в виду именно желание смерти: «Смерть и так поспешит, ничто не сможет ее умолить» (ст. 154—155). Эта мысль в переводе Мережковского не отражена.

Медея говорит, что не позволит смеяться над ней — благородным потомком Гелиоса — потомству Сизифа, заключившему брак с Ясоном (ст. 404—406). Мережковский понимает слово ὄψοις буквально, как «связи», «любовницы» и переводит:

Игрушкою Сизифовых детей,
Посмешищем Ясоновых любовниц
Не будь, о дочь Колхидского царя,
В чьих жилах — кровь от крови бога Солнца!

Обращение Медеи к Язону: «О негоднейший, о наихудший» (ст. 465), переведено неточно: «О трус», хотя ясно, что трусость — не единственный и не главный порок Язона.

Хор поет о трудностях воспитания детей: «Одно же зло из всех зол наихудшее для всех смертных назову» (имеется в

¹ Об отношении Мережковского к идее рока в античных трагедиях см. также: Коренева М.Ю. Д.С.Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков: Из истории лит. связей рус. литературы: Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 56—59.

виду — хоронить собственных детей) (ст. 1105—1106). Мережковский переводит так:

Но последнего, самого горького зла
Не избегнет никто...

Это не верно по смыслу — не всем родителям приходится видеть смерть собственных детей.

Есть некоторое количество неточностей и в «Ипполите».

Так, Ипполит приносит Артемиде венок, собранный на чистом лугу: «Стыдливость поит его (луг) речной росой» (ст. 78). У Мережковского картина изящная, но не соответствующая подлиннику:

И светлыми струями нимфа рек
Стыдливые деревья орошает.

Ἄιδῶς — «стыд, стыдливость» — персонифицируется в «нимфу рек», происхождение «деревьев» и вовсе невозможно объяснить.

Приблизительно переведена и следующая мысль: «Цветы на этом лугу могут срывать только те, кто имеет добродетель от природы, а не выучился ей» (ст. 79). У Мережковского:

Цветы срывать здесь могут только те,
Кто в мудрости природою взлелеян,
А людям злым и грешным не дано.

Однако у Еврипида противопоставляются не добродетельные — грешным, а именно изначально, от рождения чувствующие нравственный закон — и наученные ему, в этом сказываются отголоски современных ему философских споров.

Кормилица говорит Федре, вспомнившей о матери Пасифае, имевшей связь с быком, и сестре Ариадне, ставшей женой Диониса: «Дитя, что с тобой? Ты порочишь родственников?» (ст. 340). У Мережковского: «Зачем, дитя, тревожишь прах усопших?» Между тем, Ариадну, ставшую женой бога и получившую бессмертие, вряд ли возможно назвать «усопшей».

Узнав, что тайна Федры раскрыта, хор поет: «О, если бы нам укрыться в бездонные пропасти или сделал бы нас бог крылатой птицей в стае пернатых!» (ст. 732—734). Мережковский не стал отходить от рукописной традиции, где вместо союза ἢ — «или» стоит ἵνα — «чтобы», хотя на стороне этого исправления стоят такие серьезные комментаторы, как Гартунг, и перевод вышел не вполне понятным:

Прочь отсюда в пещеры глубокие,
где живут только стаи пернатые...

Надо сказать, что и Анненский не заметил этого противопоставления:

О если б укрыться могла я
Туда, в эти темные выси.
О, если б велением бога
Меж птицами вольною птицей
Вилась я.

Но это противопоставление достаточно важно для Еврипида: его хор стремится вверх, вниз, в темные пропасти земли, в небесные выси — куда угодно, лишь бы прочь от ужасов и горестей окружающей жизни. Эти строки перекликаются со словами Артемиды в конце трагедии. Артемиде упрекает Тезея, погубившего сына: «Что же ты под землю, в Тартар не спрячешься, опозоренный, или не взлетишь на воздух птицей, чтобы выбраться из бед?» (ст. 1290—1293). Мережковский и в данном случае убирает противопоставление двух возможностей: «Скройся же в Тартар, беги от людей, опозоренный...».

Таким образом, мы рассмотрели переводы всех шести трагедий. Какие же можно сделать выводы? В целом это переводы очень близки к тексту — насколько может быть близким к подлиннику стихотворный перевод, написанный русским литературным языком. В основном Мережковскому удавалось не выходить за пределы строчек. Вызывают удивление упреки в незнании языка и непонимании текста — в большинстве случаев они явно тенденциозны. Мы отметили большинство «непонятых» Мережковским мест — во-первых, их не много, во-вторых, они, за редкими исключениями, не искажают общий смысл подлинника, являясь мелкими недоработками, которые неизбежны при таком объеме переводимых текстов и могли в свое время быть устранены доброжелательным и квалифицированным редактором. Небольшие неточности в географических названиях и именах и вовсе извинительны: ни один перевод не может вместить всего, существуют требования размера и ритма. К тому же античные географические реалии подавляющему большинству читателей ровно ничего не говорили — и иногда могли опускаться без ущерба для смысла. Заметим, что Мережковский этим не злоупотреблял.

Более серьезными могут показаться упреки в усилении или ослаблении звучания некоторых мест по сравнению с подлинником. Но и они имеют объяснение и оправдание. Между читателем и древним автором стояло около двух с половиной тыся-

челетий — и Мережковский (возможно, не всегда сознательно) стремился приблизить звучание текста к современным литературным вкусам — литература стала более чувствительной, эмоциональной, менее натуралистичной. Переводчик стремился не только к адекватному переводу — но и к адекватному восприятию текста читателями.

То же можно сказать и о некотором «осовременивании» героев, привнесении черт психологии человека нового времени. Это проявляется у Мережковского в незначительных мелочах, которые, в сущности, могут быть замечены только специалистами-классиками. Переводчик стремился сделать высоких героев трагедии близкими читателю, а их мысли, чувства, страдания — не далекой экзотикой, а внятными современному сознанию — иногда при этом действительно приходилось жертвовать точностью.

Надо отдать должное переводам Мережковского в другом — они обладают рядом серьезных достоинств. Переводчик не мыслил себя соперником великих писателей, он нигде не стремится превзойти их. Проявляется это и в тщательном воспроизведении смысла, и в том, что язык переводчика «не замечен» — свой поэтический стиль не проявлен, он не мешает восприятию подлинника — и при этом является легким, звучным, в полном смысле литературным. Мережковский использует высокий стиль, но не злоупотребляет старославянизмами в попытке придать трагедиям «древний» колорит. Старательно избегает руссизмов, чтобы не разрушать «античное» впечатление. Избегает он и прозаизмов, разговорных просторечных оборотов, которые могут патетическому месту придать комическое впечатление, или просто снизить общее звучание.

Что касается упреков в том, что переводчик, не являясь филологом-классиком, избегал самостоятельной трактовки сложных мест и не учитывал мнения новейших комментаторов, то, думается, это даже к лучшему. В это же время, в 1892 году, Ф.Зелинский, готовя издание «Царя Эдипа» для гимназий, внес в текст подлинника 125 исправлений, из них — 32 собственных.¹ При этом большинство из них сразу же вызвали резкие споры и другими филологами-классиками приняты не были. В целом, можно смело сказать, что переводы Мережковского до сих пор остаются одними из лучших — и, безусловно, заслуживают внимания будущих переводчиков и просто читателей.

А.В.Успенская

¹ Софокл. Царь Эдип / С введением, примеч., 29 рис. и ключом к лирич. размерам. Объяснил проф. Ф.Зелинский. Царское Село, 1892; Заметки к трагедиям Софокла и к схолиям на них Ф.Ф.Зелинского. СПб., 1892.

ЭСХИЛ

СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

В л а с т ь.
С и л а — немое лицо.
П р о м е т е й — титан.
Г е ф е с т.
Х о р н и м ф о к е а н и д.
О к е а н.
И о — дочь Инаха.
Г е р м е с — посланник богов.

В горах Скифии

*Входят В л а с т ь и С и л а, две богини; они ведут узника
П р о м е т е я. За ними Г е ф е с т с молотом и цепями.*

В л а с т ь

Мы в Скифии, мы на краю земли,—
Достигли мы пустынь непроходимых.
Теперь, Гефест, исполни приговор
Царя богов: к вершине скал гранитных
Железными цепями ты прикуй
Преступного. Венец твой лучезарный —
Огонь украв, он людям в дар принес.
За то его наказывают боги,
Дабы он власть Крониона признал
И разлюбил людей.

Г е ф е с т

О, Власть и Сила,
Исполнили вы Зевсов приговор.
Но я — увы! — дерзну ли приковать
К нагим скалам возлюбленного брата?
Что делать? Рок велит послушным быть:

Беда тому, кто пренебрег веленьем
Всевышнего.

(К Прометею.)

О, мудрый сын Фемиды,
Наперекор желанью моему,
Я прикую тебя, связав цепями,
К пустынному граниту этих скал,
Где голоса людского никогда
Ты не услышишь, где, лучами солнца
Сожженное, твое иссохнет тело
И почернеет. Темная ли ночь
Отнимет свет у жаждущего света,
Иль высушит заря росу полей,
Твоя душа томиться будет вечно, —
И не рождался тот, кому дано
Тебя спасти. Несчастный, вот — награда
Твоей любви и состраданья к людям.
Ты сам был бог и, не боясь богов,
Взнес людей ты к почестям безмерным.
За то теперь, прикованный к скале,
Один, без сна, согнуть колен не в силах,
Беспомощно стонать ты осужден,
Взывать, молить, — но непреклонно сердце
Царя богов: так новый властелин
Всегда жесток.

Власть

Зачем же медлишь ты
И сетуешь? Ужели враг Олимпа,
Похитивший твой собственный огонь,
Тебе не враг?

Гефест

Священны узы дружбы.

Власть

Но Зевсовы веления священной:
Для дружбы ли нарушить их дерзнешь?

Гефест

Ты жалости не знаешь...

Власть

Пользы мало
Жалеть того, кому помочь нельзя.

Гефест
О, ремесло проклятое мое!

Власть
Проклятья тщетны: ремесло невинно.

Гефест
Так пусть бы кто-нибудь другой,— не я...

Власть
Ты выбрал сам свой жребий: все вы боги
Свободны; Зевс один над вами царь.

Гефест
Он царствует,— теперь я это знаю!

Власть
Скорее же свяжи его цепями,
Чтоб медлящим тебя не видел Зевс.

Гефест
Вот поручи железные.

Власть
Не медли,
Вложи в них руки и к скале прикуй.

Гефест
Готово.

Власть
Так. Ударь еще раз. Крепче,
Чтоб не ушел обманом.

Гефест
Вот одна
Рука прикована.

Власть
Теперь другую.
Силен титан, а Зевс еще сильнее.

Гефест
Я сделал все, чтоб угодить богам.

Власть

Возьми осколок стали заостренный
И грудь ему пронзи.

Гефест

О, брат мой, плачу!

Власть

Ты плачешь над врагом богов,— смотри,
Чтоб не пришлось и над собой поплакать.

Гефест

Ужасное ты видела.

Власть

Лишь казнь

Заслуженную... Середину тела
Теперь обвей цепями.

Гефест

Знаю сам;

Приказывать не надо.

Власть

Все же буду

Приказывать... Закуй и ноги. В кольца
Сначала их продень.

Гефест

Сейчас... Готово.

Власть

Теперь, смотри, покрепче вбей в них гвозди:
Не забывай, что дашь отчет во всем.

Гефест

Слова твои с лицом так сходны!

Власть

Коль сам ты слаб, не осуждай других
За твердость духа.

Гефест

Кончено! Пойдем:

Он из цепей не вырвется...

Власть
(к Прометею)

Ну, что ж, титан? Глумись теперь над Зевсом
И у богов воруй огонь для смертных!
Не смертные ль тебе помогут ныне?
Когда-то слыл ты прозорливцем: где же
Твое прозрение? Пусть теперь научит,
Как вырваться тебе из этих уз.

(Власть, Сила и Гефест уходят.)

Прометей
(один)

Тебя, эфир небесный, вас, о, ветры
Крылатые, и реки, и земля,
Всеобщая Праматерь, и валов
Подобный смеху шум многоголосый,—
Я всех вас, всех в свидетели зову!
Смотрите: вот что терпит бог от бога.
Видите: тысячелетия
Пыткой истерзанный,
Буду страдать.
Царь небожителей,
Зевс, возложил на меня
Цепи позорные.
О, я страдаю от мук
Нынешних, будущих... Скоро ли
Скорби наступит конец?

Что говорю? Не сам ли я предвидел
Грядущее? Нежданная печаль
Не посетит меня. Нет, терпеливо
Перенести я должен все, что Рок
Назначил мне: Судьба неотвратима...
Но не могу молчать, и рассказать
Свою печаль я не могу. Огонь
Я смертным дал, и вот за что наказан.
Похитил я божественную искру,
Сокрыл в стволе сухого тростника,
И людям стал огонь любезным братом,
Помощником, учителем во всем.
Теперь плачу богам за преступленье,
На воздухе привешенный к скале.

Увы, увы!

Что за звук, что за шелест ко мне долетел?
Это голос земной иль небесный?

Кто-нибудь не пришел ли к далеким горам,
Чтоб взглянуть на позор мой и муки?
Что ж, смотрите, я — жалкий, закованный бог,
Олимпийцам за то ненавистный,
Что безмерно людей я люблю... Но опять
Этот шум... Словно птицы порхают,
Словно воздух от бьющихся крылий звенит...
Ныне все мне бедой угрожает.

*(На крылатой колеснице появляется Хор
нимф океанид.)*

Хор

Строфа первая

Нет, не бойся! Мы с любовью
Прилетели к этим скалам,
Мы едва мольбой склонили
Сердце строгого отца.
К нам донесся гром железа
В глубину пещер подводных,
И, стыдливость позабыв,
Не успев надеть сандалий,
Мы примчались в колеснице
С дуновеньем ветерка.

Прометей

Посмотрите, о, дочери
Многодетной Тефии
И отца Океана,
Что шумящим потоком
Обтекает всю землю, —
Посмотрите: я здесь,
На позор пригвожденный,
Сторожить буду вечно
Острие этих скал.

Хор

Антистрофа первая

Видим, видим... Страх, как туча,
Застилает наши очи,
Отягченные слезами;
Видим, сохнет на скале
Изнывающее тело
Под железными цепями.
Новый кормчий правит небом:

На Олимпе Зевс насильем
Стародавние законы
Святотатственно поправ.

Прометей

Пусть бы лучше под землю меня он низверг,
В черный Тартар, приемлющий мертвых,
Или ниже, под своды Аида, и там
Задушил бы в оковах железных,
Чтоб ни смертный, ни бог не видали меня
И над мукой моей не глумились.
А теперь я повешен на радость врагам
В высоте, как игрушка для вихрей!

Хор

Строфа вторая

Разве есть такой жестокий
Из блаженных, кто б над мукой
Прометея насмеялся?
Кто тебе не сострадает,
Кроме Зевса? Он один,
Дерзкий, гневный, непреклонный,
Всех богов порабощает
И достигнет самовластья,
Если кто-нибудь насильем
Скиптр не вырвет у него.

Прометей

Пусть я ныне в оковах томлюсь,
Пусть ругается враг надо мной, —
Будет Зевсу нужда до меня,
Чтобы заговор новый открыть,
Что владыку низвергнет с небес.
Но тогда уж ни льстивая речь,
Ни угрозы меня не смутят,
И не выдам я тайны, пока
Он не снимет с меня эту цепь,
Не заплатит за весь мой позор!

Хор

Антистрофа вторая

Ты исполнен силы гордой,
Не уступишь лютой скорби
Никогда, — но берегись:

Слишком речь твоя свободна,
За тебя во мне трепещет
Сердце страхом и тоской.
Где конец твоим страданиям,
Где прибежище от бури?
Ведь у Кроносова чада
Непреклонная душа.

Прометей

Знаю. Зевс и упрям и жесток,
Презирает закон; но судьбой
Будет сломлена гордость его,
Он жестокое сердце смягчит:
Как союзник к союзнику, сам
Он мне первый навстречу пойдет!

Хор

Скажи мне все: открой, за что Зевес
Невинного таким мученьям предал?
Скажи мне, если можешь...

Прометей

Тяжело

Мне говорить о скорби безнадежной
И тяжело молчать: во всем страданье.
Когда в семье богов возник мятеж
И запылал раздор непримиримый,
Одни желали, чтобы Зевс царил,
Чтоб Кронос был низринут, а другие —
Чтоб никогда не правил ими Зевс.
Я был в те дни сообщником титанов,
Но к мудрости не мог склонить детей
Земли и Неба: в буйном, диком сердце
Все хитрости лукавые презрев,
Они врагов смирить мечтали силой.
Но мать моя, Земля или Фемида
(Единая под множеством имен),
Мне предрекла, что должно не насильем,
А хитростью могучих победить.
И я открыл пророчество титанам;
Но, дерзкие, отвергли мой совет.
Тогда, покинув их, решил я Зевсу
Помочь в борьбе, и с матерью к нему
Я перешел, к свободному — свободный.

Лишь с помощью моею он низверг
И скрыл навек их в пропастях подземных —
С союзниками древнего Кроноса.
И вот каким предательством за все
Мне отплатил владыка Олимпийцев!
Не доверять ни близким, ни друзьям —
Таков недуг тиранов всемогущих!
Но вы хотели знать, за что Зевес
Казнит меня. Я вам скажу, внимайте:
На отчий трон воссев, он разделил
Дары земли и неба меж богами
И утвердил незыблемую власть.
Но в дележе обидел смертных: не дал
Им ничего, хотел, их истребив,
Создать иное племя, и никто
Среди богов за смертных не вступился.
Когда б не я — они бы все погибли,
Убиты громом Зевса: я восстал,
От гибели я смертных спас и принял
Такую казнь за то, — что страшно видеть,
Страшной терпеть. Я пожалел людей,
Но жалости не заслужил от бога.
Да будут же страдания мои
Уликою, позорящею Зевса!

Хор

Нет, у того в груди не сердце — камень,
Кто о тебе не плачет, Прометей!
О, лучше б мук твоих мы не видали, —
Но, увидав, не можем не скорбеть!

Прометей

Мой вид — увы! — не радостен для друга...

Хор

Ты что-нибудь не сделал ли еще?

Прометей

Еще я смертным дал забвенье смерти.

Хор

Но как могли про смерть они забыть?

Прометей

Я поселил надежды в них слепые.

Хор

То не был ли твой величайший дар?

Прометей

Нет, — я им дал еще огонь небесный...

Хор

Огонь — в руках таких созданий жалких?

Прометей

И многому научит он людей.

Хор

Так вот за что разгневанный Кронион
Тебя на казнь обрек и не щадит!
Ужели нет конца твоим страданиям?

Прометей

Конец один — Зевесов приговор.

Хор

О, если так, — надежды мало. Видишь,
Ты был неправ. Сказать, что ты неправ,
Мне тягостно, тебе услышать — горько;
Оставим же, — подумаем, как быть.

Прометей

Тому, кто сам не чувствует страдания,
Давать советы умные легко.
Ведь это все я знал и все предвидел,
Но сам того хотел и сам избрал
Мою судьбу, чтоб быть полезным людям.
А все ж не думал я, что, так жестоко
Наказанный, я буду пригвожден
К нагой скале пустынной, безнадёжной...
Но нет, пока не плачьте надо мной,
Приблизьтесь же, сойдите с колесницы,
И лишь когда услышите про муки
Грядущие, тогда поймете все.
Узнайте скорбь мою и пожалейте!

Грозящая всему живому скорбь
Одних — теперь, других постигнет завтра!

Хор

Мы и так тебя жалеем,
Сходим на землю, покинув
Воздух, светлый путь для птиц.
Посмотри: ногою легкой
Уж коснулись мы гранита,
Поскорей хотим услышать
Повесть грустную твою.

(Появляется бог Океан на крылатом чудовище.)

Океан

К тебе, Прометей, я примчался
Чрез много земель и морей:
Драконом крылатым по воле
Могу без узды управлять.
Я мукам твоим сострадаю, —
Ведь ты мне родной; да и так
Сильней, чем родного по крови,
Я сердцем тебя полюбил.
И вот докажу мою дружбу,
Я льстить никому не привык:
Попробуй, проси, чего хочешь, —
Я сделаю все для тебя,
И знай: не найти тебе друга
Верней, чем старик Океан!

Прометей

И ты пришел взглянуть на казнь мою!
Но как, скажи, решился ты покинуть
Для Скифии, рождающей железо,
И для пустынь чужих родные волны
И влажные скалистые пещеры?
Ты говоришь, что поспешил затем,
Чтоб выразить участие страдальцу?
Смотри же — вот, кто Зевсу на престол
Помог взойти: смотри, какою мукой
Мне отплатил союзник мой и брат!

Океан

Я вижу, друг... Хотя и сам исполнен
Ты мудрости, послушай старика:

Смирись пред Зевсом, новые законы
Признай, затем, что ныне новый царь
На небесах; хоть до него далеко,
Но берегись, он может услышать
Слова твои надменные, и, горе! —
Тогда твоя теперешняя казнь
Покажется лишь детскою забавой.
Нет, лучше гнев бессильный укроти,
Подумай, как от мук спастись. Быть может,
Советами наскучил я тебе?
Что ж? Не взыщи, ты видишь сам, как платим
Мы дорого за дерзкие слова.
Зачем же, друг, склонить главу не хочешь
И потерпеть? Ведь новую беду
Легко навлечь; а если бы ты раньше
Спросил меня, я счел бы, Прометей,
Безумием противиться такому
Могучему и страшному царю...
Но все ж теперь пойду и постараюсь
Помочь беде, насколько хватит сил.
А ты, о, друг мой, слишком вольной речи
Остерегись: ты мудр и знаешь сам,
Что за нее наказывают дерзких.

Прометей

Завидую тебе: ты невредим,
А был, как я, мятежником когда-то.
Но обо мне не хлопочи и знай —
Не убедишь ты Зевса: он упрям.
Смотри, опасно быть со мною в дружбе.

Океан

Другим давать умеешь ты советы,
А сам себя от гибели не спас.
Но я иду — не возражай — и буду
Ходатаем твоим; надеюсь, Зевс
В угоду мне с тебя оковы снимет.

Прометей

Чтоб мне помочь, ты сделать все готов...
Благодарю за дружбу; но меня
Ты не спасешь, — твои усилия тщетны.
Оставь меня и думай о себе:
Гонимый сам, я не хочу, чтоб были

Невинные гонимы за меня.
И без того уже терзает душу
Мне Атласа, родного брата, скорбь;
Того, кто держит на спине могучей
Земли и неба тяжкие столпы.
И жалко мне чудовища Тифона
Стоглавого, проклятого, во тьме
Живущего в пещерах сицилийских,
Низринутого с неба: на богов
Восстал Тифон и, свистом оглушая,
Он поднял к ним зияющую пасть;
Из глаз его сверкал огонь Горгоны,
Олимп низвергнуть он грозил; но Зевс
В него ударил меткою стрелою,
Громоподобной, огненной; молчать
Бунтующего молнией заставил,
И вдруг Тифон всю силу потерял:
Обугленный и в сердце пораженный,
У волн морских лежит он и доныне,
Как мертвое, недвижимое тело,
Раздавленный корнями Этны. Пышет
Кузнец Гефест на высоте горы.
Но лишь тогда, как хлынут реки лавы
Из кратера и, жадные, пожрут
Плоды полей Сицилии цветущей, —
Испепеленный Зевсом, но живой,
Тифон проснется, изрыгая пламя
И ярость. Впрочем, знаешь сам, — не нужен
Рассказ мой. Думай о своем спасенье,
А я — терпеть готов, пока Зевес
Не утолит безжалостного сердца.

Океан

Ты ведаешь, что мудрые слова —
Целители души, горящей гневом.

Прометей

Когда утихнет гнев, — а не тогда,
Как яростью еще пылает сердце.

Океан

Какой же вред ты видишь в осторожной
Попытке?

Прометей
Труд беспцельный и безумье.
Океан

Порой и мудрость кажется безумьем?
Прометей

Мне за тебя придется дать ответ.

Океан
Ты требуешь, чтоб я тебя покинул?

Прометей
Не то со мной наказан будешь.

Океан
Кем?
Не новым ли владыкой Олимпийцев?

Прометей
Смотри, — его прогневать берегись.

Океан
Мне казнь твоя урок.

Прометей
Беги, спасайся,
Не медли!

Океан
Я лечу, крылатый змей
Несет меня по светлomu эфиру,
И к морю мчится радостно домой.

(Океан улетает.)

Хор
Строфа первая
Горько я плачу о муках твоих, Прометей!
Видишь, — из глаз моих, полных
Нежностью, слезы на щеки
Льются струею обильной...
Правит вселенной
Бог самовластный,

Бог, беспощадный
К древним богам.

Антистрофа первая

Стоном и плачем окрестные земли полны:
Люди скорбят над тобою,
Над вековечною славой
Братьев титанов погибших.
Плачут народы
Азии древней,
Все сострадают
Мукам твоим.

Строфа вторая

Плачут и девы Колхиды,
Неустрасимые в битвах,
Плачут кочевники-скифы —
Там, близ болот Меотидских,
В чуждой далекой земле.

Антистрофа вторая

Цвет аравийских народов,
Плачут и горцы Кавказа,
Дикое племя в щетине
Копий железных и пик.

Эподос

Одного мы прежде знали
Бога, скованного цепью,
Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На плечах могучих держит
Беспределный свод небес.
Волны падают на волны,
Плачет море, стонут бездны,
Под землей в пещерах черных
Содрогается Аид, —
И текут, как слезы горя,
Родники священных рек.

Прометей

Не думайте, что я молчу, о, сестры
Из гордости. Но вся моя душа
Сознанием обиды нестерпимой

Поглощена. Не я ли даровал
Великую победу Олимпийцам?
Вы знаете о ней. Не буду вам
Рассказывать. Но выслушайте повесть
О жалких смертных.

Это я им дал,
Бессмысленным, могущественный разум!
Не с гордостью об этом говорю,
Но лишь затем, чтоб объяснить причину
Моей любви к несчастным. Люди долго
И видели, но не могли понять,
И слушали, но не могли услышать.
Подобные теням, как бы во сне,
По прихоти случайностей блуждали,
И было все в них смутно; и домов,
Открытых солнцу, строить не умели
Из кирпичей иль бревен, но в земле,
Как муравьи проворные, гнездились,
Во тьме сырых землянок и пещер;
Не ведали отличия зимы
От летних дней горячих, плодоносных,
Иль от весны цветущей; дикари
Творили все без размышленья, слепо.
Но, наконец, я бедным указал
Восход светил, закат их, полный тайны,
Глубокую науку чисел, букв
Сложение и творческую память,
Великую родительницу муз.
Я в первый раз животных диких, вольных,
Поработил ярму, чтоб сделать их
Во всех трудах помощниками людям:
Послушного браздам запряг коня,
Красу для глаз и гордость человека,
И с крыльями льняными изобрел
Летающие в море колесницы
Для моряков. Но столько дивных тайн,
Искусств, наук открывший жалким людям —
Спасти себя ничем я не могу!

Хор

Увы! От мук, от скорби обезумев,
Бродя во мгле, не можешь ты найти, —
Как некий врач неопытный, — лекарства,
Чтоб исцелить свой собственный недуг!

Прометей

Еще не все: лишь до конца дослушав,
Увидите, как много я им дал.
И вот мой дар великий: в дни былые
Не ведали они целебных трав,
Лекарственных напитков, притираний,
И умирал беспомощно больной.
Но я им дал спасительные травы,
Смешение лекарств, чтоб злой недуг
Одoleвать. Искусство прорицаний
Установил, и, правду ото лжи
В пророческих виденьях отделяя,
Я вещие приметы указал,
Что путнику встречаются в дороге,
Что видим мы в полете птиц с кривыми
Когтями — знак иль добрый, иль дурной;
Воздушные собрания пернатых,
Их пищу, жизнь, любовь и неприязнь,
Отличия во внутренностях теплых,
И печени, и желчи цвет желанный —
Все признаки, угодные богам;
И части жертв, обернутые жиром,
И бедра их широкие сложив
Над пламенем на алтаре священном,
Я всеожженью смертных научил,
И знаменьям глубоким, сокровенным,
Являемым в пылающем огне...
Таков мой дар. И кто сказать посмеет,
Что для людей не я открыл руду,
Железо, медь, и серебро, и золото?..
Но в двух словах — чтоб краток был рассказ:
Все от меня — искусство, знание, мудрость.

Хор

Довольно ты заботился о людях,
И о себе подумай: может быть,
Еще стряхнув позорные оковы,
Ты будешь вновь могуществен, как бог.

Прометей

Нет! Рок не то судил, неумолимый:
Лишь тысячи страданий претерпев,
Из этих уз я вырвусь на свободу.
Мы все — ничто пред волею Судьбы!

Хор

Но кто ж Судьбы таинственный владыка?

Прометей

Эринии и тройственные Парки.

Хор

Ужели Зевс слабей богинь Судьбы?

Прометей

Что суждено, того он не избегнет.

Хор

Не суждено ль вовек ему царить?

Прометей

Я не могу ответить: не просите.

Хор

Ужасное скрываешь ты от нас!

Прометей

Молчите же... Пока еще не время
Нам говорить об этом: до конца
В душе моей хранить я буду тайну,
Скрывать, молчать, чтобы спастись от мук.

Хор

Строфа первая

С волей всевышнего лучше не спорить вовеки!
Будем же чаще богам угождать гекатомбой,
Жертвой, закланной у волн необъятного моря.

Не согрешим даже словом,
Божий завет в нашем сердце
Свято храня.

Антистрофа первая

Сладко нам дни проводить, если верим мы в счастье,
Сладко нам душу питать непорочной надеждой.
Гордый титан, мы глядим на тебя с содроганьем:

Не побоялся ты бога.
Слишком возвысил ничтожных,
Слабых людей.

Строфа вторая

Что в их любви? Разве смертные могут помочь?
Разве не знал ты, что немощью
Сковано племя их бедное,
Недолговечное,
Грезам подобное?
Не перестроить им мира — создання богов.

Антистрофа вторая

Вот чему учат страдания твои, Прометей!..
Песни иные мы некогда
Пели тебе, новобрачному,
Песни веселые, —
Гимны счастливце,
Нашей сестре Гесионе, невесте твоей!
(На сцену вбегает Ио, дочь Инаха, безумная.)

Ио

Что за край, что за люди? Кто там, на скале,
Обвеваемой бурями,
Тяжко стонет в цепях? О, скажите, за что
Он прикован безжалостно?
О, скажите, в какую страну забрела
Я, несчастная?
Увы, увы!
Овод пронзил меня жалом,
Аргуса призрак! Спасите!..
Страшно мне! Видите, вот он —
Тысячеглазый,
Вот он — со взором лукавым,
Мертвый восстал из земли,
Вышел из ада,
Гонит меня по прибрежным пескам, исхудалую!

Строфа

Вздохи доносятся флейты пастушьей, унылой,
Гимн усыпительный. Горе,
Горе! Куда забрела я, скиталица?
Зевс, о, за что ты меня на страдания обрек?
Мучишь, преследуешь, полную ужасом,
Жалкую деву, безумную!
Громом убей меня, в землю укрой,
Брось на съедение гадам морским!

Боже, внимли
Стонам моим!
Я уж скиталась довольно.
О, если бы знать мне,
Где мой приют!
Слышишь ли жалобы бедной изгнанницы?

Прометей
Ко мне достиг твой голос, дочь Инаха.
Я знаю все: Зевес тебя любил,
И вечно ты, преследуема Герой
И оводом язвима, бежишь.

И о
Антистрофа
Имя назвал ты отца моего. Отвечай мне:
Кто же ты сам, о, несчастный,
С девой несчастною слово промолвивший?
Знаешь ты, посланный богом, мой страшный недуг,
Жалом пронзивший меня и терзающий.
Ревностью Геры гонимая,
Всюду мечусь я, не помню себя
И, обезумев от боли, бегу!
Можно ль страдать
Больше, чем я?
Если ты знаешь, открой мне;
Долго ли, бедной,
Муки терпеть?
Молви, утешь ты меня, одинокую!

Прометей
В простых словах, без тайн и недомолвок,
Скажу я все, о чем ты хочешь знать,
Как добрый друг, беседующий с другом.
Я — Прометей; я людям дал огонь.

И о
О, бог несчастный, благодетель смертных!
За что же ты страдаешь, Прометей?

Прометей
Я только что рассказ об этом кончил.

И о
Но милостив не будешь ли ко мне?

Прометей

Открою все. Скажи, чего ты хочешь?

Ио

Я знать хочу, кто приковал тебя?

Прометей

Веление богов, — рука Гефеста.

Ио

Но в чем вина? За что тебя казнят?

Прометей

Я о себе уж говорил довольно.

Ио

Прости, еще одно: когда настанет
Конец моим страданиям, открой!

Прометей

Поверь: тебе не знать об этом лучше.

Ио

Что б ни было в грядущем, — не скрывай!

Прометей

Я обещал, и все тебе открою.

Ио

Не медли же, прошу, начни скорей.

Прометей

Сейчас начну; боюсь я опечалить...

Ио

Мне лучше знать. Не бойся, говори.

Прометей

Ты требуешь, — да будет так. Внимай же.

Хор

Нет, погоди: хотели мы просить,
Нельзя ль и нам из уст ее услышать
О горестной судьбе ее рассказ?
Ты ей потом грядущее откроешь.

Прометей

(к Ио)

Исполнить их желание — твой долг:
Ведь по отцу они тебе родные.
Повествовать о скорби нам легко,
Когда мы знаем, что слезой участья
Почтут рассказ внимающие нам.

Ио

Я не могу вам отказать, о, нимфы,
Узнайте жизнь печальную мою.
Вы видите — я плачу, вспоминая,
Как божий гром ударил, как навек
Утратила я образ человека.
Ночные сны летали надо мной,
Ночные сны в моей девичьей спальне
Шептали мне: «К чему ты так горда
И девственна? Ты можешь быть супругой
Великого царя: Зевес пронзен
Стрелой любви, и радости Киприды
С тобой, дитя, он жаждет разделить.
Не отвергай же ты объятий бога!
В цветущий дол, в Лернейские поля,
Сойди к нему, сойди к стадам отцовским,
Чтоб Зевсово желанье утолить...»
Мне по ночам покоя не давали
Крылатые видения, пока
Об этих снах отцу я не сказала.
Он много раз в Додону посылал.
И к Пифии, смиренно вопрошая,
Как совершить угодное богам.
Но все послы, вернувшись, приносили
Неясные пророчества отцу.
И лишь потом пришел к нему понятный,
Прямой ответ — веление богов —
Изгнать меня из отческого дома
В неизвестные и дальние края;
Не то Зевес грозил весь род Инаха
Стрелой громов палящих истребить.
Родитель внял Дельфийским прорицаньям,
Но не хотел изгнать свое дитя,
Противился. И бог заставил силой
Безжалостный исполнить приговор.
Я образ мой утратила и разум;

Рогатая, прияв телицы вид
И оводом гонима с острым жалом,
В неистовстве я бросилась бежать.
И по берегам Керхнеи тихоструйной,
И по холмам Лернейским. Сын Земли
За мной следил, жестокосердный Аргус,
С несметными очами вечный страж.
Но он погиб. И под бичом небесным
Из края в край скитаться суждено
Мне, оводом терзаемой. Ты знаешь
Прошедшее — открой же мне теперь
Грядущие страдания. Но не думай
Баюкать слух мой лестью: ничего
Не может быть постыдней речи лживой.

Хор

Подожди, подожди,
Дай нам мысли собрать.
Ио, Ио, — увы!
Твой неожиданный рассказ
Наше сердце смутил.
Нас пронзил, как мечом,
Твой великий позор,
Беспредельная скорбь.
О, Судьба, о, Судьба!
Мы дрожим пред тобой!

Прометей

Вы плачете, пугливые создания, —
Внимайте же, внимайте до конца!

Хор

Мы слушаем. Отрадно знать несчастным
Их горестям назначенный конец.

Прометей

Исполнил я охотно вашу просьбу:
Как сами вы желали, от нее
Услышали страдальческую повесть.
Узнайте же, что в будущем терпеть
Ей суждено от Геры беспощадной.
А ты мои слова запечатлей
В душе, чтоб знать конец своих скитаний,
Несчастливая.

К восходу обратясь,
Сперва пройди не вспаханные земли
И Скифии достигни. Там живут
Кочевники в возах с плетеной крышей,
С колесами большими, и у них
В колчанах спят губительные стрелы:
Их нрав жесток и страшен, — берегись.
Потом придешь ты к бурному потоку,
Иди все прямо, брода не ищи,
Пока высот Кавказа не достигнешь,
Где истощит река в теснинах гор
Свой лютый гнев. Тогда через вершины,
Что высятся до звезд, спустись на юг,
И ты полки увидишь амазонок,
Воительниц, не ведавших мужей.
(Им суждено уйти к стране далекой,
На Термодон, где грозный Сальмидесс,
С утесами залив, открытой пастью
Испуганных встречает моряков.)
И с радостью укажут амазонки
Тебе твой путь. Преддверие болот —
Ты Киммерийский минешь перешеек,
И, переплыв с отвагою пролив,
Прославишься навеки переправой,
И в честь твою Босфор получит имя.
Тогда ты вступишь в Азию.

Итак,
Вы видите теперь, что царь Олимпа
Ко всем равно жесток: он вождедел,
Бессмертный бог, со смертной сочетаться, —
И вот за что обрушил столько бед
На робкую, беспомощную деву.
Жестокого супруга избрала
Ты, бедная: ведь сказанное мною —
Лишь первое начало мук твоих.

И о

Увы, увы!

Прометей

Ты плачешь? Что же будет,
Когда ты все узнаешь до конца!

Хор

Скажи, какой конец ее страданьям?

Прометей

Пучина слез, отчаянья и бед.

Ио

На что мне жизнь! Зачем я лучше в пропасть
Не кинулась с вершины этих скал?
Лежала бы я мертвая в долине,
Свободная от мук. Отрадней сразу
Нам умереть, чем мучиться всю жизнь!

Прометей

А как бы ты мои терпела муки?
Мне даже Рок и в смерти отказал.
(Была бы смерть желанною свободой!)
Но моему страданию нет конца,
Пока с Олимпа Зевс не будет свергнут.

Ио

Что ты сказал? Ужели Зевс падет?

Прометей

Ты будешь ли его паденью рада?

Ио

Подумай сам: он погубил меня.

Прометей

Так радуйся: слова мои правдивы.

Ио

Кто царский скиптр отнимет у него?

Прометей

Он скиптра сам лишит себя безумьем.

Ио

Когда и как, не можешь ли открыть?

Прометей

От брачного союза он погибнет.

Ио
С богиней ли, со смертною — скажи?

Прометей
Не спрашивай: я не могу ответить.

Ио
Не будет ли супругой свергнут Зевс?

Прометей
Родится сын у них сильнее Зевса.

Ио
И гибели ничто не отвратит?

Прометей
Ничто, пока не буду я свободен.

Ио
Но кто ж врагу богов свободу даст?

Прометей
Потомок твой: так суждено Судьбою.

Ио
Ужель тебя освободит мой сын?

Прометей
В тринадцатом колене правнук Ио.

Ио
Пророчество не ясно для меня.

Прометей
Забудь его: судьба твоя ужасна.

Ио
Судьбу предречь ты сам мне обещал.

Прометей
Одно из двух я для тебя исполню.

Ио
Скажи мне, что: я выберу сама.

Прометей

Я предреку конец твоих несчастий
Иль день моей свободы; выбирай.

Хор

Пускай ты ей одну окажешь милость,
Другую — нам. Мы молим, Прометей:
Ей предскажи конец ее страданий,
А нам — того, кто волю даст тебе.

Прометей

Противиться не буду вашей просьбе:
Открою же, что вы хотите знать:
Сперва тебе — твой путь. В скрижалях сердца
Запечатлей слова мои. Туда —
К сияющим лугам, к восходу солнца
Пройди чрез волны — грань материков,
И, за собой оставив Понт ревуций,
Увидишь ты Горгонские поля,
Кисфены дол, где обитают Парки,
Три страшных девы с ликом лебединым:
Единый зуб у них, единый глаз;
Сих темных дев не озарял вовеки
Ни солнца луч, ни тихий свет луны.
Вблизи живут крылатые Горгоны —
Не умерев, никто еще не мог
Взглянуть на трех сестер змеинокудых.
Я говорю: страшись, беги от них.
Но скоро ты увидишь новый ужас:
Безжалостных грифонов с острым клювом,
Крониона не лающих собак
И Аримаспов конных, однооких
На берегу золотоносных волн
Плутоновой реки. Беги оттуда,
Беги на юг, где черные народы
Вкруг Солнечных Источников живут,
Где катится поток эфиопийский.
Библосских гор увидишь ты хребет,
Оттуда Нил свергает водопадом
Прозрачные, священные струи.
По берегам придешь ты к устью Нила
Трехгранному, где суждено тебе
И сыновьям твоим построить город.
Коль что-нибудь в словах моих темно,

Я повторю: ты видишь — слишком много
Невольного досуга у меня.

Хор

О будущих скитаньях Ио бедной
Докончи свой рассказ. А если все
Ты ей предрек, припомни нашу просьбу
Усердную; ты знаешь сам — о чем.

Прометей

О будущем я кончил прорицанья.
Теперь скажу о пройденном пути,
И, выслушав меня, увидит Ио,
Что ей не лгут пророчества мои.
Но о начале странствия не буду
Я говорить, скажу лишь о конце...
Достигла ты земли Молоссов, горы
Додонские узрела, где живет
Во храме Зевс, оракул Феспротийский,
И где шумят таинственной листвою
Священные, пророческие дубы
Их голосом была наречена
Ты будущей супругой Олимпийца,
Не правда ль — честь, завидная для жертв
Его любви!.. Объятая безумьем,
Приморскою дорогою бежать
Ты бросилась к заливу Реи. Скоро
В неистовстве направила назад
Свои шаги. Те волны назовут
Во славу Ио морем Ионийским
Далекие потомки.

Но довольно

Вы видите, что в сумрачную даль
Я за предел явлений прозреваю.
Теперь к тому, что прежде говорил,
Вернусь опять, и мой рассказ окончу:
Есть некий град Каноб на устьях Нила,
Построенный на отмелях реки.
Там возвратит Зевес тебе твой разум,
Дотронувшись ласкающей рукой
До скорбного чела. Родишь ты сына,
И черное, могучее дитя
Ты назовешь Эпафом. Будет жатву
Он собирать со всех полей, что Нил

Широкою волною орошает.
И пятьдесят цветущих дочерей
Из пятого колена в Арголиду
Вернутся вновь, гонимые стыдом,
Чтоб с братьями двоюродными лежа
Не разделить. Но похотью полны,
Преследуя союз кровосмешенья,
Те бросятся за ними по пятам,
Как соколы за стаяй белых горлиц;
И мстящий бог их крови будет жаждать,
Земля Пеласгов примет женихов,
Рукой невест заклянных в час полночный
На ложе сна, и каждая из дев
Глубоко в грудь двуострое железо
Вонзит супругу-брату. О, Киприда,
Такую страсть пошли моим врагам!
Лишь у одной, любовью побежденной,
Не хватит сил убить и пощадит,
И, ослабев, она свое бессилье
Жестокому убийству предпочтет.
Произвести весь род царей Аргоса
Ей суждено.

Я кончил мой рассказ;
Одно прибавлю: от того же корня
Родится в мир прославленный герой,
Что снимет цепь с меня. Мне предсказала
Об этом мать, родимая Земля,
Кормилица могучая титанов;
Но где и как он мне свободу даст,
О том молчу, и знать тебе не надо.

И о

(в припадке безумия)

Защитите, о, боги! Я чувствую, вновь
Охватило мне душу безумье.
Я горю, холодею. Пронзает меня
Ненасытного овода жало.
Сердце в страхе трепещет. Немеет язык
И вращаются очи. А ярость,
Словно буря былинку, уносит меня.
Тонет разум в пучине страданий!..

(Ио убегает.)

Хор

Строфа

Истинно мудрым был тот,
Кто посоветовал первый всегда заключать
С равными равным союз.
Бедный простой человек
Дружбы не должен искать
Ни богачей, ни вельмож!

Антистрофа

Пусть же, о, пусть никогда
Грозные Парки меня не увидят женой
Ни одного из богов...
Ио, мы плачем, дрожим,
Видя страданья твои,
Попранный девичий стыд.

Эподос

Мне не страшно быть женою
Тех, кто равен нам и близок.
Только пусть меня вовеки
Не настигнет Олимпийцев
Беспощадная любовь.
Это брань, где нет спасенья,
Это путь, где нет исхода.
Если кинет бог на деву
Страсти взор неотвратимый,
Что ей делать? Как несчастной
От всесильного бежать?

Прометей

Пусть ныне Зевс надменен: он смирится
И вступит в брак, что с высоты небес
Его, могучего, низринет в бездну.
В тот страшный день исполнится над ним
Отцовское проклятье, что на сына
Обрушил Кронос, падая с небес.
Но указать от этих бед спасенье
Из всех богов могу лишь я один.
Я знаю тайну... Пусть же Зевс на троне
Пока сидит, доверившись громам
И молнию в руке своей сжимая.
Он со стыдом падет, — и уж ничто
Не защитит его: боец восстанет
Неведомый, гигант непобедимый;

Он обретет огонь сильнее огня
Крониона, и гром — сильнее грома
Небесного, которым раздробит
Грозу морей, трезубец Посейдона.
И бог богов, привыкший к самовластью,
Тогда поймет, что значит быть рабом!

Хор

Так вот — твои мечты, твои желанья.

Прометей

Действительность, а не мечты мои.

Хор

Ужели Зевс пред кем-нибудь смирится?

Прометей

Да будет он страдать сильнее, чем я.

Хор

Что говоришь? О, как тебе не страшно!

Прометей

Мне? Страшно? Нет: ведь смерть — не мой удел.

Хор

Но казнь твою Зевес удвоить может.

Прометей

Пускай удвоит: я на все готов.

Хор

О, благо тем, кто чтит богиню Рока!

Прометей

Так будьте же рабами, покоряйтесь
И льстите всем богам. А для меня
Зевес — ничто. Пускай он правит миром, —
Царить ему недолго суждено...
Что вижу? Вот глашатай Олимпийца.
Должно быть, весть принес он от богов.

(Прилетает Гермес.)

Гермес

Я говорю с тобой, коварный, злейший
Из всех врагов Зевеса, вор огня
Священного, ходатай жалких смертных.
Разоблачить отец мой повелел,
Какой союз губительного брака
Ты, хвастая, дерзнул ему предречь?
Но говори яснее, без загадок:
Смотри, титан, не заставляй меня
Вернуться вновь. Угрозой ты не можешь
Царя богов на милость преклонить.

Прометей

Твои слова надменны и хвастливы;
Так говорить прилично слугам тех,
Кто сесть едва успел на трон Олимпа.
Вы думаете, новые цари,
Не может скорбь проникнуть к вам в чертоги?
Но видел я паденье двух владык,
Сильнее вас, и очередь — за третьим:
Он гибели, позорнейшей из всех,
Не отвратит... А ты, прислужник Зевса,
Надеялся, что буду я дрожать
Пред этими ничтожными богами?
О, я не пал еще так низко! Нет,
Ты от меня не выведаешь тайны.
Уйди, вернись к пославшему тебя!

Гермес

Не этой ли строптивостью безумной
Ты казнь свою и цепи заслужил?

Прометей

Но знай, Гермес, что казнь мою и цепи
Не променял бы я на твой позор:
Почетней быть прикованным к граниту,
Чем вестником проворным у царей
Служить, как ты! Обида — за обиду.

Гермес

Ты, кажется, своим мученьям рад?

Прометей

Пускай судьба пошлет такую радость
Врагам моим — и ты один из них!

Гермес

Но в чем же я виновен пред тобою?

Прометей

Вас, боги, всех, платящих за добро
Предательством, равно я ненавижу.

Гермес

От горя ты рассудок потерял.

Прометей

Иль ненависть к мучителям безумна?

Гермес

Ты не был бы и в счастья добрей.

Прометей

(стонет)

Увы!..

Гермес

Вот крик, неведомый Зевесу.

Прометей

Пусть поживет, — научится всему.

Гермес

Быть мудрым жизнь тебя не научила.

Прометей

Да, если б я мудрее был, — не стал бы
И говорить с таким рабом, как ты!

Гермес

Так услужить не хочешь Олимпийцу?

Прометей

(намежливо)

Мне есть, за что ему служить, не правда ль?

Гермес

Как с мальчиком, со мной ты говоришь...

Прометей

Нет, ты глупей, чем маленькие дети,
Коль думать мог, что я открою тайну:
Сказать того, что знаю, не заставит
Меня мой враг ни хитростью, ни злобой,
Пока цепей не снимет. Пусть же Зевс
Испепелит меня огнями молний,
Обвеет снегом белокрылых вьюг,
Разрушит мир подземными громами, —
Не покорюсь, не назову того,
Кто власть отнимет у него.

Гермес

Опомнись!

Тебе упрямство не поможет.

Прометей

Знаю.

Я все давно предвидел и решил.

Гермес

О, если бы хоть горе научить
Тебя могло разумному смиренью.

Прометей

Оставь меня, уйди. Ты думал, раб,
Что я смирюсь, испуганный угрозой,
Что буду я о милости взывать,
С мольбою к Зевсу простирая руки,
Как женщина? Не быть тому вовек!

Гермес

Я расточал слова мои напрасно:
Не слушаешь ни доводов, ни просьб;
Как юный конь, уздой непокоренный,
Ты в ярости кусаешь удила.
Упорство неразумное: поверь мне,
Развеется, как пыль, гордыня тех,
Кто слаб умом, но сердцем смел и буен.
Не хочешь ли смириться, — так узнай,
Какой тебе готовят боги жребий:
Сначала Зевс в осколки разобьет
Вершины скал небесным громом. В бездну,

Сорвавшись с них, ты упадешь стремглав,
И в недрах гор, в объятиях гранитных
Задохнешься. Столетия протекут,
Пока ты вновь увидишь свет небесный.
Тогда тебя начнет терзать орел,
Крылатый пес Зевеса, ненасытный.
И, прилетая, будет каждый день
Он вырывать когтями клочья тела,
Незванный гость на пиршестве кровавом,
Питаюсь черной печенью твоей.
До той поры не жди конца страданиям,
Пока другой не примет мук твоих
Страдалец-бог и к мертвым в темный Тартар,
Во глубину Аида не сойдет.
Мои слова — не тщетная угроза:
Зевес не лжет, и совершится воля
Всесильного. Подумай — говорю
В последний раз — не лучше ли покорность?

Хор

Он прав. Смири, смири, титан могучий,
Свой гордый дух и богу покорись!
Послушайся советов добрых: стыдно
Упорствовать в ошибке мудрецу.

Прометей

Все, что молвил Гермес, я предвидел давно!
Но врагу от врага не позорно
Пасть в открытой борьбе. Пусть же мечет в меня
Бог снопами огней смертоносных,
Пусть эфир поколеблет раскатом громов,
Пусть такую он бурю подымет,
Что земля содрогнется на вечных корнях,
Пусть, безумствуя, в вихре смешает
Волны моря с огнями небесных светил,
Увлечет в глубину мое тело,
В преисподнюю сбросит, — убить до конца
Он не может меня: я бессмертен!

Гермес

Это дикий бред безумца!
Разве мог бы муж разумный
Не смирить в таких страданиях
Буйной гордости своей.

Девы, полные участием
И любовью, удалитесь,
Отойдите, чтобы сердца
Не потряс вам грохот тяжкий
Оглушительных громов.

Хор

Неужель совет исполним?
Слушать больно. Сестры, сестры,
Не изменим, не покинем
Одинокого страдальца,
Будем горе с ним делить,
И покажем, что измену
Ненавидим всей душой!

Гермес

Если так, не забывайте
Вы предсказанного мною,
Не корите Олимпийца;
Вы избрали добровольно,
Вы предвидели беду.
Не внезапно, не коварно
Скоро будете, о, нимфы,
Вы уловлены сетями
Неминуемой судьбы.

Прометей

Исполняется слово Зевеса: земля
Подо мною трепещет.
Загудело раскатами эхо громов,
Пламя молний сверкает...
Закружилась вихрями черная пыль...
Налетели и сшиблись
Все противные ветры. Смешались в борьбе
Волны моря и воздух.
Узнаю тебя, Зевс! чтоб меня ужаснуть,
Ты воздвиг эту бурю.
О, Земля, моя мать! О, небесный эфир,
Свет единый, всеобщий!
Посмотрите, какие страданья терплю
Я от бога — невинный!

(Скала вместе с Прометеем обрушивается в бездну.)

СОФОКЛ

ЭДИП-ЦАРЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Эдип.
Жрец.
Креон.
Хор старцев фиванских.
Тиресий.
Иокаста.
Вестник.
Пастух.
Слуга.

Место действия: перед царским дворцом в Фивах.

Эдип

О дети, Кадма древнего питомцы,
Зачем вы так стоите предо мной,
Унылые, молящие — с ветвями?
Весь город полон дымом фимиама,
Повсюду вопль и похоронный плач.
Я к вам иду, возлюбленные дети!
Хочу про все узнать из ваших уст, —
Я тот, кого зовут Эдипом славным.
Скажи мне, старец, — говорить пристойно
Тебе за всех, — скажи, зачем пришел
Сюда народ? Боится, иль желает
Чего-нибудь? На помощь к вам спешу:
Имел бы я безжалостное сердце,
Когда б не внял такой мольбе!

Жрец

Эдип,

О, царь моей отчины, — видишь, — все мы
Сидим, обняв подножье алтарей.
Вот — слабое дитя, вот — старый жрец,
Под тяжестью годов согбенный, отрок

Во цвете юности, и весь народ,
Священными ветвями осененный,
Недвижимый на стогнах городских,
Вкруг алтарей пророческих Исмена
И пред двойным святилищем Паллады.
Уже главы поднять не может город,
Потопленный кровавою волной:
Стада в полях тоскуют, гибнет семя
Плодов земных, и дети умирают
Во чреве жен. Проклятая богиня,
Пылающая Язва Моровая
Свирепствует и, наполняя Ад
Стенаньями, опустошает город.
Мы все пришли сюда не потому,
Чтобы тебя считали равным богу,
Но в бедствиях и испытаньях, свыше
Ниспосланных, ты — первый из людей.
Недаром же, придя в обитель Кадма
Священную, ты уничтожил дань,
Что мы платили некогда свирепой
Пророчице. Без помощи людской,
Лишь мудростью, дарованной богами,
Ты спас нам жизнь. Так думает народ.
И ныне, царь из всех царей сильнейший,
К тебе с мольбой взываем: «Заступись!
Скажи, Эдип, кто из богов, иль смертных
Поможет нам? Мы знаем, что совет
Испытанных мужей приводит к счастью.
Не медли же, о, лучший из людей,
Восстанови наш город! В дни былые
Назвал тебя спасителем народ;
О, будь же им опять, уже спасенным
Тобою раз — не дай погибнуть вновь.
Освободи от бед родную землю.
Чем прежде был, тем снова будь для нас.
Иди, сверши свой подвиг благодатный.
Не лучше ли народом управлять,
Чем властвовать в пустой земле? Ничтожен
Корабль в волнах, и башня крепостная,
Лишенные живущих в них людей».

Эдип

О, бедные, возлюбленные дети!
Все ведаю; не скрыто от меня,

Какая скорбь постигла нас, и верьте,
Что как бы ни страдали вы, — меж вами
Нет никого, чья скорбь равна моей,
Затем, что каждый за себя страдает,
А я — за всех, за город и себя.
Не спящего меня вы пробудили, —
Нет, уж давно я плачу и скорблю,
И многими путями я блуждаю,
Найти исход пытаюсь. Есть одно
Спасение: обдумав все, прибегнуть
Я должен был к нему: во храм Пифийский
Креон мной послан, брат моей жены,
Да спросит Менойков сын у бога,
Каким деяньем, жертвой иль обетом
Мне мой народ от гибели спасти.
Он долее положенного срока
Остутствует. Считаю день за днем,
В тревоге жду. Когда ж придет с ответом,
Пускай меня преступным назовут,
Коль не свершу я всех велений бога.

Жрец

Царь, вовремя о нем ты вспомнил: здесь —
Креон. Его приход мне возвестили.

(Креон появляется вдали.)

Эдип

Как светел лик его! Дельфийский бог,
Да будет весть твоя такой же светлой!

Жрец

Должно быть, весть отрадная, — смотри:
Креона лавр венчает плодоносный.

Эдип

Узнаем все: он слышит голос наш.
О, брат моей супруги, сын Менойка,
Какую весть от бога ты принес?

Креон

Счастливую, — затем, что даже скорбь
Я назову счастливой, если к благу
Ведет она.

Эди п

Мы внемлем. Объясни,
Что значит речь твоя. Еще не знаю, —
Надеяться, бояться ли.

Креон

Ты хочешь,
Чтоб говорил я здесь, перед народом,
Иль во дворце, наедине с тобой?

Эди п

Здесь говори, при всех. За них, о, брат мой,
Я более скорблю, чем за себя.

Креон

Открою все, что слышал я от бога:
Владыка Феб повелевает нам
Очиститься от древнего проклятья,
Чтоб нами же питаемое зло
Не сделалось навек неизлечимым.

Эди п

Очиститься? Но чем? Какое зло?

Креон

Убийцу мы должны изгнать, иль смертью
Смерть искупить невинного, чья кровь
Проклятием наш город осквернила.

Эди п

Но кто злодей, изблеченный богом?

Креон

Ты слышал ли, что Лайос был царем
До твоего прихода?

Эди п

Слышал, брат мой,
Но сам его не видел никогда.

Креон

Он жертвой пал злодеев: ныне Феб
Повелевает отомстить убийцам.

Эди п

Кто ведает, в какой они стране,
Кто след найдет столь древнего злодейства?

Креон

Феб говорит, что здесь они, меж нас,
В родной земле: не знает, кто не ищет,
А ищущий находит.

Эди п

Отвечай,

Где Лайос был убит: в своем ли доме,
Иль где-нибудь за городом, в полях,
Или в чужой земле?

Креон

Во храм Дельфийский
Он путь держал и, говорят, с тех пор
Уж никогда домой не возвращался.

Эди п

Но, может быть, от спутников царя
От слуг его мы что-нибудь узнаем?

Креон

Нет, все погибли, кроме одного,
Успевшего бежать. О злодеянье
Немногое он рассказал нам.

Эди п

Что?

Довольно будет нам следов немногих,
Чтоб все открыть. Но только бы, друзья,
Была у нас хоть слабая надежда.

Креон

Он говорит, что Лайос не одним
Злодеем был убит, а целой шайкой
Разбойников.

Эди п

Без подкупа едва ли
Разбойники отважиться могли
Свершить такое дерзкое убийство.

Креон

Так думали и мы. Но в скорби новой
О мщении забыли.

Эдип

О, Креон,
Изобличить такое злодеянье
Какая скорбь могла вам помешать?

Креон

Лукавый Сфинкс, грозя несчастьем близким,
Далекое принудил позабыть.

Эдип

Но долг мой ныне — обличить виновных.
И Пифии достойно, и тебя,
Что вспомнили вы о царе убитом.
Чтоб отомстить за город и богов,
И я в союз вступаю с вами. Верьте,
Что восстаю на месть не за других,
А за себя: кто Лайоса убил,
Тот, может быть, поднять посмеет руку
И на меня. Так собственную жизнь
Я охраню, изобличив злодея.
Вставайте же, о, граждане, скорей,
Просительные ветви покидая.
Пусть кто-нибудь на площадь соберет
Кадмеян. Дети! С помощью богов
Спасу народ, иль вместе с ним погибну.

Жрец

Идемте же, о, граждане. Эдип
Исполнит то, о чем его мы просим.
Да будет Феб, пророческую весть
Пославший нам, спасителем народа.

Хор

Строфа первая

Слово богов из Пифийского храма, обильного
Золотом, к нам прилетело ты, сладко поющее,
В город наш царственный.
Феб, пред тобой, о, владыка божественный Делоса,
Мы содрогаемся.
В страхе вечном мы не знаем,

Что нам каждый час готовит,
Или дней, бегущих мерно,
Возвращающийся круг.
Ты мне поведай о том, о, дитя золотое Надежды,
Слово богов амброзийное!

Антистрофа первая

К первой, к тебе мы взываем, Афина бессмертная,
Зевсова дочь, и к тебе, Артемида, Защитница
Нашего города,
В шумном собраньи народа, на круглом, блистающем
Троне сидящая!
Также к Фебу с луком звонким,
Дальнометущим, — все трое
Вы придите к нам, о, боги,
Исцеляющие скорбь!
Ибо спасли уже раз вы от страшного бедствия город:
Сжальтесь и ныне, бессмертные!

Строфа вторая

Не уйти никуда от несчетных скорбей.
Ходит всюду болезнь; люди, в страхе немом,
О спасенье не думая, гибнут
Благодатных плодов не приносит земля,
Жены в муках кричат и не могут родить.
И, неудержимое
Вспыхнувшего пламени,
Тени умирающих,
Словно легкокрылые
Птицы, устремляются
К Западному Берегу,
В царство вечной Тьмы.

Антистрофа вторая

Нет могилам числа, и гниют по земле
Груды жалких, никем не оплаканных тел.
И рыдают, и бьются о камни
Поседевшие матери, жены — с мольбой.
Пред немym алтарем беспощадных богов
Раздаются мрачные
Песни похоронные,
Звуки гимнов жалобных.
Ты приди, помилуй нас,
Защити от гибели,

О, Тучегонителя
Золотая дочь!

Строфа третья

Страшного бога Поветрия,
Бога Арея — без медного
Шлема, меча и брони,
Но с пожирающим пламенем,
С воплем на жертвы сходящего,
Ты прогони далеко:
Или на ложе великое
В дом Амфитриты лазуревой,
Или на мрачные
Скалы Фракийские
Скорбь, зачавшуюся ночью,
День нерадостный кончает...
Зевс-Отец, владыка молний,
Благодатными громами
Бога смерти опали!

Антистрофа третья

Где твои стрелы-защитницы,
Неодолимо-разящие,
Гром тетивы золотой,
Лук, твоей силой натянутый;
Где ты, бог Солнца прекрасного?
Где Артемиды, в горах
Ночью блуждающей,
Светочи яркие?
Эвий-Вакх златовенчаный,
Друг неистовых вакханок,
Бог вина румянолицый,
Ты огнем своих веселий
Бога Смерти опали!

Эдип

О, граждане! молитву вашу боги
Услышали. Исполнив мой совет,
Вы можете избавиться от бедствий.
Я говорю, еще не зная тех,
Кем царь убит, и угадать не в силах
Пифийского веленья тайный смысл.
Мы ни одной улики не имеем,
Ни одного свидетеля; но вас

Я, позже всех пришедший гражданин,
О, граждане, на помощь призываю:
Не знает ли меж вами кто-нибудь,
Кем Лайос-царь убит был, сын Лабдаков?
Кто ведает, пусть говорит бесстрашно:
Коль даже сам себя он обличит,
Его из Фив мы удалим безвредно,
И большего он не потерпит зла.
А если кровь пролита чужестранцем,
Кадмеяне, не должно вам молчать:
Свидетели получают и награду,
И нашу милость царскую. Но тех,
Кто, зная все, укроет злодеянье,
За друга ли боясь, иль за себя, —
Внемлите все, — какая ждет их кара.
Я, господин и царь, повелеваю:
Кто б ни были свершившие убийство, —
Никто под кров свой да не примет их,
К молениям и жертвам не допустит,
Приветствовать их словом не дерзнет,
Не окропит водою очищенья.
Да выгонят, как прокаженных псов,
С порога их, молящих о приюте.
Так совершим мы повеленье бога
И Пифии священной, и царю
Убитому союзниками будем.
Один ли он убийство совершил,
Со многими ль участниками, боги,
Да будет вами проклят он вовек,
Чтоб жизнь его в мученьях угасала!
И если б был он мой любимый друг,
И я в своем дому его укрыл бы, —
То проклял бы я самого себя,
Как ныне я злодея проклиною.
Исполните все это для меня
И для земли, бесплодем пораженной,
И для богов, затем, что если б даже
Мы воли их не ведали, и то
Оставить бы нельзя неотомщенной
Смерть доброго и славного царя.
Я — Лайоса убитого наследник,
Я принял скиптр державный от него,
Я разделил с его супругой ложе,
И если бы умерший был отцом,

Детей его назвал бы я своими.
С тех пор как я узнал, какая смерть
Невинного постигла, он мне дорог,
Как собственный отец. И я найду
Преступного убийцу Лабдакида
И отомщу за царственную кровь,
За древнего потомка Полидора,
Агенора и Кадма. Горе тем,
Кто воли нашей не исполнит: боги
Да не пошлют ему плодов земли,
Жена ему детей да не рождает,
Да поразит его тот злой недуг,
Который нас постиг, или страшнейший!
Но тех из вас, Кадмеяне, кто чтит
Слова мои и в сердце их приемлет,
Да сохранят бессмертные навек,
Да будет им союзницею Дикэ!

Хор

Ты говорить нас заклинаешь, царь?..
Не мы убили; кто — не знаем. Должно
Пророчице Дельфийской обличить
Виновного.

Эдип

Ты прав, но человек
Не может тайны у богов исторгнуть
Насильно.

Хор

Вот о чем еще тебе
Напомнить мы хотели.

Эдип

Говорите.

Хор

Предсказывает будущее мудрый
Тиресий-царь, подобно Фебу: все,
О чем его мы просим, он откроет.

Эдип

Уж я давно исполнил ваш совет:
Двух вестников послал к нему, не медля,

Дельфийское пророчество узнав.
Дивлюсь, что царь Тиресий не приходит.

Хор

Так, значит, был обманчив прежний слух.

Эдип

Скажи, какой? Я знать хочу про все.

Хор

Царь, в старину мы слышали, что Лайос
Был путниками встречными убит.

Эдип

И я слышал, но не могу найти
Ни одного свидетеля убийства.

Хор

Но если страх душе его доступен,
Он более скрываться не дерзнет,
Испуганный твоей великой клятвой.

Эдип

Кто совершить отважится деянье
Преступное, не побоится клятв.

Хор

Изобличит виновного Тиресий, —
Сюда ведут святого старика.
Таким, как он, не обладает знаньем
Никто из всех живущих на земле.

(Тиресий входит.)

Эдип

Тиресий-царь! Хотя ты слеп, но видишь,
Всезнающий, и небо над собой,
И дольний мир, и тайны Олимпийцев.
Ты ведаешь, какой недуг в Кадмее
Свирепствует. С моленьями к тебе,
Единственный защитник, прибегаем.
Слышал ли ты от вестников, что бог
Нам верное спасенье обещает,
Коль Лайоса убийц, изобличив,
На вечное изгнание мы осудим,

Иль умертвим. Другим своим, пророк,
Не откажи в советах и гаданьях,
Спаси Эдипа, город и себя!
Полезным быть другим, насколько можешь,—
Прекраснейший из всех людских трудов.

Тиресий

Увы! Увы! Как тягостно предвидеть,
Когда нельзя предвиденьем помочь,—
Об этом знал я, но забыл, иначе
На горе всем я б не пришел сюда.

Эдип

Что, что с тобой? Какую скорбь, я вижу
В твоих чертах!..

Тиресий

Пусти меня домой.
Поверь, Эдип, что это будет лучше
И для меня, и для тебя.

Эдип

О, друг,
Неправое, недоброе ты молвил.
Коль родину, вскормившую тебя,
Спасительного слова ты лишаешь.

Тиресий

И за себя боюсь, и ты, Эдип,
На голову свою беду накличешь.

Эдип

Скорей! Скорей! Пророчеств не таи!
Мы именем бессмертных заклинаем
И молим все, припав к твоим ногам!

(Старцы Хора преклоняются и обнимают ноги

Тиресия.)

Тиресий

Не ведают, о чем, безумцы, молят.
Чтоб и тебя, владыка, и себя
Не погубить, я тайны не открою.

Эди п

Как? Зная все, ты хочешь утаить,
Предать меня и погубить отчизну?

Тиресий

Не сделаю несчастными, о, царь,
Обоих нас. Не трать же слов: насильно
Ты не заставишь говорить меня.

Эди п

О, злой старик! — и каменное сердце
Довел бы ты до бешенства, — ужель
Останешься ты глух, не молвишь слова?

Тиресий

Ты укорил меня, Эдип, но знай —
Есть многое, достойное укора
В тебе самом.

Эди п

Без гнева не могу
Я слушать тех, кто оскорбляет город.

Тиресий

Поможет ли молчанье? Все равно,
Исполнится назначенное Роком.

Эди п

Зачем же ты молчишь? Скажи мне все.

Тиресий

Не вымолвлю ни слова больше. Можешь
Ты предаваться ярости слепой.

Эди п

Но ярости предавшись, все открою,
Что думаю: ты сам — убийца, сам...
Старик, ты был сообщником злодеев,
Хотя убит он не твоей рукой.
И если б дряхл и слеп ты не был, то тебя
Назвал бы я единственным убийцей!

Тиресий

Ты думаешь?.. Заставлю же тебя
Я приговор твой собственный исполнить:
Беги от нас, не говори ни с кем, —
Ты кровью землю осквернил, ты — проклят!

Эдип

Оклеветав меня с таким бесстыдством,
Ужели ты надеешься спастись?..

Тиресий

Да, я спасусь, хранимый силой правды!

Эдип

Кто лгать тебя заставил? Уж не боги ль?

Тиресий

Ты сам меня заставил говорить.

Эдип

Понять хочу я, — повтори...

Тиресий

Ты понял,

Но только хочешь испытать меня.

Эдип

Слова твои неясны: повтори.

Тиресий

Ты тот, кого мы ищем, ты — убийца.

Эдип

На этот раз заслуженную казнь
За клевету бесстыдную ты примешь!

Тиресий

Царь, берегись, — я то тебе скажу,
Что гневаться еще сильнее заставит...

Эдип

Ты можешь все, что хочешь, говорить;
Но только знай: слова твои бессильны.

Тиресий

Так слушай же: постыднейшая связь
Тебя, Эдип, соединяет с теми,
Кого бы чтить ты должен больше всех, —
И своего позора ты не видишь.

Эдип

Иль казнь тебя, безумец, не страшит?

Тиресий

Нет, — если только есть у правды сила.

Эдип

Поверь, она не для таких, как ты —
Неслышащих, незрячих, неразумных.

Тиресий

Несчастный! В чем меня ты укорил,
То самому тебе укором будет.

Эдип

Как может тем, кто видит, повредить
Слепец, объятый вечной тьмою?

Тиресий

Знай же:

Не я, а Рок тебя накажет. Феб
Исполнит все, назначенное Мойрой.

Эдип

Ты иль Креон придумал эту ложь?

Тиресий

Ни он, ни я — ты сам себя погубишь.

Эдип

О, мудрость, слава многотрудной жизни,
Сокровища и царственный венец,
Безмерную внушаете вы зависть!
Креон, Креон, мой старый, лучший друг
Предательски меня низвергнуть хочет,
Похитив скиптр мой: не искал его,
Но принял я от вас, как дар свободный.
Чтоб замысел исполнить, он избрал,

Сообщником злодейства лжепророка,
Волшебника, презренного лгуна!
Корысть одну Тиресий видит ясно,
В гаданьях же он слеп... Скажи, старик,
Когда твои не лгали предсказанья?
Иль, может быть, ты граждан этих спас
Тогда, как Сфинкс, с таинственной речью
Чудовище, — грозило им. В те дни
В гадалелях они нуждались мудрых.
Зачем же ты безмолвствовал? Ни Феб,
Ни знаменья, ни вещие приметы
Не помогли тебе. Но я пришел,
И ничего не зная, — не мольбами,
Не жалкими пророчествами, нет, —
Лишь разумом Эдип молчать заставил
Чудовище, все тайны обличив.
И вот теперь задумали с Креоном,
Похитив власть, вы удалить меня,
Как изверга, что оскверняет землю.
Смотрите же, чтоб не пришлось вам горько
Раскаяться. Когда бы не щадил
Я немощи твоей, за эти речи
Ты заплатил бы дорого, старик!

Хор

Нам кажется, вы гневаетесь оба,
Эдип и ты, гадалель. А меж тем,
Как совершить Пифийское веленье,
В спокойствии обдумать мы должны.

Тиресий

Хотя ты — царь, но я имею право
Ответствовать, как равный, и царям.
Я не тебя послушаюсь, но бога
Дельфийского. Не назовет никто
Тиресия наперсником Креона.
Смеешься ты над слепотой моей
И собственных злодейств не видишь, зрячий:
Не видишь ты, ни с кем живешь, ни где;
Кто твой отец, кто мать твоя — не знаешь;
Не чувствуешь, что враг ты всем родным,
И на земле, и под землей живущим.
Но за отца, за мать твою, Эдип,
С двуострою секирой, тяжким шагом,

Войдет, войдет Проклятие в твой дом,
И будешь ты, как я, слепцом, о зрячий!
Изгнанником, объатым вечной тьмой!
И нет таких высот на Кифероне,
Ущелья нет на берегу морском,
Где эхо гор на вопль твой не ответит,
Когда узнаешь, с кем вступил ты в брак,
Когда поймешь, в какой приют от бури
Укрылся ты, блуждающий пловец.
Еще других не ведаешь страданий
Бесчисленных, которые тебя
Или детей твоих должны постигнуть!..
Вот я сказал. Креона обвиняй,
Иль поноси меня, но только помни:
От большего страданья, чем твое,
Еще никто не погибал из смертных.

Эдип

Доколь терпеть я должен эти речи
Бесстыдные? Беги, беги, старик,
Прочь с глаз моих, чтоб никогда отныне
Я твоего лица не видел, — прочь!

Тиресий

Я б не пришел, когда б меня не звали.

Эдип

Когда бы знал, что будешь, как безумный,
Ты говорить, не звал бы я тебя.

Тиресий

Для сына я безумный, но отцу
И матери твоим казался мудрым.

Эдип

Отец и мать!.. Что говоришь?.. Постой...
Не уходи. Ты знаешь их?..

Тиресий

Я знаю,

Но если ты узнаешь, то умрешь.

Эдип

Слова твои загадочны.

Тиресий
Умеешь
Ты хитрые загадки разрешать.

Эдип
Над счастьем ли Эдипа ты смеешься?

Тиресий
То счастье тебя погубит.

Эдип
Пусть
Я за народ, спасенный мной, погибну!

Тиресий
Пора!
(*Мальчику-проводнику.*)
Дай руку мне, дитя; пойдем.

Эдип
Да, тягостно присутствие твое.
Иди же прочь и не смущай мне сердца!

Тиресий
Но не уйду я, не сказав того,
Зачем меня призвали. Ты не можешь
Мне сделать зла. Я не боюсь тебя...
Смотрите, вот кого давно мы ищем,
Вот Лайоса убийца. Говорят,
Что он — пришлец, но Фивы не на радость
Отчизною он скоро назовет.
Из богача он делается нищим,
Из зрячего — слепым, и в чуждый край,
На страннический посох опираясь,
Беспомощным изгнанником пойдет;
Для собственных детей отцом и братом,
Для матери он будет муж и сын,
Кровосмесителем, отцеубийцей.
Теперь ступай, подумай обо всем...
Коль то, что я предрек, не совершится,
Тиресия ты назови лжецом.

Хор

Строфа первая

Кто пророческим голосом
Из Дельфийской пещеры
Обличен? Кто из нас
Совершил несказанное
Злодеянье? Спасайся!
Час возмездья пришел.
Прочь беги ты стремительней
Обгоняющих ветер
Быстроногих коней!

А не то на тебя Дия вечного сын,
Громоносный, с мечом и огнем нападет,
Кэры страшной толпой побегут по пятам —
Неминуемые!

Антистрофа первая

От Парнаса, блестящего
Белым снегом, примчалось
К нам веленье богов,
Чтоб нашли мы виновного;
Укрывается в дебрях
От богов и людей,
И как вол заблудившийся,
Одичалый, он бродит
По горам, по лесам.

Но не может спастись от пророческих слов,
Прилетевших из Дельф, средоточья Земли,
И, крылатые, всюду витают над ним —
Вечно-мстительные!

Строфа вторая

Сердце, мудрый прорицатель,
Ты мне ужасом наполнил:
Мы и верим, и не верим,
И не знаем, что сказать.
Мы блуждаем, как в тумане:
Не слышал никто доныне,
Чтоб могучий сын Полиба
Лабдакидам был врагом.

На кого же восстану я праведным мстителем?
На Эдипа ли, всеми любимого?
Ничего мы не ведаем,
И свидетелей нет.

Антистрофа вторая
Только Зевс и бог Дельфийский
Полным знанием обладают,
Видят все дела людские;
Человеку человек
Силой мудрости неравен.
Но не верю, что гадатель,
Смертный, нам во всем подобный,
Знает больше нас. Я жду.
Пусть убийц обличат, но спасителя города
Усмирившего Деву Крылатую,
Я в таком злодействии
Обвинить не могу!

Креон
О, граждане! я к вам пришел, узнав,
Что царь меня в измене обвиняет.
Не потерплю, чтоб мой вернейший друг
Подумать мог, что словом или делом
Креон вредит ему в несчастье. Нет,
Не вынесу столь тяжкого укора:
Мне умереть отраднее, чем знать,
Что обвинен я городом в злодействе —
И лучшими друзьями, и тобой!

Хор
Но, может быть, не разум эти мысли
Внушил царю, а мимолетный гнев?

Креон
Как мог Эдип подумать, что пророка
Я научил тому, что он сказал?

Хор
Я это слышал; как понять — не знаю.

Креон
Но здоровым ли умом он обладал,
Таких друзей, как я, подозревая?

Хор
Не ведаю; я не сужу царей.
А вот и сам он из дворца выходит.

Эди п

Что вижу я? Креон — цареубийца —
В моем дому? Иль нам смотреть в глаза
Посмеешь ты, грабитель нашей власти?
Поди сюда, скажи мне, дерзкий вор,
Глупцом меня считаешь или трусом?
Ты думаешь, что не заметил я,
Как ты змеей подполз ко мне, предатель?
Нет! слеп ты сам, коль ищешь без друзей,
Без помощи народа высшей власти —
Того, чем можно только овладеть
Иль золотом, иль силою народной.

Креон

Царь, поступи разумно: мой ответ
Ты выслушай, потом суди.

Эди п

Я знаю.

Искусно ты умеешь говорить.
Но что могу я от тебя услышать —
От злейшего из всех моих врагов?

Креон

Узнаешь все, когда меня услышишь.

Эди п

Узнать могу одно, что ты — злодей!

Креон

Ты думаешь напрасно, что ко благу
Немудрое упорство приведет.

Эди п

Ты думаешь напрасно, что от казни
Спасешься ты, похитив мой престол.

Креон

Я возражать не буду. Только в чем же
Перед тобой вина моя, скажи?

Эди п

Не ты ли дал совет за этим мудрым
И праведным гадателем послать?

Креон

Я повторил бы мой совет и ныне.

Эдип

А сколько лет прошло с тех пор, как Лайос...

Креон

Докончи же. Что хочешь ты сказать?

Эдип

Пал от руки неведомых злодеев?

Креон

Уж многие с тех пор промчались годы.

Эдип

Гадателем Тиресий был в те дни?

Креон

Как и теперь, прославленным и мудрым.

Эдип

По имени он называл меня?

Креон

Чтоб говорил он о тебе, не помню.

Эдип

Пытались ли убийцу вы найти?

Креон

О, да, но все попытки были тщетны.

Эдип

Зачем пророк вам тайны не открыл?

Креон

Молчать позволь о том, чего не знаю.

Эдип

Но хоть одно ты должен знать, Креон.

Креон

Что? Говори, я ничего не скрою.

Эдип

Коль не был бы ты в заговоре с ним,
Не смел бы он назвать меня убийцей.

Креон

Ты слышал то, что он сказал. Теперь
Позволь и мне тебя спросить.

Эдип

Отвечу

Тебе на все; в убийстве ты меня
Не обличишь.

Креон

Скажи, Эдип, ты — муж
Моей сестры?

Эдип

Я муж ее.

Креон

И с нею

Ты делишь власть?

Эдип

Я исполняю все

Ее желанья.

Креон

Вам обоим равен

И я во всем?

Эдип

Ты равен нам, Креон;
Вот почему сказать имею право,
Что предаешь ты лучших из друзей.

Креон

Подумав, царь, ты этого не скажешь.
Кто предпочел бы царственную власть,
Среди тревоги вечной и боязни,
Спокойствию при той же власти? Верь,
Подобно всем, кто мудр, желал бы лучше
Я действовать, как царь, чем быть царем:

Теперь всю власть приемлю, чуждый страха,
Я от тебя, а если б сам царил,
То поступать наперекор желаньям
Пришлось бы мне во многом. Неужели
Отраднее повелевать людьми,
Чем быть, как я, спокойным и могучим?
Или глупец я, чтоб отвергнуть то,
Что выгоду приносит мне и славу?
Теперь любим я всеми, всех люблю,
Просящие тебя ко мне приходят,
Нуждаются в ходатайстве моем...
И это все презреть для царской власти?
Кто не совсем утратил здравый ум,
Способен ли к столь явному безумью?
Не заключал союза я ни с кем,
И сам в себе не помышлял я злого.
А если ты не веришь мне, ступай
В Дельфийский храм, и там узнаешь, так ли
Я передал тебе ответ богов;
И если в том ты уличишь Креона,
Что он в союз с гадателем вступил,
Не только ты — и сам я над собою
Произнесу мой смертный приговор.
Но ни одной улики не имея,
Не обвиняй. Кто справедлив, злодеем
Невинного не назовет. О, верь —
Отвергнуть друга — все равно, что жизнь,
Сладчайший дар богов, отвергнуть. Время
Рассудит нас: чтоб сердце испытать
Правдивое, нужны бывают годы;
Чтоб злых вполне узнать, довольно дня.

Хор

Эдип! Кто зла боится, должен мудрой
Такую речь назвать. Ты знаешь сам:
Нет мудрости в поспешных приговорах.

Эдип

Когда враги поспешно строят ковы,
И я спешу предотвратить удар.
Теряя время, я теряю силу;
Бездействуя, я буду побежден.

Креон

Но чем, Эдип, грозишь ты мне? Изгнанием?

Эдип

Изгнанием? Нет, ты обречен на смерть.

Креон

Скажи сперва, за что казнишь?

Эдип

Быть может,

Ты вздумаешь велению моему

Противиться?

Креон

Я мудрости не вижу

В словах твоих.

Эдип

Что ж? Каждый для себя

Да будет мудр.

Креон

И для других...

Эдип

Злодеев

Нельзя щадить.

Креон

А если ты не прав?

Эдип

Я все же царь твой!

Креон

Царь, но не за тем,

Чтоб делать зло...

Эдип

О, граждане! внимайте...

Креон

Над городом и я имею власть,

Не ты один...

Хор

Умолкните, молю вас!
Сюда идет Иокаста из дворца.
При ней, цари, ваш гнев утихнуть должен.

(Входит Иокаста.)

Иокаста

Несчастные! Какой безумный спор
Вы подняли в столь тяжкую годину
Народных бед! О, как не стыдно вам?
Не вовремя семейные раздоры
Вы начали. Креон! Иди домой —
И ты, мой царь, — чтоб спор ничтожный не был
Причиною великих зол.

Креон

Сестра!

Эдип одним из двух мне угрожает:
Изгнанием иль смертной казнью.

Эдип

Да.

Я уличил изменника Креона:
Он посягнуть хотел на жизнь мою.

Креон

Пусть я умру, пусть счастья не увижу,
Коль в чем-нибудь виновен пред тобой.

Иокаста

О, верь ему, богами заклинаю,
О, верь, Эдип! и клятв не презирай,
И слез моих, и голоса народа!

Хор

Строфа первая

Будь разумен и благ!
Умоляем тебя,
Пощади его, царь!

Эдип

Но чего вы хотите?

Хор

Он и прежде был мудр,
И теперь поклялся
Страшной клятвой богов.
Пощади его, цари!

Эдип

Ты знаешь ли, о чем ты просишь?

Хор

Знаю все.

Эдип

Разумное желанье словом вырази.

Хор

Друга верного, страшной клятвою
Освященного, ты не должен, царь,
Без суда, улик, без свидетелей
Обрекать на смерть, на бесчестие!

Эдип

Но чтоб спасти его, должны вы, граждане,
Меня обречь на смерть и на бесчестие!

Хор

Строфа вторая

Нет! Клянемся вечным Солнцем,
Богом первым из богов,
Если мысль такую в сердце
Я питал, то пусть погибну
Самой страшной смертью, проклят
И богами, и людьми!

Но ведь душу мне
Разрывает скорбь
О земле моей
Погибающей,
А теперь еще
К прежним новая
Скорбь прибавилась,—
К моим бедам и ваши раздоры семейные.

Эдип

Хотя б и мне изгнание постыдное,
Иль даже смерть грозила, изгоню его.

Не он, а вы меня мольбами тронули:
Пока я жив, он будет ненавистен мне!

Креон

И уступив, ты все-таки безжалостен.
Но только что потухнет гнев, раскаяешься:
Самим себе такие люди тягостны.

Эдип

Оставишь ли в покое нас, уйдешь ли ты?

Креон

Уйду, но, видишь, страдают граждане
Тобой, Эдип, несправедно гонимому.

Хор

Антистрофа первая

О, царица, зачем
Ты здесь медлишь? Скорей
С ним идти во дворец!

Иокаста

Что случилось? Скажите.

Хор

Был лишь спор из-за слов
И неясных улик.
Но и лживый укор
Слушать больно порой.

Иокаста

Друг друга оба обвиняли?

Хор

Да.

Иокаста

Молю,

Скажите все, что слышали вы, граждане.

Хор

Без того уже душу скорбь томит
О земле моей погибающей;
Для чего еще вспоминать их спор:
Все, что сказано, — да забудется!

Эдип

Хотя вы зла мне сердцем не желаете,
Но, вижу, скоро от меня отступитесь.

Хор

Антистрофа вторая

Я не раз, мой повелитель,
Говорил уже тебе,
Повторю и ныне: верь мне,
Был бы слеп я и безумен,
Если б в день такой печали
Отступился от тебя.

Не забыл народ,
Что от бедствия,
Столь же тяжкого,
Спас ты некогда
Землю милую.
Будь и ныне нам
Избавителем:

Если можешь, приди и спаси погибающих!

Иокаста

Я именем бессмертных умоляю —
Скажи, за что прогневался ты, царь?

Эдип

Скажу (затем, что больше чту Иокасту,
Чем те из вас, кто побоялся ей
Ответствовать). Я обличил Креона
В предательстве.

Иокаста

Но Расскажи мне все,
Чтоб я могла понять причину ссоры.

Эдип

Он говорит, что я убил царя.

Иокаста

С чужих ли слов, иль сам он это видел?

Эдип

Коварного лжеца он подослал,
Гадателя, невинным притворившись,
Как будто сам не знает ничего.

Иокаста

Прерви, мой друг, ты речь свою на время
И выслушай, что я тебе скажу:
У смертных нет пророческого дара;
Тебе сейчас покажет мой пример,
Как лживы все гадатели. Царь Лайос,
Я не скажу от Феба самого,
Но от жрецов услышал предсказанье,
Что сыном, мной рожденным от него,
Убитым быть ему судила Мойра.
И что ж? Молва народная гласит,
Что между трех дорог, на перекрестке,
Он от руки разбойников погиб.
И не прошло трех дней с рожденья сына,
Как, ноги царь связав ему, рабам
Велел дитя покинуть в горных дебрях.
Пророчества не совершили боги,
Сын не убил отца, и все равно,
Когда и как, — но не рожденным мною,
Чего он так боялся, — царь убит.
Вот каково предвидение мудрых
Гадателей. Нет, верить им нельзя:
Лжецы — они. Бог и без них сумеет
Открыть все то, что людям должно знать.

Эдип

Каким душа смятеньем непонятым
И ужасом от слов твоих полна!

Иокаста

Как вздрогнул ты, как бледен? Что с тобою?

Эдип

Сказала ты, что Лайос был убит
Там, между трех дорог, на перекрестке?

Иокаста

Так до сих пор еще гласит молва.

Эдип

В какой земле несчастье свершилось?

Иокаста

Фокидою зовут ту землю: путь
Из Давнии там сходится с дорогой
Дельфийскою.

Эдип

И сколько лет прошло?

Иокаста

До твоего прихода незадолго
Узнали мы о гибели царя.

Эдип

О, что со мной вы делаете, боги!

Иокаста

Зачем дрожишь? Чего боишься ты?

Эдип

Не спрашивай меня... Сперва скажи,
Каков был вид царя и рост, и годы?

Иокаста

Он был высок, и волосы его
Недавно белели сединою,
И на тебя он походил лицом.

Эдип

О, горе, горе! Сам того не зная,
Я над собой проклятье произнес!..

Иокаста

Что говоришь? Когда тебе в лицо
Смотрю, Эдип, мне страшно...

Эдип

О, царица!

Предчувствием ужасным я томим,
Что прав слепец. Но погоди, скажи мне
Одно еще, — и ясно будет все.

Иокаста

Мне страшно, царь, но все скажу, что знаю.

Эдип

Немногих ли имел он слуг в пути,
Иль целую толпу оруженосцев,
По древнему обычаю царей?

Иокаста

С глашатаем всего их было пять,
И для царя одна лишь колесница.

Эдип

Спасенья нет! Все ясно... Говори,
Кто весть принес?

Иокаста

Единственный слуга,
Оставшийся в живых.

Эдип

Он здесь доныне,
В моем дворце?

Иокаста

Здесь нет его давно.
Когда принес он весть о смерти мужа
И услышал, что будешь ты царем, —
Он умолил, руки моей коснувшись,
Чтоб я ему позволила пасти
Стада в полях и пастбищах далеких,
Чтоб Фив ему не видеть никогда.
И отказать я не могла, затем
Что большей он награды был достоин.

Эдип

Нельзя ль его скорей призвать сюда?

Иокаста

Я призову. О чем его ты хочешь
Спросить, Эдип?

Эдип

Боюсь, боюсь, жена,
Что сказано здесь было слишком много
О том, чему свидетель — он один.

Иокаста

Он будет здесь. Но разделить, мой царь,
Твою печаль ужель я недостойна?

Эдип

Исполню я мольбу твою затем,
Что больше всех других об этом горе
Тебе, увы, Иокаста, должно знать.
Тебе, моя последняя надежда!
Коринфянин Полиб мне был отцом,
А матерью Мэропа из Дориды.
И в городе меня считали первым.
Но, помню, раз со мной случилось то,
Что более достойным удивленья
Я счел сперва, чем горя и забот.
За трапезой, вином упившись, кто-то
Назвал меня подкидышем. В ту ночь
С трудом мой гнев сдержал я, возмущенный;
Когда же день настал, пошел к отцу
И матери, чтоб рассказать обиду.
И, выслушав, разгневались они:
Тот гнев меня утешил не надолго;
Осталось жало в сердце. Между тем
В Пифийский храм, без ведома отца
И матери, отправился я тайно.
Но бог на мой вопрос не отвечал,
Предрек же мне великие несчастья,
Плачевную судьбу: он предсказал,
Что с матерью кровосмешеньем ложе
Я оскверню, на свет произведу
Детей, богам и людям ненавистных,
Отца убью, зачавшего меня.
Пророчество узнав, я из Коринфа
Бежал, по звездам направляя путь,
Чтоб не могло предсказанное богом
Постыдное свершиться надо мной.
И, странствуя, пришел я в эту землю,

Где, говоришь ты, Лайос был убит.
Всю истину скажу тебе, Иокаста:
Меж трех дорог, на перекрестке, муж
Мне встретился на колеснице; кони
Влекли ее, и выступал пред ним
Глашатай, — все, как ты сказала. Помню,
Что сам старик и тот, кто вел коней,
Столкнуть с пути меня хотели силой.
И, гневаясь, ударил я раба.
Но между тем, как мимо колесницы
Я проходил, старик двойным бичом
По голове хлестнул меня. И мщенье
Неравное его постигло: пал,
Жезлом моим низвергнутый, он навзничь.
И всех его рабов я умертвил.
Коль что-нибудь меж Лайосом и мужем,
Убитым мной, есть общего, Иокаста,
Кто из людей презреннее меня?
Кто ненавистнее очам бессмертных?
Ни в городе, ни на чужой земле
Проклятого никто принять не может —
И оттолкнуть его с порога прочь...
И не другой, а сам себя я проклял,
И сам себя обрек на эту казнь.
Руками, кровь пролившими, я ложе
Убитого бесчещу... Я — злодей,
Весь, с головы до ног, запятнан кровью,
Отверженный скиталец на земле,
От родины бежавший и от близких,
Под вечным страхом с матерью вступить
В постыдный брак и умертвить Полиба,
Зачавшего, вскормившего меня:
Не ясно ли, что Даймон всемогущий,
Безжалостный преследует меня?
О, защитите, праведные боги!
Не дайте мне увидеть этот день, —
Пусть раньше я с лица земли исчезну,
Чем осквернит меня такой позор!

Хор

Как ты, о, царь, мы ужасом объаты,
Но прежде, чем увидим пастуха,
Не должно нам, Эдип, терять надежды.

Эдип

Вот все, на что надеяться могу;
Слова его мне будут приговором.

Иокаста

Что можешь ты узнать от пастуха?

Эдип

Коль подтвердит он все, что ты сказала,
Царица, я от гибели спасен.

Иокаста

Какое же из слов моих так важно?

Эдип

Ты говоришь: свидетельствует раб,
Что Лайоса разбойники убили.
Коль скажет он, что не один, а много
Злодеев было, — царь убит не мной:
Ведь одного нельзя принять за многих.
А если он ответит, что злодей
Один лишь был, то, значит, я — убийца.

Иокаста

Ты знаешь все, Эдип, что раб сказал,
И этих слов он изменить не может:
Не я одна, их слышал весь народ.
Но если бы от них он и отрекся,
То все-таки царя убил не ты, —
Коль правда есть в словах богов, предрекших,
Что Лайоса убьет рожденный мной.
Уж потому не мог мой сын несчастный
Убить отца, что раньше сам погиб.
Душа моя чиста, и никакие
Пророчества не устрашат меня.

Эдип

Ты говоришь разумно, но не медли
И вестника пошли за пастухом.

Иокаста

Пошлю сейчас, и все, что ты прикажешь,
Исполню, царь. Войдем же во дворец.

(Эдип и Иокаста уходят.)

Строфа первая

Антистрофа первая

Строфа вторая

130

Антистрофа вторая

Не пойду благоговейно
Я в Олимпию святую,
В Дельфы, мира средоточье,
Или в древний храм Абесский,
Ибо люди уж не верят
В прорицания богов.
Но, если ты еще царствуешь,
Боже,— твоей справедливости
Да не избегнет никто:
Видишь, пророчества древние,
Данные Лайосу, презрены,
Феба не чтут на земле;
Видишь, в душе человеческой
Оскудевает священная
Совесьть и вера в богов.

Иокаста

О, мудрые старейшины народа!
Во храм, богов жилище, я иду,
Чтоб принести им в дар благоуханья
И свежие гирлянды из цветов,
Затем, что царь Эдип чрезмерным страхом
И многими скорбями удручен.
О нынешних пророчествах по старым
Не хочет он судить, а только тем,
Кто страх ему внушает, предается,
Не слушая совета моего.

(Обращаясь к жертвеннику бога.)

И вот к тебе, Ликийский Аполлон,
В ближайший храм, с молитвой и дарами
Я прихожу; помилуй нас, пошли
Нам, страждущим, исход благословенный:
Наш царь, наш кормчий страхом поражен,
Взирая на него, и мы трепещем.

(Входит Вестник.)

Вестник

Где дом царя, скажите, чужестранцы;
Иль, может быть, укажет кто-нибудь,
Где самого я отыщу владыку?

Хор

Вот дом его; он сам теперь — в чертогах;
А вот жена и мать его детей.

Вестник

Властителя прекрасная супруга,
Счастливою да будешь ты вовек,
Окружена счастливою семьею!

Иокаста

Достоин ты за твой привет, о, странник,
Чтоб счастье послали и тебе
Блаженные. Но говори скорее,
Какую весть и от кого принес?

Вестник

Отрадную для дома и для мужа.

Иокаста

Какую же? Откуда?

Вестник

Из Коринфа.

Слова мои обрадуют тебя,
Но смешана с печалью будет радость.

Иокаста

О, что за весть с двойною силой?

Вестник

Мы слышали, что мужа твоего
Провозгласил царем народ Истмийский.

Иокаста

Как? Старый царь Полиб?..

Вестник

Его уж нет.

Иокаста

Что говоришь? Он умер?

Вестник

Если лживы

Слова мои, — пускай умру.

Иокаста

(служанке)

Иди,

Беги скорей, про все скажи Эдипу.

(Служанка уходит.)

Пророчества богов, где ваша сила?

Эдип бежал, боясь убить отца;

Меж тем Полиб своею смертью умер,

И Феб неправ: не сын убил отца.

(Эдип выходит из дворца.)

Эдип

Я здесь: скажи мне, милая супруга,

Зачем из дома вызвала меня?

Иокаста

(указывая на Вестника)

Послушай, царь, что молвит он; увидишь,

Какие вещие пророчества богов

Свершаются.

Эдип

Кто этот муж, Иокаста?

Что говорит он?

Иокаста

Из Коринфа весть

Пришла о том, что нет в живых Полиба,

Что умер твой отец.

Эдип

О, повтори!

Хочу я сам все это слышать, Вестник,

Из уст твоих!

Вестник

Я повторяю, царь,

Что только что сказал: отец твой умер.

Эдип

От чьей-нибудь руки, иль от болезни?

Вестник

Чтоб жизнь потухла в теле старика,

И слабого довольно дуновенья.

Эдип

О, повтори еще раз — от болезни
Он умер?

Вестник

Да, и от преклонных лет.

Эдип

(Иокасте)

Но если так, какое дело нам
До Пифии с треножником священным,
До знамений, до крика вещих птиц?
Пусть ныне все гадалы пророчат,
Что Рок судил мне умертвить отца.
Ты слышала: он мертв, покрыт землею.
Он мертв! а я — я здесь был, я к нему
И острием меча не прикасался!
Иль он погиб, тоскуя обо мне?
Уж не за то ли Феб отцеубийцей
Назвал меня? Но все равно, — теперь
В гробу отец, и с ним погребена
Вся эта ложь, все прорицанья бога!

Иокаста

Не я ль тебе давно уж говорила:
Гадалы — обманщики!

Эдип

Тебе

Я не внимал, и ужасом мой разум
Был помрачен.

Иокаста

Теперь смотри, Эдип,
Не допускай боязни новой в сердце.

Эдип

А с матерью грозящий мне союз?

Иокаста

Но если жизнью правит только случай
И ничего нельзя предугадать,
К чему, скажи, твой ужас суеверный?
Предайся же судьбе, живи, как можешь,

Преступного союза не страшись.
Ведь до тебя уж многим людям снилось,
Что с матерью они — на ложе брачном.
Но те живут и вольно, и легко,
Кто в глупые пророчества не верят.

Эдип

Не будь ее в живых, назвал бы мудрой
Я эту речь; но ведь она жива.
И чем бы ты меня ни утешала,
Я знаю — Рок силен. И страшно мне...

Иокаста

Он умер — вот великая отрада!

Эдип

Великая. А все ж она жива,
И страшно мне...

Вестник

Но кто же, сын мой, та,
Которой так боишься ты?

Эдип

Мэропа,
Жена Полиба, старец.

Вестник

Чем она
Внушила страх тебе?

Эдип

Есть прорицанье
Ужасное...

Вестник

Могу ль о нем узнать,
Или для всех оно должно быть тайной?

Эдип

Узнай про все. Предрек мне Аполлон,
Что обагрю я руки отчей кровью,
Что матери я ложе оскверню.
Вот почему далеко от Коринфа

Я много лет провел, и счастлив был,
Хоть ведаю, что нет сладчайшей доли,
Чем видеть очи тех, кто дал нам жизнь.

Вестник

И вот зачем бежал ты из Коринфа?

Эдип

Чтоб не убить зачавшего меня.

Вестник

Ужели я, придя к вам, благосклонный, —
Не поспешу рассеять этот страх?

Эдип

Великую награду ты получишь...

Вестник

Пускай твою любовь я заслужу,
Когда с тобой вернемся мы в отчизну.

Эдип

Я никогда отчизны не увижу.

Вестник

Не ведаешь, дитя, что говоришь.

Эдип

Открой мне все, богами заклинаю!

Вестник

О, царь, бояться нечего тебе.

Эдип

Но если Феб исполнит прорицанье?

Вестник

Проклятья тех, кем ты рожден, не бойся.

Эдип

Что делать?.. В сердце вечно этот страх.

Вестник

Поверь же мне: боязнь твоя — напрасна.

Эди п
Напрасна? Нет! Мэропа и Полиб...

Вестник
Они тебе — по крови не родные.

Эди п
Как? Я не сын?

Вестник
Усопший царь Коринфа
Не более отец тебе, чем я,
Но столько же, и в этом с ним мы равны.

Эди п
Отцу не может равен быть чужой.

Вестник
Ни мной, ни им ты не рожден.

Эди п
О, боги!
Зачем же звал меня он сыном?

Вестник
Знай,
Что в дар тебя из рук моих он принял.

Эди п
Он так дитя чужое полюбил?

Вестник
Затем, что сам он был всю жизнь бездетным.

Эди п
Купил ли ты или нашел меня?

Вестник
Нашел в дремучих дебрях Киферона.

Эди п
Куда по ним ты направлял свой путь?

Вестник

Я пас в те дни стада на горном склоне.

Эдип

Так, значит, был ты пастухом наемным?

Вестник

Мой сын, я был спасителем твоим.

Эдип

Ты спас меня? Но от каких страданий?

Вестник

Ты знаешь сам: их тайный след хранят
Суставы ног твоих еще доныне.

Эдип

Увы! Увы! Зачем напомнил ты
Давно уже забытые несчастья?

Вестник

Я бережно освободил от уз
Пронзенные и связанные ноги.

Эдип

Бесчестие — с младенческих пелен!

Вестник

От этих бед произошло то имя,
Которое дано тебе, мой сын.

Эдип

О, говори, богами заклинаю,
Кто это сделал, мать или отец?

Вестник

Не знаю, царь. Но от кого я принял
Тебя, тот лучше должен знать про все.

Эдип

Так, значит, ты не сам нашел?..

Вестник

Нет, сын мой,
Другой пастух тебя мне дал.

Эдип

Кто он?

Не знаешь ли ты имени?

Вестник

Не знаю.

Он Лайоса рабом себя назвал.

Эдип

Покойного царя земли Фиванской?

Вестник

Да; у него тот муж был пастухом.

Эдип

В живых ли он, могу ль его увидеть?

Вестник

Спроси о том у здешних граждан, царь.

Эдип

Кому-нибудь — друзья мои, скажите —
Встречался ли за городом, иль здесь,
В стенах Кадмейских, тот, кого мы ищем?
Давно пора нам тайну обличить.

Хор

Я думаю, что этот тот пастух,
За кем послал ты в поле. Но царице
Не должно ли об этом лучше знать?

Эдип

Иокаста! Раб, которого нам Вестник
Назвал, не есть ли тот, кого мы ждем?

Иокаста

Кого назвал он? Не тревожься, царь,
Не слушай их, забудь пустые речи.

Эдип

Ни перед чем не отступлю, жена,
Пока отца и мать я не узнаю!

Иокаста

О, если жизнью дорожишь, — молчи,
Не спрашивай, богами заклинаю!
И без того уж мне довольно мук...

Эдип

Чего же ты боишься? Если б даже
От третьего колена был я раб, —
Поверь, тебя позор мой не коснется.

Иокаста

И все-таки — не спрашивай; ни с кем
Не говори об этом, умоляю!

Эдип

Напрасно молишь: знать я должен все!

Иокаста

Послушай, царь: тебе желаю блага...

Эдип

Уж сколько зла мне причинили те,
Кто о моем лишь благе помышляют...

Иокаста

О, тяжело, тяжело!.. Лучше б никогда
И не искать тебе, не думать, кто ты!..

Эдип

(гражданам)

Мне пастуха скорее приведите:
Оставьте же, не слушайте ее, —
Пусть хвастает, гордясь величием предков!

Иокаста

Несчастный ты! Вот все, что я могу
Сказать, — прости!.. Уж больше не услышишь
Ты от меня веки ничего.

(Иокаста уходит.)

Хор

Зачем она в тоске смертельной, молча,
Ушла с такой поспешностью? Боюсь,

Боюсь, Эдип, чтоб не было молчанье
Предвестником непоправимых бед...

Э д и п

Так пусть же все пророчества свершатся!
Я знать хочу, кто мой отец и мать,
Как ни был бы их темный род ничтожен.
Вы видели, царица за меня
Из женского тщеславия стыдится;
Но знаю: в том, что я — дитя Судьбы,
Всем радости дарящей, нет позора.
Судьба — мне мать, и Время — мне отец:
Они Эдипа сделали великим
Из малого. Я родился от них
И не боюсь узнать мое рожденье!

(Эдип уходит.)

Хор

Строфа

Если не лишен я дара прорицанья,
То, клянусь Олимпом, — раньше полнолуныя,
Завтра же прославим, Киферон, тебя
Мы за то, что ты вскормил младенца,
Сохранил могучего царя,
Не отверг отвергнутого всеми,
Но на лоно принял, как отец,
Вот за что тебе
Будем гимны петь.
Феб благой, сверши мои пророчества!

Антистрофа

Сын богов счастливый, кто из вечно юных,
Кто тебе родитель? С нимфою стыдливой
Пан ли, в горных дебрях любящий бродить,
Или Феб, настигнувший дриаду,
Там, во мгле таинственных пещер,
Или бог, царящий над Килленой,
Или Вакх тебя на высях гор
Принял в дар из рук
Геликонских нимф?
С ними он резвится, вечно радостный!

(Эдип выходит из дворца. Вдали пастух.)

Эдип

Хоть никогда его не видел прежде,
Я думаю, что это тот пастух,
Которого давно уже мы ищем.
О, да, по всем приметам это он:
Таких же лет преклонных, как и вестник...
При нем я вижу отроков моих.
Друзья! вы с ним уже встречались раньше, —
Вы можете узнать его скорей.

Хор

Да, мы его узнали: этот старец
У Лайоса был верным пастухом.

Эдип

Сперва тебя, о, странник из Коринфа,
Спрошу: о нем ты говорил?

Вестник

О нем.

(Входит Пастух.)

Эдип

Стань предо мной, смотри мне в очи, старец,
На все мои вопросы отвечай.
У Лайоса ты не был ли слугою?

Пастух

Я был рабом, воспитанным в дому,
Не купленным.

Эдип

Что в эти дни ты делал?

Пастух

Был пастухом.

Эдип

Скажи, в каких местах
Ты чаще пас?

Пастух

На склонах Киферона
И близ него.

Эдип

(указывая на Вестника)

Взгляни сюда, старик.

Вот этого не узнаешь ли мужа?

Пастух

Кто он?.. О, царь!.. О чем ты говоришь?..

Эдип

Припомни, с ним встречался ли ты раньше?

Пастух

Сейчас его я вспомнить не могу...

Вестник

И этому ты, царь, не удивляйся:

Мы все ему сейчас напомним ясно.

Я думаю, он не забыл о том,

Как некогда в долинах Киферона

(Тогда он вел два стада, я — одно)

Три месяца мы проводили вместе —

От вешних дней до Арктура; потом

Он — в царский хлев, и я — в мою овчарню,

При заморозках утренних, стада

Мы загоняли. Помнишь ли, товарищ?

Пастух

Мне кажется, ты правду говоришь,

Хоть много лет прошло с тех пор.

Вестник

И помнишь,

Однажды ты малютку мне принес,

Чтоб я, приняв его, вскормил, как сына?

Пастух

Зачем об этом спрашиваешь?

Вестник

(указывая на Эдипа)

Друг,

Смотри же, вот кто был питомцем нашим!

П а с т у х

Несчастный! Что ты делаешь? Молчи!..

Э д и п

О, раб, его не должно упрекать,
Скорее сам достоин ты упрека.

П а с т у х

За что, скажи мне, лучший из царей...

Э д и п

За то, что ты, старик, скрываешь...

П а с т у х

Верь мне,
Не знает сам, о чем он говорит.

Э д и п

Я все открыть тебя заставлю силой!

П а с т у х

О, сжался, царь, над бедным стариком!

Э д и п

Рабы, скорей ему свяжите руки!

П а с т у х

За что? Скажи, что хочешь ты узнать?

Э д и п

Всю истину. Ты дал ему младенца?

П а с т у х

Я дал, но лучше б умереть в тот день!

Э д и п

Сейчас умрешь, коль правды мне не скажешь...

П а с т у х

Коль правду ты узнаешь, — я погиб...

Э д и п

Старик! На зло мне медлишь ты ответом!..

Въ товариществѣ „ЗНАНИЕ“ поступили въ продажу:

1. Эсхиль. СКОВАННЫЙ. ПРОМЕТЕЙ.

Переводъ Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. Съ портр. Эсхила.
Цѣна **30** к.

2. Софокль. ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

Переводъ Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

3. Софокль. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Переводъ Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

4. Софокль. АНТИГОНА.

Переводъ Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. Съ портр. Софокла.
Цѣна **40** к.

5. Эврипидъ. МЕДЕЯ.

Переводъ Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

6. Эврипидъ. ИППОЛИТЪ.

Переводъ Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. Съ портр. Эврипида.
Цѣна **40** к.

7. Платонъ. ПИРЪ.

Философская поэма. Иллюстраціи: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивиада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха. Цѣна **60** к.

8. Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА.

Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Съ норвежскаго. Переводъ А. и Н. Ганзенъ.
Цѣна **40** к.

9. Э. Золя. УГЛЕКОПЫ.

Романъ въ 8 частяхъ. Переводъ А. Л. Коморской. Изданіе *второе*
Съ портретомъ Золя. Цѣна **1** руб.

П а с т у х

Уж я сказал, что принял он дитя
Из рук моих...

Э д и п

Твое или чужое?

П а с т у х

Нет, не мое... Его мне дали...

Э д и п

Кто?

Кто?.. Говори же!.. Из какого дома?

П а с т у х

Довольно, царь! Не спрашивай, молю...

Э д и п

Коль дорожишь ты жизнью, отвечай мне!

П а с т у х

То был потомок Лайоса царя...

Э д и п

Раб или сын?

П а с т у х

О, горе! Страшно молвить...

Э д и п

А мне страшней услышать... Говори!..

П а с т у х

Дитя — я помню — звали царским сыном...
Спроси жену, ей лучше знать...

Э д и п

Она

Дала тебе младенца?

П а с т у х

Да.

Эдип

Зачем?

Пастух

Чтоб умертвить.

Эдип

О, неужели мать?..

Пастух

Она боялась прорицаний бога...

Эдип

Каких?..

Пастух

Что сын убьет отца...

Эдип

Зачем

Товарищу ты передал младенца?

Пастух

Мне было жаль малютку. Я хотел,
Чтобы унес его пастух в ту землю,
Откуда сам пришел. А между тем
Он сохранил для худших бед младенца...
Когда ты тот, кем он тебя назвал,
О, царь мой, ты несчастен!..

Эдип

Горе! Горе!

Отныне мне все ясно. Свет дневной,
Погасни же в очах моих! Я проклят,
И проклятым рожден — я осквернил
Святое ложе, кровь святую пролил!

(Все уходят, кроме Хора.)

Хор

Строфа первая

Ах, вся твоя жизнь,
О, род человеческий,—
Какое ничтожество!
Казаться счастливыми,—

Вам счастье большее
Доступно ли, смертные?
Казаться, — не быть, —
И то на мгновение!
Я теперь лишь постиг, твой пример увидав,
Твою жизнь, твою скорбь, злополучный Эдип,
Что не может быть счастья для смертного.

Антистрофа первая

Не ты ль на земле
Достиг высочайшего —
Богатств и величия?
О, боги! Предвиденьем
Не ты ли Пророчицу
С когтями Чудовище,
Герой, победил?
Твердыней незыблемой
Ты над нами стоял, нас от смерти хранил,
Мы за то вознесли, мы венчали тебя,
И в Кадмее великой ты царствовал.

Строфа вторая

Ныне же, ныне, Эдип, — о, как изменчиво все! —
Кто из людей испытал скорбь, безнадежней твоей?
Жалко царя мне великого!
В тех же объятьях ты был сыном и мужем, увы!
Ложе, где ты родился, — брачное ложе твое.
Ты разделил его с матерью!
Как же сердце в ней молчало?
И безропотно так долго
Нечестивые лобзанья
Как могла она терпеть?

Антистрофа вторая

Но против воли твоей, Время, всезнающий бог,
Время открыло, Эдип, твой святотатственный брак,
Ибо, рожденный с родившею,
В страшный союз ты вступил. Лучше б лица твоего
Нам никогда не видать. Ныне же, царь мой, скорбеть
Должен я скорбью великою.
Ибо — если молвить правду —
Кто мне дал вздохнуть свободно,
Кто вернул бессонным веждам
Сон отрадный, как не ты?

Слуга

О, граждане, славнейшие в Кадмее,
Коль родственным участием полны
Вы к правящему дому Лабдакидов,—
Какая скорбь наполнит вам сердца,
Что суждено увидеть вам, услышать!
Я думаю, что не могли бы смыть
Уже ни Фас, ни Истр глубоководный.
Всего, что здесь, под кровлею дворца,
Скрывается и явным будет скоро.
Все эти муки — добровольны; в мире
Воистину нет больших зол, чем те,
Которые творим себе мы сами.

Хор

И прежних нам уже довольно бедствий.
Что хочешь ты еще прибавить к ним?

Слуга

Поведать все могу в словах немногих:
Возлюбленной Иокасты нет в живых.

Хор

Несчастная!.. Скажи мне, кто убийца?

Слуга

Сама себя убила. Но от вас
Горчайшее сокрыто: очи ваши
Не видели ее последних мук.
Внимайте же. Все расскажу, что помню.
Едва она в преддверие вбежала,
Как бросилась во внутренний покой
И прямо к ложу брачному, и двери
Захлопнула. Там волосы рвала
Обеими руками в иступленье,
И Лайоса, погибшего давно,
Звала она и вспоминала ночь,
Когда зачат был сын-отцеубийца,
С которым мать произвела на свет
Отверженных детей в кровосмешенье.
И прокляла то ложе, где, вдвойне
Несчастная, она от мужа мужа
И сыновей от сына родила.
Что было с ней потом — не знаю; с криком

Вбежал Эдип: он видеть помешал
Мне смерть ее. Мы все смотрели, молча,
Как он, блуждая, требовал меча.
Искал «жены и не жены, во чреве
Его носившей и его детей»!
Не мы, вблизи его стоявшие, но Даймон
Шаги его, должно быть, направлял.
И в ярости на двери устремился
Он с громким криком, словно кто-нибудь
Ему на них указывал, и, вырвав
Железные крюки из петель, в дверь
Он ринулся; а там, в покое брачном,
Она уже повесилась. Вбежав,
Он развязал веревку с диким воплем,
И труп упал на землю. И тогда
Несчастный сделал то, что вспомнить страшно.
С одежд ее застешки золотые
Сорвав, себе глаза он проколол
Их острием, твердя, что не увидит
Ни собственных несчастий, ни злодейств,
Что, вечной тьмой объятый, не узнает
Ни тех, кого хотел бы он узнать,
Ни тех, кого не должен бы он видеть.
Так, проклиная жизнь в безумной скорби,
Все ударял и ударял глаза
Открытые, приподымая веки,
И по щекам из них сочилась кровь,
Не каплями, а черными струями
И целым градом слез кровавых. Там,
В покое брачном, муж соединился
В страданиях с женой в последний раз.
Где некогда блаженство обитало,
Там ныне — смерть и муки, и позор,
Все ужасы, которым есть лишь имя!

Хор

Но что теперь он делает?

Слуга

Кричит

И требует, чтоб дверь открыли настежь
И показали всем отцеубийцу,
Того, кто мать... Нет! Нечестивых слов
Не повторю. Изгнать себя он хочет,

Прочь убежать из дома, им самим
Проклятого, но силы не хватает,
И не успел вожатого слепец
Еще найти. А человек не может
Один таких мучений выносить...
Но посмотри: вот на дверях запоры
Уж сдвинуты: сейчас увидишь то,
Что и врагов заставило бы плакать!

(Двери открываются настежь.

*В глубине дома — мертвое тело И о к а с т ы.
К народу выводят слепого Э д и п а.)*

Хор

Страшны людям такие страдания. Вот
Из всего, что мы видели в жизни,
Вот — страшнейшее! Даймон тобой овладел!
Что за сила, как вихрь, налетела,
Смяла все и разрушила в жизни твоей,
О, несчастный!.. Хотел бы о многом
Я спросить, но услышать боюсь, и смотреть
На тебя не могу — так мне страшно.

Эдип

Тяжко, тяжело мне!.. Где я?
О, несчастный! Куда привели вы меня?
Я не вижу... Скажите мне, с кем говорю?..
Что со мною вы сделали, боги!

Хор

Ужасное, чему нет даже имени!..

Эдип

Строфа первая

Ночь беспредельная,
Неотвратимая! Тьма несказанная,
Смерти подобная!
Еще в ней ярче образы кровавые,
Еще сильнее боль воспоминания!

Хор

Мы чувствуем, как борешься ты с ужасом,
Как под двойным изнемогаешь бременем!

Эдип

Антистрофа первая

О, мои верные

Слуги! Доныне слепца одинокого

Вы не покинули.

Вы здесь еще... О, да, из мрака вечного

Я слышу, милые, ваш голос дружеский!

Хор

Мой бедный брат! Зачем ты ослепил себя,

Кто из богов наполнил ум твой яростью?

Эдип

Строфа вторая

Бог Дельфийский, друзья, это он, это он!

Бог — виновник всех бед. Но глаза себе сам,

Сам я вырвал! На что они? В мире

Уж нет ничего и не будет вовек,

Что увидеть мне было бы сладко!

Хор

Увы! Увы! Сказал ты правду горькую.

Эдип

Строфа третья

Что осталось мне? Чем утешиться?

И на что взглянуть? И кого любить?

Прочь, скорей, друзья, уведите прочь

Оскверненного и проклятого,

И очам богов ненавистного.

Хор

В сознание мук есть горечь, мукам равная...

О, лучше б мы тебя совсем не видели!

Эдип

Антистрофа вторая

Да погибнет же тот, кто в пустынных горах

Мои ноги исторг из безжалостных уз,

Спас от смерти меня, — будь он проклят!..

О, на что эта жизнь? Ни себе, ни родным,

Если б умер, я не был бы в тягость!

Хор

Ты прав, несчастный: лучше бы совсем не жить!

Эдип

Антистрофа третья

Я, не названный мужем матери,
Не запятнанный кровью отчею,
Спал бы вечным сном. А теперь во зле,
Чтоб убить отца, обесчестить мать,
Я рожден на скорбь беспредельную!

Хор

Зачем же ты, страдалец, не убил себя?
Совсем не жить — отраднее, чем жить слепым.

Эдип

О, нет! Меня вы в том не упрекайте.
Я поступил, как должен был, друзья.
Подумайте, какими же глазами,
Сойдя в Аид, взглянул бы я на мать
И на отца, им сделав то обоим,
Чего и смерть не может искупить?
О, как смотрел бы я и детям в очи,
Рожденным мной в таком союзе? Нет,
Ни этих стен, ни башен городских,
Ни красоты богов во храмах светлых —
Я ничего не должен видеть. Сам,
Когда я был еще царем великим,
Сам я клялся, что не увидит их,
Что будет изгнан тот, о чьем злодействе
И кровь царя, и боги вопиют.
И смел бы я взглянуть в лицо народу,
Изобличив себя в позоре? Нет!
О, если б мог я слух мой уничтожить,
То лучше бы уж сделал я совсем
Бесчувственным страдальческое тело,
Глухим, слепым: не слышать и не видеть
И мук своих не чувствовать так сладко...
О, Киферон! Зачем же принял ты
И не убил младенца, чтобы люди
Не ведали рожденья моего?
И ты, Коринф, и ты, дворец Полиба,
Которого отцом я называл, —
Скрывая зло под царственным величием,

Зачем, зачем вскормили вы меня?
Открылась тайна, видите, бесславным
От матери бесславной я рожден!
О, путь тройной, глубокая долина
И темная дуброва, и стезя
Кремнистая, ты, капли отчей крови
Впитавшая — пролитые моей,
Моей рукой, вы помните ль, что сделал
Несчастный там, у вас? и что потом
Он совершил, придя сюда, в Кадмею?
О, семя, семя, давшее мне жизнь
И на одном и том же брачном ложе
Отцов, детей и братьев, и невест
И матерей — все, все в кровосмешенье
Зачавшее, в гнуснейшем из злодейств,
Здесь, на земле кого-либо свершенных!..
Нет! Нет! Нельзя об этом говорить...
О, спрячьте же, убейте поскорей,
Иль ввергните меня в пучину моря,
Чтоб изверга никто не видел! Где,
О, где же вы?.. Коснуться удостоите
Несчастливого, не бойтесь... Из людей
Не вынес бы никто моих страданий!

Хор

Сюда идет Креон. Он все решит
И сделает, что хочешь, — ибо принял
Теперь он власть над городом.

Эдип

Увы!

Что я могу сказать? Он не поверит:
Я так пред ним неправ был и жесток.

Креон

Эдип, сюда не с тем я прихожу,
Чтоб упрекнуть тебя или насмешкой
За прежние обиды отомстить...

(Слугам, окружающим Эдипа.)

Но если вы людей уж не стыдитесь,
Побойтесь же хоть Гелиоса, всех
Питающего, пламенного бога,
И пред его лицом не обнажайте

Того, что не должна терпеть земля,
Ни свет дневной, ни дождь благословенный!
Ведите же несчастного домой:
Лишь нам, родным, пристойно видеть горе
Семейное,— и больше никому.

Эдип

Коль ты, благой, пришел ко мне, злодею,
На что уж я надеяться не смел,—
Послушайся меня, Креон, молю я.
Не для себя, для блага твоего...

Креон

О чем ты просишь?

Эдип

Уведи меня

Прочь от людей, туда, где молвить слова
Не мог бы я вовек ни с кем живым.

Креон

Сперва узнать я должен волю бога.

Эдип

Бог повелел злодея умертвить.

Креон

О, да, но все ж в таких несчастьях дважды
Хочу спросить его, что делать нам.

Эдип

Как? В Дельфах спросят о таком злодее?..

Креон

И Фебу ты на этот раз поверь!

Эдип

Тебе во всем, владыка, предаюсь:
Похорони, как должно, прах несчастной,
Лежащей там, в покоях. Этот долг
Для собственной семьи, Креон, исполни.
А я уже отныне с вами жить
В ограде Фив священных недостоин.
О, дайте мне вернуться в мой приют

Единственный, на горы Киферона,
В тот дикий край, что мне отец и мать
В младенчестве назначили могилой,
Чтоб там погиб отверженный их сын.
Я чувствую одно: ни от болезни,
Ни от чего другого умереть
Не суждено мне, ибо верной смерти
Я не избег бы ныне, если б Рок
Мне страшного конца не приготовил.
Но да свершится надо мной судьба!
Я сыновей моих не поручаю
Тебе, Креон: повсюду муж найдет,
Чем прокормить себя; но о несчастных,
О дочерях покинутых моих
Ты позаботься для меня, о, брат мой!
И об одном еще тебя молю:
Дай мне обнять их и поплакать вместе...

О, царь мой,
Потомок рода славного, исполни
Мольбу мою. Когда в последний раз
Их обниму, мне будет вновь казаться,
Что я их вижу, что они — мои...

Но тише!..
О, боги! Здесь — они... Я слышу, плачут,
Родимые! Ты пожалел меня,
Привел ко мне детей моих любимых,
Не правда ль?..

Креон

Я знал, что ты захочешь их обнять.
И поспешил призвать твоих детей.

Эдип

Так будь же ты благословен вовеки,
И Даймон лучший да хранит тебя,
Чем твоего отверженного брата!
(К дочерям Исмене и Антигоне.)
Где, где же вы, родные? Подойдите
Сюда, ко мне. Коснитесь этих рук,
О, милые, — преступных и несчастных,
Которыми из прежде светлых глаз —
Смотрите — вот что сделал я. О, дети!
Я вас родил от матери моей,
Но сам того, что делаю, — не ведал.

И мне уже не видеть вас вовек!..
Я только плачу, бедные, над вами
И думаю: несладкой будет жизнь
Вам у людей. Приветливое слово
Кто молвит вам? В день праздничный во храме
Нерадостным вам будет торжество,
И со слезами вы домой вернетесь.
Когда же в брак вступить придет пора,
Кто, жалкие, захочет быть вам мужем
И на себя такой позор принять?
Каких еще не достает нам бедствий?
Вы — дочери того, кто умертвил
Отца, кто мать родную обесчестил,
На ложе вас родил, где сам рожден!
Вот вечный ваш позор... И кто же примет
В свой дом таких отверженных? Никто.
Безбрачные, бездетные, горяю,
Умрете вы... Но ты, Менойков сын,
Единственный защитник им, ты знаешь,
Нет ни отца, ни матери у них.
Не правда ли, родных ты не покинешь,
Беспомощных, бездомных, в нищете,
Чтоб муки их с моими не сравнялись?
Они еще так молоды, Креон...
У них теперь лишь ты один остался,
И больше нет на свете никого.
Скажи, что будешь ты отцом несчастных,
Дай руку мне, мой брат, и поклянись...
Хотелось бы еще сказать, о, дети,
Вам многое, но вы теперь понять
Не можете, и я молю бессмертных
Лишь об одном: какой бы жребий вас
Не ожидал, да будет жизнь вам легче,
Родимые, чем вашему отцу!

Креон

Слез довольно. Ты простился. Во дворец пойдем скорей.

Эдип

Как ни тяжело, повинуюсь...

Креон

В жизни свой черед всему.

Эдип
Но уйду с мольбой последней...

Креон
Я внимаю, — говори.

Эдип
Прочь из Фив уйти навеки!

Креон
Это бог решит, не я.

Эдип
Богу — враг я ненавистный...

Креон

Тем скорей твоя мольба
Об изгнание совершится.

Эдип
Так ты думаешь, Креон?

Креон
Знаешь сам, что, не подумав, говорить я не люблю.

Эдип
Если так, идем скорее.

Креон
Но оставь своих детей...

Эдип
Нет, молю, не отнимай их!..

Креон

Не желай владеть ты всем:
И того, что было в жизни, не умел ты сохранить.

Хор
Обитатели Кадмеи, посмотрите на Эдипа,
На того, кто был великим, кто ни зависти сограждан,
Ни судьбы уж не боялся, ибо мыслью он бесстрашной

Сокровеннейшие тайны Сфинкса древнего постиг.
Посмотрите, как низвергнут он Судьбой! Учитесь, люди,
И пока пределов жизни не достигнет без печали,
И пока свой день последний не увидит тот,
кто смертен,—
На земле не называйте вы счастливым никого.

<1893>

ЭДИП В КОЛОНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Эдип — изгнанный царь Фив.
Антигона | дочери Эдипа.
Исмена |
Креон.
Полиник — сын Эдипа.
Тесей — царь Афин.
Чужеземец — житель города Колона.
Вестник.
Хор старцев.

*Место действия: у аттического города Колона, близ Афин,
пред роцей Эвменид.*

Эдип

(Антигоне)

Скажи, куда, в чей город мы пришли,
О, дочь слепого старца, Антигона?
Кто приютит изгнанников, почтив
Несчастливого Эдипа скудным даром?
Я малого прошу — дают мне меньше,
Чем малое, но и тому я рад:
Терпеть меня страданья научили,
И долгий ряд годов, и гордый дух.
Но оглянись, дитя, и, выбрав место,
Чтоб при пути на камне отдохнуть,
Или в ограде заповедной рощи,
Остановись и посади меня.
Узнаем, где мы, ибо надо граждан,
Придя в чужую землю, расспросить
И то, что нам велят они, исполнить.

Антигона

Отец, Эдип несчастный, вижу стены
И башни там, над городом, вдали.

Мне кажется, что в месте мы священном:
Олив здесь много, виноградных лоз
И лавров, полных сладкозвучным пеньем
Порхающих по веткам соловьев.
Вот здесь присядь, на этом камне диком:
Для старика ты сделал долгий путь
Сегодня.

Эдип

Дай мне руку, помоги.

Антигона

(усаживая Эдипа)

Напоминать не надо — я уж знаю,
Служить тебе привыкла я давно.

Эдип

А как название города?

Антигона

Афины.

Но здешних мест не узнаю.

Эдип

Да, да,

Афины: так ведь говорили все,
Кто по дороге нам встречался.

Антигона

Хочешь,

Пойду, узнаю, где мы?

Эдип

Расспроси,

Поблизости живет ли кто-нибудь.

Антигона

Живут, конечно. И ходить не надо:
Я вижу, кто-то к нам идет.

Эдип

Скажи,

Когда поближе будет.

Антигона

Вот — он здесь,
Ты можешь говорить.

Эдип

О, чужеземец,
Услышал я от той, чьи видят очи
И за себя и за меня, слепого,
Что к нам пришел ты в добрый час, затем,
Что я спросить тебя желал бы...

Чужеземец

Прежде,
Чем спрашивать, — ступай отсюда прочь:
Здесь человеку быть не должно.

Эдип

Где я?
Чей это лес? Кому он посвящен?

Чужеземец

Ограждено заклатьем это место:
Ужасные богини здесь живут —
Земли и Мрака дочери святые.

Эдип

Как имя их божественное?

Чужеземец

Имя

Мы им даем всезрящих Эвменид;
Но их зовут в других местах иначе.

Эдип

Благословен да будет мой приход!
Я не уйду отсюда, чужеземец.

Чужеземец

Что это значит?

Эдип

Приговор судьбы
Свершается.

Чужеземец

Я гнать тебя не смею.

Пойду, сначала в городе скажу
И, как велят, исполню.

Эдип

Чужеземец,

Будь милостив, ответь мне на вопрос,
Не откажи бездомному скитальцу!

Чужеземец

Что ж, спрашивай — я отвечать готов.

Эдип

Скажи мне, где мы, что это за место?

Чужеземец

Скажу тебе я все, что знаю сам:
Ты на земле богов, где обитают
И Посейдон, и Прометей, огонь
Похитивший с небес; а эти камни,
Где ты сидишь, зовут Порогом Медным,
Воротами и Крепостью Афин;
Славнейшему из всадников, Колону,
Посвящены окрестные поля,
И от него-то имя колонейцев
Наследовали жители; так вот
В какую землю ты пришел, о, странник!
Здесь не одним лишь словом чтут богов,
Но и благим обычаем, и делом.

Эдип

Так, значит, много жителей в стране?

Чужеземец

Да, целый город, посвященный богу.

Эдип

Кто царь земли? Иль правит сам народ?

Чужеземец

Нет, в городе есть царь, и над землею
Он властвует.

Эдип

А как зовут того,
Чей ум и сила управляют вами?

Чужеземец

Зовут его царем Тесеем, сыном
Эгеевым.

Эдип

Нельзя ли нам отсюда
Кого-нибудь послать за ним?

Чужеземец

Зачем?

Ты что-нибудь сказать ему желаешь,
Или сюда позвать?

Эдип

Затем, о, друг мой,
Что, малую мне помощь оказав,
Получит он великую награду.

Чужеземец

Царю ли ждать награды от слепца?

Эдип

Ведь то, что я скажу, не будет слепо.

Чужеземец

А знаешь ли, как лучше поступить?
Хотя ты слеп, по виду твоему
Сдается мне, что муж ты родом знатный;
Так вот что: посиди ты здесь, а я
Тем временем схожу, но не в Афины,
А к жителям предместия, и все
Им расскажу: пускай они рассудят,
Остаться ли тебе, иль уходить.

Эдип

Скажи, дитя, ушел ли чужеземец?

Антигона

Ушел, отец, ты можешь говорить,
Никто не слышит: мы одни с тобой.

Эдип

(к Эвменидам)

О, страшные, великие! Найдя
Приют у вас, у первых в этом крае,
Молю: ко мне враждебными не будьте
И к Фебу-прорицателю, тому,
Кто, возвещая много бед, и отдых
Чрез долгие года мне предсказал,
Когда, мой путь последний совершив,
Вступлю я в край, где у богинь великих
Найду себе приют гостеприимный,
Конец печальной жизни и покой,
И сделаюсь врагам моим — проклятьем,
Спасеньем тех, кто приютит меня;
А знаменьем удар подземный будет,
Зевесов гром иль молния: и ныне
Я вещую примету вижу в том,
Что, сам того не зная, в эту рощу
Вступил, — затем, что, проходя случайно,
Я никогда бы не зашел сюда,
Страданьями навеки отрезвленный,
К вам, трезвые, — и здесь бы я не сел
На ваш порог таинственный и грозный.
О, дайте же какой-нибудь исход,
Освобожденье дайте мне, богини,
Как Феб предрек, — коль отдых заслужил
Я, претерпев такие муки в жизни,
Каких никто из смертных не терпел.
О, древней Ночи сладостные дети,
О, величайший в мире город, ты,
Афиною Палладою хранимый,
Над призраком царя Эдипа сжальтесь,
Затем, что призрак он того, чем был!

Антигона

Молчи, отец: я вижу, старики
Идут сюда — тебя, должно быть, ищут.

Эдип

Дитя, пойдем скорее, уведи
И спрячь меня подальше от дороги.
Не расспросив, зачем они пришли,
Я к ним не выйду: будем осторожны,
Сперва узнать нам должно обо всем.

Хор старцев колонских

Строфа первая

Где он?

Где это был и куда он исчез?

Как он скрылся от нас, нечестивейший?

Мы обшарим кругом, мы весь лес обойдем

И отыщем безбожного,

Это — бродяга, старый бродяга!

Он не из здешних, — о, нет,

Он бы иначе войти не посмел

В рощу заклую

Гневных богинь,

Тех, что, назвав, содрогаемся,

Мимо проходим, безгласные,

Тихо, с молитвенным шепотом,

В землю потупив глаза,

В благоговении.

А теперь, говорят, темных Дев не страшась,

В рощу к ним он вошел, оскорбитель святынь:

Ищем, ищем, — куда он сокрылся, не ведаем.

Эдип

Вот, я здесь: не видя, слышу

Голоса...

Хор

О, ужас, ужас,

Страшный голос, страшный вид!

Эдип

Нет, молю: как на злодея,

Не смотрите на меня!

Хор

Возвестите, боги, кто он,

Этот старый, страшный?

Эдип

Тот,

О, правители народа,

Кто, как все мы, люди, в жизни

Счастлив был, — но не вполне;

А не то я по дороге

Не влачился бы слепой,

И моим усталым членам
Не служило бы опорой
Это слабое дитя.

Хор

Антистрофа первая

Горе!

Верно, слепым ты рожден и всю жизнь
Прожил, свету дневному не радуясь.
Бедный, бедный, тебя мы избавить хотим
От проклятия нового:
Остановись же, не святотатствуй!

Не входи, не входи,
Преступив заповедный порог,
В рощу безмолвную,
Полную трав,

Полную мрака и ужаса,
Где в возлияниях жертвенных
С трезвой водою сливается
Меда густая волна.
Горем постигнутый

Путник, слышишь ли нас? Подойди, не страшись,
Если хочешь сказать что-нибудь, — говори,
Только выйди сперва ты из места закланного.

Эдип

О, родная, что же делать?

Антигона

Лучше выйти к ним: их воле
Покориться мы должны.

Эдип

Дай мне руку.

Антигона

Вот, отец!

Эдип

К вам иду я, чужеземцы:
Пощадите старика!

Хор

Строфа вторая

Не бойся: тебя против воли никто
Из рощи не выведет, странник!

Эдип

Довольно?..

Хор

Поближе, поближе, — сюда.

Эдип

Еще?

Хор

Подойди с ним, о, девушка: видишь,
Что зла мы ему не желаем.

Антигона

Отец,

Иди же за мною по темной стезе,
Тихонько, тихонько, родимый!

Хор

Покорись, о, бедный странник,
И, вступая в нашу землю,
Нам враждебное — отвергни,
Нам любезное — почти.

Эдип

Дочь, веди меня туда,
Где, богов не оскорбляя,
Говорить и слушать можно:
Спорить с теми мы не будем,
Кто сильнее нас, дитя.

Хор

Антистрофа вторая

Довольно! Не должно тебе преступать
Порог этот каменный, — стой же.

Эдип

Здесь?..

Хор

Да, и не дальше, не дальше, —
вот здесь.

Эдип

Стоять?..

Хор

Можешь с края на камень присесть
Смирненно, как должно молящим.

Антигона

Садись,

Тебе помогу я, вот так, не спеши,
Поддерживать буду, — не бойся.

Эдип

(стонет, наклоняясь)

О, о!

Антигона

Можешь опереться.
Вот, сюда! Склони же, бедный,
На возлюбленные руки
Тело старое твое.

Эдип

Тяжко! Тяжко!

Хор

Волю нашу

Ты в одном уже исполнил.
А теперь скажи, несчастный,
Из какого рода, кто ты,
Где отечество твое?

Эдип

Я без племени, без рода —
Нет, нет, нет!..

Хор

О чем ты молишь?

Эдип

Нет, не надо, не пытайте,
Не спрашивайте, кто я.

Хор

Что с тобой?

Эдип

Проклятый род.

Хор

Отвечай!

Эдип

Увы, что делать?
Как нам быть, дитя мое?

Хор

Кто отец твой?

Эдип

О, родная,
Как ответить?

Антигона

Говори,—

Все равно, уже не скроешь.

Эдип

Правда, лучше сразу...

Хор

Что же

Медлишь, странник? Отвечай.

Эдип

Знаете Лайоса?

Хор

Горе, о, горе!

Эдип

Племя Лабдаково?

Хор
Боги!

Эдип
Эдипа
Многострадального?

Хор
Это — Эдип!

Эдип
Не ужасайтесь того, что скажу вам.

Хор
Страшно, страшно.

Эдип
О, сжальтесь!

Хор
Молчи.

Эдип
Что-то будет, дитя мое?

Хор
Прочь уходи,
Прочь из нашей земли!

Эдип
Пощадите!
Как же вы обещали не гнать нас?

Хор
Нет, нет!
Ведь и боги возмездьем тому не грозят,
Кто за зло платит злом: покорись, не ропщи
И терпи справедливую кару!
Встань, не медли, беги же, скорее беги,
Чтоб и нас не постигло проклятье!

Антигона
Граждане добрые,
Если отца-старика не жалеете

И осудили, не выслушав
То, что хотел он сказать о невольной вине,
То хоть меня пожалейте, несчастную.
Не отступлю, не уйду я и буду молить —
Не за себя, за отца моего одинокого!
Я не слепыми глазами смотрю вам в глаза,
Не как чужая, — как дочь
Единородная.
Сжальтесь! Помилуйте!
Будьте, как боги: скорбящего
Милостью чудной обрадуйте.
Всем заклинаю вас, всем, что вы любите:
Славой, отечеством, небом, детьми!
Люди, подумайте,
Где же такой человек, кто бы мог устоять,
Если влекут его боги к преступному?

Хор

Обоих вас жалеет, дочь Эдипа!
Но как же быть? Ужасен гнев богов,
И наших слов мы изменить не можем.

Эдип

Что пользы людям в ложных похвалах,
Когда хвалы дела их недостойны?
Вот говорят: в Афинах чтут богов,
Находит здесь приют гонимый странник.
Но на себе я этого не вижу:
Последнего убежища лишив,
Вы гоните меня, боясь лишь звука —
Не дел моих, а имени, затем,
Что пострадал я более, чем сделал, —
Уж если то судить, в чем виноват
Я пред отцом и матерью моей,
И что такой вам страх внушает, люди!
Теперь все это ясно для меня:
Как мог я быть преступным, сделав то,
Что и со мною сделали другие?
Но если бы я даже сознавал
Вину мою, то не был бы виновен;
А я ведь шел, не зная сам, куда, —
Те, от кого я гибну, это знали.
Вот почему, о, граждане, молю,
Теперь, когда я вышел к вам, спасите

И, от кощунства удержав меня,
Вы сами не кощунствуйте: ведь боги
И злых, и добрых видят на земле,
И нет от них спасенья нечестивым.
Не омрачайте же святых Афин
Недобрым делом: раз уже приняв
Молящего, поверившего клятвам,—
Помилуйте, спасите до конца,
Слепых моих очей не презирайте,
Не ужасайтесь скорбного лица!
Ведь ныне к вам, святой и благодатный,
Я с радостною вестью прихожу:
Пока ваш царь об этом не узнает,
Меня, о, старцы, не гоните прочь!

Хор

Нам кажутся твои слова, Эдип,
Разумными, и ничего не можем
Мы возразить; хотим лишь одного:
Чтоб обо всем узнал наш повелитель.

Эдип

А где живет он?

Хор

В городе отцов,
В Афинах; мы за ним уже послали
Того, кто весть принес нам о тебе.

Эдип

Скажите, как вам кажется: слепого
Почтит ли царь, придет ли он сюда?

Хор

О, да, придет, твое услышав имя.

Эдип

А от кого он знает?

Хор

Путь далек,
Но странники везде молву разносят.
От них он слышал о тебе: поверь,
Он будет здесь. Так много об Эдипе

Все говорят, что если б даже царь
И почивал, услышав это имя,
Не медля бы он к нам пришел сюда.

Эдип

Да будет же приход его на радость
И собственной земле его, и мне:
Кто мудр, тот сам себе желает блага.

Антигона

О, боги! Что сказать мне, что подумать,
Родимый?..

Эдип

Что, дитя?

Антигона

Я вижу: едет
К нам женщина на жеребце этнийском.
Защищена от солнца голова
Широкой тенью шляпы фессалийской.

Она!..

Иль нет? Ужель обманывает зренье?
И да, и нет! О, горе! Что сказать,
Не знаю...

Она! Она! Никто другой, — чем ближе,
Тем ласковее взор ее очей:
Я узнаю лицо моей Исмены!

Эдип

Что говоришь!

Антигона

Я вижу дочь твою:
Сейчас ее по голосу узнаешь.

Исмена

О, милые! Отец, сестра моя,
Как долго я искала, и как больно
Вас видеть вновь в таких страданиях!

Эдип

Ты ль,

Ты ль это, дочь моя?

Исмена

Отец мой бедный!

Эдип

Пришла ко мне...

Исмена

И труден был мой путь.

Эдип

О, обними же...

Исмена

(обнимая Эдипа и Антигону)

Вас обоих вместе!

Эдип

Дитя мое!

Исмена

О, горестная жизнь...

Эдип

Не правда ли?!

Исмена

Все трое мы несчастны.

Эдип

Зачем пришла, родная?

Исмена

Для тебя.

Эдип

Соскучилась?

Исмена

И вести принесла.

Вот этот верный раб из всех домашних
Был спутником единственным моим.

Эдип

А что же братья?

Исмена

Им не до тебя:
У них в дому ужасное творится.

Эдип

О, как они похожи на египтян
Обычаем и нравом, ибо там
Внутри домов сидят мужи за прялкой,
А жены их работают в полях.
Так те, кому бы должно быть со мною,
Сидят в дому, как девушки, а вы
Страдаете за них с отцом несчастным;
Одна из вас, едва не с детских лет,
Едва лишь тело девичье окрепло, —
Уж бродит всюду, водит старика,
Слепого, нищего, и сколько раз
Случалось ей, голодной, босоногой,
В ночи по лесу дикому блуждать,
Под ледяным дождем иль жгучим солнцем
Изнемогать; и не грустит о доме
И терпит все, чтоб накормить отца!
А ты, Исмена, тайно от кадмеян,
Нам принесла пророческую весть
О том, что суждено отцу, и верной
Защитницей изгнаннику была.
Теперь же вновь с какой приходишь вестью,
Зачем ты дом покинула, скажи?
Я чувствую, что к нам, дитя, не даром
И не без горькой вести ты пришла.

Исмена

Что вынесла, пока тебя искала, —
О тех скорбях не буду говорить,
Чтоб не терпеть их дважды, вспоминая.
А принесла тебе я весть о том,
Что сыновья недоброе готовят:
Сперва они хотели уступить
Креону власть, чтоб не навлечь на Фивы
Проклятия, что издревле наш дом
Преследует бедой неотвратимой.
Но скоро ум их злой, иль Рок в сердца
Вложил раздор, и брат восстал на брата,
И борются, несчастные, за власть.
Уж старшего лишил престола младший.

Из дома отчего изгнав, а тот —
Гласит молва — бежал в глубокий Аргос,
Товарищей-воителей собрал,
Вступил в союз и двинулся на Фивы:
Равнину Кадма Аргос победит,
Иль, пав в бою, врагам дарует славу.
Слова мои — не звук пустой, а правда
Ужасная! Когда же над тобой,
Отец мой, боги сжалятся, не знаю.

Эдип

А разве ты надеялась, что боги
Когда-нибудь помилуют меня?

Исмена

О, да, — судя по новым прорицаньям.

Эдип

Но по каким? И что они гласят?

Исмена

Что некогда фиванцы пожелают
В отечество Эдипа возвратить
Живым иль мертвым.

Эдип

А на что, дитя, им нужен
Такой, как я?

Исмена

Предрек Дельфийский бог,
Что лишь в тебе их сила и надежда.

Эдип

Какая сила в том, кого уж нет?

Исмена

Сразили боги, боги и воздвигнут.

Эдип

Не поздно ли им старца воздвигать?

Исмена

Так знай, отец, — Креон здесь будет скоро,
Он за тобой придет.

Эди п
Креон? Зачем?

Исмена
Тебя хотят близ Кадмовой земли
Похоронить, чтобы у них во власти
Ты был всегда, но в землю не вступал.

Эди п
Какая же им польза, если буду
Покоиться вне города?

Исмена
Бедой
В земле врагов грозит твоя могила.

Эди п
И без пророчеств можно бы понять,
Что это так.

Исмена
А потому желают
Они тебя на родину вернуть,
Чтоб не имел ты власти над собою.

Эди п
Покроют ли меня землею Фив?

Исмена
Покрыть тебя не могут той землею,
Где некогда ты пролил кровь отца.

Эди п
Не будет же у них мой прах вовеки!

Исмена
А если так, постигнет их беда.

Эди п
Скажи, дитя, какая? Что случится?

Исмена
Постигнет их, отец, твой поздний гнев,
Едва лишь вступят сыновья твои
В тот край, где ты найдешь приют последний.

Эдип

Но от кого ты слышала?

Исмена

От тех,

Кто послан был во храм Дельфийский к богу.

Эдип

И все это предрек им Аполлон?

Исмена

Так говорит, кто от него вернулся.

Эдип

А кто-нибудь из сыновей моих

Уж знает ли об этом?

Исмена

Оба знают.

Эдип

И все-таки, забыв любовь, отцом,

Презреннейшие, жертвуют для власти?

Исмена

Сознаться больно мне, — но это так.

Эдип

Так пусть еще сильнее раздуют боги

Огонь вражды, — да будет суждено

Мне одному окончить эту битву,

Где ныне брат на брата поднял меч;

И да падет сидящий на престоле,

А изгнанный да не вернется вновь!

Отца они в беде не защитили,

С бесчестием позволили прогнать

Того, кто жизнь им дал, и были рады,

Когда я, всеми проклятый, бежал!

Иль скажете, они меня изгнали

Лишь потому, что я просил о том?

Но нет, неправда: ибо в первый день,

Когда во мне душа еще горела,

И было бы отраднее всего

Мне умереть, побитым быть камнями,

В тот день меня никто не пожалел
И моего желанья не исполнил;
А лишь потом, как притупилось горе,
И понял я, что превышает казнь
Невольную вину мою безмерно, —
Тогда они решили, наконец,
Изгнать меня. И сыновья могли бы
Помочь отцу, — могли и не хотели,
Не молвили ни слова, потерпев,
Чтоб на чужбине я скитался нищим,
Чтоб все имел от этих слабых дев.
Несчастные, — дают отцу, что могут:
И кровь, и хлеб насущный, и любовь!
А те, мужи, отца презрев, мечтают
Царями быть, людьми повелевать.
Но помощи моей им не дожидаться,
Наследье Кадма в прок им не пойдет;
То вижу я из прорицаний новых
И древних — тех, что вам уже открыл,
И что теперь над нами бог свершает.
Так пусть же, пусть придет за мной Креон,
Иль кто-нибудь, у них вошедший в силу;
О, чужеземцы, если только вы
Окажете мне помощь и богини,
Великие царицы этих мест, —
То буду я благословеньем вашим
И гибелью для всех моих врагов!

Хор

Воистину вы жалости достойны,
И ты, Эдип, и дочери твои.
А так как нам принес ты весть благую,
То и от нас прими благой совет.

Эдип

Исполню все, что скажете, о, други!

Хор

Священный лес богинь, где ты нашел
Себе приют, вступая в эту землю,
Обрядом искупительным почти.

Эдип

Каким обрядом? Научите, старцы!

Хор

Воды сперва для жертвы почерпни
Из родника, струящегося вечно,
Рукой благоговейной.

Эдип

А потом, —
Когда я светлой влаги почерпну?

Хор

Там кубки есть — художника создание;
Ты оберни их ручки и края.

Эдип

Не шерстью ли, иль зеленью древесной?

Хор

Руном чистейшим молодой овцы.

Эдип

Когда же я амфоры увенчаю?

Хор

Тогда, лицо к восходу обратив,
Ты соверши тройное возлиянье.

Эдип

Из этих самых чаш?

Хор

Лишь три струи —
Из первых двух, а третий кубок — цельный.

Эдип

Что будет в третьем?

Хор

Только мед с водой,
Вина же, помни, прибавлять не надо.

Эдип

Когда ж земля, под черною листвою,
Таинственные примет возлиянья?..

Хор

То трижды девять масличных ветвей
Ты возложи, произнося молитву.

Эдип

Какую? Знать ее важней всего.

Хор

Да будут те к пришельцу благосклонны,
Кому даем мы имя Эвменид.
Молись о том и ты, и все другие,
Но шепотом чуть слышным говори.
Потом, лица назад не обращая,
Уйди скорей... Когда исполнишь все,
Приблизимся к тебе уже без страха;
Не то, Эдип, смотри — не быть добру.

Эдип

Вы слышали, о, дети?

Антигона

Да, родной мой, —
Приказывай, что делать нам теперь.

Эдип

Сам ничего исполнить я не в силах —
По немощи двойной и слепоте,
И слабости; пусть кто-нибудь, родные,
Из вас пойдет и должное свершит;
Одна душа, но полная любовью,
В молитве стоит тысяч. Поскорей
Идите же и возвращайтесь, дети!
Пошевелинуть без вас я не могу
Беспомощными членами моими.

Исмена

Исполню все... Но укажите мне,
Старейшины, где место для обряда?

Хор

Ступай ты в рощу, девушка, и там
Найдешь того, кто все тебе укажет.

Исмена

Иду, а ты с отцом побудь, сестра!
Когда с любовью трудимся для милых,
То кажется нам легким всякий труд.

Хор

Строфа первая

Старое, спящее горе будить
Страшно, — но все же спросить мы хотели...

Эдип

О чем?

Хор

О несказанном, неизгладимом
Явном страданье твоём.

Эдип

Именем Зевса молю вас, о, милые,
Не обнажайте позорного!

Хор

Здесь о тебе уже слышали многое, —
Ныне же знать мы всю правду хотим.

Эдип

Тяжко!

Хор

О, друг, умоляем...

Эдип

Увы, мне, увы!

Хор

Не откажи, и тебе не откажем.

Эдип

Антистрофа первая

Зло я терпел, лишь терпел, но, свидетель мне бог,
Сердце мое и не чаяло, —
Все против воли...

Хор

Какое же зло?

Эдип

Люди меня сочетали, не зная, что делают,
С матерью в мерзостном браке!

Хор

И несказанную святость родимого ложа
Ты осквернил, говорят?

Эдип

Горе мне! Смерть — это слышать; молчите!
Боже, ведь это родные мои...

Хор

Что говоришь!

Эдип

Эти дочери — обе проклятые!

Хор

Зевс!

Эдип

Сыном зачаты — о, мерзость! — от матери!

Хор

Строфа вторая

Это — дети твои!..

Эдип

Дети и сестры отца.

Хор

Страшно!..

Эдип

Страшно воистину; узел
из тысяч бед!

Хор

Ты терпел!..

Эди п
То, чего не забыть никогда!

Хор
Совершил...

Эди п
Не совершал ничего...

Хор
Как?

Эди п
Увы!
Только принял в подарок от города то,
Что не должен был брать я, несчастный.

Хор
Антистрофа вторая
Бедный, ты — и убийца...

Эди п
Что вы? Тише! О ком говорите?

Хор
...отца?

Эди п
Рана за раною, — сжальтесь!

Хор
Убил?

Эди п
Да, но слушайте, есть у меня...

Хор
Что? Кончай!

Эди п
Оправданье.

Хор
Какое?

Эди п

Убил, —
Отрекаться не буду: но разве я знал,
Что творю? Я пред богом — невинен!

Хор

О, странник, вот сюда идет на зов твой
Эгеев сын, владыка наш, Тесей.

(Входит царь Тесей.)

Тесей

(Эдипу)

Тебя я знаю: я слышал от многих,
Как ослепил ты сам себя, Эдип!
Сегодня же узнал еще и больше,
Молве внимая по пути сюда.
И по твоим одеждам видно, кто ты,
И по лицу нерадостному; друг,
Мне жаль тебя... Скажи, зачем, о, бедный,
С какой мольбой приходишь в город наш
И ты, и скорбная твоя подруга?
Поведай все, и ежели сверх сил
Не будет то, о чем меня попросишь, —
Я с радостью готов тебе помочь:
Ведь я и сам когда-то жил в изгнание,
Я тоже скорбь с младенчества познал
И от тебе подобных, от несчастных,
Я никогда лица не отвращал:
Я — человек, и в том, что будет завтра,
Не более уверен я, чем ты.

Эди п

О, царь Тесей, являя благородство,
Без лишних слов, ты позволяешь мне
Такою же ответить краткой речью:
Ты знаешь, кто я, из какого рода,
И из какой земли сюда пришел.
Сказать теперь одно еще осталось —
О чем прошу, и знать ты будешь все.

Тесей

Эдип, ты можешь говорить, — я внимлю.

Эдип

Так знай же, царь: я приношу тебе,
Как дар, мое страдальческое тело:
Немногого по виду стоит дар мой,
Но пользы больше в нем, чем красоты.

Тесей

Скажи, какую разумеешь пользу?

Эдип

Потом ее увидишь, не теперь.

Тесей

Когда же то, что говоришь, свершится?

Эдип

Когда умру, и здесь, в твоей земле,
Ты дашь приют костям моим усталым.

Тесей

Все о могиле просишь: но для жизни
Не нужно ли чего-нибудь тебе?
Или ее уже так мало ценишь?

Эдип

Живому даст мне хлеб насущный тот,
Кто мертвому могилу обещает.

Тесей

Не многого же хочешь ты, старик!

Эдип

Но помни, царь: за этот дар мой скудный
Вы вступите в великую борьбу.

Тесей

Не я ль начну, иль сыновья твои?

Эдип

Они хотят вернуть меня насильно.

Тесей

Коль так, зачем тебе в изгнание жить?

Эдип

Когда молил, то не дали вернуться!

Тесей

Старик, в беде не помогает гнев.

Эдип

Не говори, пока всего не знаешь.

Тесей

Ты прав,— кончай: я слушаю тебя.

Эдип

Каких, каких я только мук не вынес!

Тесей

Иль древнее проклятье рода вспомнил?

Эдип

Нет, ведь о нем и так уж знают все.

Тесей

Какое же еще ты вынес горе,
Которого никто не знает?

Эдип

Царь,

Пойми же: дети, кровь и плоть моя,
Из собственной земли меня прогнали,
И более нельзя отцеубийце
На родину вернуться никогда.

Тесей

Но ежели нельзя вернуться,— как же
Ты говоришь, что за тобой придут?

Эдип

Пророческое слово их принудит.

Тесей

Какою же бедой грозит им бог?

Эдип

Твоей, о, царь, великою победой.

Тесей

Из-за чего мы вступим в эту брань?

Эдип

Одним богам, о, милый сын Эгея,
Ни старости, ни смерти не видать,—
Но времени все прочее подвластно:
Как мощь людей, слабеет мощь земли,
Растет измена, умирает верность
И клятвы лгут, и никакой союз
Меж городов, как меж друзей, не вечен:
Вчерашний друг становится врагом;
Но дни бегут, и вновь он будет другом.
Пока еще с фиванцами союз твой
Безоблачен; но времени полет
Бесчисленные дни родит и ночи,
И некогда нарушит стук мечей
Созвучье клятв, из-за обиды малой.
Тогда напьется дремлющий в гробу
Холодный прах мой их горячей крови,
Коль бог еще есть бог, и Феб не лжет!
Поверь же, царь, и большего не требуй:
Запретных тайн не должно открывать.
О, лишь теперь исполни обещанье,—
Потом уже не скажешь никогда,
Что в тягость был Эдип земле афинян,
Коль правда есть в пророчествах богов!

Хор

О, мудрый царь, об этих прорицаньях
Он говорит уже не в первый раз.

Тесей

Как не принять, о, граждане, того,
С кем издревле наш род соединяет
Товарищества бранного союз,
Кто, именем богинь, пришел молящий
И нам принес неоцененный дар?
О, нет, такого мужа не отвергну
И гостю дам в земле моей приют:
Захочешь ли остаться здесь, в Колоне,
Старейшинам тебя мы поручим;
Или пойдешь, Эдип, со мной в Афины,
Я и на то согласен,— выбирай.

Эдип

Да наградит вас бог, о, чужеземцы!

Тесей

Итак, скажи: идешь ли ты в мой дом?

Эдип

Да, если мне позволишь; только прежде...

Тесей

Что? Говори, противиться не буду.

Эдип

Я прежде здесь врагов моих смирю.

Тесей

Да будет наш союз тебе во благо...

Эдип

Коль сделаешь ты все, что обещал.

Тесей

Доверься мне: уж я тебя не выдам.

Эдип

Ты не солжешь: я верю и без клятв.

Тесей

Что говорю — вернее всякой клятвы.

Эдип

Но как же ты...

Тесей

Чего страшишься вновь?

Эдип

За мной придут...

Тесей

С тобою будут старцы.

Эдип

А ты уйдешь?

Тесей
Сперва устрою все.

Эдип
Врагов боюсь...

Тесей
А я их жду без страха.

Эдип
Но знаешь ли?..

Тесей
Я знаю, что никто
Из рук моих тебя не вырвет силой:
Ведь мало ли кто в ярости грозит,
Но тщетные угрозы умолкают,
Как только гнев рассудком побежден.
А если бы и вздумали фиванцы
Свершить угрозы — по морю ко мне
Не так-то им легко еще достигнуть...
Мужайся же, затем, что, кроме нас,
Тебя и бог пославший охраняет.
Когда б меня здесь не было, поверь, —
Враги бегут пред именем Тесея.

Хор
Строфа первая
Странник, пришел ты в счастливейший край,
В гордый конями Колон беломраморный,
Где по зеленым оврагам поют соловьи
Перекликаются, звонкоголосые...

Вечно стаями порхают
В чернолиственном плюще,
В заповедной тихой роще,
Многоплодной, недоступной
Ни для солнца, ни для бурь,
Где в кругу богинь-кормилиц
Бродит бог веселий грозных,
Бог вакханок — Дионис.

Антистрофа первая
Здесь же цветет, оживляемый вечной росой,
С пышными гроздьями, благоухающий,

Древний венец Персефоны с Деметрой — нарцисс,
И золотоцветный шафран распускается.

И, бессонные, блуждают
Тихоструйного Кефиса
Плодотворные ключи,
Чтобы жаждущей земли
Недра влагой напоить.
Этот край и музы любят,
И Киприда, чьи бразды
Золотые правят всем.

Строфа вторая

Есть у нас также и дерево чудное:
Слышали мы, что такого нет в Азии,
Ни на дорическом острове Пелопса, —
Не насажденное, но первозданное;
Это — кормилица наших детей,
Ужас для копий врагов,
Тускло-сребристая маслина,
Чьих побегов святых не ломает никто,
Будь он молод иль стар, будь он раб или царь,
Ибо на маслину оком недремлющим
Смотрит и Дий светозарный с небес,
И Афина глазами прозрачно-зелеными.

Антистрофа вторая

Также помянем иную, не меньшую
Славу великого нашего города —
Бога морского подарки бесценные:
Конную упряжь и снасть корабельную;
Ибо впервые не здесь ли, у нас,
Царь Посейдон укротил
Буйную силу коней?
Здесь же создал для нас он и первый корабль,
Что помчался — о, диво! — с волны на волну,
Зыбь рассекая упругими веслами,
Радостно прыгая в пене играющей,
Нереид провожаемый вечною пляскою!

Антигона

Пришла пора, о, старцы, доказать,
Что этот край таких похвал достоин.

Эдип

Что видишь ты, дитя мое?

Антигона

Отец,

Креон сюда идет с толпой фиванцев.

Эдип

Теперь мое спасенье довершить
Вы можете, о, милые!

Хор

Не бойся, —

Не выдадим; я стар, но не стареет
Величие народа моего.

Креон

По вашим лицам и глазам я вижу,
О, граждане прекраснейшей земли,
Что мой приход неожиданный вас пугает;
Но успокойтесь: бранных слов не надо,
Вам причинить насилья не хочу;
Ведь я и стар, и знаю, что вступил
В сильнейшее во всей Элладе царство.
Пришел же я за этим стариком,
Чтоб пригласить его обратно в землю
Священных Фив: народ меня послал
Затем, что горю этого страдальца
Оказывать я должен больше всех
Участия, как родственник ближайший...
Итак, пойдем со мной, Эдип мой бедный,
Тебя и все кадмеяне зовут,
Но больше всех Креон; ведь я — не изверг,
И у меня, старик, душа болела,
Как вспомню я, бывало, что один,
В чужой земле, бездомный и голодный,
Ты бродишь с юной дочерью. Увы!
Не думал я, что бедная так пала,
Что милостыню нищему отцу
Вымаливает дочь царя Эдипа,
Почти дитя, без матери, без мужа,
Добыча первых встречных на пути.
О, горе нам! Какое поношение —
Тебе и мне, и роду моему!

Но уж того, что сделано, не скроешь,
Так хоть теперь, по крайней мере, спрячь,
Спрячь этот стыд — богами заклинаю,—
О, милый брат, послушайся меня!
Пойдем со мной, на родину, в жилище
Отцов твоих; а с этою землей
Простись, как друг: она того и стоит;
Но все-таки ты должен больше чтить
Вскормившую тебя родную землю.

Эдип

О, дерзостный, умеющий скрывать
Презренное под видом благородства.
Опять меня ты манишь в западню,
Где, пойманный, наплакался бы вдоволь!
А помнишь ли, в те дни, как я скорбел
В моем дому и сам искал изгнания,—
Тогда ведь ты мольбе моей не внял;
Нет, лишь потом, как скорбь уже затихла
И сладким вновь мне стал родной очаг,
Ты из дому меня с позором выгнал,
Тогда и уз родства не пощадил.
И вот теперь, узнав, что я в Афинах
Нашел приют, опять меня зовешь;
Чтоб жестко было спать, так мягко стелешь!
Зачем насильно делаешь добро?
В годину бед меня вы оттолкнули,
Просящему не помогли в нужде,
Чтобы потом, как все уж есть в избытке,
Навязывать ненужные дары,—
Подумай же, какая в этом радость?
Ведь, что теперь ты предлагаешь мне,
По виду сладко, а на деле горько.
Но я твое коварство обличу:
Приходишь ты не звать меня в жилище
Отцов моих, а хочешь у границ
Держать в плену, чтоб не постигла город
Отсюда вам грозящая беда.
Но только знай, не быть тому, и вечно
Я буду жить у вас, как демон мщенья,
И дам земли обоим сыновьям
Не более, чем нужно для могилы!
А что, скажи, не лучше ли тебя
Я знаю все о Фивах? — и вернее,

Затем, что Феб и Зевс-отец не лгут;
Твои ж уста полны хвастливой ложью.
Но берегись: на голову свою
Накличешь ты беду... Не веришь? — знаю.
Ступай же прочь, а нам и без тебя
Здесь хорошо, и лучшего не надо!

Креон

Сам посуди, кому такую речью
Вредишь ты больше — мне, или себе?

Эдип

Как буду рад, когда ни этих граждан
Ты обмануть не сможешь, ни меня!

Креон

Стыдись, стыдись, — таких годов преклонных
Достиг, а все еще не поумнел.

Эдип

Язык твой остр, но праведный не должен
С искусством равным говорить про все.

Креон

Да, говорить умеет каждый много,
Но коротко и хорошо — не все.

Эдип

А ты — умеешь говорить и кратко,
И хорошо?

Креон

Не для таких, как ты!

Эдип

Одно тебе скажу — за этих граждан
И за себя: ступай ты лучше прочь —
Разведчиком пришел сюда напрасно!

Креон

Как смеешь ты с друзьями говорить, —
Свидетели да будут эти старцы,
Коль только в руки попадешься мне!

Эди п

А кто меня в земле афинян силой
Дерзнет схватить?

Креон

Ну, что ж, — не от того,
Так, может быть, поплачешь от другого.

Эди п

Что это значит?

Креон

Дочь твою одну
Уж я схватил и отослал подальше.
Сейчас возьму другую...

Эди п

Горе! Горе!

Креон

Не так еще застонешь — погоди.

Эди п

Исмена, дочь моя!..

Креон

Схвачу и эту!

Эди п

О, граждане, не выдавайте нас,
Безбожного отсюда прогоните!

Хор

Поди ты прочь скорее: ибо зло
Всегда творишь ты, ныне, как и прежде!

Креон

Сюда, рабы! Сама она нейдет,
Схватите же и силой уведите.

Антигона

О, горе мне! Куда, куда бежать,
Кто из богов иль смертных нам поможет?

Хор
Что делаешь? Опомнись...

Креон
Ничего
Не бойтесь: гостя вашего не трону,
Я только дочь сестры моей возьму.

Эдип
Властители народа!..

Хор
Ты неправду
Творишь...

Креон
Нет, правду.

Хор
Как?

Креон
Свое беру.

Эдип
Строфа
На помощь! На помощь!

Хор
Не смей его трогать, а то наших рук,
Безумец, узнаешь ты силу!

Креон
Пустите! Пустите!

Хор
При нас не дадим
Свершить незаконное дело!

Креон
Кто первый ударит меня, — оскорбит
Священные Фивы...

Эдип

О, старцы!

Вы помните: я ведь предсказывал вам!

Хор

Оставь эту девушку, слышишь? Оставь!

Креон

Над ней не имеете власти!

Хор

Оставь, говорим!

Креон

Говорю вам и я:

Прочь, прочь, а не то берегитесь!

Хор

На помощь, на помощь! О, граждане, к нам!

Ваш город позорят, насилие творят!

Сюда! Помогите!

Антигона

Увы! Влекут меня, о, старцы, старцы!

Эдип

Родная, где же ты?..

Антигона

Уводят силой...

Эдип

Подай мне руку...

Антигона

Не могу, отец!..

Креон

Скорей, скорей!

Эдип

Несчастный я, несчастный!

Креон

Теперь без этих посохов обоих
Постранствуешь! На родину восстал,
На близких, тех, чью волю исполняю,
Хотя, как царь, и сам имел бы власть:
Так радуйся же, — вот твоя победа!
Но, может быть, со временем поймешь,
Что злейший враг — ты сам себе, и ныне,
Как прежде, всем друзьям наперекор,
Предавшийся неистовому гневу,
Причине бед твоих...

Хор

Остановись!

Креон

Вам говорю — пустите!

Хор

Не позволим

Мы увести ее...

Креон

Так вот же, знайте:

Не только их обеих уведу,
Но и еще заложника другого.

Хор

Что хочешь, дерзкий?

Креон

(указывая на Эдипа)

И его схватить!

Хор

Ты лжешь!

Креон

А вот увидите сейчас,
Как только мне ваш царь не помешает.

Эдип

Поднять дерзнешь ты руку на меня?

Креон

Молчи, старик, молчи!

Эдип

Вопить я буду,

И голос мой достигнет до богинь,
Царящих здесь: о, будь ты проклят, изверг,
За то, что хочешь вырвать у слепца
Последний свет, единственное око!
Под старость жизнь такую, как моя,
Да ниспошлет бог Гелиос всезрящий
Тебе, злодей, и роду твоему!

Креон

Вы слышите, о, чужеземцы?

Эдип

Слышат

Обоих нас и, думаю, скорбят,
Что я плачу за дело только словом.

Креон

Нет, долее терпеть я не могу:
Хоть одинок и удручен годами,
Схвачу его и силой уведу!

Эдип

Антистрофа

О, горе мне! Горе!

Хор

И хочешь такое ты дело свершить
В земле у чужого народа?

Креон

Хочу.

Хор

Ну, так, значит, Афин уже нет!

Креон

Да, в праведном деле сильнейших врагов
Порой побеждает и слабый.

Эдип

Вы слышите, граждане, слышите?

Хор

Пусть!

Не бойся, тебя он не тронет.

Креон

Пока это знает один только Зевс.

Хор

Смеешься над старостью нашей?

Креон

Смеюсь, —

И нечего делать, — терпите!

Хор

Бегите, бегите из города все,

О, царь и народ, отомстите за нас!

Обида! Обида!

Тесей

Что за крик? О чем тревога? Повелителю морей

Не успел я кончить жертвы, как услышал этот крик.

Что случилось? Что случилось? Говорите, старики!

И зачем царя в смятение вы заставили бежать?

Эдип

По голосу тебя я узнаю...

О, друг, меня обидели жестоко!

Тесей

Чем? Кто тебя обидел? Говори.

Эдип

Креон, вот тот, кого здесь видишь, отнял

Детей моих последних у меня!

Тесей

Что ты сказал?..

Эдип

Увел, увел обеих!

Тесей

Скорей, один из слуг моих, беги
Назад, во храм, вели всему народу,
И конному, и пешему, алтарь
И жертвенный обряд тотчас покинув,
Бежать и гнать коней во весь опор
Туда, где обе сходятся дороги,
Чтоб не успели девушки пройти,
И чтобы нам для пришлецов, насилье
Творящих здесь, посмешищем не быть!
Иди, иди скорей... А этот дерзкий
Не вышел бы из рук моих живым,
Коль волю б дал я праведному гневу!
Но мы его рассудим по законам,
С какими он и сам пришел сюда.

(Креону.)

Пока мне их не приведешь обоих
И не отдашь, не выпущу тебя:
Ведь ты творишь не только нам бесчестье,
Но и своей земле, и роду. Как?
Придя в страну, где чтут законы свято
И правый суд по ним творят, презрел
Ты нашу власть, кидаешься, хватаешь,
Людей уводишь силою! Скажи,
Иль думал ты, что нет мужей в Афинах,
Что здесь — земля рабов, и я — ничто?
Или таким делам ты научился
В родной земле? Но там, как и у нас,
Не любят злых и, думаю, не будут
Хвалить за то, что ты, наперекор
Богам и мне, детей насильно отнял
У бедного, молящего слепца.
Ведь если б я пришел в твою отчизну, —
Хотя б на то имел я все права,
Наперекор владыке, кто б он ни был, —
Я не дерзнул бы граждан уводить,
И знал бы я, как подобает гостю
В чужой земле с царями поступать.
А ты позоришь собственную землю
Безвинную, и, кажется, года,
Состаривши тебя, не умудрили...
Вот я сказал и повторяю вновь:
Вели тотчас их привести обратно,
Коль ты остаться не желаешь здесь,

В земле моей, невольным поселенцем!
Сказал,— и слов моих не изменю.

Хор
(Креону)

Вот до чего дошел ты, родом славный,
На деле же — бесстыдный человек!

Креон

Не думал я, конечно, сомневаться
Ни в разуме, ни в доблести Афин.
Пришел же я, не зная, что к Эдипу
Вы нежностью исполнитесь такой
Ревнивою, чтоб мне наперекор
Насильственно родных моих лелеять.
И думал я — у вас не принимают
Отцеубийц, безбожников с детьми,
Зачатыми в кровосмешенье гнусном.
Я полагал: разумнейший совет,
Великие мужи Ареопага
Таких бродяг не терпят здесь, и в том
Уверенный, я взял мою добычу.
Но все-таки не поступил бы так,
Когда б он сам не произнес ужасных
Проклятий мне и роду моему.
Но, видно, гнева не смирят годы,
А только — смерть: лишь мертвые врагам
Прощают все... Ну, а теперь, как знаешь,
Ты поступай: вас много, я — один.
Вы можете невинного обидеть,
Но помните: насколько хватит сил,—
Противиться я буду злему делу!

Эдип

Кого же мыслишь наглými устами
Ты очернить — меня или себя,
Когда кричишь: злодей, кровосмеситель,
Отцеубийца,— попрекая тем,
Что делал я, несчастный, против воли,
К чему Эдипа боги привели,
Давно уже мой род возненавидев?
А сам я — чист, и на душе моей
Ни одного пятна ты не отыщешь,
Которым бы себя или родных

Я осквернил. За что же ты порочишь
Невинного, коль боги предрекли
В те дни, как я еще и не рождался,
Что сын убьет отца, — за что, скажи?
Но если так и поступил несчастный,
Не ведая, ни что, ни с кем творит,
Назначенное Роком исполняя,
То как же смеешь ты его судить?
И с матерью еще мой брак ты вспомнил,
Сестрой твоей, и говорить о том
Безбожный твой язык не постыдился!
Так слушай, — вот я обличу тебя
И в этой лжи: что мать она родная,
Родная мне — о, горе! — я не знал,
Как и она, когда, зачав от сына,
Детей своих, позор свой родила.
Но вижу я одно: ты добровольно
Сестру свою позоришь и меня,
А я тогда невольно это делал,
Как и теперь невольно говорю.
За этот брак никто меня преступным
Не назовет, как и за кровь отца,
Чем ты меня так горько попрекаешь.
Но будь же добр, ответь лишь на одно:
Коль здесь, сейчас, о, муж столь непорочный,
Убить тебя хотел бы кто-нибудь,
Ты стал ли бы пытывать сначала,
Убийца тот — не есть ли твой отец,
Или ему ты сразу отплатил бы?
Мне кажется, что если только жизнь
Тебе мила, — обидчика казнил бы,
Не размышляя, прав ты или нет.
Меня толкали сами боги в бездну,
Куда я пал, и мне перечить в том, —
Я думаю, — родитель мой не стал бы.
Коль слышать бы он мог мои слова.
А ты, в душе над правдою смеясь,
Всегда сказать готовый с легким сердцем
И то, что можно, и чего нельзя, —
Ты у чужих людей порочишь старца,
И говоря, что правда здесь царит,
Превознося Афины и Тесея,
Хоть не жалел похвал, а все ж забыл
Ты главное: что лучше всех народов

Афиняне умеют чтить богов.
Так как же хочешь ты увлечь, безумец,
От Зевса к ним пришедшего слепца,
У бедного детей отнять насильно?
Я умолю царящих здесь богинь,
Усердно к ним взывая: да помогут,
Да защитят меня, чтоб ты узнал,
Какой народ живет в святых Афинах!

Хор

Ты видишь, царь, что это человек —
Несчастнейший, но праведный, достойный
И помощи, и милости твоей.

Тесей

Довольно слов: пока враги с добычей
Спешат уйти, здесь праздно мы стоим.

Креон

Я слушаю: тому, кто безоружен,
Повелевай.

Тесей

Ступай, ступай вперед,
Указывай дорогу, — если спрятал
Поблизости похищенных детей,
Веди нас к ним. А если и бежали
Грабители с добычей, — не беда:
Уж всадники мои их нагоняют
И перейти границы не дадут.
Итак, иди вперед и помни: сети
Расставив, сам ты попадешься в них,
Добытого обманом не удержишь;
И от своих ты помощи не жди,
Затем, что я ведь знаю: безоружным,
Хотя и нагл, прийти бы ты не смел
В чужую землю для такого дела:
На что-то есть надежда у тебя,
И это мы разведаем, чтоб не был
Народ слабее мужа одного.
Ты понял ли? Иль все еще, как прежде,
Когда ты это дело замышлял,
Надеешься, что речь моя бессильна?

Креон

Я здесь тебе не стану возражать,
Когда вернусь домой — на все отвечу.

Тесей

Ступай, ступай, — потом грозить успеешь.
А ты, Эдип, не бойся ничего:
Коль буду жив, — поверь, не успокоюсь,
Пока тебе детей не возвращу.

Эдип

Благословен да будешь ты, владыка,
За все твои заботы обо мне.

Хор

Строфа первая

Если б быть мы могли
Там, где враг со врагом
Скоро скрестят мечи,
И в пыли загремит
Меднобранный Арей,
Иль у жертвенника Феба,
Иль у рощи Элевзинской,
Где толпы лампадоносцев
Ходят по ночам,
Где богини Плодородья
Таинства блюдут,
Где уста у посвященных
Строгим замкнуты обетом —
Элевзинского молчанья
Золотым ключом.
Там, я думаю, уж ныне
Царь Тесей, освобождая
Юных дев, победным кликом
Ужаснул врага.

Антистрофа первая

Иль в другой стороне
В Эатидских полях
На закате, у гор,
Где меж туч, по скалам
Белый иней блестит,
В бысролетных колесницах
Горячат коней вожжами

Беглецы, врага почуяв,
Но не убегут,
Ибо наш Арей — ужасен,
Наш Тесей — велик.
За спиной — погони топот,
Дышат вспененные морды
Жеребцов неукротимых,
Блещут удила:
Это наши, наши кони,
Посвященные Палладе
И колеблющему Землю,
Богу волн морских!

Строфа вторая

Битву уж кончили, или замедлили?
Сердце предчувствует радость великую:
К отчему лону вернется невинная,
Дева страдальца, всеми гонимая,
И свершится воля Зевса!
Битву славную пророчим:
Легкокрылой бы голубкой
Нам взлететь под облака,
Чтоб взглянуть на эту битву
Зорким оком с высоты!

Антистрофа вторая

Зевс, олимпийцев владыка всевидящий,
С дочерью славной, Афиной-Палладою,
Даруй воителю силу победную,
В сети царевы — добычу желанную:
Молим Феба-Зверолова
И Охотницу на ланей
Быстроногих, пестрокожих,
Аполлонову сестру,
Да придут они на помощь
И народу, и царю!
О, гость чужой земли, пророком лживым
Не назовешь меня: уже идут,
Идут сюда, детей твоих я вижу!

Эдип

Что говоришь? Где?.. Где?..

Антигона

Отец! Отец

О, если б Зевс того благого мужа
Увидеть дал слепым твоим очам,
Кто спас детей твоих!

Эдип

Ужели, дети,
Вы здесь, опять со мной?

Антигона

Рука владыки

И добрых слуг освободила нас.

Эдип

Придите же ко мне, родные, дайте
Скорей обнять неожиданных!

Антигона

Мы идем,

Сейчас тебя обнимем и утешим.

Эдип

О, где же?.. Где же?..

Антигона

Здесь мы обе, — вот!

Эдип

О, милые!..

Антигона

Родному все ведь мило!

Эдип

Последний свет, последний посох мой!

Антигона

Для жалкого скитальца — жалкий посох!

Эдип

Теперь, когда они опять со мною,
Совсем несчастным я уж не умру.
О, дети, крепче, крепче обнимите,
Прижмитесь к телу дряхлому, — вот так!

Не правда ли, ведь кончена разлука?
Вы больше не покинете меня?
Ну, расскажите все, что было, кратко,
Как подобает в ваши годы...

Антигона
(указывая на Тесея)

Вот
Спаситель наш; его, отец, послушай.
Прибавить мне останется потом
Немногое.

Эдип
(Тесею)

Не удивляйся, друг,
Что не могу наговориться вдоволь
С детьми, ко мне вернувшимися вновь,
Когда уж я возврата их не чаял.
Я знаю, ты ведь спас их — ты один,
Никто другой; тебя за эту радость,
Единственно тебя благодарю!
Бессмертные да наградят Тесея
И город ваш, затем, что на земле
У вас одних нашел я справедливость
И верность клятв, и благочестье, — да,
По опыту я ныне это знаю,
Все, что имею, ты один мне дал,
И более никто, никто из смертных!..
Коснуться же позволь руки твоей,
Поцеловать, как брата, если можно.
Но нет, как смею? Что я говорю?
Я чистого моим прикосновеньем
Не оскверню, и если б ты хотел,
Не допущу; к несчастным подходить
Лишь опытным в страданиях должно людям...
Приветствуя же издали тебя,
Молю, владыка: впредь, как и доне,не,
Будь справедлив и милостив ко мне!

Тесей
О, нет, за то, что говоришь так долго
И ненасытно с милыми детьми, —
Я не сержусь: тебе, конечно, с ними
Беседовать отрадней, чем со мной;

И я не жду похвал твоих: не словом,
А делом я прославиться хочу.
Как видишь сам, я не нарушил клятвы,
Возлюбленных детей твоих вернул
И отдаю тебе их невредимых.
Как было все, узнаешь ты от них,
А нам победой хвастать не пристало.
Послушай же ты лучше, что узнал
Я по пути сюда: ведь как ни кратка,
Достойна удивленья эта весть:
Кто мудр, — ничем пренебрегать не должен.

Эдип

Что слышал ты, владыка, расскажи:
Об этом здесь мы ничего не знаем.

Тесей

Там, говорят, какой-то чужеземец,
Тебе родня, хотя и не из Фив,
Сидит, обняв алтарь морского бога,
Где только что я жертву приносил.

Эдип

Откуда он? О чем он молит бога?

Тесей

Одно я знаю: у тебя просить
Нетрудного и малого он хочет.

Эдип

Чего? Едва ль о малом просит тот,
Кто к жертвеннику бога припадает.

Тесей

Я слышал так, что хочет он с тобой
Поговорить и мирно удалиться.

Эдип

Но кто же он?

Тесей

Подумай: у тебя
Такого нет ли в Аргосе родного,
Кто б мог просить о том?

Эдип

Молчи, молчи,
О, друг, молю, довольно!..

Тесей

Что с тобою?

Эдип

Не спрашивай...

Тесей

Но почему?

Эдип

Я понял,
Кто говорить со мною хочет...

Тесей

Кто?

И в чем его вина перед тобою?

Эдип

Царь, это — сын мой, злейший из врагов.
Тот, чьи слова мне горше смерти!

Тесей

Можешь,
Узнав, зачем пришел он, отказать, —
Но выслушать его ужели трудно?

Эдип

Нет, нет, Тесей, не принуждай меня, —
Звук голоса его мне ненавистен!

Тесей

Но хорошо ли делаешь, смотри:
Ведь именем богов тебя он молит.

Антигона

Хотя еще я молода, отец,
Не отвергай ты моего совета:
Почтить богов Тесею не мешай, —
Да примет он молящего прищельца:

Послушай нас и брата не гони.
Ведь, что бы он ни говорил, речами
Насильственно тебя не убедит.
Так выслушай — не бойся, ибо злые
Словами злое сердце обличат.
Он все же — сын твой: если бы тебе
Он причинил и злейшую обиду, —
Не должен бы ты мстить ему, отец!
Прими его; страдают и другие,
Не ты один, от собственных детей,
Но слушаются доброго совета
Друзей своих и укрощают гнев.
О, вспомни мать, отца, какие муки
Ты сам от них, невинный, претерпел!
Пойми, что гнев всегда рождает беды,
И зло приносит злейшие плоды,
Чему твои невидящие очи —
Свидетельство и горестный пример...
Нехорошо, чтобы молили долго
О справедливом; уступи же нам
И милостью умей платить за милость.

Эди п

Да будет так, хоть знаешь ты, дитя,
Что нелегко исполнить эту просьбу
Но только, царь, когда мой сын придет, —
Ты защити, не дай меня в обиду.

Тесе й

Зачем об этом дважды говорить?
Не хвастая, скажу, старик, и верь мне:
Коль Зевс меня спасет, спасен и ты.

Хор

Строфа

Безрассудны и жалки, я думаю, те
Кто продлить хочет жизнь свыше меры,
Ибо долгая жизнь — только долгая скорбь:
Каждый день приближает к страданию,
А покоя ни в чем все равно не найдешь,
Если слишком ты многого хочешь.
Вот придет, смотри, без брака
И без лиры, и без хоров,
Все желанья утоляя,

Парка тихого Аида —
Утешительница-смерть.

Антистрофа

Величайшее первое благо — совсем
Не рождаться, второе — родившись,
Умереть поскорей, а едва пролетит
Неразумная, легкая юность, —
То уж, кончено, — мукам не будет конца:
Зависть, гнев, возмущенья, убийства;
И предел всему последний —
Одинокая, больная,
Злая, немощная старость,
Ненавистная, проклятье
Из проклятий, мука мук!

Эподос

Так же, как я, это знаешь и ты,
Старый, покинутый!
Словно в пучине на Севере
Голый утес, ударяемый
Снежною бурей и волнами,
Ты одинокий стоишь;
И на тебя отовсюду бегут
И разбиваются с яростью
Страшные волны, страдания вечные,
Те от Востока, другие — от Запада
И от полуденных стран,
И от Рифея ночного, от Севера дикого!

Антигона

Отец, я вижу, чужеземец к нам
Сюда идет, молящий, одинокий;
Глаза его полны слезами...

Эдип

Кто?

Антигона

Он тот, кого мы ждали — Полиник.

Полиник

Увы, с чего начну, кого оплачу —
Себя, сестер иль дряхлого отца?

Вот у чужих людей его я вижу,
Покинутого всеми, кроме вас,
В грязи, в лохмотьях нищенских, истлевших
От старости на этом старом теле;
И спутанные волосы повисли
На впадины слепых его очей,
И ветер их пустынный развевает,
И думаю, что такова и пища
Утробы жалкой. Горе! Горе мне!
Я все это увидел слишком поздно
И не пришел к тебе, и не помог...
Теперь уж, знаю, нет мне оправдания
Но пусть, как рядом с Зевсом восседает
На небе Милость, так и здесь с тобой.
Прости! Ведь злого дела увеличить
Уже нельзя, но можно искупить...

Молчишь?..

Хоть что-нибудь скажи, отец! От сына
Не отвращай лица! Ужели молча
Меня с таким презреньем оттолкнешь,
Не удостоив даже гневным словом?
Ну, умолите же его хоть вы,
Чтоб сжатые в безмолвии угрюмом,
Уста его открылись наконец,
Чтобы меня, пришедшего от Зевса,
Отец с таким бесчестьем не прогнал!

Антигона

Поведай сам, зачем пришел, несчастный:
Из многих слов, бывает, что одно
Склоняет вдруг к ответу безответных,
Внушая радость, жалость или гнев.

Полиник

Да, твой совет разумный я исполню:
Сперва в защиту бога призову,
Чей жертвенник обняв, царя Тесея
Я умолил, — и он позволил мне
Прийти сюда, сказать отцу, что надо,
И удалиться мирно: вот и все,
О чем я вас прошу, о, чужеземцы,
Сестер моих и моего отца...
Теперь скажу, Эдип, зачем пришел я:
Из Фив меня прогнали потому,

Что я хотел, как первенец, по праву,
Твоим престолом царственным владеть;
Да, — вот за что я младшим братом изгнан!
Не мудростью он победил меня
И не мечом в открытом поединке,
А хитростью народ мой обольстив.
И думаю, что это совершила,
Готовя месть, Эриния твоя:
Так говорят и вещие пророки...
Тогда в глубокий Аргос убежав,
На дочери Адраста я женился,
Вступил в союз с храбрейшими людьми,
Что первыми слынут в метанье копий;
И семь дружин объединив, на Фивы
Повел в поход, чтоб умереть в бою,
Иль победить, с престола свергнув брата...
Но, спросишь ты, зачем же я теперь
Сюда пришел? Чтобы твои колени,
Отец, с мольбой усердно обнять
И за себя, и за вождей союзных,
Что семеро — у семивратных Фив
Уже покрыли всю равнину войском:
Из них в гаданье по полету птиц
И в брани первый — колебатель копий
Амфиарей. Второй — Инеев сын,
Тидей отважный, родом этолиец.
Из Аргоса же третий — Этеокл.
Иппомедон — четвертый послан к Фивам
Отцом Талаем. Пятый — Капаней,
Опустошить огнем грозит Кадмею.
Шестой аркадский вождь — Парфенопей,
От матери, от гордой Аталанты,
Хранившей долго девственность, дитя
Любимое, он принял это имя.
И я — седьмой, по имени — твой сын,
Вернее же, что сын я злого Рока, —
На Фивы рать бесстрашную веду.
И этими детьми, твоею жизнью
Тебя, родной, мы заклинаем все,
Прости, забудь свой гнев неумолимый,
Хотя б теперь, когда я брату мщу,
Изгнавшему меня с таким бесчестьем!
Тот победит, с кем вступишь ты в союз,
Коль должно верить прорицаньям Феба.

Вот, именем отеческих богов,
Источников священных, умоляю, —
Такому же несчастному, как ты,
Не откажи; ведь оба мы — скитальцы,
Обоих нас единый гонит Рок,
И хлеб чужих людей — обоим горек,
Меж тем, как тот, увы, властитель Фив,
Над нашими мученьями смеется!
Но верь, злодея скоро и легко
Мы победим, коль будешь ты со мною,
Отец! Домой я возвращу тебя
И сам вернусь, с позором выгнав брата.
Я без тебя — на гибель обречен,
С тобой — отныне праздную победу.

Хор

Во имя тех, кем послан он, Эдип,
Не отпуская пришельца без ответа.

Эдип

Да, если бы, о, старцы, не послал
И слов моих не счел его достойным
Ваш царь Тесей, то этот человек
Мой голос бы вовеки не услышал.
Теперь же вот отвечаю я, но так,
Что будет жизнь ему не в радость.
О, гнусный лжец, имея трон и скиптр,
Которыми твой брат владеет ныне,
Не постыдился ты отца прогнать,
Обречь его на горький хлеб чужбины
И на лохмотья нищенские, те,
Что ныне сам оплакивать приходишь,
Постигнутый моею же судьбой.
Но кончено — слезами не поможешь!
Молчать, терпеть до смерти, и тебя,
Убийцу моего, я помнить буду!
Ты, ты один — виновник этих мук:
Меня с позором выгнал, сделал нищим,
Бродягою, и у чужих людей
Вымаливать заставил хлеб насущный!
Ведь, если бы не дочери мои,
Ты предал бы отца голодной смерти.
Они меня питают и хранят,
Они — мужи в страданиях, а не жены;

А вы — другим, не мною рождены!..
Вот за тобой следит уж демон мести
И поразит, как только двинешь рать
На стены Фив, — и ты их не разрушишь,
А сам падешь в крови, и брат — с тобой.
Я проклял вас и снова проклиная:
Идут, идут проклятия мои,
И скоро вы увидите, что значит
Родителя слепого презирать;
Ведь сестры же почтить меня сумели!
Уже теперь они вошли в твой дом,
Вошли мои проклятья, овладели
Твоим престолом, — если правда есть
На небесах в законах вечных Зевса!
Поди ты прочь, отверженный отцом,
Меж злыми злейший, изверг ненавистный,
Возьми с собой проклятие мое:
Ни родины копьем не завоюешь,
Ни Аргоса ты не увидишь вновь;
Но от руки родимой погибая,
Погубишь ты и брата своего.
Вот мой завет, я призываю Тартар,
Ужасный мрак, где мой отец сокрыт,
На голову твою, отцеубийца!
Я призываю грозных Эвменид
И бога брани, буйного Арея,
Что яростью наполнил вам сердца!..
Не медли же, беги и возвести
Кадмеянам и всем вождям союзным,
Как наградил я сыновей моих!

Хор

Увы, сюда пришел ты не на радость,
О, Полиник, — скорее уходи!

Полиник

Все кончено... Что сделал я, несчастный?
Куда моих союзников привел?..
Туда, откуда больше нет возврата,
К тому, чего нельзя им и открыть!
И, зная волю Рока, должен молча
Идти навстречу гибели моей..
Но вас молю, возлюбленные сестры:
Ужасные пророчества отца

Вы слышали: богами заклинаю,
О, ежели вернетесь вы домой
И отчее проклятье совершится,—
Тогда хоть вы не презрите меня,
Усопшего почтите погребеньем,—
Да будет вам, как за любовь к отцу,
Не меньшая хвала за жалость к брату!

Антигона

О, милый мой, послушайся меня...

Полиник

Скажи, о чем, родимая, ты просишь?

Антигона

Брат, не губи отчизны и себя!
Скорей веди назад дружину в Аргос.

Полиник

Теперь, сестра, уж поздно: отступив,
Не соберу я вновь такого войска.

Антигона

Увы, дитя, зачем безумный гнев?
Зачем тебе губить родную землю?

Полиник

Позор — бежать и старшему терпеть
От младшего такое поруганье!..

Антигона

Но ты ведь знаешь: вам обоим — смерть;
Пророчества не могут не свершиться.

Полиник

Да, знаю все, но отступить нельзя.

Антигона

О, бедный мой! Услышав прорицанье,
Кто за тобой осмелится пойти?

Полиник

От них я скрою: вождь на поле брани
Дурную весть не должен приносить.

Антигона

Ужель твое решение неизменно?

Полиник

Да, я пойду, отверженный отцом,
Эриниями грозными гонимый,
По страшному, последнему пути.
А вас, родные, наградит Зевес,
Коль мертвому окажете вы милость,—
При жизни мне уже нельзя помочь...
Простите же, о, милые, навеки:
Вы больше не увидите меня!

Антигона

О, я несчастная!

Полиник

Сестра, не плачь...

Антигона

Как над тобой не плакать, горький? Вижу,
Что ты идешь к гибели своей.

Полиник

Коль Рок судил,— умру.

Антигона

О, нет,— послушай...

Полиник

Не убеждай!

Антигона

О, горе мне! И ты,
И ты погиб!..

Полиник

Да будет воля Зевса:
В его руке и жизнь моя, и смерть.
Но вы — ничем не заслужили горя:
О, милые, да сохранит вас Зевс!

(Полиник уходит.)

Хор

Строфа первая

Вот еще новые беды ужасные
Вещий слепец, напророчив, зовет,
Ежели Парка его не сразит,
Ибо веленья богов непреложные
Время всевидящим оком блюдет:
Те — через долгие годы, медлительно,
Те — совершенно мгновенно... Вы слышите,
Слышите — гром... О, Зевес!

Эдип

Скорее, дети милые, велите же
Позвать ко мне Тесея благородного.

Антигона

Поведай нам, отец: зачем зовешь его?

Эдип

В Аид сейчас крылатый гром божественный
Умчит меня: скорей, скорей, — не медлите!

Хор

Антистрофа первая

Загрохотал, загудел ужасающий,
Божеской дланью низринутый гром.
Слышите?.. Волосы дыбом встают,
Дух замирает; а по небу молния
Блещет во тьме смертоносным огнем.
Боже! Кого поразит она?.. Страшно мне,
Страшно; ведь молния даром не падает...
О, Громовержец Зевес!

Эдип

Конец, конец мой, дети! Вот последний час:
Теперь уж нет спасенья, скрыться некуда!

Хор

Но как ты знаешь?.. Почему ты смерти ждешь?

Эдип

Я знаю: смерть моя близка. Прошу, молю —
Скорей, скорей позвать ко мне властителя!

Хор

Строфа вторая

Ближе, ближе гул громовый,
Треск пронзительный! Помилуй,
О, помилуй, всемогущий,
Если ты идешь во мраке
К нашей Матери-земле!
От проклятых, осужденных
Отойдем: да будет с нами
Только муж боголюбивый.
Зевс-отец, к тебе взываем:
Пощади!

Эдип

Идет ли царь, о, милые? Застанет ли
Тесей меня в живых еще и в разуме?

Антигона

Какую тайну хочешь ты открыть ему?

Эдип

Я отплатить хочу ему за милости,
Исполнить все пред смертью, что обещано.

Хор

Антистрофа вторая

О, приди, приди же, сын мой,
Если даже в отдаленье
На конце равнины, в жертву
Богу моря, Посейдону,
Заколаешь ты быков:
Ибо хочет гость, как должно,
За приют гостеприимный
Наградить тебя и город:
О, не медли же, владыка,—
Поспешай!

Тесей

Зачем опять меня зовете, старцы?
Какое здесь смятение, что за крик?
Я узнаю и голос чужеземца.
Иль молния ударила, иль град
И смерч?... Коль Зевс послал такую бурю,
То надо быть готовым ко всему.

Эдип

Дождался я, владыка, наконец-то:
На радость бог послал тебя ко мне!

Тесей

Сын Лайоса, поведай: что случилось?

Эдип

Я умираю и хочу исполнить,
Что обещал народу и тебе.

Тесей

Что смерть твоя близка — откуда знаешь?

Эдип

Мне возвестили боги мой конец
Приметами не лживыми.

Тесей

Какими?

Эдип

Блистаньем молний, грохотом громов,
Кидаемых рукой неодолимой.

Тесей

Я верю: прорицания твои
Уже не раз свершались... Что же делать?

Эдип

Я научу тебя, Эгеев сын,
Я одарю бессмертными дарами
Твой край: пойдем, тебя я приведу
Сам, без руки вожатого, в то место,
Где умереть я должен; но, смотри,
Не открывай ты никому живому
Таинственного гроба моего:
Да будет он тебе охраной вечной,
Надежнее всех копий и щитов.
Святыню тайн неизреченных, дивных
Тебе открою там наедине:
Не должно знать о них ни этим старцам
Ни дочерям возлюбленным моим.
Молчи и ты, о, царь; лишь перед смертью

Преемнику открой, чтоб в свой черед
Грядущему он передал, и будет
Вовеки город твой неодолим
Для воинства, посеянного Кадмом, —
Исчадия драконовых зубов.
Уж сколько царств погублено неправдой
И при царях великих: медлит Зевс,
Но видит все, — и тех не минет кара,
Кто, попирая божеский закон,
Безумствует, чего в твоей земле,
О, мудрый царь, вовеки да не будет.
Но этому учить тебя не нужно...
Пора! Я слышу: Зевс меня зовет,
Пойдем скорей в назначенное место.
И вы, о, дети, следуйте за мной:
Вас поведу, слепой вожатый — зрячих,
Как некогда водили вы отца,
И не давайте мне руки, не надо;
Священную могилу сам найду,
Где должен я покоиться... Идите
Сюда, сюда, еще правей, — вот так;
Ведет меня подземная богиня
И бог Гермес, Путеводитель душ.
О, свет, и мне в былые дни сиявший,
Вот озаряешь ты в последний раз
Эдиповы невидящие очи:
Я ухожу, и то, чем жизнь моя
Окончится, в немом Аиде скрою...
О, друг, — ты сам, народ твой и земля
Счастливыми да будете вовеки, —
Но в счастии безоблачном порой
Умершего Эдипа вспоминайте!

Хор

Строфа

Коль чтить мольбой дозволено
Тебя, богиня страшная,
Тебя, владыка тьмы,
Аидоней! Аидоней!
То молим: дайте страннику
Легко и безболезненно
Сойти, окончив путь,
В обители Стигийские,
На те поля подземные,

Где тихо тени спят.
Ныне за все, что терпел без вины,
Зевс справедливый тебя наградит
Сладостным отдыхом.

Антистрофа

Внимайте нам, владычицы
Подземные, чудовищный,
Неукротимый Зверь,
Что там в пещере стережет
С рычанием ужасные
Блистающие, гладкие,
Аидовы врата!
О, смерти бог неведомый,
Дитя Земли и Тартара,
Смири ночного Пса;
Страннику к мертвым безмолвным полям
Путь облегчи, — о, приди же, приди,
Всеусыпляющий!

Вестник

Старейшины, могу поведать кратко:
Все кончено, Эдипа нет в живых.
А что случилось там, и как он умер, —
Нельзя в словах немногих рассказать.

Хор

Свершилось: умер он, многострадальный!

Вестник

Навек ушел от нас.

Хор

Поведай, как?
Божественная смерть была ли тихой?

Вестник

Достойна удивленья эта смерть.
Вы видели, как он ушел отсюда:
Никто из нас его не вел, — он сам
Указывал нам путь, слепой вожатый!
Когда же мы пришли к Порогу Бездны,
Сходящей рядом медных ступеней
В подземный мрак, — Эдип остановился,

Избрав одну из множества дорог,
Над самым устьем каменного жерла,
Где некогда Тесей и Перифой
Метали дружбы верные залого;
И сел как раз меж Форикийских скал
И гробовой плиты, и дикой груши
С гнилым дуплом; потом одежду снял
И дочерям воды для омовений
И возлияний принести велел.
Они вошли к Деметре многоплодной
На ясный холм, что виден издали,
Исполнили отцовское веленье,
Вернулись, обмыли старика
И новою одеждою, как должно,
Украсили; когда же весь обряд,
Как он желал, свершили благолепно,
То грянул бог подземными громами
И девушки затрепетали: пав
К ногам отца, их обняли, рыдая,
И от него не отходили прочь,
И били в грудь себя с протяжным воплем.
И он сказал, прижав детей к груди:
«О, милые! Простите, умираю,—
Все кончено; чтоб накормить отца,
Вам более страдать уже не надо.
Я знаю, жить со мною было трудно,
Но я любил вас, дети, как никто
И никогда уж больше не полюбит:
Моя любовь все муки утоляла!
Но вот теперь уйду, и без меня
Вы будете совсем одни на свете».
Тогда они все трое обнялись
И долго плакали; когда же замер
Последний вопль, настала тишина.
Вдруг чей-то голос прозвучал в безмолвье,
И волосы у всех нас дыбом встали
От ужаса, а голос тихо звал:
«Эдип! Эдип! Пойдем со мной, не медли».
И услышав божественный призыв,
Он подойти велел царю Тесею
И произнес: «О, брат мой, руку дай
В знак верности ненарушимой, детям,
И вы — ему, родные; клятвой вечной
Мне поклянись, что не предашь детей,

Что сделаешь ты все для них, что можешь». Смирная скорбь, как благородный муж, Царь поклялся мольбу его исполнить. Тогда Эдип, слабеющей рукой В последний раз детей коснувшись, молвил: «О, дочери, мужайтесь, — мне пора; Ни видеть вам не следует, ни слышать Запретного, — ступайте же скорей! Да будет здесь наедине со мною Лишь царь Афин, чтоб знать и видеть все». И за детьми пошли мы следом, плача, Эдипово веленье услышав. Но, отойдя немного, оглянулись И видим: нет его уже нигде, Один Тесей стоит, окаменев, От ужаса закрыв лицо руками, Как будто бы он вдруг увидел то, Что вынести не могут очи смертных. Потом, спустя немного, царь упал, Простерся ниц, мольбой благоговейной Почтив Олимп и Землю. Знает он, — И более никто из всех живущих, — Как умирал Эдип... Не огненною силою громов, Не на море поднявшеюся бурей, — Он тихо взят посланником богов, Иль пропастью Аида благосклонной, Таинственно разверзшейся под ним... И так легко, такую дивной смертью Не умирал еще никто... Пускай Слова мои сочтут безумьем, — правду Я говорю: кто хочет верить — верь!

Хор

Где дочери и спутники Эдипа?

Вестник

Идут сюда: вы слышите их вопли
Протяжные и похоронный плач?

Антигона

Горе! Горе! Одни мы навеки; никто
Никогда не простит
Нам рожденья проклятого;

За отца мы терпели и будем терпеть
Несказанное!

Хор

Что случилось?

Антигона

Увы, догадаться легко!..

Хор

Умер?..

Антигона

Смертью желанною, —

Не во брани погиб, не в пучине морской,
Но беспшумная бездна открылась под ним,
Приняла безболезненно,
В смерти таинственной...

Горе! Очи покрыла мне вечная тьма,
Снова, нищие, по миру обе пойдем,
И по землям чужим, и по бурным морям,
Мы скитаться должны, одинокие!

Исмена

Что нас ждет, — подумать страшно!
Поглотила бы уж сразу
И меня с отцом несчастным
Бездна темного Аида, —
Больше жить я не могу!

Хор

Нет, возлюбленные дети,
Эта смерть — благодеянье
Милосерднейшего Зевса;
Покоритесь, не ропщите:
Зевс помилует и вас.

Антигона

Значит, сердце жалеет о прошлых скорбях:
Ведь, когда он, бывало, обнимет меня, —
То казалось и горькое сладостным!
О, родимый мой, бедный, ушедший в страну
Мрака вечного,
Никогда, никогда не разлюбим тебя
Мы, несчастные!

Хор

Он имеет...

Антигона

Имеет желанное.

Хор

Правда...

Антигона

Умер он далеко от Фив,
На чужой стороне, как и сам он хотел.
 Ложе имеет спокойное,
 Осененное тенью подземною,
 И в могилу сошел он, оплаканный:
Ведь пока я дышу, о тебе никогда
Не иссякнут в очах моих слезы, отец!
 Не забуду я, горькая,
Что ты умер один, далеко от меня,
 Не в объятьях моих!..

Исмена

О, сестра, какая участь
Ждет обеих нас, бездомных,
Одиноких!..

Хор

Нет, родные,
Свыше меры не скорбите,
Ибо смертью благодатной
Развязал он узел жизни.
А из живших от страданья
Не избавлен был никто.

Антигона

Исмена, родная, вернемся...

Исмена

Зачем?

Антигона

Томит мое сердце желанье...

Исмена

Какое?

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XIV

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА 1912

Антигона

Взглянуть на обитель подземную...

Исмена

Чью?

Антигона

Родимого, — горе мне!..

Исмена

Или не знаешь,

Что к этому месту нельзя подходить?

Антигона

О, ты упрекаешь меня!

Исмена

И еще...

Антигона

Ну что? Говори...

Исмена

Без могилы,

Он принят землею вдали ото всех.

Антигона

Отведи же меня ты к нему и убей!

Исмена

Горе! Что со мною будет?

Коль и ты меня покинешь,

Как дожить мне горький век?..

Хор

Не бойтесь, о, милые!

Антигона

Как избежать?

Хор

Одной уже беды вы избегли...

Антигона

Какой?

Хор
Насилья Креона и плена.

Антигона
Я думаю, старцы...

Хор
О чем?

Антигона
Я думаю, как мы вернемся домой?

Хор
Забудь же, не думай...

Антигона
Тоска!..

Хор
Покорствуй, тоска ведь и прежде была.

Антигона
О, да, нестерпимая, хуже, чем смерть!

Хор
Удел ваш — великое море скорбей...

Антигона
Воистину!

Хор
Бедные дети!..

Антигона
Отнял, отнял, всемогущий,
Ты последнюю надежду!
О, за что невинных гонишь,
И куда ты нас ведешь?

Тесей
Дети, не плачьте: о тех, кто почил
В мире, угодный подземным богам,
Плакать грешно.

Антигона

О, владыка,
Молим тебя на коленях...

Тесей

О чем?

Антигона

Дай нам взглянуть на могилу отца!

Тесей

Нет, подходить к ней нельзя никому.

Антигона

Что говоришь, повелитель?!

Тесей

Он завещал, чтоб никто из живых
К тайной могиле не смел подступать,
Чтоб похоронные вопли
Не нарушали святой тишины;
Ежели все я исполню, предрек
Благословенье Афинам.
Этим великим обетам внимал
Оркос, всеслышащий демон.

Антигона

Если так он велел, — покорюсь... А теперь
Отошли же нас в древние Фивы:
Там погибель, грозящую братьям моим,
Я хочу отвратить, коль не поздно.

Тесей

Отошлю вас на родину, сделаю все,
Что могу я для вашего блага,
Чтобы память умершего друга почтить:
Бесконечна моя благодарность.

Хор

Ныне кончено все, — тише, тише, дитя,
Больше стонов не надо: свершилось...

АНТИГОНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антигона		дочери царя Эдипа.
Исмена		
Креон	— новый правитель Фив.	
Эвридика	— жена Креона.	
Гемон	— сын Креона и жених Антигоны.	
Страж.		
Вестник.		
Слуга.		
Хор старейшин фиванских.		
Тиресий	— прорицатель.	

Антигона

Дай голову твою обнять, Исмена!
Сестра моя, скажи, какой беде
Из многих бед — отца и нас, невинных
Его детей, оставшихся в живых,
Не обрекал Зевес? И есть ли в мире
Хоть что-нибудь несправедное, злое,
И горькое — неведомое нам?
Ты слышала ль, сестра, о том, что ныне
Всем гражданам правитель повелел?
Иль, может быть, не знаешь ты, Исмена,
Что ждет друзей твоих судьба врагов?

Исмена

Еще ко мне, сестра, не доходила
Ни горькая, ни сладостная весть,
С тех пор, как брат убил в сражение брата,
С тех пор, как мы лишились в тот же день
Обоих. В ночь ушли войска аргосцев;
Не слышала я больше ничего —
Ни радости достойного, ни горя.

Антигона

Я позвала тебя за двери дома,
Чтоб говорить наедине с тобой.

Исмена

Какой полна ты думой сокровенной?

Антигона

Не повелел ли царь из наших братьев
Единого земле предать, лишив
Всех почестей другого? Этеокл
Священного обряда удостоен,
В подземный мир сошел к родным теням.
А между тем останки Полиника
Креон велел не предавать земле,
И, не почтив обрядом, не оплакав,
Не приютив в могиле, бедный труп
Покинуть хищным птицам на съеденье.
Так приказал наш добрый царь тебе
И мне, — увы! Провозгласить веленье
Он к нам идет. Что б ни было, закон
Исполнится, и будет непослушный
На площади побит камнями. Знаешь
Теперь ты все и показать должна,
Достойной ли от предков благородных,
Бесчестной ли от честных родилась.

Исмена

Но если царь велел, сестра, подумай, —
Смирюсь иль нет, — что сделать я могу?

Антигона

Захочешь ли помочь мне в трудном деле?

Исмена

Свой замысел открой мне.

Антигона

Тело брата

Похоронить.

Исмена

Закон царя нарушить
Посмеешь?

Антигона

Да. И если ты боишься,
Одна исполню я обряд над милым.
Изменницей не назовут меня.

Исмена

Безумная, наперекор царю?

Антигона

Царь не заставит не любить меня,
Кого люблю!

Исмена

Сестра, ты позабыла,
Как наш отец, узнав, что он — злодей,
Отверженный и ненавистный людям,
Исторгнув очи сам себе, погиб;
Как мать — она была ему женою
И матерью — на петле роковой
Повесилась; как оба брата пали,
Несчастные, друг друга умертвив
В единый миг на том же поле битвы.
Теперь, когда остались мы одни,
Без помощи, подумай, Антигона,
Какая ждет нас гибель, если власть
Царя презрев, закон его нарушим.
Мы — женщины, не нам вести борьбу
Неравную с мужчинами: наша доля —
Пред сильными покорствуя, молчать.
У мертвеца я вымолю прощенье
Невольного греха и покорюсь
Велению владыки: неразумно
Желать того, что выше сил моих.

Антигона

Я ни о чем просить тебя не буду
И не приму я помощи твоей.
Что хочешь, делай; я же тело брата
Похороню, и будет смерть моя
Желанною. Презрев закон людской,
Исполню долг и лягу рядом с ним,
В одном гробу, любимая с любимым.
Я не живым, а мертвым угодить
Хочу затем, что с ними буду вечно

Лежать в земле. А ты живи, презрев
Все, что святым считают боги.

Исмена

Свято

Я сердцем чту богов, но силы нет
Противиться велению законов.

Антигона

Ищи себе предлога... Я иду
Могильный холм воздвигнуть Полинику.

Исмена

О, милая, мне страшно за тебя!

Антигона

Себя спасай, а за меня не бойся.

Исмена

Не говори про замысел ни с кем...
Не правда ли, хранить мы будем тайну?

Антигона

О, нет, ступай к врагам, открой им все:
Безмолвствуя, ты будешь ненавистней.

Исмена

Каким огнем полна твоя душа!

Антигона

Усопшему любовь моя отрадна.

Исмена

Ты все равно не можешь...

Антигона

Пусть, — когда

Не хватит сил, я отрекись от цели.

Исмена

Не лучше ли к тому, что выше сил,
Не приступать?

Антигона

Молчи, молчи, Исмена,
Не то врагом ты будешь мне навек
И ненавистною родным теням
Сойдешь в могилу. Дай исполнить мне
Мой замысел безумный и погибнуть, —
Прекрасной будет смерть моя!

Исмена

Иди

И знай, что ты уходишь неразумной,
Но любящей и верной до конца.

Хор

Строфа первая

Луч зари, первый взгляд
Золотистого дня,
Над Диркейской волной
И над Фивами
Семивратными
Ты блеснул, — и, смутясь,
Пред тобою бежал
Воин с белым щитом,
Муж из Аргоса, —
Полиник к нам пришел,
Полный хитрой вражды,
Полиник свою рать
В шлемах блещущих,
С конской гривой,
К нам привел: так из туч
С белоснежным крылом,
С громким криком орел
Низвергается.

Антистрофа первая

Он над Фивами стал,
Поднял копья, открыл
Кровожадную пасть,
Как чудовище.
Но убийствами
Не насытившись, враг
Отступил: наших стен
Не коснулся пожар.

Вея ужасом,
Бог войны загремел,
И надменную речь
Ненавидящий Зевс,
 Видя гордое,
 В блеске золота
Вражье войско, того,
Кто готов был кричать
О победе, — во прах
Сбросил молнией.

Строфа вторая

Пал, загремел и о землю ударился тяжко
Молнией бога сожженный, за миг перед тем
 Страшный и яростью буре подобный.
Но благодатный, великий Арес,
 Непобедимый союзник,
 Поколебал их ряды,
 В поле рассеял
 И погубил.
Семь вождей бегут, покинув
Богу медные трофеи.
Только те, кого вскормили
Мать одна, один отец,
Только два несчастных брата
Устремили друг на друга
Копья, оба победили, —
И удел обоих — смерть.

Антистрофа вторая

В город, где гул колесниц не смолкает, с приветом,
С громкою славой богиня Победа вошла.
 Войны забудем и храмы наполним
 Пеньем и пляской на целую ночь.
 Вакх, потрясающий землю
 В пляске ударом ноги,
 Хоров веселых
 Будет вождем...
Но сюда грядет владыка
Менойкид, правитель новый.
В этот день, когда свершилась
Воля вечная богов,
Царь, в душе своей питая
Новый замысел, не даром

На совет — старейшин фивских
Через глашатаев созвал.

Креон

Восстановив наш город, потрясенный
Ударом волн во время долгих бурь,
Желанный мир нам боги даровали.
Созвал я граждан избранных сюда,
Чтоб объявить им волю нашу: чтили
Вы древний скиптр и трон священный Лайя;
Вы верными остались до конца
И при царе Эдипе, и при детях
Покойного царя. Когда же братья
В братоубийственном сражении пали,
Разящие, сраженные друг другом, —
По всем правам ближайшего родства
Я власть от них наследственную принял.
Вы знаете, как трудно угадать
И помыслы, и душу человека,
Пока в руках он власти не имел.
Кто хочет быть царем, не помышляя
О благе всех; кто истину скрывает,
И для кого не выше всех друзей
Отечество, — презрения достойным
Того считаю. Бог свидетель мне:
Молчал ли я когда-нибудь из страха,
Скрывал ли я грозящую беду,
И был ли враг отечества мне другом?
О, нет, всегда я думал об одном —
О благе общем: для него и близких
Я забывал. Так думаю и ныне
И пользу тем отчизне принесу.
Вот и теперь я приказал: да будет
Похоронен как доблестный герой,
За родину на поле брани павший,
С торжественным обрядом Этеокл.
А Полиник, беглец и враг народа,
Вернувшийся на родину за тем,
Чтоб сжечь дотла и город наш, и храмы
Родных богов, чтоб нас поработить,
Насытившись убийствами и кровью,
Я повелел, — да будет он лишен
Надгробных слез и жалоб, и молитв,
Да будет труп его, ужасный людям,

Добычей псов и кровожадных птиц.
Я так хочу: не должен быть порочный
Превознесен над праведным; а тот,
Кто возлюбил отчизну, будет нами
Всегда почтен и мертвый, и живой.

Хор

Ты так решил, Креон, о, сын Менойка!
Судьба врагов отечества, судьба
Его друзей — в твоих руках: ты можешь
Приказывать и мертвым, и живым.

Креон

Вы избраны исполнить волю нашу.

Хор

О, царь, назначь других, моложе нас.

Креон

Я сторожей давно приставил к телу.

Хор

Но чем еще могли бы мы служить?

Креон

Храня закон, казните непокорных.

Хор

Какой безумец сам пойдет на смерть?

Креон

Хотя грозит виновным смерть, но подкуп
Уж много раз губил людей.

(Входит страж.)

Страж

О, царь!

Я не бежал, — я шел, не торопясь,
Не раз мой шаг я замедлял в раздумье,
Не раз с пути вернуться я хотел,
И говорил мне тайный голос: «Бедный,
Не сам ли ты на казнь твою бежишь?»
А между тем вернуться ты не можешь;
Другой царю расскажет эту весть,

И все-таки ты казни не избежнешь».
Так думал я и шел не торопясь,
И краткий путь мне показался длинным.
Но, наконец, я должен был прийти.
Хотя и сам я многого не знаю, —
Тебе, Креон, всю правду я скажу.
Последнее осталось утешенье:
Что Рок судил, того не миновать.

Креон

Чего ты так боишься? Что случилось?

Страж

Сперва скажу я о себе: ни в чем
Я пред тобой не виноват, не знаю
Виновного, и было бы, мой царь,
Казнить меня несправедливо.

Креон

Вижу,

Стараешься ты оградить себя:
Должно быть, весть недобрая.

Страж

Великий

Внушает страх предчувствие беды.

Креон

Но знать я должен, — говори ж скорее!

Страж

Открою все: тайком — не знаю, кто —
Пришел и, труп покрыв сухой пылью,
Могильные обряды совершил.

Креон

Что говоришь ты? Кто посмел!

Страж

Не знаю;

Земля кругом нетронута была
Ни заступом, ни острою лопатой,
И след колес глубокой колеи
Не проложил в кремнистом, диком поле,

И не осталось никаких улик
Виновного. От стражи первой смены
Услышали мы утром о беде,
И все тогда подумали: вот чудо
Зловещее... Невидим был мертвец,
Не погребли, а лишь землей покрыли,
Чтоб охранить от святотатства труп.
И не нашли мы никаких следов:
Ни хищный зверь, ни пес не проходил
И мертвого не трогал. Брань и крики
Послышались; мы все наперерыв
В несчастьи друг друга попрекали,
И дракой спор окончиться грозил.
Мы верного не знали ничего,
И помириться не могли, и втайне
Подозревали мы друг друга все.
Меж тем богов в свидетели призвать,
Пройти огонь и в руки взять железо
Каленое готов из нас был каждый,
Чтоб доказать, что раньше не слышал
Про заговор преступный и ни в чем
Ни помыслом, ни делом не повинен.
Так спорили напрасно мы, но вдруг
Один из нас сказал такое слово,
Что головой поникли молча все
В смущении, и как беды избежать —
Не ведали, и не принять совет
Мы не могли: и было это слово
О том, что скрыть несчастье нельзя,
Что мы должны сказать тебе всю правду.
Послушались совета — и меня
По жребию, как вестника, избрали.
И вот я здесь — наперекор тебе
И мне, затем что ненавидят люди
Того, кто весть недобрую принес.

Хор

О, царь, давно я думал: это чудо
Не боги ли послали нам?

Креон

Молчи!

Не то мой гнев заслужишь ты, и люди
Сочтут тебя безумным. Неужель

Ты мог сказать, подумать мог, что боги
Забываются об этом трупе, чтут
Как своего избранника, хоронят
В земле родной того, кто к ним пришел,
Чтоб грабить, жечь, законы их разрушить
И разметать священные дары,
И осквернить их жертвенники? Боги?
Ты видел ли, чтоб награждали злых
Бессмертные? Нет, не богов, а граждан
Виню во всем: роптали на меня
Бунтовщики, главами помавая,
Стряхнуть ярмо пытаюсь. Мой закон
Их золотом подкупленная стража
Нарушила затем, что деньги — зло
Великое для смертных: из-за денег
Обречены на гибель города,
И отчий кров изгнанник покидает;
И, развратив невинные сердца,
Деяниям постыдным учат деньги
И помыслам коварным, и нечестью.
Но час придет, и не минует казнь
Преступников, подкупленных врагами.

(Стражу.)

А вы — коль тех, кто труп похоронил,
Вы, отыскав, ко мне не приведете, —
Клянусь (и верь, пока я чту отца
Крониона, той клятвы не нарушу!),
Не будет смерть вам легкой карой, нет,
Я не убью, живыми вас повешу
И пытками заставлю говорить,
Пока я всех виновных не узнаю;
И прибыли искать вас научу,
Где следует, награду принимая
Не всякую: приносят больше зла,
Чем выгоды, несправедные деньги...

Страж

Дозволишь ли мне слово молвить, царь?

Креон

Я слов пустых уже довольно слышал.

Страж

Что оскорбил я: сердце или слух?

Креон

К чему ты речь ведешь?

Страж

О, царь, подумай:
Кто весть принес, тот слух твой оскорбил,
А душу — тот, кто совершил злодейство.

Креон

Лишь без толку умеешь ты болтать!

Страж

А все же, царь, я пред тобой невинен.

Креон

Ты изменил, за деньги совесть продал.

Страж

О, горе! Чем разубедить того,
Кто ложному поверил подозренью?

Креон

Да говори, что хочешь, о своей
Невинности, но если не найдете
Преступника, увидите, что скорбь
Рождается от прибыли нечестной.

(Уходит.)

Страж

(про себя)

Отыщут ли виновника, иль нет —
О том судьба и боги только знают.
Но во дворец уж больше никогда
Я не вернусь к тебе, мой повелитель,
И небеса благодарю за то,
Что гибели избегнул так неожиданно!

(Уходит.)

Хор

Строфа первая

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.
Мчится он, непобедимый,

По волнам седого моря,
Сквозь ревущий ураган.
Плугом взрывает он борозды
Вместе с работницей-лошадью,
Вечно терзая Праматери,
Неутомимо рождающей,
Лоно богини Земли.

Антистрофа первая

Зверя хищного в дубраве,
Быстрых птиц и рыб, свободных
Обитательниц морей,
Силой мысли побеждая,
Уловляет он, раскинув
Им невидимую сеть.
Горного зверя и дикого
Порабощает он хитростью
И на коня густогривого,
И на быка непокорного
Он возлагает ярмо.

Строфа вторая

Создал речь и вольной мыслью
Овладел, подобной ветру,
И законы начертал,
И нашел приют под кровлей
От губительных морозов,
Бурь осенних и дождей.
Злой недуг он побеждает
И грядущее предвидит,
Многоумный человек.
Только не спасется,
Только не избегнет
Смерти никогда.

Антистрофа вторая

И гордясь умом и знаньем,
Не умеет он порою
Отличить добро от зла.
Человеческую правду
И небесные законы
Ниспровергнуть он готов.
Но и царь непобедимый,
Если нет в нем правды вечной,

На погибель обречен:

Я ни чувств, ни мыслей,
Ни огня, ни кровли
С ним не разделю!

*(Вдали показывается Антигона.
Ее ведут под стражей.)*

Хор

Кто это, боги, какое видение чудное?
Ты ль, Антигона, Эдипа великого,
Многострадального,
Скорбная дочь?
Ныне ведут Антигону под грозною стражею.
Ты ли, законам людским непокорная,
Смело нарушила
Волю царя?

Страж

Пред вами та, что тело Полиника
Предать земле пыталась. Где Креон?

Хор

Он из дворца выходит.

Креон

Что случилось?
Кто спрашивал меня?

Страж

Пусть люди, царь,
Себя вовек не связывают клятвой;
Вторая мысль едва придет на ум,
Как первая нам кажется ошибкой.
Я поклялся к тебе не приходить,
Испуганный угрозами твоими.
Но счастье нежданное сильнее
Всех радостей других. Нарушив клятву,
Пришел опять и девушку привел,
Ту самую, что мертвого почтила
Обрядами. Но знай — на этот раз
Не избран я по жребию, случайно, —
Нет, сам нашел ее: мне одному
Принадлежит вся честь. Теперь, владыка,
Виновную ты можешь, допросив,

Изобличить. Но видишь, я оправдан
И милости твоей достоин.

Креон
Где

И как ее нашел ты?

Страж
Для могилы

Уж землю рыла.

Креон
Правда ли?

Страж
О, царь!

Я видел сам, как труп она хотела
Предать земле. Ужели и теперь
Словам моим правдивым ты не веришь?

Креон
Рассказывай: хочу я знать про все.

Страж

Случилось так: лишь только мы вернулись,
Дрожащие, боясь твоих угроз,
Как, разметав всю пыль над мертвым телом
И обнажив полуистлевший труп,
В унынии мы сели, против ветра,
Чтоб запаха избегнуть, на холме,
И бодрствовать друг друга побуждали
Словами бранными. В тот самый час,
Когда стоит блестящий круг светила
Великого в зените и лучи
Палящие кидает, вдруг мы видим,
Как буря, пыль взметая до небес,
Над знойною долиной закружила
Внезапный вихрь и листья сорвала
В дуброве, мглой наполнив воздух. Долго,
Закрыв глаза, мы ждали, чтоб утих
Небесный гнев. Когда ж промчалась буря,
Над мертвецом, склоненную в тоске,
Увидели мы плачущую деву,
И жалобный был голос у нее,
Пронзительно унылый, как у птицы,

Когда она горюет, увидав,
Что нет в гнезде ее птенцов любимых.
Так бедная над оскорбленным трупом
И плакала, и проклинала тех,
Кто разметал могильный холм; и пыли,
В ладони рук сбирая, принесла;
Усопшего почтив, она из медной
И кованой амфоры льет струи
Священные тройного возлиянья.
И мы ее схватили; но она,
Бесстрашная, вины не отрицала
И нам во всем призналась так легко,
Что радостно и горько было мне:
Избегнуть смерти — радостно, и горько —
Обречь на смерть достойную любви...
Но людям жизнь всего дороже в мире.

Креон

Зачем главу склонила? Отвечай:
Виновна ты, иль нет?

Антигона

Я не скрываю —
Я твой закон нарушила.

Креон

(с т р а ж у)

Иди —
Оправдан ты от обвинений тяжких.
(Антигоне.)
А ты скажи нам прямо: волю нашу
Ты знала ли?

Антигона

Не знать я не могла:
Весь город знал.

Креон

И преступить закон
Осмелилась?

Антигона

Закона твоего
Не начертал ни бог, ни справедливость,

Царящая в загробном мире. Нет,
Не знала я, что по земному праву
Царей земных ты можешь, человек,
Веления божественных законов,
Не писанных, но вечных, преступать,
И не вчера рожденных, не сегодня,
Но правящих всегда, — никто из нас
Не ведает, когда они возникли.
Я думала, что лишь бессмертным дам
Отчет во всем; что воли человека
Я на земле бояться не должна;
Что если б ты мне смертью неизбежной
И не грозил, — я все-таки умру:
Не лучше ли мне умереть до срока?
Не может смерть не быть желанной тем,
Кто жизнь, как я, проводит в скорби вечной...
И вот зачем я на судьбу мою
Не жалуюсь; но, если б тело брата,
Исполнив долг, земле не предала,
Тогда скорбеть должна бы я, — не ныне.
А ты смотри, чтобы, назвав меня
Безумною, ты не был сам безумцем!

Хор

У дочери суровый дух отца:
Она главы не склонит под ударом.

Креон

Кто слишком горд, того сломить легко:
И сталь, приняв в огне закал могучий,
Ломается, и малою уздой
Нам буйного коня смирить не трудно.
Надменные мечты в душе питать
Не должно тем, кто у других во власти.
Она вдвойне виновна: мой закон
Нарушила и надо мной смеялась
И хвастала. Но если этот смех
И торжество без тяжкого возмездья
Останутся, — о, пусть тогда ее,
А не меня считают мужем. Знайте:
Хотя и дочь она сестры моей,
Но если бы еще по крови ближе
Была, чем все, кого объединил
У очага семейный Зевс-хранитель,

И то, клянусь, возмездья не могла б
Избегнуть, — нет! И с ней сестра погибнет,
В ее вине сообщница. Но где
Она?.. Пускай мне приведут Исмену.
Безумную, от горя вне себя,
Я во дворце застал ее не даром.
Так злую мысль таящих выдает
Смятение, но и преступник явный,
Мечтающий словами оправдать
Вину свою, мне столь же ненавистен.

Антигона

Иль у меня отнять ты хочешь больше,
Чем жизнь мою?

Креон

Нет, я хочу обречь
Тебя на смерть, — мне большего не надо.

Антигона

Не медли же. О чем нам говорить?
И мне в словах твоих отрады мало,
И ничего желанного, поверь,
Из уст моих услышать ты не можешь...
Исполнен долг: мой брат похоронен,
Я не могу достигнуть большей славы.
Когда б не страх, сковавший им уста, —
Оправдана была бы я народом.
Но кроме всех неисчислимых благ,
Принадлежит земным владыкам право —
Все говорить и делать, что хотят.

Креон

Ты мыслишь так одна во всем народе.

Антигона

Так мыслят все, но пред тобой молчат.

Креон

Не стыдно ли, что ты одна не хочешь
Молчать?

Антигона

О, нет, не стыдно мертвых чтить!

Креон

Но не был ли противник Полиника
Твой брат родной?

Антигона

От одного отца

И матери.

Креон

Зачем же оскорбила
Ты почестью, оказанной врагу,
Другого брата?

Антигона

Тень его, я знаю,

Не обвинит меня.

Креон

Почет один

Ты воздаешь и доброду, и злому?

Антигона

Но разве был сраженный Полиник
Невольником, не братом Этеокла?

Креон

Один врагом отчизны пал, другой —
Защитником.

Антигона

Равняет всех Аид.

Креон

В Аиде злым и добрым — воздаянье
Неравное.

Антигона

Что свято на земле —
Считают ли святым в загробном мире?

Креон

И мертвый враг не может другом быть.

Антигона

Я родилась не для вражды взаимной,
А для любви.

Креон

Иди же ты в Аид
И там люби. А на земле я женам
Царить не дам, — клянусь, — пока я жив!

Хор

Вот у порога Исмена
Льет о сестре своей бедной
Тихие слезы любви.
Скорбь опустилась, как туча,
И на прекрасных ланитах —
Жаркий румянец от слез.

Креон

(Исмене)

Ехидна, в дом проникая, чтоб выпить
Всю кровь мою, меж тем, как я не знал,
Что на груди вскормил двух змей, двух тайных
Врагов престола моего, — иди,
Иди сюда и отвечай: была ли
Сообщницей, иль клясться будешь нам,
Что ничего не знаешь?

Исмена

Я виновна,
И если мне она позволит, — с ней
Я разделить хочу вину и кару.

Антигона

Ты мой удел не в праве разделить:
Я помощи твоей не принимала.

Исмена

Я не стыжусь — в страданиях тебе
На жизнь и смерть быть спутницей и другом.

Антигона

Кто другом был на деле — знает тень
Сошедшего в Аид; а тех, кто любит
Лишь на словах, — не надо мне.

И с м е н а

Сестра,
Не оскорбляй меня, позволь, оплакав
Родную тень, с тобою умереть!

А н т и г о н а

Ты не умрешь со мной: ты недостойна.
Я умереть хочу одна.

И с м е н а

Увы!

Зачем мне жить, когда тебя не будет?

А н т и г о н а

Спроси о том Креона, чей закон
Ты чтит свято.

И с м е н а

Пощади! Напрасно

Не унижай меня!

А н т и г о н а

Когда смеюсь

Я над тобой, я за тебя страдаю.

И с м е н а

О, чем помочь тебе?

А н т и г о н а

Лишь о себе

Забиться; верь: я твоему спасенью
Завидовать не буду.

И с м е н а

Горе мне!

Я участи твоей, твоих страданий
Не разделяю.

А н т и г о н а

Тебе хотелось жить,

Мне — умереть.

И с м е н а

Как я тебя молила!..

Антигона

Ты пред людьми права, а я хочу
Быть правою перед теньями мертвых.

Исмена

Но мы в одном с тобой виновны...

Антигона

Нет,

Живи, сестра. Будь твердою, мужайся.
А я уже навеки отошла
К моим теням возлюбленным...

Креон

Я вижу:

Одна из них безумной родилась,
И только что сошла с ума другая.

Исмена

Владыка, ум скорбевшего не тот,
Что был до скорби: изменяет душу
Страдание.

Креон

(насмешливо)

Должно быть, разум твой
Затмила скорбь: вот почему так жаждешь
Ты разделить с преступными вину.

Исмена

Ах, что мне жизнь, когда сестры не будет!

Креон

Не говори о ней: ее уж нет
Среди живых.

Исмена

И ты убьешь невесту
Возлюбленного сына?

Креон

Для мужей —

Довольно жен: земли всегда довольно
Для пахарей!

И с м е н а

Поверь, он не найдет
Такой души, ему родной и близкой.

К р е о н

Чтоб взял жену порочную мой сын,
Я не хочу.

А н т и г о н а

О, бедный, милый Гемон,
Тебя отец бесчестьем предает!

К р е о н

(Антигоне)

Оставь меня, чтоб не слышал я больше
Ни о тебе, ни о любви твоей!

И с м е н а

Ты разлучишь их?

К р е о н

Смерть их разлучит.

И с м е н а

Она умрет, — и знать, что нет спасенья!

К р е о н

Она умрет! Не медлите, рабы:
Во внутренность дворца их уведите.
Вы там должны стеречь их, никуда
Не выпускать: спасенья ищут в бегстве
И смелые, когда грозит им казнь.

*(Рабы уводят под стражей
Исмену и Антигону.)*

Х о р

Строфа первая

Благо тем, кто всю жизнь без печали провел.
Но когда потрясут небожители
Твое счастье, твой дом, — это бедствие
От тебя через все поколения пройдет:
Так, фракийскою бурей гонимые,
Пронсясь через бездны подводные,

Подымают со дна волны черный песок,
И полны берега потрясенные
Воплем и грохотом.

Антистрофа первая

Многолетняя скорбь переходит в семье
Лабдакидов от прадедов к правнукам.
Нет спасенья: беды за бедами,
Смерть за смертью: их губит безжалостный бог.
Оставалась от рода Эдипова
Только слабая ветвь, беззащитная,
Луч, блеснувший во мраке... Но вот и тебя,
О, последняя жертва безумия,
Поражают кровавой секирою
Боги подземные.

Строфа вторая

Громовержец, разве может
Человеческая сила
Власть твою преодолеть?
Зевс, один непобежденный
Сном, владыкой всех живущих,
И теченьем быстрых лет,
Не стареющий, всесильный,
Над Олимпом светозарным
В блеске вечном ты царишь.
Нами же, слабыми, жалкими,
Ныне, и в прошлом, и в будущем,
Правит закон: в человеческой
Жизни скорбям непричастного
Нет ничего.

Антистрофа вторая

А лукавая надежда,
Утешительница смертных,
Увлекает, обманув
Легкокрылые желанья,
И незнающих ведет
Прямо к бездне, прямо к смерти.
И прославлено не даром
Изречение мудреца:
Если тебя небожители,
Смертный, ведут к преступлению,—
Злое тогда тебе кажется

Добрым — и знай, что погибли
Не избежишь.

(Вдали показывается Гемон.)

Видишь, царь, подходит Гемон,
Твой любимый сын: должно быть,
О несчастной Антигоне
Он горюет, о невесте,
Ложа брачного лишен.

Креон

Тотчас мы все узнаем... Милый Гемон,
Врагом ли ты приходишь, услышав,
Что я обрек на смерть твою невесту,
Иль все ж отец твой дорог для тебя?

Гемон

Тебе я весь принадлежу; давая
Разумные советы, ты ведешь
Меня к добру; ни для какого брака
Не отступлю от мудрости твоей.

Креон

И хорошо, дитя мое, что воля
Отцовская тебе дороже всех
Желаний. Вот за что мне мил послушный
И добрый сын. Он мстит врагу отца;
Его друзей он так же чтит и любит,
Как самого родителя; а тот,
Кто сыновей рождает бесполезных,
Тот скорбь себе рождает и врагам
Великое посмешище. О, Гемон,
Ты мудростью не жертвуй никогда
Для женщины: покажутся супругу
Холодными объятья злой жены,
Живущей с ним без мира и согласия.
Что может быть губительней друзей
Не истинных. Изменницу отвергни,
Пускай других в Аиде женихов
Себе найдет. В непослушанье дерзком
Одну ее в народе уличив,
Я не солгу пред городом и смерти
Ее предам, хотя б на помощь Зевса
Она звала, хранителя семьи...
Покорности и от чужих не требуй,

Кто воспитал мятежный дух в семье;
А кто в делах домашних мудр, — сумеет
И городом разумно управлять,
И властвовать, и покоряться власти;
Во всем ему доверься: будет он
В смятенье битв незаменимым другом
И воином бестрепетным; но тех,
Кто царствовать мечтает над царями,
Презрев закон, я тех не похваляю;
Чтить волю тех, кто правит нами, должно
Не только в легком, но и трудном; верь,
Нет хуже зла, чем дух мятежный: гонит
От очага домашнего людей,
И воинов он обращает в бегство
Постыдное, и губит города.
А граждане, покорные владыке,
Спасаются; итак, оберегать
Нам следует закон, не допуская,
Чтоб женщина владела нами; нет
Когда мне пасть назначено Судьбою,
Пусть паду я от руки мужей, —
Но женщине не покорюсь вовеки!

Хор

Насколько я, годами удрученный,
Могу судить, — ты правду говоришь.

Гемон

Дарованный богами разум в людях
Прекраснее всего, что в мире есть.
Я не скажу, сказать я не посмею
Что ты неправду говоришь, о, нет!
Но, может быть, отец, есть доля правды
И у других. Мне легче знать про то,
Что думает народ, что порицает;
Меж тем как царь единым взором страх
Внушает тем, чьи праведные речи
Ему не льстят. И вот я знаю, царь,
Что в тайне все невинную жалеют
И сетуют, что ожидает смерть
Позорная за подвиг дочь Эдипа
Несчастную, что не хотела труп
Погибшего в бою родного брата

В добычу птиц и кровожадных псов,
Лишенного могилы, бросить в поле.
«Не должно ли наградой золотой
Ее почтить?» — так в городе глухая
Молва идет. А для меня, отец,
И жизнь, и честь твоя всего дороже,
Затем, что сын величием отца
Бывает горд, отец — величием сына.
Не думай же, что истина тебе
Принадлежит и никому другому;
Кто всех умом мечтает превзойти
И мужеством, и даром слова, — часто
Ничтожней всех; а истинный мудрец
Упорствовать не будет в заблужденье:
Благой совет он примет, не стыдясь.
Так дерево, поникшее ветвями,
Не падает, а гордый ствол поток
Бушующий с корнями вырывает;
Так мореход, свой парус не сложив
Под бурею, спасается на утлой
Скамье гребцов — обломке корабля...
Забудь же гнев, скажи, что отменяешь
Ты приговор. Насколько я могу,
Как юноша, судить о том, — нельзя
Желать, чтоб все рождались мудрецами;
А если ум столь редкий дар, — то пусть
Хоть умному совету люди внимлют.

Хор

В чем Гемон прав, — послушайся его;
А ты прими совет отца: разумно
Вы говорили оба.

Креон

Непристойно

Мне юношей выслушивать советы
В моих летах.

Гемон

Будь справедлив, отец:

Не сколько лет я жил, я сколько правды
В моих речах, — подумай.

Креон

Речь твоя

Лишь об одном, что следует преступным
Потворствовать.

Гемон

Я не просил тебя

Преступного щадить.

Креон

Ты не считаешь

Виновной Антигону?

Гемон

Нет, отец;

Все граждане и весь народ фиванский
Ее вины не признают.

Креон

Народ

Не может мне повелевать.

Гемон

О, царь,

Теперь не я,— ты сам заговорил,
Как юноша неопытный и пылкий.

Креон

В моей земле я царствую один.

Гемон

Принадлежать не может одному
Свободная земля.

Креон

Принадлежит

Земля тому, кто в ней царит по праву.

Гемон

Не лучше ли в пустыне одному
Тебе царить?

Креон

(насмешливо)

Он борется отважно

За женщину!

Гемон
Тебя хочу спасти
И честь твою.

Креон
Меня же обвиняя
Во всем?..

Гемон
Отец, ты был неправ...

Креон
Неправ,
Когда хотел, чтоб граждане законов
Не нарушали?

Гемон
Ты неправ был тем,
Что сам закон божественный нарушил.

Креон
О, слабая, презренная душа,
Раб женщины!

Гемон
Зато слепого гнева
И низких чувств не буду я рабом!

Креон
За милую ты заступился!

Гемон
Нет!
Я заступился за себя, отец,
За честь твою и за богов подземных.

Креон
Довольно слов пустых... Мне жалок тот,
Кем женщина владеет.

Гемон
Так не хочешь
Ты выслушать меня?

Креон

Я все решил:
Твоей женой не будет дочь Эдипа
Здесь, на земле...

Гемон

(хватаясь за меч)

Когда она умрет,
То и другой погибнет!

Креон

Ты грозишь?

Гемон

Угроза ли ответ речам безумным?..

Креон

Остерегись, чтоб собственные речи,
Оплакав их, ты скоро не назвал
Безумными!..

Гемон

Когда б отцом ты не был,
Назвал бы я тебя безумцем!

Креон

Что?

Что говоришь?.. Клянусь Олимпом вечным,
Не отомстив, я не снесу такой
Обиды!.. Воины, сюда ведите
Преступницу: она умрет сейчас же,
Здесь, на глазах его!

Гемон

Нет, не увидят

Глаза мои: я уйду, отец,
И не вернусь; и с этих пор один,
Среди рабов безумствовать ты можешь!

(Уходит.)

Хор

О, царь, ушел он в гневе: берегись.
В такой душе — безумный гнев опасен.

Креон

Пусть делает, что хочет, пусть грозит:
Хотя б он больше мог, чем смертный может, —
От казни он ничем их не спасет.

Хор

Обеих ли казнишь? Одна виновна...

Креон

Ты прав: на казнь не буду обрекать
Я той из них, что не касалась трупа.

Хор

Какую смерть ты для другой избрал?

Креон

Я уведу ее тропой пустынной
И в каменной пещере, под землей,
Похороню живую, дав ей пищи,
Не более, чем нужно для того,
Чтоб города не осквернить убийством.
Из всех богов она лишь бога чтит
Подземного: так пусть к нему взывает,
Чтоб спас ее от смерти; там, в гробнице,
Поймет она, как бесполезно верить
В загробный мир и мертвых чтить.

(Креон уходит.)

Хор

Строфа первая

Эрос, бог всепобеждающий,
Бог любви, ты над великими
Торжествуешь, а потом,
Убаюканный, покоишься
На ланитах девы дремлющей,
Пролетаешь чрез моря,
Входишь в хижину убогую.
Ни единый в смертном племени,
Ни единый из богов,
Смерти чуждых, не спасается,
Но страдают и безумствуют
Побежденные тобой.

Антистрофа первая

Ты влечешь сердца к преступному
И к неправедному праведных,
Вносишь в мирную семью
Ты губительную ненависть;
И единый взор, сияющий
Меж опущенных ресниц
Юной девы, полный негою,
Торжествует над законами
Вековыми богов, —
Потому что все живущее,
Афродита вечно юная,
Побеждаешь ты, смеясь!
(Вдали появляется Антигона под стражею.)
Ныне и мы, старики,
Царскую волю нарушили,
Слез удержать не могли.
Смотрим и плачем от жалости, —
Видим: невеста не к брачному —
К смертному ложу идет.

*Антигона
Строфа вторая*

Видите, граждане: ныне последний
Путь совершаю, смотрю на последний
Солнца вечернего свет.
Солнца мне больше не видеть вовеки:
К чуждым брегам Ахерона, в могильный,
Всех усыпляющий мрак,
Смерть уведет меня, полную жизни,
Смерть приготовит мне брачное ложе,
Свадебный гимн пропоеет.

Хор

Но достигнув вечной славы,
Ты идешь в жилище мертвых,
Не в мучительной болезни,
Не добычею врагов, —
Нет, одна из всех живущих
В цвете юности, свободно
Ты за долг идешь на смерть.

Антигона

Антистрофа вторая

Там, на вершине Сепила, от горя
Мать Ниобея в скалу превратилась:
Всю, как побеги плюща.
Камень ее охватил, вырастая;
В тучах, под ливнем и тающим снегом,
Плачет она, и дождем
Вечные слезы струятся на лоно.
В каменной, душной тюрьме мне готовят
Боги такую же смерть.

Хор

Родилась она богиней,
Ты же — смертная; но славен
Твой удел: как Ниобея,
Как богиня, ты умрешь.

Антигона

Строфа третья

Вы смеетесь — увы! — надо мной, умирающей.
Оскорбляют меня перед вами, о, граждане!
Мой родимый, великий народ,
О, диркейские волны, о Фивы, обильные
Колесницами, рощи богов заповедные,
Я в свидетели всех вас зову:
Без суда, без закона, ни в чем неповинную,
Чтобы ввергнуть меня в подземелье, подобное
Темной, страшной могиле, ведут!
И никем не оплакана,
Там я буду покинута,
Среди мертвых не мертвая,
А живая в гробу!

Хор

Ты устремилась, гордая,
К пределу недоступному,
К подножью Правды царственной,
Богини справедливости, —
Но с высоты низвергнута,
Падешь за грех отца.

Антигона

Антистрофа третья

Вы к больному в душе моей, к самому горькому
Прикоснулись: зачем об отце вы напомнили
И о древней семейной беде,
Что преследует дом Лабдакидов наш царственный?
Вот я гибну, на ложе преступном зачатая,
Где несчастный отец мой лежал, —
О, бесчестье! — в объятьях у собственной матери!
Я от них родилась и, богами проклятая
И безбрачная, к ним возвращусь...
Полиник мой возлюбленный,
О, погибший безвременно,
Ты меня, еще полную
Жизни, к мертвым влечешь!

Хор

Велик закон божественный,
Но людям надо слушаться
И власти человеческой:
В себя ты слишком верила
Душой непобедимую —
И вот за что умрешь!

Антигона

Эподос

Ныне путь последний совершаю
Без родных, без милых, без участия, —
И лучей божественного солнца
Больше мне вовеки не увидеть.
Я одна — пред смертью в целом мире,
И никто меня не пожалеет!

(Креон выходит из дворца.)

Креон

Вы знаете ль, что если б плач и стоны
Могли помочь, — преступник никогда
Не прекратил бы жалоб перед смертью.
Ведите же на казнь ее скорей
И, заперев, как я велел, в гробницу
Подземную, вы там ее одну
Оставьте: пусть живет иль умирает,
Но света ей отныне никогда

Уж не видать. А я руки убийством
Не осквернил, я пред богами чист.

Антигона

Подземная гробница, ты — мой вечный
Приют, увы! мой свадебный чертог!
Я ухожу навеки к вам, о, тени
Любимые, бесчисленные, к вам,
Сошедшие в жилище Персефоны!
Теперь и я последняя иду,
Покинув жизнь до срока, но с надеждой,
Что встретите вы радостно меня,
Отец и мать, и милый брат: бывало,
С молитвами я каждому из вас
Надгробные творила возлиянья,
Обмыв тела, украсив и почтив,
И вот теперь за то, что Полиника
Я предала земле, иду на казнь.
Но добрые меня прославят: верьте,
Что если бы я матерью была, —
То, вопреки законам, ни супруга,
Ни сыновей не погребла бы, нет!
Вот почему: других детей и мужа
Могла бы я иметь, когда бы муж
Иль сын погиб; но не другого брата,
Затем, что мой отец и мать туда
Ушли навек, откуда нет возврата...
О, милый мой, я чтила выше всех
Тебя, и вот за что меня преступной
Назвал Креон, и вот за что, схватив,
От всех друзей увлек, от милых сердцу,
Бездетную, не знавшую любви,
Чтоб с мертвыми похоронить живую!
Но в чем вина моя, о, боги?.. Нет,
Зачем к богам невнемлющим взываю,
Кого из них о помощи молю?
Воздав им честь, я гибну за несчастье!
Когда неправду терпят сами боги, —
Пускай умру, пускай меня зовут
Преступною, — но коль и вы преступны,
Враги мои, то не желаю вам
Страдать сильнее, чем я теперь страдаю!

Хор

Та же буря в душе, та же сила и гнев.
О, мятежное, гордое сердце!

Креон
(страже)

Уведите ее: горе вам, о, рабы,
Если вы еще будете медлить!

Антигона

Это слово мне смерть возвещает...

Креон

И знай,

Что веленья мои неизменны:
Не избежнешь ты смерти!

Антигона

О, город родной,
О, великие боги отчизны,
Без вины умираю! Старейшины Фив
И вожди, и народ, посмотрите,
На какие страданья, какой человек
Дочь владыки, меня, обрекает за то,
Что почтила я волю бессмертных!

Хор

(вслед уходящей Антигоне)
Строфа первая

Небесного света лишилась, как ты,
Даная в тюрьме медностенной,
Подобной могиле, меж тем, о, дитя,
Была она славного рода:
К ней сам Громовержец, любя, нисходил
На лоно дождем златоструйным.
Но ужасна сила Рока:
От нее спасти не могут
Ни твердыни, ни войска,
Ни сокровища, ни в море
Удаляемых волнами
Стаи черных кораблей.

Антистрофа вторая

Так в каменный гроб заключил Дионис
Дриантова буйного сына,
Владыку Эдонов, за гордость и гнев:
Как ты, он в темнице томился.
Пред силою бога смиряется гнев
В бессильной груди человека:
Он раскаялся, что Вакха
Оскорбил надменной речью,
Вырвал светочи из рук
У божественных вакханок,
Что прогневал муз, влюбленных
В звуки сладостные флейт.

Строфа вторая

Близ черных утесов двух смежных морей,
Где в грозный обрыв Сальмидесса,
На диком побережье фракийском, валы
Босфора, шумя, ударяют,
Где вечно царит беспощадный Арей, —
Погибли два сына Финея:
Злая мачеха пронзила
Им страдальческие очи
Острием веретена;
Свет потух для них навеки,
И о мщенье возопила
Кровь пролитая к богам.

Антистрофа вторая

Тоскуя, они вспоминали в тюрьме,
Как бедная мать их погибла:
А царственным родом была и она
Из древней семьи Эректидов;
Ее в полуночных пещерах Борей,
Отец, убаюкивал бурей:
Дева мощная взбегала
На вершины ледяные
Легче быстрого коня,
Но, увы! и дочь Борей
Парки дряхлые настигли,
Как и всех, мое дитя!

*(Входит прорицатель Тиресий.
Отрок ведет его.)*

Тиресий

Старейшины, сюда пришли мы двое,
Но за двоих смотрел один из нас:
Так и всегда — ведет слепого зрячий.

Креон

Что нового, Тиресий?

Тиресий

Я сейчас

Открою все, а ты меня, владыка,
Послушайся.

Креон

Еще я никогда

Не отвергал твоих советов мудрых.

Тиресий

И городом доньше управлял
Ты счастливо.

Креон

Я знаю, что во многом

Ты мне помог.

Тиресий

Но счастьем твоему

Теперь грозит опасность.

Креон

Что случилось?

От слов твоих я содрогаюсь.

Тиресий

Царь,

Ты все поймешь, когда тебе приметы
Я расскажу. В убежище, куда
Слетаются пророческие птицы,
Я слышал крик зловеший, гневный, звук
Неведомый; узнав по шуму крыльев,
Что в яростной борьбе когтями рвут
Пернатые друг друга, — полон страха,
На алтарях пылающих искал
Я знамений в огне; но пламя ярко

Над жертвою не вспыхивало: жир
Растопленный был поглощаем пеплом,
И он кипел, дымясь, и желчь алтарь
Обрызгала; белели кости, мяса
Лишенные, нагие. Обо всем
Поведал мне вожатый (этот мальчик
Ведет меня, как я веду народ).
Узнай же, царь, что бедствием великим
И ужасом объят из-за тебя
Весь город: псы и птицы клочья тела,
Лишенного могилы, разнесли
По очагам и жертвенникам всюду.
Вот почему от граждан ни молитв,
Ни дыма жертв не принимают боги;
И страх царит, и стаи вещей птиц
Безмолвствуют, упившись кровью трупа.
Подумай же об этом: все грешат —
Таков удел живущих; но блаженны
И мудры те, кто кается в грехах
И кто нейдет, познав свою неправду,
Упорствуя, по ложному пути:
Изобличать упрямых в неразумье,
Помилуй же убитого врага,
Погибшему не мсти. Какая слава
Торжествовать над мертвыми, мой сын?
Благой совет приносит людям радость...
Не гневайся: я говорил, любя.

Креон

Старик, метать мне в сердце ваши стрелы,
Как в цель стрелки, вы сговорились: вот
Пришел черед гадателей; родные
Врагам давно уж продали меня.
Что ж, радуйтесь о прибыли, копите
Вы золото индийское, янтарь
Из дальних Сард, но знайте: Полиника
Убитого я не предаю земле,
Хотя б орлы Зевесовы добычу
Кровавую на небо унесли
До самого подножья Олимпийца.
Похоронить я не позволю труп
И не боюсь я осквернения, зная,
Что из людей не может оскорбить
Богов никто; а ты, о, старец, помни:

И опытный, и хитрый муж падет,
Коль, ослеплен корыстью, изрекает
Постыдные и лживые слова!

Тиресий

Увы, когда б могли постигнуть люди...

Креон

Что? Говори.

Тиресий

Как дорог ум...

Креон

Прибавь:

Как пагубно безумье.

Тиресий

А меж тем

Ты сам объят безумьем.

Креон

Отвечать

Я старику не буду оскорбленьем.

Тиресий

Ты оскорбил меня, когда назвал
Подкупною святую речь пророка.

Креон

Но говорят, что деньги любят все
Гадатели.

Тиресий

А все тираны — прибыль

Бесчестную.

Креон

Старик, ты позабыл,

С кем говоришь!

Тиресий

Я не забыл, что город

Тебе спасти помог!

Креон

Гадать умеешь, —
Но правды нет в душе твоей.

Тиресий

Смотри,
Ты высказать меня принудишь тайну,
Хранимую доныне.

Креон

Только пусть
Подкупны вновь слова твои не будут.

Тиресий

Правдивы были все мои слова.

Креон

Меня, старик, ты обмануть не можешь...

Тиресий

Узнай же все: еще немного раз
Обычный круг колеса бога солнца
На небесах свершат, и — смерть за смерть —
На голову, любимую тобою,
Обрушится отмщение за то,
Что заключил ты в гроб живую душу,
Невинную к теням низверг в Аид,
А мертвого — в земле лишил приюта
Последнего и обесчестил труп,
На что ни люди права не имеют,
Ни боги. Ты насилие совершил,
Ты преступил закон, и духи мщенья,
Эринии божественные, смерть
Несущие, тебя подстерегают,
Чтоб муками за муки отплатить.
Ты назовешь и ныне речь пророка
Подкупною?.. Но близок час, Креон,
Когда твой дом наполнят стоны женщин
И вопль мужей: восстанут города
Враждебные, где птица, пес голодный
Иль зверь кусок добычи приносил,
И осквернял тяжелый запах трупа
Святой огонь семейных алтарей...
Как в цель стрелок, тебе я прямо в сердце

Кидаю стрелы гнева моего,
И ты от ран их жгучих не спасешься!..
Домой, дитя! Я слишком стар; пускай
Не надо мной, — над теми, кто моложе,
От истощит свой гнев... Уйдем скорей:
Должна судьба надменного смиренью
И мудрости безумца научить.

Хор

О, царь, предрек ужасное гадатель!
А никогда — так помню я с тех пор,
Как белыми из черных стали кудри
На голове моей — пророк не лгал.

Креон

Увы, ты прав. В душе моей — смятенье.
И уступить мне тяжело, и боюсь,
Противостав, погибнуть.

Хор

Будь разумным,
Креон, о, сын Менойка.

Креон

Но скажи,
Что делать мне? Я твой совет исполню.

Хор

Убитого скорей земле предай,
Невинную освободи от казни.

Креон

Ты уступить советуешь?

Хор

О, да,
Спеши, Креон, затем, что божьи кары
Торопятся навстречу злым.

Креон

Увы,
Я не могу бороться с неизбежным;
Мне тяжело, но надо уступить.

Хор

Иди, и сам, другим не поручая,
Исполни все.

Креон

Иду сейчас... О, слуги,
Бегите же, скорей бегите все —
И кто со мной, и кто остался дома —
Туда, на холм, секиры захватив,
Спешите! Сам ту девушку в темницу
Я заключил и ныне, отменив
Мой приговор, я сам хочу свободу
Ей возвратить... Кто знает, для людей
Здесь, на земле, не лучшая ли доля —
Храня закон, окончить мирно жизнь?

Хор

Строфа первая

Многоименный потомок
Тяжкогремящего бога,
Девы Кадмейской отрада,
О, Дионис всемогущий,
На берегах Италийских
И в Элевзисе царящий,
Там, где для таинств Деметры
Сходятся все племена,
Вакх, обитающий в славных
Фивах, отчизне вакханок,
Где над потоком Исмены
Древле Драконовы зубы
Грозным посевом взошли!

Антистрофа первая

Вакх, ты сидишь, окруженный
Облаком вечно блестящим,
Там, над вершиной двойною,
Где корикийские нимфы
Мчатся в вакхической пляске,
Там, где кастальские воды
Сладко лепечут; из рощи
Горной, увитой плющом,
Ты по отрогам низейским
В зелени лоз виноградных,
Вакх, среди криков священных,

О, покровитель народа,
Сходишь в предместия Фив!

Строфа вторая

Ты, как мать свою, громом
Пораженную, любишь,
Вакх, родимые Фивы
Больше всех городов.
Ныне в бедствии тяжком
Ты приди к нам на помощь
От вершины Парнаса
Иль чрез волны морские,
Через шумный пролив!

Антистрофа вторая

К нам, о, чадо Зевеса!
К нам, о, бог, предводитель
Пламенеющих хоров,
Полуночных светил,
С шумом, песнями, криком,
И с безумной толпой
Дев, объятых восторгом,
Вакха славящих пляской,
К нам, о, радостный бог!

(Входит вестник.)

Вестник

Наследники чертогов Амфиона
И Кадма, жизнь людская такова,
Что не могу я ни хвалить всецело,
Ни порицать ее, но вечно Рок,
По прихоти, то к счастью возносит
Несчастливого, то низвергает вновь;
И предсказать грядущее не может
Никто. Креон родную землю спас,
Держал в руках бразды верховной власти
И, окружен цветущими детьми,
Он зависти был некогда достоин,
И вот теперь, как дым, исчезло все.
Мне кажутся живыми мертвецами,
А не людьми, — кто потерял навек
Все радости: имей богатства, силу,
Величие, но если у тебя

Нет счастья, то все, что ты имеешь,
Ничтожнее, чем тень от облаков.

Хор

Но о какой беде, владык постигшей,
Ты возвестить пришел?

Вестник

Он умер; тот
Кто жив еще, — виновник смерти.

Хор

Кто же
Виновник, кто погибший? Говори.

Вестник

Не от руки враждебной умер Гемон.

Хор

От собственной, иль от руки отца?

Вестник

Отца за смерть невесты проклиная,
Он умертвил себя.

Хор

Увы, Тиресий,
Пророчество твое свершилось!

Вестник

Должно
И о другом подумать...

Хор

Подожди:
Несчастную мы видим Эвридику,
Жену царя. Случайно, может быть,
Иль услышав о сыне, из чертога
Она идет.

(Входит Эвридика.)

Эвридика

О, граждане, в дверях
Услышала я весть: во храм Паллады

Молиться шла о помощи, и вдруг,
Когда с ворот запор отодвигала,
Весть о беде мне поразила слух,
И чувств лишась от страха, навзничь пала
Я на руки служанкам; но, молю,
Что б ни было, скажите мне всю правду:
К несчастиям привыкла я давно.

Вестник

Я расскажу, царица, все, что видел,
И ничего не утаю. Увы,
Зачем твой слух баюкать лестью? Правду
Узнав, лжецом ты назовешь меня,
А скрыть ее нельзя... С твоим супругом
На горную равнину мы взошли,
Туда, где труп, непогребенный, жалкий,
Добыча псов, растерзанный, лежал,
И помолясь Гекате и Плутону,
Чтоб гнев они смягчили, и обмыв
Усопшего, мы труп сожгли на ветках
Олив, в лесу нарубленных, и холм
Насыпали высокий из родимой
Земли; потом в чертоги к новобрачной,
В подземную гробницу мы сошли.
Но кто-то, вдруг из недр неосвещенной
Могилы крик далекий услыхав,
Сказал о том Креону; подошел он,
И жалобы достигли до него.
«О, горе мне, — он молвил с тяжким

вздохом, —

Исполнилось предчувствие мое.
Из всех путей я ныне самый тяжкий
Свершаю путь: то сына моего
Зловещий крик. Скорей бегите, слуги,
И, отвалив надгробную плиту,
Проникните во внутренность пещеры:
То Гемон ли взывал, иль божеством
Обманут я, — узнайте». И не медля,
Мы сделали, как царь нам повелел.
И в глубине гробницы темной, видим,
Повесилась несчастная, связав
Из тонкого покрова петлю. Рядом
Сжимая труп в объятиях, стоял
Жених ее, оплакивая свадьбу

Печальную и гнев отца, и смерть
Возлюбленной. Креон увидел сына
И подошел к нему, и возопил:
«Несчастный, что ты сделал, что с тобою,
Какую смерть избрал? Молю, уйдем
Отсюда прочь!» Но молча, страшным взором
Он на отца взглянул и обнажил
Двуострый меч. Спасаясь от удара,
Креон бежал, и ярость обратил
На самого себя несчастный Гемон:
Он бросился на острие меча.
Клинок пронзил его, и с мыслью темной,
Предсмертною, он милую обнять
Слабеющей рукой старался; тяжело
Дыша, струей кровавой обгарил
Он бледные ланиты юной девы.

(Эвридика поспешно уходит.)

Так скорбный брак в жилище тихой смерти
Он заключил. Там, с мертвой мертвый, спит
Он вечным сном, пример являя людям,
Как пагубно безумие любви.

Хор

Недоброе предвижу я: царица
От нас ушла, ни слова не сказав.

Вестник

И я смущен: быть может, скорбь о сыне
Она толпе стыдится показать
И во дворец пошла к своим рабыням
Оплакивать семейную беду?
За женщину столь мудрую бояться
Нам нечего...

Хор

Не знаю. Но в беде
Великое безмолвие — такой же
Недобрый знак, как и великий плач.

Вестник

Я во дворец пойду узнать скорее,
Не скрыла ли чего-нибудь в душе
Несчастная. Ты прав: зловещий признак —
Молчание среди великих бед.

*(Вестник удаляется. Входит Креон.
Он несет на руках труп сына.)*

Хор

Вот и царь. Мертвый сын на руках у него,
Труп холодный, свидетель безмолвный,
Что над ним — страшно молвить, увы! — не чужой,
Сам отец совершил злодеянье.

Креон

Строфа первая

О, жестокое, непоправимое
Дело рук моих! Вот,
Вот чего я достиг!
Посмотрите: убитый с убийцею —
Связан узами кровными.
Ты ушел от меня,
Сын мой! В смерти твоей
Неповинен ты, нет,
Сам сразил я тебя в цвете жизни, безвременно!

Хор

Увы! Постиг ты правду слишком поздно.

Креон

Строфа вторая

Правду постиг я! О, горе мне! Яростный
Бог, поражая, лишил меня разума,
К бездне увлек, — и теперь
Он торжествует, поправ мое счастье.
О, как бесцельна вся жизнь мимолетная,
Весь человеческий труд!

(Входит слуга.)

Слуга

Ты жертва, царь, всех бедствий: мертвый Гемон —
В руках твоих, а за стеной дворца
Уж новое страданье ждет.

Креон

Какое

Страдание ужаснее того,
Что я терплю!

Слуга
Жена твоя погибла,
Мать Гемона, пронзив себя мечом.

Креон
Антистрофа первая
Неизбежная, неотвратимая
Смерть, зачем у меня
Отнимаешь ты все,
Все родное? О, вестник безжалостный,
Ты сразил полумертвого!
Повтори, что за весть,
Что ты молвил? Ужель
Вслед за сыном моим
Страшной смертью погибла жена моя бедная?

*(Открываются двери.
В глубине дворца виден труп Эвридики.)*

Слуга
Ты видишь сам; вот тело Эвридики.

Креон
Антистрофа вторая
Горе мне! Вижу я новое бедствие!..
Чем еще после всего, что я пережил,
Может судьба мне грозить?
Здесь, на руках моих, Гемон возлюбленный,
Там, во дворце, — его мать. О, дитя мое
Бедное, — бедная мать!

Слуга
Детей своих оплавав, Мегарея
И Гемона, — когда уж не могла
Поднять очей, покрытых тенью смертной,
Она припала к алтарю, молясь
О том, чтоб месть за гибель сына боги
Обрушили на голову твою.

Креон
Строфа третья
Горе, о, горе мне!
Я содрогаюсь от ужаса.
Лучше бы кто-нибудь, сжалившись,
Сердце пронзил мне мечом!

Нет исцеления
Мукам моим!

Слуга

Она тебя винила в смерти сына
И в гибели своей.

Креон

Но как, скажи,
Несчастливая себя лишила жизни?

Слуга

Вонзила в грудь себе двуострый меч,
Узнав про смерть возлюбленного сына.

Креон

Строфа четвертая

Сам я убил ее, граждане,
Слышите ль? Сам я — убийца.
Некого больше винить.
Слуги, возьмите несчастного,
Прочь поскорей уведите:
Кончена, кончена жизнь!

Хор

Ты прав: уйти скорей и позабыть —
Последняя отрада для несчастных.

Креон

Антистрофа третья

Где ты, желанная?
Смерть, я зову тебя! Где же ты?
День бесконечного отдыха,
День мой последний, приди!
Пусть не увижу я
Солнца вовек!

Хор

Но смерть сама придет, а мы подумать
Должны о том, что ближе к нам; и пусть
Забьются о смерти нашей боги.

Креон

О милости последней я молю!

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Софокль.

АНТИГОНА.

СЪ ГРЕЧЕСКАГО.

Переводъ Д. С. Мережковскаго.

ВЪ СТИХАХЪ.

Съ портретохъ Софокла.

Изданіе второе.

ЦѢНА **40** КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Кловукова. Пряжка, уг. Заводской, 1—3.

1903.

Хор

Оставь мольбы и знай: спасенья нет;
Для смертного — судьба неотвратима.

Креон

Антистрофа четвертая

Сына убийцу и матери
Прочь уведите скорее,
Прочь!.. Но куда мне идти?
Все, что любил я, потеряно,
И на главу мою пала
Страшная кара богов!..

(Слуги уводят Креона.)

Хор

Стремишься ли к счастью ты, — прежде всего
Будь мудрым и воли бессмертных,
О, смертный, вовек не дерзай преступать,
И верь, что за дерзкие речи
Постигнет безумца великая скорбь
И мудрости поздней научит.

ΕΥΡΙΠΙΔ

СМЕРТЬ КЛИТЕМНЕСТРЫ (мотив из Еврипида)

*По закону родовой мести Орест и Электра, дети
Клитемнестры, должны убить свою мать, чтобы
отомстить за своего отца Агамемнона, умерщвленного
Клитемнестрой.*

Хор

Вот оно, роковое возмездие:
Налетит ураган, пошатнется чертог!
Ты погиб, Агамемнон, мой царь —
В тихий сладостный час омовения
Там, под мраморным сводом дворца...
Не своей ли рукой, Клитемнестра изменница,
Занесла ты секиру преступную
Над безвинным супругом твоим,
Возвращенным под стены Микенские.
Ты свершила над жертвою
Злодеянье кровавое!

Клитемнестра
(из глубины дома)

О сжальтесь, дети, сжальтесь вы над матерью!

Хор

Зловещий крик!

Клитемнестра
О горе, горе мне!

Хор

Погибнешь ты от рук детей своих:
Ужасны боги в гнев праведном,
И ты заплатишь мукой смертной
За смертный час тобой убитого.
Идут, идут они из дома скорбного,
Обрызганы горячей кровью матери.
Нет в мире горя — больше горя вашего,
Многострадальные потомки Тантала!

Электра

Плачь, брат мой, плачь! Во всем моя вина:

С какою злобой надругалась я
Над беззащитной матерью!
Убитая, несчастная,
Так вот чего дождалась ты
От нас, от рук детей своих,
Так вот, чего он требовал
Закон возмездья праведный!

Орест

Жестокий бог, свершилось то,
Чего вовеки не было,
О чем подумать страшно мне:
Одним дыханием
Ты стер с лица земли
Весь род наш царственный.
О кто же, кто мне даст убежище,
Кто взглянет мне в лицо, убийце матери,
Без ужаса, без трепета?..

Электра

Увы, мой брат, куда бежать,
Куда склонить нам голову?
Войдем ли мы на светлый пир,—
Толпа гостей бежит от нас,
Войдем ли мы под мирный кров,—
Внесем с собой проклятие!

Орест

Еще за миг с безумной яростью
Сама меня толкала ты
На это дело мрачное,—
И вот теперь рыдаешь в ужасе!
Смотри, несчастная,
Смотри, как мать твоя,
Пред нами падая,
С груди одежды рвет...
О тяжело, тяжело мне! Сестра, ты помнишь ли
Как эти члены жалкие, бессильные,
Дрожа, влачились по земле у ног моих?
Меня душили слезы жгучие;
Она ланит моих
Коснулась пальцами холодными,

И тихим голосом,
Родная, молвила:
«О сын, мой милый сын!»
И обвила мне шею ласково,
И выпал меч из рук моих.
Закрыв глаза, набросив плащ на голову,
Я вновь схватил оружие,
Потом мне только помнится,
Как под рукой неверною
Клинок вонзался медленно
Во что-то трепетное, нежное...
Сестра, сестра, то было тело матери!

Электра
Тебе шептала я,
Чтоб ты скорей кончал,
И твой дрожащий меч
Сама направила,
Сама, рукой своей!

Орест
Молчи, молчи... нет больше сил
Внимать напрасным жалобам.
Возьмем же труп страдалицы,
Вскормившей нас, убийц своих,
Чтобы кровь из ран зияющих
Омыть слезами жгучими...
Так вот, чего он требовал
Закон возмездья праведный!

МЕДЕЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М е д е я — жена Ясона, дочь царя Колхиды.
Я с о н — предводитель аргонавтов.
П е р в ы й с ы н Медеи.
В т о р о й с ы н Медеи.
К р е о н — царь коринфский.
Э г е й — царь афинский.
К о р м и л и ц а Медеи.
В о с п и т а т е л ь сыновей Медеи.
В е с т н и к.
Х о р к о р и н ф я н о к.

*Действие происходит перед дворцом царя Креона,
в Коринфе.*

К о р м и л и ц а

О, лучше бы отважным аргонавтам —
В далекую Колхиду кораблей
Не направлять меж Симплегад лазурных!
О, лучше бы не падала сосна
Под топором в ущельях Пелиона —
На весла тем бестрепетным мужам,
Что некогда для славного Пелея
Отправились за золотым руном!
Тогда моя владычица Медея
Не приплыла б к Иолковым стенам,
Сраженная безумною любовью;
Убить отца — несчастных дочерей
Пелеевых она не научила б
И не была б принуждена с детьми
Бежать в Коринф, снискав любовь народа
И страсть свою к Ясону сохранив.
Ведь большего нет блага в этом мире,
Чем то, когда в согласие муж с женой.
Теперь же все разрушено навеки:

Презрев свою супругу и детей,
Ясон берет себе жену другую, —
Креона дочь, коринфского царя.
Медея же подъямлет громкий вопль,
Священные напоминая клятвы
И то, как он ей руку подавал,
В знак верности; зовет она бессмертных
В свидетели, — чем муж ей отплатил;
Проводит дни в тоске, в слезах, без пищи,
Печалью изнуряет дух и плоть
И, обратив лицо к земле, не хочет
Поднять очей; как мертвая скала
Иль вал морской, не внимлет утешеньям
Друзей своих и, белую, как снег,
Склоняя шею, в муках вспоминает
О родине, о милых, об отце,
Покинутом, обманутом для мужа
Неверного; теперь лишь узнает,
Среди скорбей, какое это счастье
Родной своей земли не покидать;
Своих детей возненавидев, смотрит
Без радости на них... И страшно мне,
И кажется, Медея замышляет
Недоброе: ведь знаю, что она
Простить такой обиды не захочет.
И я боюсь, чтоб острого меча
Себе царица не вонзила в сердце,
Войдя в покои брачные тайком,
Чтоб и царя Креона не убила,
И жениха, чтоб тем не навлекла
Горчайших бед; я знаю, дух Медеи
Неукротим и страшен: без борьбы
Она своим врагам не покорится.

*(Вдали появляется воспитатель
с двумя сыновьями Медеи.)*

Но вот, я вижу, дети из палестры
Сюда идут; несчастья своего,
Беспечные, они еще не знают:
Скорбеть не любит молодость.

(Входит воспитатель с детьми.)

Воспитатель

Скажи,

О, добрая, почтенная рабыня

Владычицы моей, зачем стоишь
Ты здесь, у двери, одиноко, в горьком
Раздумии? Как без тебя Медея
Могла одна остаться?

Кормилица

Воспитатель
Ясоновых детей, для верных слуг
Нет большего страдания, чем горе
Возлюбленных господ: моя же скорбь
О бедствиях благой царицы нашей
Так велика, что захотелось мне
Здесь, пред лицом земли и неба, стоном
И жалобами сердце облегчить.

Воспитатель

Ужель еще не перестала плакать
Несчастливая?

Кормилица

О, нет, ее страданья
И горький плач час от часу сильней.

Воспитатель

Безумная, — коль молвить это слово
О госпоже пристойно, — новых бед
Она еще не знает.

Кормилица

Что случилось?
Скажи скорей, не мучь меня, старик.

Воспитатель

Нет, ничего... Боюсь, чтоб не пришлось мне
Раскаяться и в том, что я сказал.

Кормилица

Меня, своей подруги по неволе,
Не бойся, заклинаю, говори
И верь, молчать о тайне я сумею.

Воспитатель

Так знай же: раз, — не подавая виду,
Что слушаю, там, где играют в кости

Старейшины у родника Пиренны, —
Я услышал их разговор о том,
Что царь Креон Медею из Коринфа
Изгнать решил с детьми; правдив ли слух,
Не ведаю; хотелось бы мне лживым
Назвать его.

Кормилица

Допустит ли Ясон
Изгнание детей, хоть он и в ссоре
С их матерью?

Воспитатель

Но старая любовь
Всегда слабей, чем новая: Ясон —
Уже не друг семье своей.

Кормилица

О, горе!

Еще и с прежней кончить не успели,
Как новая подкралась к нам беда.

Воспитатель

Об этом знать не должно госпоже:
Скрывай же все, что слышала, молчи.

Кормилица

(к сыновьям Медеи)

О, дети, вот каков отец ваш! Злого
Не буду я желать ему: Ясон —
Мой господин, но если правду молвить,
Недоброе готовит он друзьям!

Воспитатель

Кто из людей не сделал бы того же?
Иль ты еще не ведаешь доньше,
Что любим больше мы самих себя,
Чем ближнего, — иные благородно,
Другие же бесчестно: так отец,
Вступая в новый брак, не любит прежних
Детей своих.

Кормилица
(сыновьям Медеи)

Идите же домой,
О, милые, и да хранят вас боги!
(Воспитателю.)
А ты смотри за ними, — удаляй
От матери ожесточенной. Помню,
Как дикими и грозными очами
Она взглянула на детей своих,
Как будто страшный замысел питая.
Пока ее удар кого-нибудь
Не поразит, — Медея не смирится...
Так пусть же мстит врагам, а не друзьям.

Медея
(из дворца)

Увы! Увы!
Плачу, плачу, — и нет моим воплям конца...
Умереть бы скорее!

Кормилица

Дети, слышите? — это она, ваша мать.
С новой силой в ней ярость проснулась... Домой
Возвращайтесь скорей, но смотрите, —
На глаза ей теперь попадаться нельзя:
Берегитесь, о, милые дети мои,
Вашей матери гневного сердца, —
Уходите же, спрячьтесь скорей во дворец.
(Дети уходят.)
Скорбь, как темное облако, вырастет вдруг,
И подымется буря... Кто знает,
До какого безумия может дойти
Гнев ее, беспредельный и страшный?

Медея
(изнутри дворца)

Горе! Горе!
Многих воплей достойны мученья мои!
(Увидев своих сыновей.)
О, несчастнейшей матери дети!
Будьте вместе вы прокляты с вашим отцом, —
Весь наш дом, вся семья да погибнет!..

Кормилица

Что я слышу?.. О, мать, неужели
Прокляла ты детей за измену отца?
В чем, скажи, их вина пред тобою?
Страшно мне... Что-то ждет вас, о, дети мои?
Как ужасна безумная воля царей!

Не легко им обуздывать страсти:
Слишком много рабов, слишком мало преград.
Нет, я верю, что все пред законом равны,
Я хотела б без почестей, мирно
Встретить светлую старость вдали от владык,
Ибо правду хвалить хорошо и в речах,
А на деле хранить еще лучше;
В том, что меру превысило, счастья нет:
Чем надменнее род, тем разгневанный бог
Беспощадней его сокрушает.

(На сцену выступает Хор коринфских жен.)

Хор

Услыхали мы крик, услышали мы плачь
Злополучной царицы колхидской.
Верно, скорби не может она победить?
Обо всем расскажи нам, кормилица: вопль
Долетел к нам из брачных покоев,
Через медные, звонкие створы дверей.
Верь, не радует нас госпожи твоей скорбь:
Мы — друзья ее славного дома.

Кормилица

(в отчаянии)

Дома славного нет: здесь разрушено все, —
К царской дочери муж, к своей милой ушел,
А супруга одна дни проводит в тоске.
Ах, от этой беды никакие друзья,
Никакие слова не утешат!

Медея

(из дворца)

Тяжко! Тяжко!

Лучше сразу удар громовой поразит!
Что мне в жизни? О, где же ты, тихая смерть,
Ты — конец моих мук и свобода?

Хор
Строфа

Нет, кощунственным воплям
Оскорбленной царицы
Не внимайте вы, боги,
Солнце, Небо, Земля!
Неужели, Медея,
Жаждешь так ненасытно,
Так безумно тоскуешь
Ты по брачному ложу,
Что зовешь к себе смерть?
Замолчи же, не кощунствуй:
Если муж твой избирает
Ложь новое, — смирись!
Бог изменника накажет, —
Ты же горькими слезами
Светлых глаз не омрачай!

Медея
(из дворца)

О, Фемида, и ты, Артемида безгрешная!
Вот какое бесчестье терплю
От проклятого богом изменника,
От супруга, с которым великими
Я обетами связана!
Пусть увижу я мщение,
Пусть чертоги обрушатся
И на ложе раздавят их,
Жениха с новобрачною!
О, отец мой, земля моя, — брата родного убив,
Я покинула вас, как изменница!

Кормилица

Вот, вы слышали: Зевса, хранителя клятв,
И Фемиду благую царица зовет.
Верьте мне, чтоб теперь утолить ее скорбь,
Мечь должна быть великой и страшной!

Хор
Антистрофа

Пусть бы вышла Медея
К нам скорей из чертогов,
И, быть может, сумели б
Мы смирить ее гнев,

Утолить ее горе
Тихой, мудрою лаской,
Что бы ни было, сестры,
Без участия друга
Не покинем в беде.

Позови же к нам царицу,
Возвести, что мы с приветом
И любовью к ней пришли.
Торопись, пока несчастье
Не свершилось, ибо страшен
Гнев отвергнутой жены!

Кормилица

Все исполню я с радостью, только боюсь,
Что ее убедить не сумею:
Диким взором владычица смотрит на всех,
Кто приблизится к ней, чтобы слово сказать,
Словно львят стерегущая львица...
Люди, как же безумными вас не назвать?
Сколько сладких напевов умели найти
Вы для праздных пиров и веселий,
А великие страсти и муки людей
Укрощать не умеет доньне никто
Многострунную лирой и песней:
Оттого и в домах ваших смерть и вражда.
Если б душу живую могли исцелять
Вы гармонией нежных созвучий!
На пирах же веселых и песнь не нужна,
Ибо там и вином, и обилием яств,
Без того уже смертный утешен.

Хор

Эподос

Многострадальной Медеи мы слышали жалобы;
Ты проклинаешь, царица, изменника,
Брачного ложа предателя,—
Клятвы людей охраняющей
Зевсовой дочери
Мщенье зовешь,—
Мщенье Фемиды богини, под чьею защитой,
В бегстве ночном, ты стремилась по горькому,
Темному Понту, изгнанница,
Через проливы опасные
К дальней земле.

(Медея выходит из дворца.)

Медея

Я поспешила выйти к вам, о, жены
Коринфские, чтоб порицать меня
Вы не могли: я часто наблюдала
И слышала, что человек, на зов
Друзей своих замедливший ответить,
Становится неожиданно им врагом,
Любовь и славу добрую теряет,
Затем, что правды нет в очах людей:
Не испытывав чужого сердца, рады
Мы даже тех, кто нам не сделал зла,
По первому же взгляду ненавидеть;
А чужеземцу должно больше всех
Учтивостью искать благоволенья;
Но и того, кто в собственной земле
Презрителен к согражданам и дерзок,
Хвалить не буду... А теперь скажу
Всю правду вам: такой удар неожиданно
Сразил меня, что не мила мне жизнь,
И смерть зову к себе; он, мой избранник,
Мой муж, кто всем был в жизни для меня,—
Вы знаете,— явил себя гнуснейшим
Предателем! Мы, женщины, из всех
Существ, душой и мыслью одаренных,
Несчастнейшие: золотом сперва
Мы покупать должны себе мужей,
Чтобы отдать им в рабство наше тело;
Потом — и здесь источник злейших бед —
Великое решается сомненье,
Каков супруг, — достойный человек,
Или презренный, ибо от него
Уйти уже нельзя: развод — бесчестье.
Так, в мир вступив неведомый, мы вдруг
Всего, чему нас дома не учили,
Угадчиками сделаться должны;
И хорошо, коль все усилия даром
Не пропадут, коль примет муж ярмо
Незлобиво, а если нет, — то смерть!
Супруг, в дому не находя отрады,
Уйдет к своим ровесникам, к друзьям,
Чтоб с ними душу облегчить беседой.
А для жены одна лишь радость — муж.

Нам говорят, что тихую проводим
Мы жизнь в домах, в то время, как они
Сражаются за нас на поле брани.
Но это — ложь: хотела б лучше трижды
Я под щитом стоять, чем в муках раз
Дитя родить... И все же ваш удел —
Не то, что мой: есть дом у вас, отчизна —
И радость в жизни, и любовь друзей.
А я, вдали от родины, — одна,
Изгнанница, обманутая мужем:
Ни матери, ни брата, ни друзей
Нет у меня, чтобы утешить в горе.
О, милые, молю вас об одном:
Коль мщение неверному супругу,
Отцу невесты, или ей самой
Устрою, вы меня не выдавайте,
Молчите! Мы ведь, жены, боязливы
Во всем другом: вид крови и меча
Нам нестерпим; но если в брачном ложе,
В правах жены дерзнуть обидеть нас,
Тогда наш гнев губителен и страшен!

Хор

Не выдадим тебя: твою печаль
Мы поняли и мщенье оправдали.
Но тише: царь Креон идет сюда,
Чтоб новые нам возвестить решения.

(Входит Креон.)

Креон

Тебе, колдунья с темными очами,
Строптивая, повелеваем: прочь
С обоими детьми ступай, не медля,
Из всех моих владений. Приговор
Исполню сам: спешి, — пока не выйдешь
Из города, я не вернусь домой.

Медея

Все кончено! Пришел мой час последний:
Уж гонятся за мною по пятам
Враги мои, и некуда укрыться.

(Креон у.)

Я знаю, нет вины моей, но все ж
Спрошу, за что меня ты изгоняешь?

Креон

Боюсь тебя,— зачем скрывать? — боюсь,
Что чарами ты дочь мою погубишь.
И поводов не мало есть для страха:
Ты, мудрая и вещая во зле,
Уязвлена потерей супруга.
По городу молва идет, что мечь
Готовишь мне и жениху с невестой.
Друзей хочу и дом мой охранить,
С тобой в борьбу открытую вступая,
О, женщина, чтобы себя потом
Не упрекать, когда уж будет поздно.

Медея

Увы! Увы!

Не в первый раз обманчивая слава
Великое мне причиняет зло...
Отец разумный знанием чрезмерным
Не должен ум детей обременять;
Кто предан был науке слишком долго,
Заслуживает в праздности укор,
Внушая злость невеждам или зависть.
Попробуй мысль им новую открыть,
И у глупцов ты прослывешь безумцем.
Когда же чернь тебя прославит больше,
Чем признанных учителей своих,
То скажут: он опасен для народа...
Таков, Креон, мой собственный удел:
Я мудростью лишь ненавижу внушаю.
Несносною зовут меня одни,
Те — глупою, другие — слишком умной.
А между тем ведь знания мои
Не велики... О, царь, ужели мыслишь
И ты, как все, что мудростью могу
Я причинить кому-нибудь несчастье?
Не бойся же, не верь суду глупцов!
Пристойно ли с царями спорить женам?
И чем же ты меня обидеть мог?
Не в праве ли отдать, кому желаешь,
Дитя свое? Супруга моего,
А не тебя должна я ненавидеть.
Ты поступаешь с мудростью, и верь,
Я не желаю зла тебе,— будь счастлив,
О, царь, с прекрасной дочерью своей!

Я об одном прошу: дозвожь остаться
В земле твоей; и если б даже нас
Обидели, сумели бы и то
Мы промолчать и власти покориться.

Креон

Слова твои смиренны, но боюсь,
Что злобное ты в сердце замышляешь,
И менее, чем прежде, доверяю
Речам твоим: от жен, как от мужей,
Во гневе дерзких, легче уберечься,
Чем от того, кто в злобе мудр и нем.
Ступай же прочь из города, не медли
И даром слов не трать: я так хочу!
И никакие хитрости не могут
Тебя спасти: я знаю, ты мне враг.

Медея

(падая на колени)

У ног твоих тебя я заклинаю
Венцом невесты, дочери твоей!

Креон

Уйди, оставь меня,— мольбы напрасны.

Медея

(обнимая его ноги)

И ты не внемлешь?.. И тебе не жаль?

Креон

Ужель тебя жалеть я должен больше,
Чем дочь свою?

Медея

О, родина моя,
Как о тебе мне вспомнить ныне горько!

Креон

Мне дороги не меньше, чем тебе,
И родина, и отчий дом, и дети.

Медея

Увы, какое зло — любовь для мира!

Креон

И зло, и благо,— как судьба решит.

Медея

(грозно)

Да не уйдет злодей от мщенья бога!

Креон

Прочь, дерзкая! Довольно я терпел...

Медея

Не ты, а я терплю,— и слишком долго!..

Креон

Смотри,— велю рабам тебя схватить!

Медея

(с притворным смирением)

О, выслушай меня, молю, владыка!

Креон

До ярости не доводи меня!

Медея

Уйду, уйду,— не бойся,— не о том
Хотела я просить...

Креон

Зачем же медлишь?

Чего еще ты хочешь от меня?

Медея

(вкрадчиво)

День, только день остаться мне дозволю,
Чтобы решить, куда пойду, чтоб детям
В изгнании убежище найти:
Отцом они покинуты,— о, сжался
Над матерью! — и у тебя есть дети,
Ты сам — отец, не будь ко мне жесток!
Не за себя, несчастную, ты видишь,
Я за детей покинутых молю!

Креон

Я не рожден безжалостным, хоть часто
Мне люди злом платили за добро.

Так и теперь, о, женщина, я знаю,
Что делаю ошибку, уступив,
И все-таки мольбу твою исполню.
Да будет так. Но только берегись:
Коль луч зари тебя увидит завтра
С детьми в моих владеньях, — смерть тебе.
Иди и помни: слово наше твердо.
Даю тебе лишь день; в столь краткий срок
Большого зла ты сделать не успеешь.

(Креон уходит.)

Хор

О несчастная! Видишь — мы плачем с тобой:
Кто тебя защитит, где найдешь ты приют
Для детей, для себя, одинокая?
О, в какую пучину неведомых зол
Бог тебя повергает, безжалостный!

Медея

Вы правы, — я унижена, но знайте,
Что духом я еще не пала, нет!
И новобрачным будут испытанья,
Как и тому, кто их соединил.
Иль думаете, стала бы без цели,
Без выгоды я льстить ему и лгать?
Не осквернила б рук прикосновеньем
И уст мольбой! Но был глупец так прост,
Что дал мне день, хотя он мог отказом
Все замыслы мои разрушить, — день,
В который мы успеем приготовить
Три смерти трех изменников — отца
И дочери, и моего супруга!
К их гибели немало есть путей,
Но я еще, о, милые, не знаю,
Какой избрать: чертоги ли поджечь,
Где почивать должны жених с невестой;
Иль, тихо к ложу их подкравшись, меч
Вонзить обоим в сердце?.. Только страшно,
Что у дверей, с оружием в руках,
Враги меня поймают, обличат, —
И будет смерть моя для них весельем.
Не лучше ли к оружию слабых жен,
К волшебному прибегнуть знанью, к яду?..
Так, решено!

Но вот еще вопрос: когда погибнут
Враги мои, какой народ мне даст
Убежище и кров гостеприимный?..
Нет, подожду немного, и потом,
Когда найду себе приют, — убийство
Я с хитростью и втайне совершу.
Но если Рок последний путь к спасенью
Мне преградит, тогда дерзну на все
И, бросившись с мечом в руках, открыто
Я их убью, хотя б грозила смерть.
Клянуся в том Луной, богиней бледной,
Таинственной союзницей моей,
Гекатою, очаг мой стерегущей, —
Предатели от казни не уйдут,
И горечь слез моих им отольется,
И горечью им будет брачный пир!
Готовься же, — твой час пришел, Медея,
Всю силу грозных чар своих яви,
Великое сверши без содроганья,
Игрушкою Сизифовых детей,
Посмешищем Ясоновых любовниц
Не будь, о, дочь колхидского царя,
В чьих жилах — кровь от крови бога Солнца!
Будь мудрою: не даром говорят,
Что рождены — бессильные для блага —
Мы, женщины, могучими во зле.

(М е д е я уходит.)

Хор

Строфа первая

Священные реки назад потекли,
И долг, и законы — разрушено все,
Над клятвами люди смеются:
Теперь и в сердцах вероломных мужей —
Коварство и женская хитрость.
Ужели наша доля
Изменится навеки,
И слава жен венчает,
Как некогда — мужей?
Ужели нас отныне
Обычной клеветою
Молва не уязвит?

Антистрофа первая

О, древние Музы великих певцов,
Про вечные ковы и хитрости жен
Умолкнуть должны ваши песни:
Нам Феб сладкозвучного дара стихов
И лиры божественной не дал;
А то и мы сложили б
Немало горьких песен
О верности супругов,
О доблести мужей,
Поведали бы миру
Об их судьбе и нашей
За долгий ряд веков.

Строфа вторая

Бросив отчий дом для мужа,
Ты, с безумною любовью,
Переплыть не побоялась
Через бурные пучины,
Сквозь раздвоенные скалы
Беспощадных Симплегад:
Вот за что ты, бедная,
Мужем опозорена,
Изгнана, отвергнута,
И тебе уж некуда
Преклонить главу.

Антистрофа вторая

Больше нет во всей Элладе
Ни стыда, ни клятв священных:
Покидая нашу землю,
Верность в небо улетела.
Для тебя же путь утрачен,
О, Медея, в дом отца;
А на ложе брачное,
В новый дом вошла к тебе
Полною владычицей
Гордая соперница,
Юная жена.

(Входят Ясон и Медея.)

Ясон

(к Медее)

Не в первый раз я убеждаюсь ныне,
Что нет опасней зла, чем лютый гнев:

Так ты могла б, смирясь пред волей царской,
В гостеприимном доме мирно жить, —
И вот, сама же глупыми речами
Ты на себя изгнание навлекла.
Мне все равно, меня ты не рассердишь,
Назвав Ясона худшим из людей.
Но радуйся, что лишь одним изнанием
Наказана за дерзкие слова
О доме царском: я всегда мольбою
Старался гнев властителя смягчить,
Хотел, чтоб ты осталась в нашем доме,
А ты еще безумней поносить
Осмелилась царей, и от изгнания
Тебя уж я ничем не мог спасти.
И все-таки не изменяю дружбе:
Вот и теперь я прихожу к тебе,
О, женщина, с участием и любовью:
Не потерплю, чтоб в чем-нибудь с детьми
Нуждалась ты, чтоб, не имея денег,
Должна была в изгнание пойти:
И без того скитальцев одиноких
В чужой земле не радостен удел...
Считаешь ты врагом меня, но видишь,
Что зла тебе я не желаю.

Медея

Трус!

О, трус презренный! Я иного слова
Не нахожу для низости твоей.
Как? Несмотря на все, что сделал с нами,
Мне на глаза ты показаться смел?
Иль доблестью считаешь ты — спокойно
Смотреть в лицо обманутым друзьям?
Так знай, что это худший из пороков —
Бесстыдство! Рада видеть я тебя:
По крайней мере, сердце облегчу
И лишний раз бледнеть заставлю труса.
От дней давнишних поведу я речь:
Все эллины, все аргонавты помнят,
Как я тебя от гибели спасла,
Когда приплыл в Колхиду ты, чтоб лютых
Быков, огнем дышавших, впречь в ярмо
И темную засеять ниву Смерти.
Убила я недремлющего змия

Крылатого, который сторожил
Сокровище, обвившись многократно
Вокруг Руна Златого: это я
Очам твоим свет жизни возвратила!
Предав отца, покинув дом, с тобой
Переплыла в Иолк Пелиотийский,
Немудрая, но полная любви;
Коварством я достигла, чтоб Пелей,
Безвинный царь, погиб горчайшей смертью,
Пал под рукою собственных детей, —
Все для тебя, чтоб жить тебе безопасно,
Чтоб страх изгнать из сердца твоего.
И ты за все мне отплатил изменой!
Уже детей имея от меня,
Ты новую берешь себе супругу;
Когда б еще бездетным был, ты мог бы
Хоть чем-нибудь оправдывать себя.
Но все презрев, обеты нарушая,
Не думал ли, что тех богов уж нет,
Которыми клялся, и что иные
Царят теперь законы в небесах?
Ведь ты не мог не знать, что попираешь
Святыню клятв! Смотри же, — вот рука,
Которую ты брал в свою, колени,
Которые так нежно обнимал
С мольбой любви в очах и с ложью в сердце...
Я говорить с тобой хочу, как прежде,
Как с другом друг, хоть доброго не жду
Я от тебя: ты мне ответить должен,
Вопросами твой стыд я обличу!
Скажи: куда идти мне?.. Возвратиться
Под кров отца, которого с тобой
Мы предали? Иль к дочерям Пелея,
Которого убили мы?.. Приют
Нашла бы я у них гостеприимный, —
Не правда ли?.. Ты видишь: для тебя
Я порвала святые узы крови,
Врагом я стала тем, кого люблю.
А ты за то из жен Эллады сделал
Счастливейшей меня, нашла в тебе
Я верного и нежного супруга!
Завиднейший удел!.. Пойду с детьми,
Изгнанницей, одна, в чужую землю.
И это будет слава жениха,

Что мать его детей по всей Элладе
Скитается, как нищая! О, Зевс,
Чтоб отличать мы золото умели
Поддельное, ты людям знаки дал:
Но должно бы такие же приметы
И на телах людей напечатлеть,
Чтоб каждый мог злодея сразу видеть!

Хор

Меж старыми друзьями, чем сильнее
Любовь была, тем пламенней вражда.

Ясон

(хладнокровно и насмешливо)

Искусство мне, я думаю, потребно
Немалое, чтоб дать тебе ответ:
Как опытные кормчие, под вихрем,
Все паруса я должен подобрать,
О, женщина, дабы от сильной бури
Неистовых речей твоих спастись...
Хоть помощь ты свою высоко ценишь,
Все ж мыслю так, что даровала мне
Путь по морям счастливый Афродита,
И более никто из всех богинь
И смертных жен. Мне ведомо, как ясен
Твой ум и тонок: спорить ты не будешь,
И я не буду докучать тебе,
Рассказывая долго и подробно,
Как силою неотвратимых стрел
Спасти мне жизнь тебя заставил Эрос,
Желаний бог. Ты помогла мне, правда,
Но я уже сторицей отплатил,—
И как сейчас я докажу,— ты меньше
Мне сделала добра, чем я тебе.
Начну с того, что ты теперь в Элладе,
А не в отчизне варварской живешь,
Не произвол, а правду и законы
Умеешь чтить; все эллины тебя
За дивные познания прославляют.
А если б ты, как некогда, жила
На отдаленнейших границах мира,—
Заглохла б жизнь твоя без славы. Нет,
Что до меня, то лучше пусть не будет
Ни золота в доме моем, ни гимнов

Орфеевых, коль в жизни прочих благ
Не суждено украсить мне и славой...
Но речь кончаю о моих заслугах;
Я говорил о них лишь потому,
Что спор сама ты начала, Медея.
Теперь о браке с дочерью царя,
За что меня так горько упрекаешь:
Я докажу, что поступил и здесь
Лишь с мудростью и целью благородной,
Желая детям блага и тебе.
Но не сердись и выслушай спокойно:
Опутанный сетями многих бед,
Приплыв сюда из города Иолка,
Как мог я ждать, изменник, лучшей доли,
Чем брак с самою дочерью царя?
Не потому, чтобы красой невесты
Я был пленен, чтобы твою любовь
Презрел, как в том меня ты обвиняешь,
Или хотел соперничать с другими
Во множестве потомков, — нет, детей,
Тобой рожденных, было б мне довольно, —
А потому, что к высшему стремился,
Хотел нужды избежать навсегда,
С тобою жить в довольстве, — ибо знал,
Что бедные друзей теряют скоро, —
Чтоб воспитать, как должно, сыновей.
И если б дал я братьев детям нашим, —
То в мирную и дружную семью,
Всех уравнив, в любви соединил бы
И в счастии: скажи, зачем тебе
Желать еще детей? — а я бы сделал
Сынов, рожденных от второго брака,
Опорою двум первенцам моим.
Но таковы все женщины: не страшно
Ничто для них, пока соперниц нет,
Пока царят они на ложе брачном.
Но только что хоть призрачная тень
Супружеским правам их угрожает, —
Все кончено, — завиднейший удел
Им кажется невыносимой долей.
О, если б жен не сотворил Зевес,
И способом иным рождались дети, —
Не знали б мы и горя на земле!

Хор

Ясон, умел ты речь свою украсить.
Но я скажу, — хотя б слова мои
Не нравились тебе, — что долг и клятву
Ты преступил, супруге изменив.

Медея

Во многом я отлична от других;
Так мыслю я — злодей красноречивый
Тем большего достоин наказания,
Что, зло умея ложью украшать,
Становится он дерзким, ибо мудрым
Он все-таки не будет никогда!
Так ты желал благопристойной речью
Бесчестную измену оправдать.
Но я тебя сражу единым словом:
Когда бы зла мне сделать не хотел, —
Ты должен бы, лишь с моего согласия,
Вступить в тот брак, — не втайне от меня!

Ясон

(с насмешкою)

Да, объявив о браке, я нашел бы
Усердную помощницу в тебе,
Коль ярости безумной даже ныне
Не можешь ты рассудком победить.

Медея

Ты не об этом думал, но боялся,
Что с женщиной из варварской земли
Союз тебе не обещает выгод
И почестей!

Ясон

Не хочешь ты понять, —
Я в новый брак не для того вступаю,
А для семьи, для блага твоего,
Чтоб сыновья опору в младших братьях
Нашли себе, чтоб детям нашим дать
Защитников из царственного дома.

Медея

(с презрительной насмешкой)

Что ж, счастлив будь! Но счастья твоего, —
Проклятого и горького богатства
Я не возьму.

Ясон

Изменишься, поверь,
Когда-нибудь, и станешь ты умнее:
Дары судеб научишься ценить
И сладкого не назовешь ты горьким.

Медея

Да, пользуйся могуществом своим —
Над женщиною изгнанною смейся!

Ясон

В изгнании виновна ты сама.

Медея

(злбно и насмешливо)

Быть может, тем, что мужу изменила?

Ясон

Дом проклинала царский.

Медея

Подожди, —

Я и в твоём доме проклятьем буду!

Ясон

С тобою больше спорить не хочу:
Но ежели принять согласна помощь
Ты для себя, иль для детей моих,
Не бойся же, скажи, — и будет щедрой
Рука моя; могу и письма дать
К друзьям, чтоб ты гостеприимный
Нашла приют. О, женщина, поверь,
Поступишь ты немудро, отказавшись:
Подумай же, не лучше ль гнев смирить?

Медея

Твоих друзей мне помощь ненавистна,
И не возьму я дара твоего:
Дар злых людей нам счастья не приносит.

Ясон

В свидетели богов я призываю,
Что сделать все готов был для тебя
И для детей, но ты сама не хочешь:
Отвергла ты любовь мою, и в том
Когда-нибудь раскаешься, Медея.

(Ясон уходит.)

Медея

(с насмешкой вслед уходящему Ясону)

Невеста ждет тебя, жених: не медли —
Томишься ты желанием, — беги,
Беги же к ней, ликуй, о, новобрачный!
Но, может быть, — о том молю бессмертных, —
Когда-нибудь раскаешься и ты!

(Медея, в глубоком раздумье, уходит медленно.)

Хор

Строфа первая

В людях страсть, когда она чрезмерна,
Не падит ни славы, ни добра.
Но Киприда — всех богинь отрадней
Тем, кто меру сохранил в любви.
О, царица, с лука золотого
Не мечи ты в нас
Беспощадных стрел,
Напоенных ядом вожделенья!

Антистрофа первая

Да пошлют нам скромность олимпийцы,
Робких жен пленительный венец!
Да не ввергнет страшная Киприда
В сети зла, в неутолимый спор,
Жен, объятых страстью беззаконной:
Пусть она хранит
Ложь верных жен
В чистоте и в неге целомудренной.

Строфа вторая

О, мой дом, моя родина,
Да не буду вовеки я
Бесприютной изгнанницей,
Дни влачащую в бедности,
В одиноком отчаянье, —

Легче мне умереть!
Это скорбь несказанная —
Быть лишенным убежища
И родимой земли.

Антистрофа вторая

Мыслию так, ибо видела,
Как несчастную предали
Все родные, все граждане...
Да погибнет, кто чистого
Сердца, полного нежностью,
Не захочет открыть
Угнетенным и презренным;
Да не будет безжалостный
Другом нашим вовек!

*(Медее выходит из дворца. В то же время, с другой
стороны, появляется афинский царь Эгей, в одежде
странника, и приветствует Медину.)*

Эгей

Медее, будь счастливой! — у друзей
Нет более отрадного привета.

Медее

Счастливым будь и ты, сын Пандиона!
Но расскажи, откуда ты идешь?

Эгей

Я в древнем был святилище Дельфийском.

Медее

О чем, Эгей, ты бога вопрошал
В таинственной пещере — сердце мира?

Эгей

Я знать хотел, могу ль иметь детей.

Медее

Как? Дни твои ужель еще бездетны?

Эгей

На то я волей бога обречен.

Медея

Один ли ты живешь, или с женою?

Эгей

Давно я ложе брачное познал.

Медея

Но что же Феб сказал тебе о детях?

Эгей

Для всех его ответ непостижим.

Медея

Могу ль его из уст твоих услышать?

Эгей

Услышь: ведь здесь потребен тонкий ум.

Медея

Так повтори ж пророчество: я внемлю.

Эгей

«Не должно мне развязывать мехов...»

Медея

Пока чего ты прежде не исполнишь?

Эгей

«Пока к себе домой не возвращусь».

Медея

Зачем же ты в Коринф свой путь направил?

Эгей

Живет в Трезене мудрый царь Пифей.

Медея

Сын Пелопса благочестивый, — знаю.

Эгей

Хочу ему поведать прорицанье.

Медея

Да, опытен Пифей в таких делах.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Эврипидъ.
МЕДЕЯ.

СЪ ГРЕЧЕСКАГО.

Переводъ Д. С. Мережковского.

ВЪ СТИХАХЪ.

Съ портретомъ Эврипида.

Изданіе третье.

ЦѢНА **40** КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1910.

Эгей

И по мечу он старый мне товарищ.

Медея

Успеха же и доброго пути!

Эгей

Но почему лицо твое так бледно,
Так мрачен взор, Медея? Что с тобой?

Медея

Мой муж, Ясон, — презреннейший из смертных.

Эгей

Что слышу я? Скорей поведай все...

Медея

Ясон меня, безвинную, обидел.

Эгей

Но как и чем, — не бойся, говори.

Медея

Он хочет взять себе жену другую...

Эгей

И неужель осмелится твой муж?..

Медея

Да, над моей любовью он смеется...

Эгей

Вражду питая к ложу твоему,
Иль по любви к сопернице?

Медея

(с негодованием)

О боги!

Должно быть, к ней любовь его сильна,
Когда презреть он мог такие клятвы!

Эгей

Коль так — не стоит и жалеть о нем!

Медея

(с презрением)

Он о родстве мечтает с царским домом.

Эгей

Из чьей семьи невеста? Кто отец?

Медея

Креон, земли коринфской повелитель.

Эгей

Не даром же ты, бедная, скорбишь!

Медея

Увы! Они меня еще изгнали...

Эгей

Все новые несчастья! Кто изгнал?

Медея

Креон.

Эгей

Ужель твой муж не заступился?

Медея

Друг на словах, но сердцем мне он враг.

(Падает на колени.)

О, добрый царь, обняв твои колени,
Рукой коснувшись твоего лица,
Молить тебя я буду: сжался, сжался,
Не отвергай меня, прими в свой дом
Изгнанницу, покинутую всеми,
И пусть за то бессмертные детей
Пошлют тебе и светлую кончину!
Не знаешь ты, кого во мне нашел,
Каким искусством дивным я владею.
Я прекратить могу твое бесплодие,
Бесчисленных потомков даровать —
Я знаю все целительные травы.

Эгей

О, женщина, исполнить я готов
Мольбу твою, и ради олимпийцев,
И для детей, обещанных тобой, —

О них всю жизнь молю богов напрасно.
Решил я так: коль вступишь ты в мои
Владения, — я странницу и гостью
Могу принять под кровлюю своей,
Не нарушая прав ничьих; но должен
Предостречь, что тайно уводить
Я не хочу тебя с собой; а если
Придешь сама изгнанницей в мой дом, —
То никому тебя уже не выдам.
Но ты должна без помощи моей
Покинуть дом коринфского владыки:
Виновным быть и в малом не хочу
Перед людьми, с которыми я дружен.

Медея

Да будет так. Произнеси же клятву,
Чтоб я была спокойна.

Эгей

Иль ты

Не веришь мне? Скажи, чего боишься?

Медея

Я верю, но сильны мои враги —
И царь Креон, и дочери Пелея.
Поклявшись здесь, перед лицом богов,
Не защитит меня ты не посмеешь;
Но, обещав без клятвы, можешь выдать
Послам, союз с врагами заключив:
Я — слабая и бедная; у них же
И золото, и царственная власть.

Эгей

О, женщина, являешь осторожность
Не малую; но в клятве отказать
Я не хочу: тебя спасти мне легче,
Такой предлог имея для врагов,
И будешь ты в дому моем спокойней,
Хранимая обетом. Но скажи,
Какими же богами мне поклясться?

Медея

Землей и Солнцем, прадедом моим,
И всем великим сонмом олимпийцев.

Эгей

В чем, говори.

Медея

Что не изгонишь сам,
И что врагам не выдашь добровольно,
Пока ты жив, меня из дома.

Эгей

Да,
Исполню все, клянусь сияньем Солнца
Божественным и Матерью-Землей,
И всем великим сонмом олимпийцев.

Медея

А если нет?..

Эгей

То карой поражен
Да буду я — безбожникам грозящей.

Медея

Благодарю. Теперь иди, будь счастлив
И помни, царь: в твой город я приду,
Как только здесь исполню все, что должно.

Хор

(вослед уходящему Эгею)

Пусть отныне, Эгей, окрыленный Гермес,
Совершающих путь покровитель,
Провожает тебя и дарует успех,
Ибо ты поступил с оскорбленной женой
С добротой благородной, по-царски.

Медея

(торжествуя, к Хору)

О, Зевс и Правда, дочь богов, и Солнце!
Теперь вступили мы на верный путь.
Теперь нас ждет великая победа:
За все моим врагам я отомщу!
Мне царь Эгей — защита и твердыня,
От сильной бури пристань и приют,
Где мой корабль, причалив, бросит якорь,
Когда вступлю к Палладе в город... Все

Открою вам, о, милые, — внимайте,
Хотя ваш слух, быть может, оскорблю
Суровыми речами: в дом к Ясону
Из слуг моих кого-нибудь пошлю,
И выйдет он ко мне, и с хитрой лестью
И с ласками я приступлю к нему,
Скажу, что воле мужа покорилась,
И что нашла полезным для семьи
Клятвопреступный брак его, что мудро
И праведно со мной он поступил.
Я умолю, — и он детей позволит
Оставить здесь, в Креоновом дворце,
Не для того, чтоб их на поруганье
Отдать врагам моим, но злую смерть
Я через них готовлю новобрачной:
Дар от меня ей дети поднесут —
Златой венец и пеплум легкотканый.
Когда ж убор возложит на себя,
Ужасною погибнет смертью дева,
Умрут и все, кто прикоснутся к ней:
Таким мой дар напитан будет ядом...
Не лучше ль здесь мне речь мою прервать?

(Бледнея, изменившимся голосом.)

Того, что я потом должна исполнить, —
Сама боюсь: хочу убить детей,
И не спасет их никакая сила...
Когда же род Ясонов истреблю,
Я прочь уйду, чтобы не видеть крови
Возлюбленных... Злодейство совершу,
Которому нет имени, я знаю,
Но не могу терпеть, чтоб надо мной
Враги смеялись... И на что мне жизнь —
Без родины, без милых, без надежды?
Нет, конечно... Я клятвам чужеземца
Доверилась, покинув отчий дом,
Безумная; зато, лукавый эллин,
Теперь из рук моих ты не уйдешь
И более живыми не увидишь
Детей своих, рожденных мной, — не даст
И новая жена тебе потомков:
Изменница от яда моего,
Проклятая, умрет проклятой смертью!..
Да не сочтут смиренную меня

И кроткою, и слабой: нет, ужасна
Я для врагов, зато верна друзьям,—
Удел таких людей велик и славен!

Хор

Коль ты сама нам замысел открыла,
Молить, во имя блага твоего,
Во имя всех людских законов, будем:
Ты этого не делай!

Медея

И должна,

И сделаю. Но ваш совет прощаю,
О, женщины,— вы не страдали так,
Как я страдаю...

Хор

(в ужасе)

И дерзнешь ты руку
На собственную кровь и плоть поднять?

Медея

О, да,— ничем иным я сердце мужа
Не уязвлю так больно.

Хор

И себя

Ты сделаешь несчастнейшей из женщин!..

Медея

Пусть!.. Но теперь давать советы поздно.

(Служанке.)

Беги скорей, Ясона приведи:
Доныне ты была во всем мне верной:
О, если любишь госпожу свою
И носишь имя женщины не даром,—
Не выдавай меня врагу, молчи!

(В ожидании Ясона)

Медея отходит в глубину сцены.)

Хор

Строфа первая

Жители Аттики, племя счастливое,
Древние дети блаженных богов!

Все вы питаетесь мудростью славною,
Сладким плодом благородной земли.
Вечно-радостные, ходите
В легком воздухе блистающем.
Говорят, — в земле у вас
Златокудрая Гармония
В дни былые стала матерью
Девяти священных Муз.

Антистрофа первая

Там, почерпнув дуновение прохладное
В сладко-журчащих Кефиза волнах, —
Тихим дыханьем ветров благовеющих
Землю ласкает богиня Любви,
И венком неувядаемым
Из душистых роз аттических
Кудри легкие обвив,
Людам шлет Киприда милую,
Строгой Мудрости сообщницу —
Непорочную Любовь!

Строфа вторая

Как же священные реки,
Как же приветливый край,
Дружбе людей благосклонный,
Примут тебя,
Злобную, страшную
И оскверненную
Кровью детей?
Видишь их раны?
Слышишь их вопль?
Нет! Обнимая колени твои,
Молим мы все, заклиная тебя:
Сжался над бедными!

Антистрофа вторая

Где же такую отвагу,
Где же ты силу возьмешь,
Чтобы на них, беззащитных,
Руку поднять?
Слезы не хлынут ли,
Не помутятся ли,
Очи твои?
Если увидишь,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ XX.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1914.

Как упадут
Дети к ногам твоим с тихой мольбой, —
Нет! Омочить не дерзнешь в их крови
Меч свой безжалостно!

(Входит Ясон.)

Ясон

Опять на зов твой я пришел, Медея:
За зло тебе платить не буду злом.
Не бойся же, скажи, чего ты хочешь,
О, женщина, — я выслушать готов.

Медея

(с притворным смирением)

Забудь, Ясон, мой гнев несправедливый,
Прости мне, милый, все и не сердись, —
Молю о том во имя прежней дружбы!
Наедине, одумавшись, я стала
Бранить себя: «Несчастливая, зачем
Безумствуешь и ненавидишь тех,
Кто трудится для твоего же блага?
Зачем врагом ты сделалась царю
И доброму супругу, чье желанье
Единственное — быть полезным всем:
Он женится на дочери Креона
Лишь для того, чтоб сыновьям твоим
Опору дать в могущественных братьях.
Не лучше ли смирить безумный гнев?
Не мудро ли все устроят боги?
Чего ты ждать могла одна, с детьми,
В чужой земле покинутая всеми?..»
Так рассудив, сказала я себе,
Что тщетным был мой гнев и безрассудным;
Я поняла, как мудро поступил
Ты, с царственной семьей породнившись.
О, глупая, — сочувствовать во всем
И помогать я с радостью должна бы,
Сама у ложа брачного стоять,
Услуживать твоей невесте милой!
Но женщинами женщины всегда
Останутся, — и с ними спорить, значит
Лишь глупостью на глупость отвечать.
Ты видишь: я раскаялась и рада
Вину мою загладить пред тобой.

(Подходя к двери дворца.)

Сюда, сюда, о, дети, поскорей!
Приветствуйте отца и обнимите:
Он вашу мать простил, забыто все,
Да воцарится прежний мир в семье!
(Сыновья Медеи выходят из двери.)
Коснитесь же руки его, не бойтесь...
О, бедные! Зачем я не могу
Смотреть на вас без ужаса и боли!
Кто знает, долго ль вам на свете жить
И к матери доверчиво ласкаться?..
О, тяжело, тяжело! Плачу и дрожу...
Но полно — все прошло... мы помирились...
От счастья лица нежные детей
Я сладкими слезами орошаю!

Хор

И по моим щекам струятся слезы
Обильные, но не от счастья, — нет,
Я бедствия ужасные предвижу.

Ясон

Разумно все, что говоришь ты ныне,
А прежнего не будем вспоминать:
Чтоб женщина не гневалась на мужа,
Вступающего в новый брак, нельзя
И требовать; но мысли изменила
Ты к лучшему и, вовремя вступив
На добрый путь, себя являешь мудрой,
Покорною супругой.

(К сыновьям.)

А для вас,

О, дети, все ко благу устрояет
Родитель ваш: когда-нибудь в Коринфе
Вы сделаетесь первыми людьми.
Растите же, — об остальном отец
Заботится и Гений, вас хранящий.
На склоне лет надеюсь увидеть,
Как в юности прекрасной и цветущей
Низложите вы всех своих врагов.

(К Медее.)

Но ты, жена, зачем так горько плачешь
И, бледное лицо желая скрыть,
Приветливым словам моим не внимлешь?

Медея

Прости, мой друг: я думала о детях...

Ясон

Утешься же, — все сделаю для них.

Медея

О, да, Ясон, словам твоим я верю...
Но знаешь сам: готовы обо всем
Мы, женщины беспомощные, плакать.

Ясон

(с изумлением и недоверием)

Печаль твоя безмерна. Что с тобой?

Медея

Ведь я им мать... Когда ты говорил
О том, что ждет детей моих, о жизни,
Я думала: свершатся ли твои
Желания? И страх объял мне сердце...
Но речь мою докончить я должна.
Вот, милый друг, еще одна лишь просьба,
Последняя: я вижу, что Креон
Изгнал меня для моего же блага, —
Чтоб никому я в тягость не была
Здесь, где меня привыкли ненавидеть.
Из города сама хочу уйти;
Но сыновей ты в дом к себе возьми
И воспитай; просить владыку можешь,
Чтоб он твоих детей не изгонял.

Ясон

Удастся ли царя склонить, не знаю;
Попробую.

Медея

Невесте ты скажи, —
Пусть своего отца она попросит,
Чтоб он детей помиловал.

Ясон

О, да,
Я все исполню: будет ей понятна
Печаль твоя о детях: и она —
Ведь женщина.

Медая

(еще более ласково и вкрадчиво)

Хочу я в этом деле

Помочь тебе: невесте чудный дар —
Златой венец и пеплум легкотканый —
Прекраснее всего, что есть у смертных,
Пошлю с детьми.

(Служанкам.)

Рабыни, из дворца

Мне тот убор скорее принесите!

(К Ясону.)

Пусть радостями всеми обладает
Жена твоя; и лучшим из мужей, —
Тобою, друг, и лучшим из нарядов.
Его же сам бог Солнца подарил,
Отец отцов моих — царям Колхиды.

(Рабыня приносит драгоценный ящик с убором. Медая принимает и передает его сыновьям.)

Медая

(с тайным злорадством и насмешкой)

Несите же, о, дети, брачный дар
Счастливейшей невесте, — он достоин
Жены Ясона, дочери царя!

Ясон

(самодовольно)

Зачем себя сокровища лишаешь,
О, глупая? Не думаешь ли ты,
Что у царей одежд роскошных мало
И золота? Оставь его себе,
И ежели чего-нибудь я стою
В глазах невесты, предпочтет она,
Надеюсь, всем дарам меня.

Медая

Нет, нет,

Самим богам любезны приношенья;
А над людьми имеет больше власти
Вид золота, чем множество речей.
Теперь ведь все в руках царицы новой,
Теперь к ней Рок и боги благосклонны;
А за детей не золото одно —
Я отдала бы с радостью и душу!

(К сыновьям.)

Ступайте же скорее во дворец
И дивный дар мой отнесите юной
Жене отца, владычице моей,
Моля о том, чтоб вас не изгоняли.
Но помните же, дети: вы должны
Отдать убор ей в собственные руки.
Не медлите, — и, все свершив, скорей
Ко мне с желанной вестью возвращайтесь.

(После того, как Ясон и сыновья ушли, Медея подходит к дверям дворца и, ожидая, прислушивается.)

Хор

Строфа первая

Теперь их от смерти ничто не спасет.
О, мать! Твои дети, как жертвы, идут,
Идут на заклятие!

Дева примет дар проклятый,
Золотой венец Аида,
И, несчастная, сама
Обовьет себе, ликуя,
Смертоносной диадемой
Русокудрую главу.

Антистрофа первая

Пленит ее блеск золотого венца,
Сиянье волшебных одежд ослепит,

И дева украсится, —
Чтобы в царство Тени Смертной
Отойти в уборе брачном...
Не избегнет западни
Где, таясь, подстерегает
Ужасающая Парка,
Неминуемая Смерть.

Строфа вторая

А ты, жених несчастный,
Не в добрый час хвалился
Ты царственным союзом:
Ты сам, того не зная,
Готовил злую смерть
И детям, и невесте:
Так все твои надежды
Осмеяны Судьбой.

Антистрофа вторая
Но и тебя нам жалко,
О, мать-детоубийца,
Отвергнутая всеми!
Свершишь ты злодеянье,
Чтоб мужу отомстить:
Избрав жену другую,
Изгнать не постыдился
Он мать своих детей!

*(Из дворца выходит воспитатель с обоими сыновьями
Медеи.)*

Воспитатель
(радостно)

О, госпожа, отменено изгнание
Детей твоих: с улыбкой приняла
Невеста дар твой в собственные руки.
Теперь не бойся, — дети спасены.

Медея
(стонет)

О-о!..

Воспитатель
Зачем стоишь, объятая смущеньем?
Иль эта весть не радует тебя?

Медея

О, горе мне!

Воспитатель
Что значит скорбь твоя, о чем вздыхаешь?

Медея
Увы! Увы!..

Воспитатель
Иль, сам того не зная
Принес тебе я роковую весть,
Обманутый неверною надеждой?

Медея
Нет, ты сказал, что должен был сказать,
И я тебя ни в чем не упрекаю.

Воспитатель

Зачем же, взор потупив, слезы льешь?

Медея

Как слез не лить?.. О, если б мог ты знать,
Что делают со мною бог и ярость!

Воспитатель

Мужайся же: как дети подрастут,—
Вернешься к ним,— окончится изгнание...

Медея

Но я сперва сама пошлю других
В изгнание, откуда нет возврата.

Воспитатель

Осуждена в разлуке жить с детьми
Не ты одна: рожденные для смерти,
Мы все должны, покорствуя, терпеть.

Медея

Да будет так. Теперь домой иди же,—
Там все, что нужно детям, приготовь.

(Воспитатель уходит.)

Медея

(к сыновьям)

Вот, милые, у вас приют есть верный
И мирный дом, где будете вы жить
Без матери, в разлуке с нею вечной.
А я пойду, скиталицей, одна,
В чужой земле, не насладившись вами
И не взглянув на счастье сыновей.
Вам брачные постели не украшу,
Вам свадебной лампы не зажгу...
О, будь же ты, мой гнев безумный, проклят!
Напрасно, дети, я вскормила вас
И горькими трудами изнурялась,
Напрасно я вас в муках родила!
Как сладостно, как долго я мечтала,
Что в старости вы будете беречь,
Питать меня,— когда ж умру, свершите
Все должные обряды надо мной,—
Удел завидный людям... Но погибли

Те милые надежды, и без вас
Вся жизнь моя — лишь горечь и томленье.
Должны и вы начать иную жизнь,
Где матери вам больше не увидеть.
О, тяжело, тяжело!.. Что вы на меня
Так смотрите, родимые, с последней
Улыбкою?

(К Хору.)

О, женщины, нет сил —
Мне вся моя отвага изменяет,
Едва взгляну им в ясные глаза...
Нет, не могу — прочь, замысел безумный!..
В изгнание беру с собой детей.
Чтоб отомстить отцу, — зачем я буду
Сама себя их муками терзать?
Прочь замысел мой, страшный и безумный!..
*(Обнимает сыновей с нежностью, но вдруг лицо ее
изменяется, глаза вспыхивают яростью.)*
Но что же будет? Как? Я потерплю,
Не отомстив, чтоб надо мной смеялись
Враги мои? Какая низость! Мысль
Презренную я в сердце допустила.
Ступайте, дети, во дворец... Скорей!..
Все кончено!

(К Хору.)

Кому не должно видеть
Закланья жертв, — иди отсюда прочь.
Теперь уже рука моя не дрогнет!
*(Ведет сыновей к дверям дворца, но на пороге оста-
навливается, простирает руки к детям и плачет.)*
О, о!..
Не надо, сердце! Этого не делай!
Оставь детей, оставь их, пощади!
В разлуке с ними вечной все же будет
Так сладко их любить, хоть издали...
*(Целует сыновей, но потом, оттолкнув их, подымается
во весь рост, бледная и грозная.)*
Так нет же, нет! Клянусь тенями ада
И мщением подземных Эвменид!
Не быть тому вовек: на поруганье
Я не отдам детей моих врагу.
Ведь все равно им смерти не избегнуть, —
Я родила их, я же и убью.
Назначенное Роком да свершится!..

Теперь уж дочь царя, приняв венец,
В отравленных одеждах умирает:
Пора и мне вступить на страшный путь,
А путь детей моих еще страшнее!
Но их обнять должна в последний раз.

(К сыновьям.)

Поцеловать мне дайте ваши руки...
О, руки милые! О, кроткий взор!
О, лица благородные! Да будет
Вам легкой жизнь, но уж не здесь, а там:
Отец у вас земное счастье отнял...
О, нежное прикосновение уст,
О, чистое, невинное дыханье!
Идите же, идите, — не могу
Смотреть на вас!.. Нет, слишком больно сердцу;
Сама боюсь того, что совершу...
Но чувствую: мой ум — слабей, чем ярость,
Виновница непоправимых бед!

(Сыновья уходят. Медведя падает на ступени дворца в изнеможении.)

Хор

Я хотела не раз угадать и постичь,
Ненасытным умом я пыталась не раз
То, что женщинам мало доступно:
Ибо Муза безмолвная есть и у нас,
Что внушает нам к мудрости высшей любовь, —
Только, правда, не всем, а лишь редким,
Лишь одной среди многих; но все же порой
Пиериды и женам не чужды.
Так я ныне скажу, что счастливей отцов —
Тот, кто брачного ложа и вовсе не знал,
Кто родителем не был вовеки:
Не изведав, какое блаженство порой
И какие мученья нам дети дают,
Он от многих страданий избавлен.
А у тех, в чьем дому внешний сладостный цвет
Беззаботных детей расцветает, вся жизнь —
Изнуряющий труд и забота:
Как сперва возрастить, как вскормить их потом,
Как устроить им жизнь, как именье скопить
Он заботиться должен, не зная,
Для кого еще терпит столь тягостный труд:
Для порочных детей, или добрых?

Но последнего, самого горького зла
Не избегнет никто: если даже отец
Детям даст и богатство, и счастье,
И они возмужают и будут людьми
Благородными, если так мудро
Обо всем позаботятся боги, — то смерть
Похищает детей и уносит в Аид!
И какая же людям отрада,
Что ко всем человеческим мукам, еще
Эту злейшую скорбь — смерть любимых детей —
Посылают родителям боги?

*(Медея приподнимается, прислушиваясь
с жадностью к шуму шагов и крикам внутри дворца.)*

Медея

(к Хору)

О, милые, я жду и не дождусь, —
Свершится ли задуманное мною
Там во дворце?.. Но вот один из слуг
Ясоновых сюда бежит: смотрите,
Как тяжело он дышит и как бледен:
Я думаю, что будет страшной весть!

(Входит Вестник.)

Вестник

Медея, ты, свершившая злодейство
Безбожное, — беги, беги скорей!
Иль по морю спасайся, иль по суше,
Но только здесь не медли!

Медея

Что случилось,
Чтоб мне с такой поспешностью бежать?

Вестник

Сейчас погибли от твоей отравы
И дочь царя, и сам Креон.

Медея

О, весть
Сладчайшая! Отныне, добрый вестник,
Ты — лучший друг, ты — благодетель мой!

Вестник

(в ужасе)

В уме ли ты, о, женщина? Опомнись!
Очаг царя разрушив, эту весть
Ты слушаешь, ликуя, без боязни?

Медея

Могла бы я тебе ответить, друг...
Но не сердись и обо всем скорее
Нам расскажи: обрадуюсь вдвойне,
Узнав, что гибель их была ужасной.

Вестник

Когда с отцом вошли к невесте двое
Детей твоих, мы, верные рабы,
Возликовали, ибо все же втайне
Сочувствуем мы горести твоей;
Теперь же слух прошел у нас, что с мужем
Окончен спор твой долгий: окружив
Детей, один им кудри золотые,
Другой им руки целовал, а я
Так счастлив был, что в женские покои,
Не утерпев, за ними побежал.
Там новая хозяйка дома, та,
Которая тебя нам заменила,
Еще детей твоих не видя, взор,
Исполненный любовью, устремила
На жениха; но вдруг она детей
Заметила и опустила очи,
И отвернула гневное лицо.
Тогда, смягчить желая сердце девы,
Твой муж сказал: «Не будь врагом друзей,
Не гневайся и обрати к ним взоры:
Кого супруг твой любит, тех и ты
Должна любить, — прими же дар, невеста,
И для меня ты умоли отца,
Чтоб отменил он приговор изгнания
Детей моих». Как только что убор
Увидела, она свой гнев смягчила
И согласилась тотчас же на все;
И не успел еще из дома выйти
Ясон с детьми, как уж убор взяла
И нарядилась в пеплум многоцветный,
И, волосы обвив золотым венцом,

Пред зеркалом блистающим связала
Их в новую прическу, и, смеясь,
На призрачный свой образ любовалась:
Поднявшись с кресла, начала ходить
По комнатам и с легкостью ступала
Ногою белой, радуясь дарам,
На цыпочки порой приподнималась,
Повертывая голову назад,
Чтобы взглянуть, красиво ль выются складки.
Но страшное свершилось вдруг: бледна,
Как смерть, дрожа всем телом и шатаясь,
Она едва успела подойти
К седалищу, чтоб не упасть на землю;
И, думая, что Пан ее сразил
Иль бог иной, уж старая рабыня
Молитву с воем начала; когда ж
Увидела, что очи закатились,
Что от лица отхлынула вся кровь
И на губах ее белеет пена,
То в ужасе, прервав священный вой,
Пронзительно старуха закричала.
Все женщины на крик сбежались: та
Спешит в покой к отцу, другая — к мужу,
Чтоб возвестить беду, — и вдруг весь дом
Наполнился смятением и шумом
Стремительных шагов. Но скороход,
Уже успев окончить целый стадий,
В ристалище коснулся бы меты, —
Пока она лежала бездыханной,
С закрытыми очами. Наконец
Страдалица очнулась с громким воплем;
Двойными были муки: из венца,
Сжимавшего ей голову, струился
Всепожирающий огонь, и дар
Детей твоих — прозрачный, легкий пеплум —
Несчастной тело белое сжигал.
Тогда она вскочила, безумев,
Вся в пламени, и бросилась бежать
И головой трясла и волосами,
Чтобы сорвать пылающий венец.
Но золото за волосы цеплялось,
И чем сильнее головой трясла,
Тем в них огонь все ярче разгорался.
И, наконец, упала, ослабев, —

И собственный отец теперь узнал бы
Ее с трудом: ни милого лица,
Ни ясных глаз; смешавшись с кровью, льется
Расплавленное золото и жжет.
Как светлая смола сосны горящей,
Истаевает тело на костях,
Снедаемо незримым ядом, — жалкий
И страшный вид!.. Не смел никто из нас,
Наученных ее судьбой плачевной,
Притронуться к умершей; вдруг отец
Вбежал, еще не ведая несчастья,
И бросился, и обнял бледный труп,
И возопил, в уста ее целуя:
«О, бедное дитя, кто из богов
Сразил тебя такой ужасной смертью?
Кто на краю могилы старика
Осиротил? О, если бы с тобою,
Родимая, нам вместе умереть!»
Когда ж его стенания затихли,
Старик хотел подняться, но не мог:
Как цепкий плющ к стволу могучих лавров,
К отравленной одежде он прильнул;
Порой с усилием подымал колено,
Но мертвая влекла его назад;
Когда ж срывал он липкий, жгучий пеплум, —
То отпадало тело от костей.
И, наконец, он замер побежденный
Мученьями, и бездыханным пал.
Так, навсегда соединившись рядом,
Покоятся они, отец и дочь:
Плачевная судьба их совершилась.
Вот все, что я могу тебе сказать,
А как спастись — и без меня ты знаешь.
Всегда я думал: жизнь людская — тень;
И говорю я смело: кто в науке
И в красноречье первыми слынут,
Те, может быть, безумьем наибольшим
Ослеплены: нет счастья на земле;
Приятной жизнь богатство может сделать,
Счастливою не сделает ничто!

(Вестник уходит.)

Хор

Нам кажется, что боги в этот день
Хотят, Ясон, во гневе справедливым,
Все бедствия обрушить на тебя.
Несчастливая! Оплакиваем горько,
О, дочь царя, мучения твои.
За преступление жениха вступила
Ты в темные Аидовы врата!

Медея

Теперь скорей мой замысел, о, жены,
Исполнить я должна — детей убить
И прочь бежать; а если буду медлить,
Еще от злейшей, от чужой руки
Падут они, а смерти не минуют.
Так пусть же, дав им жизнь, я дам и смерть
Вооружись, о, сердце, будь бесстрашным
И то, что Рок назначил, соверши.
Беру я меч для горькой битвы жизни
О, жалкая рука моя, дерзай!
Не будь, Медея, слабою, не думай,
О том, что любишь их, что ты им мать:
Миг, только краткий миг забудь детей, —
Потом всю жизнь о них ты будешь плакать...
Несчастливая! Ведь если и убьешь,
Ты все-таки их разлюбить не можешь!

*(Медея с обнаженным мечом входит во дворец
и запирает двери.)*

Хор

Строфа

О, Земля! О, луч Солнечный, всеозаряющий!
Посмотрите на эту погибшую:
Подняла, подняла она меч
На детей, кровожадная.
О, бог Солнца, ведь это же внуки твои,
Это племя твое золотое...
Страшно, страшно подумать, что кровью богов
Обагрится рука человека!
Благодатное светило,
Укrotи ее безумье,
Изгони же прочь из дома
Эту фурию, убийцу,
Порождение духов тьмы!

Антистрофа

Ты напрасно носила во чреве детей своих,
Родила их напрасно, изгнанница,
Миновавшая грозный пролив,
Симплегады лазурные.
Что он сделал с тобой, этот яростный гнев!
Беспощадная мать, неужели
Ныне в сердце твоём, вместо прежней любви,
Только жажда убийства и крови?
Горе людям, осквернившим
Землю родственною кровью,
Ибо в дом сыноубийцы
Непрощающие боги
Беды шлют из рода в род.

(Из глубины дворца доносятся крики сыновей Медеи.)

Первый сын

Что делать нам? Куда бежать от матери?..

Второй сын

О, милый брат, погибли мы, несчастные...

Хор

(пораженный смятением и ужасом)

Вы слышали крик? Это — вопль детей..
Злополучная сыноубийца!..
Не помочь ли им? Не войти ли в дом,
Чтоб ее удержать от злодейства?

Сыновья

О, помогите, помогите! Горе нам!..
Уж занесен над нами меч... Спасите нас!

Хор

(перед запертыми дверями дворца)

Значит, сердце твое — из железа, из камня,
Если могла ты на собственный плод,
На рожденных тобою и вскормленных
Неумолимую
Руку поднять!
Слышала я об одной только матери,
Так же детей умертвившей, как ты:
Ино в безумье, богами ниспосланном,
Изгнана Герою,

Двух сыновей умертвив,
Чтоб искупить злодеяние,
Бросилась в море с обрыва, и смерть
Соединила с детьми ее, вечно любимыми.

Но еще ужаснее —
То, что здесь мы видели.
О, многострадальное
Ложь, ложь брачное,
Сколько породило ты
Бедствий на земле.

(Из других дверей дворца выходит Ясон.)

Ясон
(к Хору)

Вы от дверей дворца не отходили,
О, женщины, скажите ж, где она,
Свершившая такое злодеянье?
Там, во дворце, иль думает бежать?
Но под землей ей надо будет скрыться,
Иль в облака на крыльях улететь,
Чтоб мщенья за царский дом избегнуть!
Надеется безумная спастись,
Владыку умертвив!.. Но лишь о детях
Забочусь я: ее накажут те,
Чей род она проклятьем осквернила;
А я пришел, чтоб сыновей спасти:
Боюсь, злодейство матери родной
Не вздумали бы выместить на них.

Хор
(тихо и мрачно)

Еще ты сам беды своей не знаешь,
Ясон, — а то бы так не говорил.

Ясон
Какой беды? Быть может, и меня
Задумала убить она?

Хор
Несчастный!
Она убила сыновей твоих.

Я с о н

Что говоришь, о, женщина?.. Молчи!..
Слова твои — страшнее смерти!..

Х о р

Правду

Я говорю: убила мать детей.

Я с о н

Там, во дворце, или вне дома?

Х о р

Двери

Открой — ты сам увидишь их тела.

Я с о н

(слугам)

Скорей, скорей, рабы, замки ломайте,
Откройте двери настежь, чтобы мог
Я увидеть мое двойное горе —
Смерть двух детей моих, — и отомстить!

*(Средние широкие двери дворца распахиваются сами собой,
и из них вылетает Медея на волшебной колеснице,
с драконами бога Солнца; мертвые тела обоих сыновей
лежат у ног ее.)*

Медея

(торжествующая)

Зачем ты в дом ворваться хочешь силой?
Зачем ломаешь двери? Не трудись:
Там больше нет детей твоих убитых,
Они — со мной. Но ежели имеешь
Ты что-нибудь сказать мне, — говори,
Рукою же ко мне не прикоснешься:
Хранит меня бог Солнца, мой отец:
Он даровал мне эту колесницу —
Убежище от всех моих врагов!

Я с о н

Тварь, ненавистная богам и людям,
О, гнусное чудовище! Одним
Пронзила ты мечом, одним ударом
Детей своих невинных и меня!

И смотришь ты на землю и на солнце,
Такое злодеянье совершив!..
Проклятие! Теперь я только понял
Как был я слеп, глупец, когда тебя,
Предавшую и род свой, и отчизну,
В дом эллинов из варварской земли
На гибель всем привел: то боги мщенья
Как фурию, послали мне тебя!
Ты на корабль прекрасный аргонавтов
Уже вступила, брата умертвив —
И это был твой первый шаг к злодейству.
Потом, родив детей, чтоб отомстить,
Из ревности, из похоти нечистой, —
Невиннейшую кровь их пролила.
Нет, нет, из жен Эллады ни одна
Не посягнула б на такое дело!
И я еще любил тебя, змею
Проклятую, отогревал на сердце!
Не женщина, а львица ты, с душой
Безжалостней, чем злая ведьма Сцилла,
Чудовище неведомых морей!..
Но не смутят тебя мои проклятья:
Ты наглостью хранима, как щитом.
Прочь с глаз моих, запятнанная кровью,
Бесстыдная!

(Плачет.)

Осталось мне одно:

Всю жизнь скорбеть о гибели невесты
И сыновей, которых так любил.
(Простирая руки к мертвым телам в колеснице.)
О, милые, вас больше не увижу...
Безумец! Сам, я сам вас погубил!

Медея

Могла б и я ответить длинной речью,
Но для чего? Не видел ли отец
Зевес мою любовь, твою измену?
Рок не судил тебе в блаженстве жить,
Над муками моими издеваясь:
Теперь ни дочь царя, ни сам Креон,
Который с нею свел тебя, — из дома,
Как нищую, не выгонят меня!
Я кончила. Ты можешь звать Медею
И львицею, и злою ведьмой Сциллой;

Свершилась казнь: как должно, я тебе
За муку мукой сердце уязвила.

Я с о н

Казнив детей — сама себя казнила!

Ме де я

Пусть! Эта скорбь уже отрадна тем,
Что надо мной не будешь ты смеяться.

Я с о н

О, бедные, вас погубила мать!

Ме де я

Из-за отца погибли вы, о дети!

Я с о н

Они убиты не моей рукой...

Ме де я

Зато твоим коварным, лживым сердцем.

Я с о н

Ужели ты из ревности могла?..

Ме де я

Иль малая для женщины обида —
Бесчестье ложа брачного?

Я с о н

О, да,
Для добрых жен, — не для таких бесстыдных!..

Ме де я

А все же ты детей не воскресишь!

Я с о н

Они воскреснут сами, чтобы гнаться,
Как духи смерти, по пятам твоим!

Ме де я

Кто виноват в их смерти, — бог рассудит.

Ясон

И бог воздаст тебе за кровь детей!

Медея

Довольно. Брань твоя мне надоела...

Ясон

И мне — твоя: нам разойтись легко...

Медея

Что надо сделать? Я на все готова.

Ясон

Отдай мне трупы сыновей моих,
Чтоб я их мог похоронить, оплавав.

Медея

Нет, вырою могилы им сама,
Там, высоко над морем, в тихой роще
Богини Геры, где никто вовек
Священного их сна не потревожит;
И таинства, угодные богам,
Во искупленье крови их невинной,
В Сизифовой земле установлю.
Сама ж уйду я к сыну Пандиона,
К царю Эгею, в Эрехтеев край.
А ты найдешь себе конец достойный:
Обломками тебя задавит Арго,
Твой собственный корабль, и ты умрешь,
Как заслужил, презреннейшею смертью.

Ясон

Эвмениды, рожденные кровью детей,
Справедливость богов, отомстите!

Медея

Справедливые боги не внемлют лгунам,
Преступающим клятвы святые.

Ясон

Будь ты проклята, детоубийца!..

Медея

(с насмешкой)

Возвращайся домой, чтоб жену хоронить!

Ясон

Возвращусь одинокий, лишенный детей,
Во дворец опустевший и мрачный!..

Медея

Слезы лить не спеши: впереди у тебя
Еще долгая, черная старость!

Ясон

Дети, дети мои!..

Медея

Не твои — ты им враг.

Ясон

Ты убила их...

Медея

Да, чтоб тебе отомстить.

Ясон

Умоляю, позволь мне еще только раз
Прикоснуться устами к их мертвым устам!

Медея

Ты их любишь теперь, хочешь мертвых ласкать —
А живых не жалел!

Ясон

(падая на колени и простирая руки)

Заклинаю, —

Дай мне только притронуться к нежным телам!

Медея

(беспоощадно)

Все слова и моления — напрасны.

(Медея в волшебной колеснице улетает.)

Ясон

(в бессильной ярости)

Зевс, ты видишь, какую обиду терплю
От проклятой, запятнанной кровью,
От презреннейшей твари, убийцы детей!..
До последнего вздоха о мщенье

Буду к небу взывать и кричать, и молить:
Да услышат бессмертные боги!

(Вслед улетающей М е д е е.)

Умевши сыновей, не дала ты отцу
Ни обнять их тела, ни предать их земле!

(Падая в изнеможении на ступени дворца.)

Пусть бы лучше погиб я бездетным,
Чтоб не видеть, как мать убивает детей!

Х о р

(торжественно и тихо)

С олимпийских высот посылает Зевес
Людам много судеб непонятных:
Не свершается то, чего смертные ждут,—
А к иной, сокровеннейшей цели
Часто боги идут по незримым путям:
Так и здесь воля Рока свершилась.

<1895>

ИППОЛИТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Афродита.
Ипполит.
Слуги.
Хор трезенских жен.
Кормилица.
Федра.
Вестник.
Тесей.
Раб.
Артемиды.

*Действие происходит перед дворцом Тесея.
У входа — две статуи: богини любви Афродиты
и девственной Артемиды.*

Афродита

Я — грозная богиня Афродита,
Царящая на небе и земле.
Народы все, что видят свет небесный,
От берегов Понтийских и до волн
Атлантики — моей подвластны воле.
Я милую покорных, но к сердцам,
Исполненным гордыни, — беспощадна:
Правдивость слов моих я докажу.
Тесеев сын, рожденный Амазонкой,
Воспитанный Пифеем, Ипполит —
Один из всех мужей Эллады — злейшей
Богинею зовет меня, любви
Чуждается и женщин презирает.
Он гордую и девственную чтит
Дочь Зевсову, ее одну считает
Великою, в тени зеленых роц
Охотится с надменной Артемидой,
И более, чем смертный заслужил,

К себе его приблизила богиня.
Не чувствую к ней зависти: чему
Завидовать? Но ныне Ипполита
За все, в чем он виновен предо мной,
Я накажу — и труд мне будет легок:
Я месть мою готовила давно.
В тот день, когда его вторая мать,
Жена отца, узрела Ипполита,
Грядущего к святыне Элевзинской,
Я страсть к нему преступную зажгла
В ее груди. Там на скале Паллады,
Где с высоты трезенские поля
Виднеются, она мне храм воздвигла.
И слух пройдет до будущих веков,
Что Федрою во славу Ипполита
Основан храм. И пожелал Тесей
Очиститься от крови Паллантидов,
В изгнание к трезенским берегам
Приплыл, и здесь, увидев Ипполита,
Страдает Федра, любит и молчит.
Причины мук ее никто не знает.
Но пред царем я Федру обличу:
Он проклянет возлюбленного сына,
А Посейдон Тесею обещал
Исполнить три желанья: сын погибнет,
И пусть она, невинная, умрет!
Не откажусь я для нее от мщенья:
Что б ни было, мой гнев я утолю!

(Доносятся радостные крики и песни.)

Но вот в кругу друзей своих беспечных
Идет домой с охоты Ипполит.
Я слышу: гимн во славу Артемиды
Они поют. Не знает сын царя,
Что перед ним отверсты двери гроба,
Что видит солнце он в последний раз.

*(Богиня исчезает. И п о л и т, в сопровождении слуг
и товарищей, входит и возлагает венок
у подножия статуи А р т е м и д ы.)*

И п п о л и т

Пойте, пойте гимн хвалебный
Покровительнице нашей,
Дщери Зевса, Артемиде!

Слуги

Слава, слава Артемиде,
Дщери Зевса и Латоны,
Честь богине величайшей
И прекраснейшей из дев,
Что на небе беспредельном,
В золотых чертогах Зевса
Обитает; честь — богине
И прекраснейшей из дев!

Ипполит

(преклоняя колени)

К твоим стопам, владычица, венок
Я приношу из девственной долины,
Куда овец не смеет гнать пастух,
Куда и серп железный не заходит,
Где лишь пчела в нескошенных лугах
Над травами душистыми летает,
И светлыми струями нимфа рек
Стыдливые деревья орошает.
Цветы срывать там могут только те,
Кто в мудрости природою взлелеян,
А людям злым и грешным не дано.
Из тех цветов венок, сплетенный мною
Для золотых кудрей твоих, — прими.
Меж смертными один я удостоен
С богинею беседовать, как друг,
Ее лица не видя, слышать голос.
О, если бы у ног твоих, любя,
Окончить мог я жизнь мою, как начал!

Слуга

Мой господин (царями должно звать
Одних богов), позволь мне молвить слово.

Ипполит

Я слушаю.

Слуга

Ты знаешь ли закон,
Над смертными царящий?

Ипполит

Я не знаю,
Какой закон ты разумеешь.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Эврипидъ. ИППОЛИТЪ.

СЪ ГРЕЧЕСКАГО.

Переводъ Д. С. Мережковского.

ВЪ СТИХАХЪ.

Съ портретомъ Эврипида.

Изданіе второе.

ЦѢНА **40** КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Кловукова. Пряжка, уг. Заводской, 1—3.

1903.

Слуга
Тот,
Что люди злых и гордых ненавидят.

Ипполит
Ты прав, старик.

Слуга
И все мы любим кротких.

Ипполит
Сердца людей пленяет доброта.

Слуга
Но к доброму и боги благосклонны.

Ипполит
Коль так же боги чувствуют, как мы.

Слуга
Зачем же ты великую богиню
Презрел?

Ипполит
Скажи, какую? Но смотри,
Чтобы твои уста не погрешили.

Слуга
(указывая на статую Афродиты)
Здесь, пред тобой стоящую Киприду.

Ипполит
(с презрением)
Я сердцем чист и целомудрен: чтить
Таких богов могу лишь издалека.

Слуга
Но власть ее недаром признают
Все племена.

Ипполит
Пусть каждый избирает
Себе друзей меж смертных и богов.

Слуга

О, если бы совет благой ты принял!

Ипполит

Поверь, служить не буду я богам,
Которых чтут во мраке ночи, тайно!

Слуга

Не должно ль всех богов Олимпа чтить?

Ипполит

Скорей домой, товарищи, идите,
Устройте пир: с охоты воротясь,
Мы в трапезе нуждаемся обильной.
И, накормив и гривы расчесав
Скребницами, коней вы приготовьте:
Я запрягу их в колесницу вновь.

(Слуге.)

А ты оставь меня с твоей Кипридой!

(Ипполит с товарищами уходит.)

Слуга

Я не хочу безумцу подражать
И с тихою молитвой преклоняюсь,
Смиренный раб, к подножью твоему,
Владычица! Не гневайся, Киприда,
На отрока: не ведает он сам,
Что говорит: пустых речей не слушай:
Мудрее смертных должно быть богам.

(Слуга уходит.)

Хор

Строфа первая

Бьет родник сверкающий
Из утеса мрачного.
Звонкую струю
Черпают в нем урною.
Там вчера я видела,
Как одна у берега
Из моих подруг
Мыла ткань пурпурную,
И под солнцем полуденным влажный покров
Расстилала, сушила на знойных камнях.

От нее услышала я первую весть
О владычице.

Антистрофа первая

Федра на страдальческом
Ложе, одинокая,
Во дворце лежит
И прозрачно-легкою
Дымкой белокурою
Покрывает голову.
Вот уж третий день
Не вкушает, бедная,
От твоих, о, Деметра, плодов, третий день
Не подносит она к амброзийным устам
Сладких брашн, призывая в отчаянье смерть
Добровольную.

Строфа вторая

Может быть, Пан или Геката,
Страшные боги, безумьем
Душу твою поразили,
Или за то, что ей в жертву
Мало хлебов
Ты принесла, — Артемида
Мстит, беспощадная: всюду
Бродит она — и в болотах,
И над соленой пучиной
Темных валов.

Антистрофа вторая

Или соперницу в доме
Ныне Тесей благородный,
Царственный вождь Эректидов,
Муж твой, на брачное ложе
Тайно возвел.
Может быть, к нам издалека
В гостеприимную гавань
Прибыл моряк, и о милых
Ты от него услышала
Горькую весть.

Эподос

Но от века нрав у женщин
Непокорный, прихотливый —

И в беременности тяжелой,
И в порывах сладострастья:
Эту слабость, эти муки
Испытала я не раз.
И тогда мольбой усердной
Деву с луком серебристым,
Артемиду призывала
Я, помощницу родов:
Нам богиня, бедным женам,
Облегчает муки чрева.

*(Из дворца выходит Федра. Ее поддерживает
кормилица. Слуги выносят ложе, и Федра
опускается на него в изнеможении.)*

Хор

Вот старуха-кормилица Федру ведет
К нам в преддверье чертогов из спальни.
О, царица, в очах твоих — смертная тень.
Я хотела бы знать, что за горе,
Что за тайный недуг мучит душу твою
И сжигает цветущее тело.

Кормилица

О, мученья людей, бесконечный недуг!
Что мне скрыть, что сказать, я не знаю...
Вот он — радостный день, вот — простор голубой,
Все, чего ты ждала и молила.
Из чертогов мы вынесли ложе твое;
Но, ничем не довольна, желанье
Ты изменишь и скоро захочешь назад
В твою темную, тихую спальню:
Сердцу бедному мило лишь то, чего нет;
Все, что есть, для него ненавистно...
Лучше тяжкий недуг самому испытать,
Чем бояться за друга больного:
Это — скорбь за двоих и мучительный труд.
Так вся жизнь человека — страданье.
А меж тем, если есть что-то выше, чем жизнь,
От людей оно скрыто навеки,
И мы любим наш мир, потому что нельзя
Нам постигнуть загробного мира:
Лишь баюкают лживые сказки о нем,
Но душе не дают утоленья.

Федра

Милые подруги, дайте мне подняться,
За руки возьмите. Поддержи, родная,
Голову: все члены у меня болят.
Тяжела мне дымка легкого покрова:
Сняв его, рассыпьте кудри по плечам.

Кормилица

Успокойся, дитя мое, дай отдохнуть
Утомленному телу. Мужайся
И богам покорись: будет легче недуг.
Помни — скорбь для людей неизбежна.

Федра

Как бы я приникла к роднику устами,
Чтоб студеной влагой жажду утолить,
Как бы отдохнула на траве шелковой
Под зеленой тенью стройных тополей!..

Кормилица

Что с тобою, родная? Опомнись! Толпа
Эти речи безумные слышит...

Федра

В лес меня на волю отведите, в горы,
К благовонным соснам, где в смолистой чаще
Пестрого оленя затравили псы!
Там я буду гончих звать, сжимая стрелы
Легкие во длани, — дротик фессалийский
Мимо златокудрой головы метать!..

Кормилица

Где твои мысли блуждают, царица?
Что тебе в диких зверях и в охоте?
Что тебе в горных студенох ключах?
Чистый родник бьет у самого дома:
Можешь в нем жажду свою утолить.

Федра

Если б, Артемида, на моем побережье,
Там, где конский топот потрясает землю,
Ветер пахнет морем, — я могла уздою
Укрощать венетских молодых коней!

Кормилица

Вновь ты немудрое молвила слово:
Только что в лес на охоту стремилась,
Ныне же хочешь смирять в ипподроме
Буйных коней на песчаном побережье,
Не орошаемом пеною волн.
Если бы знать, что за демон безумьем
Скорбную душу твою поразил!

Федра

(приходя в себя)

Что я сделала, несчастная?..
Это боги мстят!.. Я бредила...
Я схожу с ума!.. Родимая,
Спрячь, скорее спрячь мне голову!..
Стыдно... Очи мне покрой...
Отвращаю взор в смятении,
Вспомнив речь мою безумную,
Видишь — плачу от стыда!..
Больно думать, больно чувствовать.
Легче было бы в забвении
И в бреду мне умереть!..

Кормилица

Так же, как ризой тебя покрываю,
Скоро ли очи покроет мне смерть?..
Долгая жизнь меня многому учит:
Надо спокойно и в меру любить,
Не беспредельно, не всею душою, —
Новую дружбу легко заключать,
Цепи любви порывая беспечно:
Слишком тяжелое бремя нести
Тот навсегда обречен, кто полюбит:
Сердцем единым страдать за двоих,
Как за тебя я страдаю, о, Федра!..
Чувство безмерное губит людей;
Верь мне, и мудрые будут согласны:
Лучше нам в меру, чем слишком любить.

Хор

Я вижу скорбь, не ведая причины.
Кормилица, какой недуг томит
Несчастную, открой мне, если можешь.

Кормилица
На все мои вопросы и мольбы
Уже давно не отвечает Федра.

Хор
Не ведаешь и ты причины мук?

Кормилица
Она хранит ее в глубокой тайне.

Хор
Как бедная страдает!

Кормилица
Третий день,
Как не вкушала хлеба.

Хор
От болезни,
Иль для того, чтоб умереть скорей?

Кормилица
Чтоб умереть.

Хор

Но муж?..

Кормилица
Она скрывает
Свою болезнь от мужа.

Хор
По лицу
Он должен бы увидеть муки Федры...

Кормилица
Его здесь нет: Тесей в чужих краях.

Хор
Признание исторгнуть у царицы
Не можешь ли ты силой?

Кормилица
Что могла,—
Я сделала, но тщетно. Все же буду

Пытаться вновь и вновь ее молить.
Увидите, как я люблю царицу!

(Федра.)

О, милое дитя мое, прости,
Не гневайся, забудь мои упреки,
И не смотри так скорбно, улыбнись...
Помиримся, поговорим спокойно!
Зачем от нас таить свою болезнь?
Вот — верные подруги: с ними вместе
Ухаживать мы будем за тобой.
Чем ты больна? Открой нам. Если можно
Помочь тебе, мы призовем врачей...
Зачем же ты молчишь? Промолви слово.
Коль в чем-нибудь я не права, скажи,
Иль сделай то, о чем молю. Родная,
Ответь, взгляни хоть на меня...

(Хору.)

Увы!

Напрасно все. Вы видите, не внемлет.
Ее мольбы не трогают...

(Федра, гневно.)

Так знай,

Жестокая: убив себя, позору
Детей своих любимых предаешь!
Их сделает рабами — Амазонки,
Соперницы твоей, побочный сын!
Ужели ты забыла Ипполита?

Федра

О, горе мне!

Кормилица

Я вижу, наконец,
В твоем лице — тревога!..

Федра

Заклинаю —

Не говори, не говори о нем!..

Кормилица

Так, значит, ты в своем уме... Зачем же
Спаси себя не хочешь и детей?

Федра

Я их люблю, но не за них страдаю...

Кормилица

(шепотом, в ужасе)

Руки твоей не запятнала кровь?

Федра

Не руки я, а душу осквернила...

Кормилица

Быть может, враг оклеветал?..

Федра

Увы!..

Не враг меня, а друг любовью губит,
И сам того не знает...

Кормилица

Чем-нибудь

Обидел муж?..

Федра

О, если б мне пред мужем
Самой не быть виновной никогда!..

Кормилица

Но что с тобой?.. Зачем ты ищешь смерти?..

Федра

Молю, оставь меня: моя вина —
Не пред тобой...

Кормилица

Ты предо мной невинна,
Но от тебя зависит жизнь моя...

Федра

Уйди! Зачем насильно удержишь руки...

Кормилица

Я не уйду и буду день и ночь
Тебя молить, обняв твои колени!..

Федра

Великое несчастье для тебя —
Узнать про все...

Кормилица

Не жить с тобой, родная, —
Нет большего несчастья для меня!..

Федра

Узнав — умрешь; а между тем безмолвье
И тайна честь мне могут принести.

Кормилица

Зачем же то, что честь тебе приносит,
Таить от нас?..

Федра

Чтоб прекратить позор,
Найду себе конец, достойный чести!..

Кормилица

Найдешь ее, открыв мне тайну...

Федра

Нет!

Не спрашивай, богами заклинаю —
Уйди!..

Кормилица

Мольбу исполни!..

Федра

Жаль тебя...

Исполню все, о чем меня ты просишь...

Кормилица

Я слушаю...

Федра

О, матери моей
Преступная любовь!..

Кормилица

Зачем, царица,
Ты вспомнила о матери?..

Федра

Сестра,

Покинутая всеми Ариадна!

И ты, любя, погибла!..

Кормилица

Что с тобой?..

Зачем, дитя, тревожишь прах усопших?..

Федра

И вот, теперь, я третьей жертвой гибну!..

Кормилица

Смятение — в душе моей... К чему

Ты речь ведешь?..

Федра

Вот он, источник древний,

Вот первое начало бед моих!..

Кормилица

Ты все еще мне тайны не открыла...

Федра

О, если бы ты угадать могла

Сама!..

Кормилица

Увы, я не владею даром

Пророчицы...

Федра

Но что это — скажи, —

Что смертные любовью называют?

Кормилица

Сладчайшая из радостей земных

И самое великое страдание!

Федра

Одно, одно страдание — для меня!

Кормилица

Что говоришь, дитя мое?.. Ты любишь!..

Федра

Сын Амазонки...

Кормилица

Ипполит!..

Федра

Не я,—

Его сама ты назвала!..

Кормилица

О боги!

Не вынесу такой беды... умру...

Все кончено... я плоть свою покину...

На свет дневной смотреть я не хочу...

Простите же, друзья мои, навеки!..

Я вижу: зло невольно любят все —

И добрые, и чистые душою!

Не божество, но больше всех богов —

Безумная любовь, что ныне губит

Весь этот дом и Федру, и меня!..

Хор

Слышали, слышали все мы, как Федра

Страшную тайну открыла...

Лучше не жить,

Чем испытать эту страсть и безумье.

Горе нам, горе! Вот участь

Жалких людей...

Тайну открыв, ты погибла навеки:

Солнце зайти не успеет,

Как посетят

Новые беды чертоги Тесея.

Знаем, готовит Киприда

Грозную месть!

Федра

О, женщины из города Трезен,

Живущие у врат Пелопоннеса!

Уже не раз в безмолвии ночей

Я думала о том, что губит смертных.

И поняла я, наконец, что зло

Мы делаем не по своей природе:

У многих есть и ум, и доброта,

Но горе в том, что видим мы и знаем,
И чувствуем добро, но не творим:
Мешает лень одним, другим — соблазны
Порочные, беседы на пирах
Полуночных, изнеженная праздность
И все, что стыд внушает. А меж тем
Стыдимся мы и доброго нередко,
Как злого: стыд бывает двух родов,
Но именем единым называем
Мы истинный и ложный, отличить
Ни на словах, ни в жизни не умея
Добро от зла. Так я смотрю на жизнь,
Так думаю, и никакие грезы
Моей души не могут ослепить.
И вот каким путем я шла, — внимайте:
Когда в груди моей зажглась любовь,
Чтоб легче страсть перенести, пыталась
Я, от людей сокрыв ее, молчать:
Кто языку вверяет тайны сердца,
Другим вредит и самому себе.
Преодолеть я разумом хотела
Любовь мою. Но тщетно. И теперь
Я умереть решила, и не может
Последнего исхода у меня
Отнять никто! Деяний благородных
Я не таю, но не хочу иметь
Свидетелей постыдного. Считаю
Мою болезнь, любовь мою позором, —
Презрения уже достойна тем,
Что родилась я женщиной — созданием
Отверженным. Проклятье той из нас,
Кто первая супругу изменила
И дом его позору предала!
Но это зло в жилище сильных мира
И в роскоши впервые родилось:
Коль знатными оправдано злодейство, —
Святым его считает весь народ.
Я не люблю и тех, кто скрыть под речью
Невинною старается дела
Бесстыдные. Ужели, Афродита,
Ночная тьма, сообщница грехов,
Им не страшна? Ужели не боятся
Изменницы, что стены их домов
Когда-нибудь возопиют о мщенье?

Пускай умру, но в том меня вовек
Не обличат, что я позорю мужа
И сыновей, которых родила
В страданиях. Чтоб в очи людям прямо
Они могли смотреть и, не стыдясь,
В прославленных Афинах пред народом
На площади свободно говорить, —
Я доброе оставлю имя детям.
И вольный муж становится рабом,
Когда за мать иль за отца стыдится.
Нам дорого сознание правоты,
Как жизнь, затем, что мстительное время
Всегда казнит и обличает злых,
Все темные дела их отражая,
Как зеркало — черты лица. О, нет,
Скорей умру, чем буду к ним причастна!

Хор

О, не было ль вовек святое сердце
И мудрое прекраснейшим из благ?

Кормилица

Признание твое великим страхом
Наполнило мне душу. Но потом,
Я скоро страх безумный победила,
Обдумав все: вторая мысль умней,
Чем первая. Нет, не такой великой
Мне кажется беда... Киприды гнев
Тебя постиг, дитя мое: ты любишь.
Таков удел живущих: любят все!
Но умирать из-за любви — безумно.
И кто бы стал любить, когда бы смерть
Всем любящим грозила? Афродиты
Преодолеть нельзя: она разит
Безжалостно и милует лишь кротких,
Покорных ей; но унижает тех,
Кто слишком горд. Она царит повсюду —
И в небесах, и в глубине морей,
И семена любви в природе свет:
От них, дитя, произошли мы все.
И ведают, кто древние читали
Сказания, кто с музами вели
Прилежную и тихую беседу,
Как некогда Семелу Зевс любил,

Как от богов Авророй золотою,
Влюбленною, Кефал был унесен.
А между тем они живут на небе,
Бессмертные и равные во всем
Другим богам, — но любят, покоряясь
Одной Судьбе, царящей надо всем.
А ты любви противишься!.. Дитя,
Чтоб победить могла ты Афродиту,
Должна бы мать родить тебя под властью
Иных богов, в иной природе... Верь,
Что многие мужья измену видят
Неверных жен и все-таки молчат;
Что многие отцы прощают детям
Преступную любовь. Порок скрывать —
Таков людей обычай неизменный;
Им требовать от жизни совершенства
Не должно, нет! — и кровель на домах
Не делают прямыми по отвесу.
Как избежать могла бы ты сетей,
Опутавших тебя? Но если в жизни
Добро над злом преобладает, — знай,
Ты счастлива, насколько людям счастье
Возможно. О, дитя мое, забудь
Свою печаль и гордое безумье!
Могуществом мечтая превзойти
Самих богов, ты прогневишь бессмертных.
Отдайся же любви: она тебе
Ниспослана блаженными. К исходу
Счастливого несчастье приведет.
Целебных трав и заговоров много:
Надейся же, — мы вылечим тебя.
Что и на ум мужам не приходило,
То женщины придумали давно!

Хор

Хотя полны слова ее надежды,
Я все-таки, владычица, скажу,
Что не она — в надежде неразумной,
А ты в своем отчаянье права.

Федра

Я знаю. Вот что и очаг семейный,
И целые народы губит — лезть!

Не вкрадчивым и сладким доверяю
А мужества исполненным речам.

Кормилица

В торжественных речах нам пользы мало:
Не говорить, а делать нужно так,
Чтоб Ипполит любил тебя. Родная,
Будь искренней и чувства не таи...
О, если бы тобою не владело
Безумие, и не была бы жизнь
В опасности, ужель тебя речами
Лукавыми дерзнула бы я влечь
На ложе нег преступных? Но предвижу
Последнюю борьбу на жизнь и смерть,
И чтоб тебя спасти, на все дерзаю!..

Федра

Вот страшные, позорные слова!
Молчи, сомкни уста твои, довольной!..

Кормилица

Позорные слова тебя спасут:
Не лучше ль жить, чем в гордости бесплодной
И с громкими словами умереть?

Федра

Остановись, молю тебя, и больше
Не говори! Моя любовь — чиста...
Когда ж тебя я слушаю, — невинным
Мне кажется преступное... Боюсь,
Что я тебе поверю и погибну...

Кормилица

Ты все равно не можешь искупить
Такой вины. О, пожалей старуху,
Внемли, дитя, совету моему:
Есть у меня лекарства и напитки
Любовные. Я исцелю тебя,
Не повредив ни разуму, ни чести:
От милого мне нужно слово, знак,
Кусок одежд, — и чарами моими
Надменного заставляю я любить.

Федра

Что хочешь дать? Питье, иль притиранье
Волшебное?

Кормилица

Тебе не должно знать...

Федра

Увы! Боюсь...

Кормилица

Скажи, чего?..

Федра

Откроешь

Любовь мою...

Кормилица

Я исцелю тебя.

Доверься мне, и с помощью Киприды

Владычицы устрою все. Теперь

Я во дворец иду.

(Про себя.)

Сама уж знаю,

О чем и с кем мне должно говорить.

(Уходит.)

Хор

Строфа первая

Эрос! Эрос! Желанья

Ты вливаешь чрез очи

В душу тех, кого губишь,

Проникая в сердца

Упоительной негой...

Не являйся мне, Эрос,

Разрушающей силой,

Беспощадным врагом!

Нет, слабей огонь пожара

И светил, враждебных людям,

Смертоносные лучи,

Чем из рук твоих любезных

Стрелы нежной Афродиты,

Олимпийское дитя!

Антистрофа первая

Тщетно, тщетно Эллада
Там, во храме Пифийском,
На побережьях Алфея,
Всем великим богам
Гекатомбы приносит.
Если бог величайший
Не почтен будет — Эрос,
Повелитель мужей!
Он хранит ключи от брачных
Упоительных чертогов
Афродиты золотой;
Он же, все уничтожая,
К людям с муками и смертью,
Торжествующий, грядет.

Строфа вторая

В Эвхалии дева
Жила, расцветая
Красой непорочной,
Не зная мужей.
Но пришла к ней беспощадная
Афродита, все разрушила,
И блуждающую, дикую
Посреди убийств и пламени,
Как вакханку сладострастную,
Как Эринию, в объятья
Алкмениду предала!

Антистрофа вторая

Диркейский колодезь,
Священные Фивы,
Вы помните ярость
Богини любви:
Там Семелу, Дионисия
От Крониона зачавшую,
Не на радость полюбившую,
Ты сожгла, Киприда, молнией:
Губишь все своим дыханием,
А потом, золотокудрая,
Улетаешь, как пчела!

Федра

О женщины! Молчите... Я погибла!..

Хор

Скажи, какой, царица, страшный звук
Из глубины дворца ты услышала?

Федра

Умолкните, чтоб различить могла
Я голоса из внутренних покоев.

Хор

Умолкли мы, но тишина зловещая —
Недобрый знак...

Федра

Что слышу!.. Горе, горе мне!..

Хор

Что с тобою?.. Зачем эти стоны и крик?
Что за весть твою душу наполнила ужасом?

Федра

Все кончено!.. Сюда, сюда, на лестницу!..
Приблизившись к дверям, вы крик услышите...

Хор

Ты уж слышала все, ты стоишь у дверей...
Говори, говори, что случилось, — не медли же!..

Федра

То Ипполит, сын Амазонки, в ярости,
Кормилице грозит словами страшными!..

Хор

Слышу крик, только слов не могу различить,
Голоса, голоса через двери доносятся...

Федра

Теперь старуху он зовет бесстыдною,
Изменницей, предавшей ложе царское...

Хор

Федра, Федра, она погубила тебя!
Твою страшную тайну кормилица...

Федра

Увы! Увы!

Хор

Из дружбы выдала!..

Федра

Хотела страсть мою признанием вылечить
И предала меня из рабской верности!

Хор

О, что же, что теперь нам делать, милая?..

Федра

Что б ни было, лишь скорой смерти жажду я:
Из этих мук она исход единственный!..

*(Ипполит выбегает из дворца, негодующий.
Он не замечает Федры. За ним кормилица.)*

Ипполит

О, мать-земля, и ты, о, свет небесный,
Каким речам бесстыдным я внимал!..

Кормилица

Молчи! Молчи!.. Тебя услышать могут.

Ипполит

Я не хочу, не должен я молчать!..

Кормилица

Молю, припав к руке твоей, желанный!

Ипполит

(оттолкнув ее)

Не приближай ко мне твоей руки,
Не смей к моим одеждам прикасаться!

Кормилица

Во прахе я, у ног твоих молю...

Ипполит

О чем? Меня сама ты уверяла,
Что речь твоя безгрешна...

Кормилица

О, дитя,

Слова мои — не для народа...

Ипполит

Речи

Прекрасные становятся еще

Прекраснее, когда народ их слышит.

Кормилица

Не говори!.. Ты поклялся молчать...

Ипполит

Уста клялись, не сердце!

Кормилица

Неужели

Друзей своих ты хочешь погубить?

Ипполит

Бесчестные не будут мне друзьями!

Кормилица

Дитя, дитя мое, мы все грешим:

Таков удел живущих в этом мире!..

Ипполит

Зачем, Зевес, ты женщин произвел

На свет дневной, — губительное племя?

О, если бы ты мир устроил так,

Чтоб смертные рождались не от женщин,

Чтоб люди в дар тебе железо, медь

Иль золото во храмы приносили,

А ты детей давал бы всем по мере

Того, что в жертву каждый принесет;

И жили бы в домах свободных люди,

Не зная жен... А ныне, разорив

Имение, должны такую язву,

Как женщина, мы в дом к себе вводить.

Уж из того не видно ли, какое

Для всех они проклятье: ведь отец,

Взлелеявший дитя свое родное,

Чтоб взяли в дом ее чужие люди,

Приданое за дочерью дает.

А бедный муж, приняв ее, ликует
И рад свою богиню украшать
Нарядами, камнями дорогими,
Весь дом жене на платья разорить!
И такова судьба его: с богатой
И знатною — строптивый нрав жены
Терпеть, как раб, он должен, молча; с кроткой
И нищею — он обречен всю жизнь
В несчастиях блаженным притворяться.
И лишь тому всех лучше, у кого
Неумная жена. Но ненавижу
Я мудрую. Да не войдет в мой дом
Вовеки та из них, что знает больше,
Чем должно знать: оружием против нас
Все хитрости дает Киприда мудрым.
Лишь глупые — безвредны для мужей.
Вот почему, рабами бессловесных
Приставив к ним животных, допускать
Не должно в дом услужливых наперсниц,
Чтоб не могли ни сами говорить,
Ни слушать их болтливые супруги.
А ныне зло, что женщина в дому
Задумала, рабынями из дома
Выносятся. Не так ли ты пришла,
Чтоб мне продать отца святое ложе?
Омылся бы я в ключевой воде,
Чтобы от слов твоих очистить уши.
Я осквернен и тем, что слышал речь
Нечистую, а ты могла подумать,
Что омрачу злодейством душу!.. Знай:
Ты спасена лишь клятвой, данной мною,
Не то про все сказал бы я отцу.
Теперь уйти я должен. Но с Тесеем
Я к вам вернусь и посмотрю тогда,
С каким лицом принять его дерзнете
Вы обе — ты...

(Он замечает царицу и указывает на нее.)

И Федра! Горе вам,
О, женщины! Всегда вас ненавиждеть,
Всегда одно я буду повторять:
Или стыду вы женщин научите,
Или мой долг — их вечно проклинять!

(И п о л и т уходит.)

Хор

О, несчастные женщины, вот ваш удел!..
Как распутаем нити мы горьких судеб,
Роковой этот узел развяжем?

Федра

Заслужила я все, что терплю... О, земля,
Свет небесный! Куда от позора бежать?

Где укрыться? Проклятую всеми
Кто из вечных богов, из людей, защитит,
Не гнушаясь грехом моим, примет меня

И за муки любви пожалеет?
Обступила меня безысходная скорбь;
От нее никуда, никуда не уйти,
Не распутать узла рокового!..

Хор

Свершается судьба твоя. Увы!
Все хитрости служанки были тщетны.

Федра

(кормилице)

О, для чего меня ты погубила,
Изменница?.. Да поразит тебя
Зевесов гром!.. Я все предугадала
И об одном молила — тайну скрыть.
Ты выдала, — и вот я умираю
В позоре... Что мне делать?.. Ипполит
Откроет все отцу, Пифею скажет,
И весь народ услышит обо мне,
Стыдом моим они наполнят землю
Трезенскую!.. О, да погибнут все,
Кто с радостью, как ты, в делах бесчестных
Друзьям своим торопится помочь!..

Кормилица

Дитя мое, бранить меня ты можешь:
Отчаянье превозмогло твой ум,
Но возражать и я б имела право,
Вскормившая, отдавшая тебе
Всю жизнь мою. Теперь я виновата,
Но если бы мой замысел удался,
Разумною меня сочли бы все,
Затем, что ум успехом люди мерят.

Федра

О, да, теперь ты сознаешь вину,
Но что мне в том? Я все равно погибла!

Кормилица

О, милая, не будем тратить слов:
Еще спасти, еще поправить можно...

Федра

Оставь, молчи!.. Уж видели мы все,
К чему ведут твои советы. Думай
Лишь о себе... Уйди, уйди ты прочь!..
Теперь сама я знаю, что мне делать!

(Хору.)

Исполните последнюю мольбу,
О, дочери земли трезенской: тайну
Не выдайте, молчите обо всем!

Хор

Клянусь тебе великой Артемидой,
Что б ни было, мы тайну сохраним.

Федра

Да будет так! Я вижу, мне остался
Один исход, чтоб не предать детей
Бесславию, чтоб кончить эту муку.
Нет, никогда не постыжу родных,
Возлюбленных моих на Крите дальнем!
Чтоб жизнь спасти, — в позоре никогда
Я пред лицом Тесея не предстану!

Хор

Ты сделаешь непоправимый шаг?

Федра

Я думаю, какую смерть мне выбрать...

Хор

Не говори таких зловещих слов!

Федра

Поймите же — другого нет исхода:
Хочу я гнев Киприды утолить,
Порадовать жестокою богиню!

Пускай же я отвергнутой умру, —
Но смерть моя погубит и другого.
Я научу его не презирать
Чужой беды, и гордого заставлю
Моей любви мученья разделить!

(Федра уходит.)

Хор

Строфа первая

Прочь отсюда в пещеры глубокие,
Где живут только стаи пернатые!
Далеко, далеко я помчалась бы
Вольной птицей морской
Чрез валы Адриатики
На побережье пустынное
Эридановых вод,
Где оплакивают брата,
Фазтона, сестры-девы
И к отцу, речному богу,
В темно-синюю волну,
Превращенные в деревья,
Точат слез янтарно-светлых
Благовонные струи.

Антистрофа первая

Дальше, дальше — в края плодоносные
Гесперид, тихим пенем чарующих,
Где владыка пучины лазуревой
Преграждает пути
Кораблям, где небесная
Твердь, подъятая Атласом,
С океаном слилась,
Где за радостью блаженным
Радость новую приносит
Жизнедательницы вечной
Лоно щедрое Земли,
И волной неистощимой
Льются в Зевсовых чертогах,
Рядом с пиршественным ложем,
Амброзийные ключи.

Строфа вторая

Корабль белокрылый
Из дальнего Крита,

По влаге соленой
Шумящих валов
К священной Афине
Из милого дома
Для свадьбы несчастной
Царицу примчал:
Федру в пути провожали недобрые знаменья,
Бросив канат насмоленный, причалили,
Вышли в Мунихии на берег.

Антистрофа вторая

Предвестье свершилось,
И бурное пламя
Любви беззаконной
Киприда зажгла.
И петлю накинёт
На белую шею,
Привяжет веревку
К стропилам дворца
Федра над брачной постелью, Киприде покорствуя;
Освобождаясь от мук и желанья,
Жизнью для славы пожертвует.

Р а б

(внутри дворца)

Сюда, сюда, скорее! Помогите!..
Повесилась царица!..

Х о р

Горе нам!

Свершилося... Страдалица погибла...

Р а б

(внутри дворца)

Не медлите, подайте острый меч!..
Я рассеку на шее крепкий узел.

Одна половина Хора

Что делать нам?... Бежать ли во дворец
Несчастную освободить из петли?

Другая половина Хора

Зачем?... Там есть рабы. В чужих делах
Излишнее участие — опасно.

Раб

(внутри дворца)

Кладите же на землю жалкий труп,
И пусть лежит в покое брачном Федра
И тихо ждет супруга своего.

Хор

Все кончено: я слышала, как труп
Служители на землю положили.

(В торжественной процессии, при трубном звуке, входит царь Тесей. Он в праздничных одеждах, с лавровым венком на голове, как подобает приходящим от Оракула.)

Тесей

(Хору)

О, женщины! Что значит этот шум
В моем дворце, и крики, и смятение?..
Зачем никто не вышел из ворот
Встречать меня, грядущего с ответом
Оракула, зачем передо мной
Торжественно дверей не отворяют?..
Случилось ли с Пифеем что-нибудь?
Лета его преклонны... Все же горько
Мне было бы не видеть старика
В моем дворце...

Хор

Увы, не стариков,
А молодых оплакивать ты должен...

Тесей

Что говоришь? С детьми несчастье?..

Хор

Нет,

Не дети, — мать их бедная погибла...

Тесей

Жена моя! Но что случилось с ней?..

Хор

Повесилась...

Тесей
От горя?..

Хор
Ничего
Не ведаем: оплакать Федру сами
Мы только что пришли сюда...

Тесей
Увы!
Зачем главу венчают эти лавры?..

(Сбрасывает венок.)
Не радостно вернулся я домой!..
Запоры сняв, откройте двери дома,
Служители, чтоб мне увидеть труп
Жены моей возлюбленной. Погибнув,
О, милая, ты губишь и меня!..

*(Рабы отворяют двери.
Внутри чертогов виден труп Ф е д р ы.)*

Хор
Роковая судьба!.. Бездна скорбы!..
Федра, Федра! И жизнью, и смертью твоей
Этот дом ты навеки разрушила,
И нельзя злодеянья ничем искупить;
Не узнает никто, почему на себя
Наложил ты руки преступные...

Тесей
Это в жизни моей — величайшая скорбы!..
Всею тяжестью Рок на меня
И на дом мой обрушился.
С того дня, как злой гений в обитель мою
Смертоносным дыханьем проник, —
Мое счастье отравлено...
И такой на меня надвигается мрак,
Что судьбе предаюсь без борьбы
Я, охваченный ужасом.
Даже скорби твоей не могу угадать...
Почему ты покинула жизнь,
Что с тобой, моя милая?..
О, зачем, как пугливая птичка, вспорхнув,
Улетела в холодный Аид

Ты, из рук моих вырвавшись?..
Это — страшная кара богов!.. За вину
Моих предков — Эриний слепых,
Это мщение позднее!

Хор

О, царь! Не ты один страдаешь: многие
Теряли жен своих, подруг возлюбленных...

Тесей

Как хотел бы теперь я лежать под землей,
Под землей, в тишине, ближе к милой моей,
Там, под сенью могильною!..
Умирая, меня ты убила!.. Но кто,
Кто откроеет, какая смертельная боль
Твое сердце измучила?..
Что здесь было? Скажите!.. Иль в доме моем
Я уж больше не царь?.. Отвечайте, рабы!..
Но чертоги безмолвствуют...
Я напрасно зову: здесь царит только смерть,
И очаг мой потух, и дворец опустел...
Мои дети покинуты!..

Хор

Ты ушла от нас навеки,
Федра, лучшая из женщин,
Над которыми сияло
В полдень Гелиоса пламя,
Ночью — тихий луч Селены.
О, Тесей, я горько плачу,
Содрогаюсь, чуя сердцем
Приближенье новых бед...

Тесей

(приближаясь к телу Федры)

Что вижу я? Дощечка восковая,
Письмо — в руке любимой?.. Может быть,
Я, наконец, про смерть ее узнаю.
Или о том, чтобы хранил детей,
Чтоб не вводил другой жены в обитель,
Начертан здесь ее завет предсмертный?..
Не бойся же, о, милая, ни с кем
Не разделю твоей постели брачной...
Увы, кольца с возлюбленной руки

Я узнаю печать на мягком воске.
Скорей, сломав ее, прочту письмо.

(Читает.)

Хор

Боги новые страданья
Нам готовят... Горе! Горе!
И зачем дано мне мыслить,
Знать и видеть муки смертных?
Лучше б я во тьме влачила
Долю тварей бессловесных, —
Жизнь без жизни и без мук...
Вековечный дом Тесея
Низвергается, низвергнут,
Пал, — и больше нет его!..
Мольбе моей внимлите, Силы Вышние!
И дом царя великого помилуйте.
Но поздно, поздно: час пришел... Исполнятся
Предвестия беды неотвратимые!

Тесей

О, что это?.. За мукой — мука новая,
Неизреченная, невыносимая!..

Хор

Скажи, владыка, если знать позволено...

Тесей

Кричит, кричит письмо о злодеянии,
Разоблачает тайны несказанные!..
Я слышу Федры жалобу предсмертную...

Хор

Слова твои — великих бед предвестники...

Тесей

Нет! Скрывать не могу больше муки моей!..
О, внимлите мне, граждане:
Узнай народ, что обесчестил ложе
Отцовское насильем Ипполит,
Не постыдясь всевидящего ока
Зевесова! О, Посейдон-отец,
Святыня клятв твоих — ненарушима!
Исполни же теперь одну из трех

Мне данных клятв, — и сын мой да погибнет,
Сей день ему да будет днем суда!

Хор

Возьми назад, назад свои проклятья:
Когда-нибудь поймешь, что ты неправ.

Тесей

Все кончено: я изгоняю сына!
Да поразит одна из двух судеб
Преступного: иль, совершив проклятье,
В Аид его низвергнет Посейдон,
Или влачить он будет на чужбине,
Изгнанником, нерадостные дни!

Хор

Идет, идет сюда твой сын, владыка;
Смири, Тесей, неукротимый гнев,
Не обрекай семьи твоей на гибель!

(Входит Ипполит.)

Ипполит

Я издали твой голос услышал
И поспешил сюда. О чем ты плакал?
Я все узнать хочу из уст твоих.
Но что это? О, боги!.. Труп царицы...
Я только что покинул Федру здесь,
Ее за миг я видел полной жизни...
О, говори, не медли же, отец,
Как умерла царица, что случилось?..

*(Тесей, полный ненависти,
отвращает лицо от него и не отвечает.)*

Ипполит

Молчишь?.. Нет, нет, не следует молчать
В страданиях, затем, что сердце жаждет
С возлюбленным и муки разделить:
Беды скрывать ты от меня не должен, —
Я друг тебе, и более, чем друг!..

Тесей

(с презрением, как будто не видя сына)

О, человек, блуждающий бесцельно,
Каких твой ум познаний не открыл,

Каких искусств не изобрел он тщетно, —
И все-таки не знает одного:
Как мудрости учить людей безумных!..

Ипполит

Воистину мудрец великий тот,
Кто мудрости безумного научит...
Но нам о том не время говорить...
Боюсь, отец, что скорбь твой ум затмила.

Тесей

(по-прежнему, не отвечая сыну)

О, если бы имели признак люди
Всех тайных чувств, чтоб в жизни отличать
Могли друзей мы истинных от ложных!
О, если бы дала природа всем
Два голоса — один из них правдивый,
Другой — каким теперь привыкли лгать, —
Чтоб искренним изображался лживый,
И уж никто б обманывать не мог!

Ипполит

(в недоумении)

Иль пред тобой меня оклеветали
Враги мои, и без вины терплю
Твой гнев, отец?.. Не знаю, что подумать;
Я странными речами поражен...

Тесей

(по-прежнему)

Куда, куда стремитесь вы, о люди?
Преступному ужели нет границ?
Коль на земле расти неправда будет
Из рода в род, и каждый новый век
Все прошлые лишь дерзостью пороков
Превосходить, — то новый мир богам
Не должно ли создать, чтоб беззаконных
Он мог вместить!

(Гражданам, указывая на Ипполита.)

Смотрите на него:

Рожденный мной, мое святое ложе
Он осквернил, и этот жалкий труп
Теперь его безмолвно обличает!

(Ипполиту.)

Здесь, пред отцом, бесстыдный, подыми
Чело свое и посмотри мне в очи!
Вы видите: вот — непорочный муж,
Вот девственный любимец Артемиды!
Прочь, прочь поди! Не хвастай мне, не лги:
Таким, как ты, развратным боги чужды!
Обманывай других, а не меня;
Довольствуйся растительною пищей
Бескровною; Орфея признавай
Учителем, восторгам предаваясь
Молитвенным, пленяя праздный ум
И чтением, и грезами, но помни:
Ты уличен! Остерегаю всех —
Таким, как он, не доверяйте: лестью
Баюкая, они творят дела
Жестокие. Ты думал — Федры смерть
Тебя спасет. Но видишь: мертвым телом,
Свидетелем немым ты обличен.
Что значат все слова твои, все клятвы
Пред тем, что здесь, в письме, ее рукой
Начертано! Иль, может быть, мне скажешь,
Что мачехе ты, как побочный сын,
Как враг ее детей, был ненавистен?
Но неужель из злобы на тебя
Царица жизнь могла покинуть — благо
Сладчайшее?.. Иль назовешь, мудрец,
Ты женщин всех безумными?.. Но вижу,
Что в похотях бесстыдных иногда
И юноши бывают так же слабы,
Как женщины, а мужественный нрав
Их делает отважнее — в пороках!..
Но тратить слов не буду: за меня
Пусть этот труп злодея обвиняет...
Теперь иди и по земле блуждай
Изгнанником и в град Афины вечной
Не приходи ты больше никогда,
Не преступай границ моих владений!
О, если бы, униженный тобой,
Я потерпел такой позор, то Синис
Восстал бы вновь и обличил меня,
И мрачные утесы Скерониды,
Где лютого я Скироса убил,
Народам бы грядущим не сказали
О том, как царь Тесей карает злых!

Хор

Кого назвать счастливым, если лучших
Такие ждут страдания на земле?

Ипполит

Велик твой гнев, твоё негодование,
А если бы я тайну мог открыть, —
Ты понял бы, что всё это не стоит,
Отец, таких возвышенных речей.
Но говорить я не люблю с толпою:
Среди друзей немногих речь моя
Свободнее. И то сказать: порою,
Кто черни слух пленит, тот мудрецам
Покажется достойным осмеянья.
Но волю дать словам теперь я должен,
Чтоб оправдать себя. Начну с того,
За что, отец, над всей моею жизнью
Ты произнес столь тяжкий приговор?!
О, посмотри на небеса, на землю,
Скажи, кого невиннее, чем я,
И девственной встречал ты в этом мире?
Я чту богов, люблю таких друзей,
Которые боятся даже словом
Сердечную нарушить чистоту.
И верь, отец, ещё ни разу в жизни
Не изменял я тем, кого люблю.
В одном я свят, в одном я непорочен, —
В чём думаешь ты уличить меня:
Я сохранил доныне чистым тело
От женских ласк и только иногда
Слышал о них и видел на картинах,
Но не любил ни слушать, ни смотреть,
Имея душу девственную. Если ж
Не веришь ты невинности моей,
Подумай, чем я мог быть обольщённым:
Была ль она прекраснее всех жен?
Или мечтал я сделаться владыкой
В твоём дворце, с ней ложе разделив?
Нет, разума я должен бы лишиться,
Чтоб помышлять о том! Иль скажешь — власть
Пленительной бывает и для мудрых?
Но знаешь сам: она, лишь развратив
Сердца людей, становится желанной.
А я хочу быть первым из мужей

На эллинских свободных состязаньях,
Но в городе — вторым, чтоб тихо жить
Меж избранных людей: и мир сердечный,
И труд святой отраднее, чем власть.
Я все сказал. И если бы предстали
Свидетели правдивые, как я,
И если бы жива была царица,
Виновного ты скоро бы узнал!
Клянусь тебе Хранителем обетов,
Отцом богов, и Матерью-Землей, —
Не согрешил ни помыслом, ни волей,
Не осквернил я ложа твоего!
И пусть умру без имени, без крова,
Пусть мертвого, отвергнутого всеми
Не приютит ни море, ни земля,
Коль в чем-нибудь я пред отцом виновен!
Из страха ли себя убила Федра, —
О том молчу. Но вот она — чиста
И согрешив; а я, безгрешный сердцем,
Не мог избежать клеветы людской!

Хор

Тебе во всем мы верим, и оправдан
Ты клятвою великою богов.

Тесей

Тот лицемер и лжец неисправимый,
Кто, совершив злодейство, обмануть
Надеется спокойствием притворным.

Ипполит

Я удивлен, отец: когда б я был
Родителем твоим, а ты — мне сыном,
И осквернил бы ложе ты мое,
Не изгнал бы, а собственной рукою
Убил бы я тебя...

Тесей

Как справедлив
Твой приговор! Но знай: погибнуть смертью
Мгновенною несчастному легко.
Нет, медленно влачить вдали от милых
Бесцельные томительные дни
Изгнанником — вот кара нечестивых!

Ипполит

И неужель, отец, не подождав,
Чтоб временем оправдан был невинный,
На эту казнь ты сына обречешь?

Тесей

О, если б мог, поверь, и за пределы
Атлантики изгнал бы я тебя:
Очам моим ты ненавистен!..

Ипполит

Хочешь

Изгнать меня, лишённого суда,
Не слушая ни клятв, ни оправданий,
Ни вещей слов гадателей?

Тесей

О, да,

Вернее клятв и вещей прорицаний —
Ее письмо! А до полета птиц
И знамений мне дела нет...

Ипполит

О, боги!

Невинного вы губите... Зачем,
Зачем боюсь святыню клятв нарушить?
Не буду же молчать, открою все!..
Но нет! Никто, я знаю, не поверит,
И тщетно я нарушу мой обет!

Тесей

Вид святости притворной ненавистен!..
Прочь с глаз моих ты скоро ли уйдешь?..

Ипполит

Куда идти несчастному? Кто примет
Изгнанника, проклятого отцом?

Тесей

Пусть примут те, в чьем доме гость желанный —
Бесстыдный лжец и соблазнитель жен!

И п п о л и т

Что говоришь, отец? О, горько, горько,
Что думать так ты можешь обо мне!..

Т е с е й

А не было тебе в то время горько,
Когда бесчестил ты жену отца?

И п п о л и т

О, если бы имели стены голос,
Чтоб оправдать меня перед тобой!

Т е с е й

К свидетелям безмолвным прибегаешь:
Смотри, тебя и камни обличат!..

И п п о л и т

Когда б теперь я сам себя увидел
Со стороны, как стало бы мне жаль,
Как плакал бы я над собой!..

Т е с е й

Я знаю:

Ты самого себя привык жалеть;
Но ни любви в душе твоей, ни правды!

И п п о л и т

Зачем меня ты родила, о, мать
Несчастная! Быть незаконным сыном
Я и врагу не пожелаю...

Т е с е й

Прочь,

Схватив его, отсюда уведите:
Мой приговор вы слышали, рабы!

И п п о л и т

Рабы ко мне дотронуться не смеют:
Ты должен сам исполнить приговор.

Т е с е й

Да будет так: увидишь, что отныне
В груди моей нет жалости к тебе!

(Тесей уходит.)

Ипполит

Нельзя спастись!.. Увы! Я знаю все
И не могу сказать того, что знаю.
(Обращаясь к изваянию Артемиды.)
Ты, светлая подруга светлых дней,
Участница охот моих беспечных
Ты — из богинь любимейшая, дочь
Латоны! Вот, я покидаю город
Прославленной Афины навсегда...
Простите же, твердыни Эрехтея
И тихие трезенские поля,
Вы, юности моей приют счастливый!
Последний взгляд я обращаю к вам...
О, милые товарищи, простите!
Вы в край чужой проводите меня...
Не слушайте врагов и верьте, други,
Что смертного невиннее, чем я,
Вы на земле не встетите вовеки!

(Уходит.)

Хор

Строфа первая

Если о мудрости вечных богов помышляю,—
В сердце моем утихает тревога,
И понимать начинаю
Волю бессмертных
В мире земном.
Но посмотрю я на жалкий удел человека —
Вновь потухает в душе моей вера:
Все на земле так ничтожно,
Все так случайно —
В жизни людской!

Антистрофа первая

Да ниспошлет мне судьба, исполняя молитву,
Долю счастливую, дух беззаботный,
Не омрачаемый скорбью,—
Так, чтобы слишком
Ни возносить,
Ни презирать не могли меня люди, чтоб вечно,
Легкие в сердце меняя желанья,
День ото дня наслаждаться

Тем, что мгновенный
Случай дает!

Строфа вторая

Но думы мои омрачились
С тех пор, как любимца народа
Тесей Ипполита изгнал:
Погибла надежда Эллады,
Афин лучезарное солнце
Навеки, навеки зашло!
О, берег песчаный
Родимого моря,
О, темный кустарник
Над кручами гор,
Где рядом с богиней,
Охотницей-девой,
Проворными псами
Травил он зверей!

Антистрофа вторая

Не будешь ты быстрых, как ветер,
Кругом по ристалищу Лимны
Венетских коней объезжать;
Уж больше в чертогах отцовских
Когда-то немолчные струны
Не будут на цитре звенеть!
И некому в рощах
К ногам Артемиды
В глубокую зелень
Венки приносить,
И спорить не будут
Трезенские девы,
Пленительный отрок,
О ложе твоём!

Эподос

Плачьте, сестры, неутешно!
Мать несчастная, ты тщетно
В муках сына родила!
Возмущаюсь, негодую
На богов несправедливых:
Почему невинный гибнет
И любимца своего,
О, стыдливые Хариты,

Вечной прелести богини,
Даже вы не защитите
От безжалостных богов?

(Приближается вестник.)

Хор

Смотрите: вот товарищ Ипполита...
Сюда бежит... Увы! Какая скорбь
В его очах!..

Вестник

О, женщины, скажите,
Где царь Тесей?

Хор

Вот он идет сюда.

(Входит Тесей.)

Вестник

Я весть несу печальную, владыка,
И для тебя, и для родных Афин,
И для всего трезенского народа...

Тесей

Какую весть? Иль новая беда
Обрушилась на город?

Вестник

Сын твой умер,
А если жив, то только на одно
Мгновение он видит свет небесный...

Тесей

От чьей руки он пал? Кто отомстил?
Или злодей убит врагом, чье ложе,
Как и мое, он обесчестил?

Вестник

Нет,
Он собственной раздавлен колесницей:
Ты клятвою обрек его на смерть,
И Посейдон твою услышал клятву.

Тесей

Благодарю вас, боги!.. Посейдон,
О, мой отец, ты внял молитве сына!
Но как, скажи нам, вестник, на главу
Преступную секира Немезиды
Обрушилась, как умер Ипполит?

Вестник

У берега, где волны ударяют,
Стояли мы и плакали, коням
Скребницами расчесывая гривы,
И слушали, как вестник говорил,
Что, изгнанный тобой, в чужую землю
Уйдет от нас навеки Ипполит.
И подошел он сам и тоже плакал,
Толпой друзей печальных окружен;
Потом сказал, удерживая слезы:
«Да будет так: отцу я покорюсь,
Друзья мои, готовьте колесницу,
Родимый край покину я навек!»
Он не успел произнести веленья,
Как мы коней под иго привели
И подали владыке колесницу.
Вошел в нее и, ноги утвердив
Над выпуклым передним краем, вожжи
Он укрепил и так сказал богам,
К ним простирая длани: «Да погибну,
Коль в чем-нибудь я согрешил, Зевес!
Но суждено ль мне видеть свет небесный,
Иль умереть, — узнает мой отец
Когда-нибудь, как он меня обидел!..»
К хребту коней притронувшись бичом,
Он полетел, и следом мы бежали
Вдоль по большой дороге в Эпидавр
И Аргос... Там, где волны Сароники
Виднеются, в пустыне мрачной путь
По берегу ведет, и лишь вступили
Мы на него, как под землей раскат
Загрохотал, подобный грому Зевса...
И головы и уши приподняв,
Пугливые насторожились кони.
И не могли понять, откуда шум
Происходил, мы, ужасом объята.
Но, на море взглянув, узрели вал

Чудовищный вдали, такой высокий,
Что заслонил он от моих очей
Асклепия утес, хребет Истмийский
И Скирона обрыв. И закипел
Он, с грохотом разбрасывая пену,
Надвинулся и на побережье пал,
Где с четырьмя конями колесница
Стрелой неслась; и вдруг из темных недр,
Из омута он выбросил на берег
Свирепое чудовище — быка,
И от его мычания содрогнулась
Земля кругом. Потупили мы взор,
И ужаса такого очи смертных
Перенести не в силах были. Страх
Объял коней. Но опытный наездник
Обеими руками ухватил
И крепко сжал концы вожжей, и, телом
Откинувшись назад, их притянул,
Как мореход — весло. Затрепетали
И, в челюстях кусая удила
Звонящие, вдруг захрипели кони
И понесли, не чуя ни вожжей,
Ни правящей руки, ни колесницы.
И каждый раз, как, вожжи натянув,
На гладкий путь он их хотел направить, —
Чудовище являлось впереди,
И в сторону бросались снова кони
Дрожащие. Когда ж, рассвирепев,
Они к скалам неслись, бежало рядом
Чудовище. Вдруг шина колеса
Ударилась о камень, колесницу
Поворотив и опрокинув. Все
Смешалось, и вылетели с громом
Чека из оси, спицы — из колес.
Он сам, упав, опутанный вожжами,
Беспомощный, о скалы головой
Ударился. Влачили кони тело
Кровавое по остриям камней,
И он кричал: «Остановитесь, кони,
Любимые, взлелеянные мной!..
Отец! Отец!.. Исполнилось проклятье.
О, кто спасет невинного?..» И все
Помочь ему хотели, но напрасно:
Уже никто не мог догнать коней.

И, наконец, на землю, полумертвый,
Он падает, освобождаясь от уз.
И скрылось вдруг чудовище и кони
Меж скал, вдали, не ведаю, куда...
Я — лишь слуга в твоём дворце, владыка,
Но знай: тому, что Ипполит — злодей,
Меня никто поверить не заставит,
Хотя бы, царь, все жены предо мной
Повесились, срубили б лес на Иде,
Чтоб из него дощечек наколоть
И лживыми наполнить письменами, —
Я знаю: свят и праведен твой сын!

Хор

Вот новое страданье, новый ужас...
Никто, никто вовек не победит
Могущества судьбы неотвратимой!

Тесей

Сперва меня обрадовала весть
О гибели врага. Но что бессмертных
И памяти того, кто был мне сыном,
Не оскорблю: теперь в моей душе
Ни радости, ни горя нет.

Вестник

Владыка!

Что делать нам? Сюда ли принести
Несчастливого, иль что-нибудь иное
Тебе, наш царь, угодно повелеть?
Молю тебя: не будь к нему жестоким.

Тесей

Сюда его несите: может быть,
Он, посмотрев мне в очи перед смертью,
Вину свою признает, наконец.

(Вестник уходит.)

Хор

Гордое сердце богов и людей
Ты, Афродита, смиряешь.
Веет над ними, порхая, твой сын
Легкий, на радужных крыльях,
И над певучей соленой волной,

И над землею летает...
Укрощает Эрос
И зверей свирепых,
На горах живущих,—
Только что в их душу
Темную проникнет
Золотым лучом;
И морских чудовищ,
И несметных тварей,
Вскормленных землею
Озаренной оком
Солнца,— и людей!
Всем повелевает.
Надо всем, Киприда,
Ты одна царишь!

(Богиня Артемида является.)

Артемида

Слушай меня, о, наследник Эгеевой отрасли!
Я — Артемида, Латоной рожденная.
Вижу победу твою,
Как веселишься ты, сына убив непорочного;
В темную ложь ты поверил, но истина
Скоро тебя поразит.
Скройся же в Тартар, беги от людей, опозоренный,
Ибо отвергнут ты всеми, кто праведен:
Повести горькой внимай:
Раскаяньем тебе наполни душу
И покажу, как праведен твой сын.
Да будет смерть героя полной славы,
И обличу, о, смертный, пред тобой
Безумие и благородство Федры.
Сожженная огнем богини той,
Что девственным я сердцем ненавижу,
Она любила сына твоего,
И все ему кормилица открыла.
Он клятву дал молчать. Меж тем, любви
Не победив, жена твоя погибла,
Отверг ее безгрешный Ипполит.
Когда же ты обрек его на гибель,
Святыню клятв нарушить не дерзнув,—
Он до конца безмолвствовал. А Федра
Хотела скрыть позор, оклеветав
Невинного,— и ты всему поверил!

Тесей

О, горе мне!..

Артемиде

Нет, слушай до конца

И лишь тогда поймешь свое несчастье.
Властитель волн тебе три клятвы дал;
Одну из них, о, человек безумный,
Не на врага, — на сына твоего
Ты обратил, и на главу святую
Обрушил бог проклятие твое!
Ты в том пред ним виновен, нечестивый,
И предо мной, что, гнева не смирив,
Не выслушав ни клятв, ни прорицаний,
Дитя свое ты проклял и убил.

Тесей

О, пощади, богиня!..

Артемиде

Совершил ты

Ужасное, но можешь искупить
Свой тяжкий грех: Киприда эти беды
Послала вам, чтоб гнев свой утолить.
А есть такой обычай у блаженных,
Что на своих в семье богов никто
Не восстает, но каждый уступает.
Не то, поверь, не стала бы терпеть
Я, гордая, такого униженья,
Чтоб из людей того, кто для меня
Дороже всех, невинного казнили.
Незнанием оправдан, человек,
Ты предо мной, — затем, что тайну Федра,
Убив себя, навек хотела скрыть.
Но как над ним ты должен плакать, смертный,
Когда и мне его, богине, жаль!
Не радуют богов несчастья добрых,
И только злых мы любим низвергать.

Хор

Вот приближается сам Ипполит!.. Посмотрите:
Кровью омочены кудри его золотые,
Раны на теле прекрасном...

Горе!.. В сей день роковой на чертоги Тесея
Боги обрушили два смертоносных удара!..

*(Умиряющего Ипполита вносят на руках
слуги и товарищи.)*

Ипполит

Проклял, проклял меня беспощадный отец!
Умираю... О, тяжело мне, тяжело, друзья...
Положите на землю, хочу отдохнуть...

Умоляю вас, милые, тише

Прикасайтесь ко мне: мои раны болят...
Я из собственных рук вас поил и кормил,
Кони, кони! За что вы убили меня?..

Кто стоит надо мною?.. Тихонько
Подымите еще, положите ровней...
Зевс, взгляни на меня! Я так верил в богов,
Я был чистой душой целомудренней всех...

О, за что ж умираю, невинный?

Я напрасно трудился для блага людей,
И напрасно я чтил, Всемогущий, тебя!..
Отойдите, друзья!.. Жажду смерти... Скорей...

Не могу я терпеть этой муки...

О, молю вас, убейте, убейте меня!..
Дайте меч, чтобы кончить ударом одним!..
За вину моих предков проклятье на мне
Тяготееет... Беда собиралась,
Подошла, — и удар на невинного пал...
О, когда же наступит конец и покой?
Обними меня, черная, тихая смерть,
И закрой мои очи навеки!

Артемида

О, милый мой, для мук ты был рожден
И жить с людьми не мог, затем, что слишком
Была для них душа твоя чиста.

Ипполит

Ты — здесь!.. Тебя почувствовал я в муках.
О, веянье благоуханных уст!..
Мне легче... Здесь, со мной — моя богиня!

Артемида

Здесь та, кого любил, мой бедный сын,
Ты больше всех богов!

И п п о л и т
О, Артемида,
Взгляни, как я страдаю!

А р т е м и д а
Вижу все.
Но слезы лить не должно нам, блаженным.

И п п о л и т
Твой верный жрец, охотник твой погиб!..

А р т е м и д а
Погиб, кто был мне всех людей дороже...

И п п о л и т
Твоих коней, твоих кумиров страж...

А р т е м и д а
И злобная Киприда торжествует!

И п п о л и т
Киприда!.. Вот кто погубил меня!..

А р т е м и д а
За то, что был ты сердцем непорочен...

И п п о л и т
Всех, всех троих на гибель обрекла...

А р т е м и д а
Тебе, отцу и Федре отомстила.

И п п о л и т
Отец... Увы! Я плачу и над ним...

А р т е м и д а
Он хитрою богиней был обманут.

И п п о л и т
(Т е с е ю)
Несчастный!..

Т е с е й
О, дитя мое, дитя,
Погиб я!.. Нет мне больше в жизни счастья...

Въ товариществѣ «ЗНАНИЕ» поступили въ продажу:

ЭСХИЛЬ.

СНОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. *Съ портретомъ* Эсхила. Третье изданіе. — 48 стр.—8°.—Цѣна 30 коп.

СОФОКЛЪ.

ЭДИПЪ-ЦАРЬ. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. *Съ портретомъ* Софокла. Третье изданіе.—78 стр.—8°.—Цѣна 40 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга рекомендована для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. *Съ портретомъ* Софокла. Второе изданіе.—88 стр.—8°.—Цѣна 40 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга рекомендована для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

АНТИГОНА. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. *Съ портретомъ* Софокла. Третье изданіе.—64 стр.—8°.—Цѣна 40 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга рекомендована для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ЭВРИПИДЪ.

МЕДЕЯ. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. *Съ портретомъ* Эврипида. Второе изданіе.—66 стр.—8°.—Цѣна 40 коп.

ИППОЛИТЪ. Переводъ съ греческаго Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. *Съ портретомъ* Эврипида. Второе изданіе.—66 стр.—8°.—Цѣна 40 коп.

Печатается роскошно-иллюстрированное изданіе

ЭСХИЛЬ
СОФОКЛЪ
ЭВРИПИДЪ } ТРАГЕДІИ.

Переводъ Д. С. Мережковского. Въ стихахъ. Текстъ иллюстрированъ снимками съ произведеній греческаго искусства: со статуй, барельефовъ, камней, съ рисунковъ на вазахъ и пр. Около 40 рис. на отдѣльныхъ таблицахъ, 40—50 рис. въ текстѣ.

И п п о л и т

Тебя сильней, чем самого себя,
За все, за все, родимый мой, жалею!

Т е с е й

О, если б смерть мне за тебя принять!..

И п п о л и т

Ты горький дар от Посейдона принял!

Т е с е й

Когда б мои уста не изрекли...

И п п о л и т

Ты, все равно, меня убил бы в гневе...

Т е с е й

Богами был мой разум омрачен!..

И п п о л и т

Зачем проклясть богов не могут люди!

А р т е м и д а

Утешься же и верь, когда сойдешь
В подземный мрак, безжалостной Киприде
Я отомщу за сына моего,
За чистое и любящее сердце!
Кто для нее дороже всех людей,
Того убью стрелой неотвратимой,
И дам тебе я славу на земле
Великую в награду за мученья.
И локоны на память отрезать
Над мрамором твоей могилы тихой,
И слезы долго, долго будут лить
О юноше прекрасном девы, песни
Унылые слагая в честь твою,
И о любви к тебе несчастной Федры
Узнают все грядущие века!

(Т е с е ю.)

Теперь возьми его, отец, в объятья,
Чтоб он уснул на любящей груди.
Ты сделал зло невольно: если боги
Того хотят, — не может человек
Не согрешить.

(Ипполиту.)

Забудь и ты обиду,
Дитя мое, не обвиняй отца:
Не он, — тебя Судьба лишь погубила.
Но видеть смерть и очи осквернять
Мученьями не должно нам, бессмертным.
Я вижу: близок твой конец, — прости!

Ипполит

Блаженная, расстанемся навеки!
Пленительный и долгий наш союз
Без горечи покинь ты с легким сердцем.
Прощаю все отцу, как ты велишь:
Я был всю жизнь тебе одной послушен!

(Артемиды исчезает.)

Мне темнота уж застилает очи...

(Тесею.)

Дитя свое, родимый, обними.

Тесей

(наклоняясь и обнимая Ипполита)

О, что со мной ты сделал!..

Ипполит

Умираю...

Уже врата Аида предо мной...

Тесей

Один, один я на земле покинут,
И кровь на мне родного сына...

Ипполит

Нет!

Тебе я все прощаю...

Тесей

О, дитя,

Ужель простишь убийце?..

Ипполит

Артемидой

Безгрешною клянусь, что я простил...

Тесей

Увы! Теперь твою любовь я понял!..

Ипполит

Прости... прости... навеки.

Тесей

Горе мне!

О, кроткое, незлобивое сердце!..

Ипполит

Молись, отец, чтоб и другие дети
Любили так тебя, как я любил...

Тесей

Не покидай меня, еще помедли!..

Ипполит

Я не могу... Все кончено... Скорей...
Скорей... покрой лицо мое одеждой...

Тесей

(покрыв лицо умирающего)

Плачь, плачь, народ!.. Священный град Паллады,
Какой погиб великий муж!

(К изваянию Афродиты.)

Жестокая! Твой гнев я буду помнить!

Хор

Граждан постигла нежданная скорбь.

Долго о нем будут плакать:

В сердце людей никогда не умрет

Память о муже великом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Происхождение трагедии и устройство античного театра

Античная трагедия произошла из культовых действий, совершавшихся на праздниках богов плодородия, прежде всего — Диониса, бога виноградной лозы, вина и опьянения. Этот культ распространился в Греции в VII—VI вв. до н. э. (поскольку все даты, упоминаемые ниже, относятся к эпохе *до нашей эры* — в дальнейшем это не оговаривается).

Первоначально хор, одетый в козлиные шкуры, изображал сатиров, спутников Диониса, и исполнял дифирамб в его честь (само слово «трагедия» буквально означает «козлиная песнь»), разыгрывались сцены жизни, мучений, умирания и воскресения бога, что соответствовало процессам созревания и сбора винограда, выдавливания сока, приготовления вина и созревания нового урожая. Кроме музыкальных партий, видимо, звучали и декламационные партии сатиров, начальник хора — корифей — задавал вопросы, на которые хор отвечал.

Постановка трагедий была учреждена в Афинах с 534 г., когда при афинском тиране Писистрате культ Диониса стал государственным и был установлен праздник «Великие Дионисии», приуроченный к началу весны и открытию навигации (март). Позже, около 433 г., трагедии стали ставиться и на празднике Леней (январь). На Малых (сельских) Дионисиях возобновлялись пьесы, поставленные ранее в городе. На Великих Дионисиях архонт (один из девяти ежегодно избиравшихся должностных лиц в Афинах) самостоятельно или с помощью советников отбирал три тетралогии (в каждой — три трагедии и сатирическая драма) и предоставлял каждому автору актеров и хорега, одного из состоятельных граждан города, который организовывал и оплачивал постановку. Соревнования (агон) длились три дня, после чего судьи называли победителя. Все три

драматурга и три главных актера получали награды, но почетным было только первое место, третье же означало провал. На постановки трагедий допускалось все население греческого полиса, в том числе женщины и рабы. Беднейшие граждане получали от государства деньги, чтобы заплатить за вход.

Все греческие театры были построены по одному принципу — они располагались под открытым небом, по склонам холмов. Первый каменный театр был построен в Афинах — он и послужил образцом для остальных. Он располагался на юго-восточном склоне холма Акрополя, который представлял собой естественный амфитеатр, в нем были сделаны ступени — места для зрителей. Афинский театр вмещал по различным подсчетам от 17 до 30 тысяч человек, 78 рядов были разделены на два яруса. Лестницы, поднимавшиеся от первых рядов к последним, делили амфитеатр на несколько секторов. Первый ряд имел каменные спинки, т. к. был предназначен для должностных лиц, жрецов, почетных гостей. Центральное кресло, украшенное резьбой, занимал жрец Диониса.

В центре амфитеатра находилась круглая площадка, оркестра, в середине которой стоял алтарь Диониса. На его ступеньках располагались музыканты. Первоначально представления проходили на оркестре, позже на ней находился только хор. Для актеров позади оркестры был сооружен помост — проскений, а за ним — скена, помещение, в котором актеры переодевались, меняли маски. В афинском театре появление актера справа от проскения означало приход из деревни или из другой страны, слева — приход из города. Справа и слева к сцене примыкали флигели — параскении. Хор выходил на оркестру через проходы между местами для зрителей и проскением — пароды. Песня хора, выходящего на оркестру, называлась парод, песня, исполняемая стоя — стасим, песня при уходе — эксод. Уже во время Эсхила фасад сцены, обращенный к зрителям, был украшен колоннами и представлял место действия пьесы — дворец или храм; из средней двери выходили правители, из других — остальные персонажи. С середины V в. к фасаду сцены начали подвешивать декорации — доски и куски холста, расписанные достаточно условно. В ходе действия использовались различные приспособления, например, передвижная платформа на колесах (экиклема) и выдвижной балкон (экзостра), — чтобы показывать произошедшее внутри дома. Были машины, имитирующие звуки грома; с помощью других приспособлений персонажи могли летать или спускаться с высоты (прием внезапного появления божества в конце пьесы называется «*deus ex machina*» — «бог из машины»).

В греческом театре могли выступать только мужчины, свободные граждане, не запятнавшие себя недостойными поступками — актер являлся служителем бога Диониса. Актеры играли в масках, по которым зрители узнавали пол, возраст, об-

щественное положение и настроение персонажа — радость, гнев, страх и т. д. На ногах у актеров были котурны — обувь с высокой подошвой; игравшие главных героев были одеты в роскошные, богато расшитые одежды и пышные парики.

Переводы с греческого трагедий античных классиков издавались при жизни Д. С. Мережковского неоднократно.

Первые публикации появились в журналах — «Вестник Европы» и «Вестник иностранной литературы». Отрывок «Смерть Клитемнестры», включенный в первый сборник Мережковского «Стихотворения» (1888), стоит особняком, его следует рассматривать, скорее, как набросок к планировавшемуся (вероятно), но неосуществленному переводу «Электры».

В 1902 г. все трагедии были выпущены отдельными брошюрами в издательстве петербургского товарищества «Знание».

В настоящем издании произведения печатаются по последней прижизненной публикации, за которую приняты тома ПСС 1914. Все расхождения с ранними публикациями учтены и приводятся в примечаниях (подготовлено Г. Г. Мартыновым). Орфография и пунктуация, за исключением необходимых случаев, приближены к современным нормам русского литературного языка. Необходимые упоминания о других поэтических произведениях Мережковского даны вкратце (подробно см.: Мережковский Д. С. Собрание стихотворений / Вступ. ст. А. В. Успенской; Сост. и подг. текста Г. Г. Мартынова; Примеч. Г. Г. Мартынова и А. В. Успенской СПб., 2000).

Условные сокращения

ВЕ — «Вестник Европы».

ПСС 1912 — Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений в 17-ти т. Т. 14. СПб.; М., 1912.

ПСС 1914 — Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений в 24-х т. Т. 9, 17, 20, 21, 22. М., 1914.

Символы — Мережковский Д. С. Символы (Песни и поэмы). СПб., 1892.

ЭСХИЛ

Биографические данные об Эсхиле (525—456) достаточно скудны. Он родился недалеко от Афин, в Элевсине, религиозном центре Деметры, в семье знатного землевладельца. В юно-

сти был свидетелем свержения тирании Гиппарха и Гиппия (514—510) и установления демократического режима в Афинах. Участвовал в греко-персидских войнах, в том числе в знаменитых сражениях — при Марафоне (490) и Саламине (480). Сохранилась сочиненная Эсхилом автоэпитафия:

Эвфорионова сына, Эсхила афинского кости
Кроет собою земля Гелы, богатой зерном.
Мужество помнит его марафонская роща и племя
Длинноволосых мидян, в битве узнавших его.

Сама победа маленькой греческой республики над огромной персидской державой укрепила убеждение Эсхила в превосходстве демократического образа правления, где никто никому не раб, над монархическим, на котором основывалась персидская деспотия, где все — рабы одного господина. Однако со временем между Эсхилом и афинянами возникли какие-то разногласия, и он в 458 г. уехал к сицилийскому тирану Гиерону, куда уже и прежде ездил для постановки своих пьес; там, в городе Гела, он и умер.

В 25 лет Эсхил выступил с первой постановкой трагедии, а первую победу одержал за четыре года до Саламинского сражения. Всего им создано около 90 пьес, до наших дней целиком сохранилось 7: «Умоляющие»; «Персы» — единственная дошедшая до нас трагедия не на мифологический сюжет, повествующая о победе греков при Саламине; «Семеро против Фив»; «Скованный Прометей» и трилогия «Орестея».

Эсхил считался «отцом трагедии», хотя и не являлся основателем этого жанра (первым автором трагедий греки называли жившего во второй половине VI в. Феспида, который ввел одного актера, обменивавшегося репликами с хором — меняя маски, тот исполнял все роли). Аристотель в 4-й главе «Поэтики» указывает, что Эсхил ввел второго актера, уменьшил партии хора, придал главенствующее значение диалогу — и тем самым превратил лирическую кантату, исполнявшуюся на праздниках Диониса, в драму. Материалом для пьес служили мифы, представленные в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, в киклических поэмах, также в древности приписывавшихся Гомеру, поэтому Эсхил называл свои трагедии «крохами с пиршественного стола Гомера».

Однако, заимствуя сюжеты из традиционной мифологии, Эсхил насыщает их драматизмом и остросовременной и в то же время философской проблематикой. Эсхила интересовали глобальные проблемы бытия: что управляет ходом событий в мире и движениями человеческой души? Какую роль играет в жизни людей воля богов и свободный человеческий выбор? Существует ли божественная справедливость? Эти вопросы получа-

ют особенно явственное разрешение, если рассматривать их на примере не отдельного человеческого существования, а истории целого рода, нескольких поколений. Поэтому Эсхил чаще всего изображает судьбу своих героев в трех последовательных трагедиях, сюжетно связанных между собой, за ними следовала так называемая «сатировская» драма на тот же мифологический сюжет. Однако из трилогий полностью сохранилась только «Орестея».

Скованный Прометей

Датировка трагедии неизвестна — никаких документальных данных о ее постановке не сохранилось. Некоторые исследователи считают, что она относится к числу поздних произведений Эсхила: ее язык значительно проще, чем в остальных трагедиях, роль хора — меньше, основное место занимают диалоги. Существует мнение, что Эсхил написал ее в конце жизни, уже находясь на Сицилии, для местного театра, где не было традиции ставить трагедии с большими хоровыми партиями. Существует также мнение, что постановку осуществил в Афинах после смерти Эсхила его сын — Эвфорион, который несколько переработал пьесу и упростил ее язык.

Согласно другой точке зрения, эта трагедия относится к среднему периоду творчества. Об этом говорит отсутствие третьего актера (в противоположность поздней «Орестее»), несложная композиция, малое число второстепенных действующих лиц и, в то же время, наличие пролога и ярко выделенного главного героя.

Неясно также, какие произведения составляли вместе со «Скованным Прометеем» единую трилогию. Известно, что четвертой шла сатировская драма «Прометей-огневозжигатель», повествовавшая о похищении с Олимпа небесного огня, непосредственно после «Скованного Прометея» — «Прометей освобожденный», где, после многих веков страданий примирившись с Зевсом, Прометей открывает ему тайну — Зевс не должен жениться на морской богине Фетиде, ибо ее сын будет сильнее отца. Геракл, выполняя волю Зевса, убивает орла, терзавшего печень Прометея, и освобождает титана.

Видимо, существовала еще одна трагедия — «Прометей-огненосец» — из нее сохранился один стих, по которому невозможно судить о содержании в целом. Некоторые исследователи считают, что это третья часть трилогии, где говорится об учреждении в Афинах праздника в честь Прометея, когда гонимые и кузнецы гасили в своих печах огонь, а бегуны зажигали факелы у алтаря Прометея в роще Академа и разносили этот

священный огонь по мастерским. Другие считают, что эта трагедия посвящена похищению огня у олимпийцев и по содержанию совпадает с сатировской драмой. В обоих случаях не совсем ясно, чем можно было заполнить целую трагедию.

Согласно еще одной точке зрения, у Эсхила не было трагедии о Прометее-огненосце, а сюжет развевывался в двух трагедиях и сатировской драме, а «Прометей-огненосец», упоминаемый в каталоге пьес Эсхила — это и есть «Прометей-огневозжигатель». Неизвестно, существовали ли в первой половине V в. дилогии, но и обратных свидетельств мы не имеем.

Впервые миф о Прометее упоминается в поэмах Гесиода (VII в.) В «Теогонии» (ст. 521—616) говорится, что Прометей, сын титана Иапета и Океаниды Климены, задумал состязаться в мудрости с Зевсом и научил людей, как обмануть Зевса при жертвоприношении: мясо и потроха оставить себе, а богам отдать кости, прикрытые жиром. За это Зевс скрыл от людей огонь, но Прометей украл его, спрятал в полом стволе тростника (нартекса) и отдал людям, Зевс же в отместку послал на землю женщину-обольстительницу, родоначальницу всяких бед. Прометея Зевс приказал приковать к столбу на границе земли и послал орла, чтобы тот каждый день расклевывал ему печень (за ночь она вновь отрастала); впоследствии же Прометея освободил по воле Зевса Геракл.

В «Трудах и днях» (ст. 42—105) рассказывается, что Прометей похитил огонь, т. к. боги скрыли от смертных источники пищи, а Зевс приказал Гефесту вылепить из земли прекрасную деву — Пандору и послал ее на землю, к брату Прометея Эпиметею («думающему потом», т. е. недальновидному), который женился на ней вопреки предостережениям Прометея. Пандора раскрыла данный ей в приданое сосуд, и оттуда вылетели всяческие болезни и беды, которых прежде человечество не знало; когда же она захлопнула сосуд — на дне осталась надежда. Таким образом, по Гесиоду, Прометей принес людям не столько благодеяния, сколько труды и несчастья.

В трагедии «Скованный Прометей» Эсхил изменил традиционную трактовку мифа. Во-первых, Прометей не только подарил людям огонь, но и научил их всем ремеслам, наукам и искусствам, а также наделил утешительными «слепыми надеждами», помогающими забыть о неизбежной смерти. Во-вторых, Прометей некогда помог Зевсу низвергнуть Крона и других титанов. В-третьих, у героя Эсхила есть провидческий дар — у Гесиода об этом впрямую не говорится, хотя Прометей предвидел беды от Пандоры и само имя можно истолковать как «провидец», от греч. *promethia* — предвидение. Наконец, только в «Прометее» Эсхила сближаются сюжеты о Прометее и другой жертве коварного Зевса — Ио. Происхождение этих мотивов

неясно, возможно они принадлежат самому Эсхилу и призваны обогатить сюжет и ярче выявить образ Прометея — мужественного борца, знающего, на какие муки обречен, но не идущего на сделку с тираном.

Для Мережковского образ Прометея обладал общечеловеческой значимостью. Он не раз обращался к нему в своем поэтическом творчестве — это стихотворения «Порой как образ Пометей...» (1884), «В темных росистых ветвях вострепнулись веселые птицы...» (1888), «Кто тебя создал, о Рим? Гений народной свободы!..» (1891), «Везувий» (1891). В статье «Сервантес» (сб. «Вечные спутники». СПб., 1897) Мережковский писал: «Возьмем для примера образ Прометея в знаменитой трагедии Эскила. Для нас, людей XIX века, образ этот связан по неразрывной ассоциации с идеей протеста свободной человеческой личности против подавляющего религиозного авторитета. Но, спрашивается, доступна ли была подобная идея античному греку <...>? Конечно, нет. А между тем, если мы заставим себя видеть в Прометее только то, что могли видеть в нем древние греки, — если мы искусственно уменьшим этот образ, выставлявший в продолжение многих столетий, то значительная доля прежней красоты и величия типа исчезнет в наших глазах, и, строго соблюдая букву литературно-исторической, объективной вероятности, мы, может быть, принесем ей в жертву внутренний смысл, живую душу произведения. <...> Весьма вероятно, что через несколько столетий другие поколения читателей найдут в Эскиловом Прометее новое, еще недоступное нам, философское содержание, и они будут правы со своей точки зрения. Бессмертные образы мировой поэзии служат для человечества как бы просветами, громадными окнами в бесконечное звездное небо: каждое поколение подходит к ним и, вглядываясь в таинственный сумрак, открывает новые миры, новые отдаленнейшие созвездия, незамеченные прежде, — зародыши неиспытанных ощущений, неосознанных идей; эти звезды и раньше таились в глубине произведения, но только теперь они сделались доступными глазам людей и засияли вечным светом» (ПСС 1914, т. 17, с. 101—102).

ВЕ, 1891, № 1, с. 5—43 и Символы, с. 363—414; обе публикации имеют многочисленные как общие, так и частные варианты (как правило, в параллельных местах). Отд. изд. — СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1902; с единственным вариантом. ПСС 1912, т. 14, с. 1—44. Печ. по ПСС 1914, т. 20, с. 9—52.

Варианты текста по ВЕ (здесь и далее в примечаниях: первая цифра — номер страницы, вторая — номер строки в настоящем издании):

57, 8—10: За тяжкий грех его накажут боги, / Чтобы владычество Зевеса он / Признал и разлюбил ничтожных смертных.

60, 1—2: Теперь обломком стали заостренной / Ему насквозь ты грудь его пронзи!

61, 1—6: Ну, что ж? Теперь глумись над волей Зевса! / Воуруй огонь богов, чтоб в дар нести / Ничтожным людям! Разве люди могут / Тебе помочь? А некогда ты слыл / Среди богов пророком. Где же ныне / Твой прежний дар?.. И пусть научит он, / Как вырваться из плена Прометею.

62, 8: Мне всего, что так близится, страшно...

64, 14—16: Разоблачи мне все: открой, за что же / Зевес тебя, невинного, дерзнул / Предать таким мучениям позорным? / Скажи мне, если можешь говорить!

64, 16—17: Мне говорить о скорби тяжело / И тяжело молчать. Повсюду — мука!

66, 9: Конец один — то приговор Зевеса.

68, 1—3: Смири себя и новые законы / Спешу признать. Знай, ныне новый царь / На небесах. Хоть далеко до Зевса,

69, 9—14: Низринутого с неба: он восстал / На всех богов и, свистом убивая, / Открыл для них зияющую пасть, / А из очей метал огонь Горгоны, / Олимп грозил разрушить. Но в него / Ударил Зевс недремлющей стрелою

70, 2: Молю, не возражай: ведь мудрецы / Безумными казались нередко.

70, 9—11: Уж я лечу! несет меня дракон, / Могучими крылами рассекая / Эфир небес, воздушный, вольный путь, / И рад мой конь домой под кров вернуться.

79, 13: Покоить слух мой лестью: ничего

83, 21: До смерти, знай, никто живой не мог

88, 30: Чем вестником проворным у владык

90, 10: Кто должен скиптр отнять у Крониона!

Варианты текста по Символам:

57, 8—10: За тяжкий грех его накажут боги, / Чтоб власть Отца Крониона признав, / Он разлюбил навеки племя смертных.

60, 1—2: Теперь обломком стали заостренной / Ему насквозь пронзи скорее грудь!

61, 1—6: Ну, что ж? Теперь глумись над волей Зевса! / Воуруй огонь богов, чтоб в дар нести / Ничтожным людям! Разве люди могут / Тебе помочь? А некогда ты слыл / Среди богов Провидцем. Где же ныне / Твой прежний дар?.. Пускай научит он, / Как вырваться из плена Прометею.

64, 14—16: Разоблачи мне все: открой, за что же / Зевес тебя, невинного, дерзнул / Предать таким мучениям позорным? / Скажи мне, если можешь...

64, 16—18: Тяжело / Мне говорить о скорби безнадежной / И тяжело молчать. И всюду — мука!

68, 1—3: Смири себя и новые законы / Спешి признать. Отныне новый царь / На небесах. Хоть далеко до Зевса,

69, 9—14: Низринутого с неба: он восстал / На всех богов и, свистом убивая, / Открыл на них зияющую пасть, / Он из очей метал огонь Горгоны, / Олимп грозил разрушить. Но в него / Ударил Зевс недремлющей стрелою

70, 2: Не возражай молю: ведь мудрецы / Безумными казались нередко.

70, 9—11: Уж я лечу! несет меня дракон, / Могучими крылами рассекая / Эфир небес, воздушный, светлый путь, / И рад мой конь домой под кров вернуться.

90, 10: Кто должен скиптр отнять у Самодержца!

Варианты текста по ВЕ и Символам:

57, 10—12: О, Власть! и ты, о, Сила! до конца / Исполнили вы приговор Зевеса. / А я... увы! дерзну ли приковать

58, 1—5: Беда тому, кто небрежет веленьем / Всевышнего... Фемиды мудрый сын! / Наперекор моей свободной воле, / Тебя к скалам я цепью прикую, — / К пустынному, печальному граниту,

58, 20: Беспомощно стонать ты обречен,

58, 24—27: К чему же медлишь ты / И сетуешь бесплодно? Враг Олимпа, / Похитивший твой собственный огонь, / И для тебя не враг ли ненавистный?

58, 27: Священны узы дружбы и родства!

58, 28: Священнее веления Зевеса.

58, 30: Ты жалости не ведаешь, богиня!

58, 30—31: Его жалеть — напрасный труд. Поверь, / Участием ему ты не поможешь!

59, 2: Но ремесло ни в чем тут не виновно. / Зачем его безумно проклинять?

59, 3: Пусть кто-нибудь другой бы им владел!..

59, 4—5: Ты выбрал сам его. Свободны боги / Во всем: один лишь Зевс царит над ними.

59, 6: Да, он царит, — я вижу по всему!

59, 7—8: Спеши надеть преступнику оковы, / Чтoб медлящим тебя не видел Зевс.

59, 9: Смотри — для рук уже готовы кольца.

59, 9—10: Возьми скорей, и руки в них вложи, / И молотом прикуй к скале гранитной.

59, 11: Исполнены веления твои.

59, 12—13: Еще ударь, еще! Вот так, крепче, / Чтoб хитростью не мог он убежать.

59, 13—14: Одна рука прикована к утесу.

59, 14—15: Прикуй теперь другую руку... Пусть / Титан могуч, но Зевс еще сильнее!

60, 2: О, Прометей, я плачу, горько плачу!
 60, 5: Ужасное ты зришь перед собой!..
 60, 5—7: Я зрю богов лишь праведную кару... / Но возложи ему на чресла цепь.
 60, 7—8: Я знаю сам — повелевать не нужно.
 60, 9—10: Повелевать я буду! Ну, скорей / Спустишь к ногам. Продень сначала в кольца.
 60, 10: Смотри, готово. Труд мой невелик.
 60, 11—12: Вот так. Теперь прикуй гвоздями ноги, / И знай — отчет придется дать во всем.
 60, 13: Твои слова чертам твоим подобны!
 60, 14—15: Ты можешь сам мягкосердечным быть, / Не осуждай других за твердость духа.
 60, 15—16: Он из оков не вырвется. Уйдем!
 61, 22: Что я сказал? Не сам ли я предвижу
 61, 32: И людям стал с тех пор огонь собратом,
 62, 14: В глубину подводных гротов,
 63, 23: Пусть меня оскорбляют: еще
 63, 27: Но тогда ни медовая речь,
 63, 32: Ты могуч и дерзновен,
 64, 8—13: Знаю: Зевс непреклонен и горд. / Он закон презирает. Но все ж / Будет сломана гордость его. / Он упрямую злобу смягчит: / Как союзник к союзнику, сам / Выйдет первый на встречу ко мне!
 64, 26: Земли и Неба. В гордом, диком сердце
 64, 32: А ковами могучих победить.
 64, 34—35: Но, дерзкие, не внемля, мой совет / Отринули. Тогда решил я Зевсу
 65, 12—20: Но в дележе обидел жалких смертных: / Он ничего им не дал — и хотел, / Их истребив, создать иное племя. / И не дерзал никто среди богов / Спасти людей. Убиты божьим громом, / Они бы все погибли без меня, / Но я один их защитил и принял / Таковую казнь, что страшно тем, кто смотрит, / Страшней тому, кто терпит. Я жалел,
 65, 25: Кто над тобой не плачет, Прометей!
 66, 14—15: Тому, чей дух не удручен страданьем, / Давать советы мудрые легко.
 67, 1: Над всем живым витающая скорбь
 67, 13: Могу без удил управлять.
 67, 27: Для сих степей, пучину волн родных
 67, 34: Я вижу, друг. Но все ж, хотя исполнен
 68, 5: Надменные, язвительные речи.
 68, 7—8: Покажется ребяческой забавой. / Нет, лучше гнев напрасный удержи,
 68, 15: Навлечь легко. А если бы ты раньше
 68, 18: Могучему и грозному царю.
 68, 21: А ты, о, брат мой, слишком вольной речи

68, 23: Что за нее карают дерзновенных.
 68, 31: Но я иду — не прекословь: я буду
 68, 35—37: Благодарю за дружескую ревность; / Но не трудись, — нельзя меня спасти, / И все твои усилья будут тщетны.
 69, 4: Подъявшего на раменах могучих
 69, 6: И жаль мне, жаль чудовища Тифона
 69, 16: Надменного перунами заставил:
 69, 19: И ныне он лежит у волн морских,
 69, 23—24: Когда же хлынут огненные реки / Из кратера и, алчные, пожрут
 69, 26—29: Тогда Тифон все пламя изрыгнет, / Всю ненависть в палящем урагане, / Испепеленный Зевсом, но живой!.. / Ты знаешь сам... Ненужен мой рассказ; / Заботься, друг, лишь о своем спасенье...
 69, 31: Не укротит безжалостного гнева!
 69, 33: Целители души, объятой гневом.
 69, 34—35: В спокойные минуты, — не тогда, / Как яростью еще трепещет сердце.
 69, 36—37: Какой же вред в попытке осторожной, / Какое зло ты видишь, Прометей?
 70, 1: Бесцельный труд я вижу и безумье.
 70, 4: Ты мне домой советуешь вернуться?
 70, 5: Не то тебя накажут за меня.
 70, 5—6: Не новый ли владыка Олимпийцев?
 70, 8: Мне казнь твоя уроком будет вечно...
 70, 8—9: Не медли же, спасайся, прочь беги!
 70, 13—15: Слезы из глаз моих, полных / Нежностью, мне на ланиты / Льются потоком обильным...
 71, 24—25: На спине могучей держит / Необъятный свод небес.
 71, 32—34: Не думайте, что я храню безмолвье / Из гордого презренья! Нет, мой дух / Сознанием мучительной обиды
 72, 1: Весь поглощен. Не я ли даровал
 72, 12: Подобные теням, в каком-то сне,
 73, 7: Но я открыл спасительные знаки,
 73, 34: Еще стряхнув позорящие цепи,
 73, 39: Мы все — ничто пред волею судеб!
 74, 1: Но кто ж судеб таинственный владыка?
 74, 8—11: Оставим же... Об этом нам не время / Беседовать... Насколько хватит сил, / В груди моей хранить я буду тайну, / Скрывать, беречь, чтобы спастись от мук!
 74, 23: Жалких людей.
 76, 2: Робкой мольбе!..
 76, 4: Только бы знать мне,
 77, 4: Но в чем твой грех? За что тебя казнят?
 78, 18: Не отвергай ты ложе Олимпийца!
 78, 33: В неизвестные, далекие края, —

79, 28: Их горестям назначенный предел.
 80, 8—9: Потом придешь к мятежному потоку, / Иди за ним, но брода не ищи,
 80, 35: Ты слезы льешь? Но что с тобою будет,
 81, 1: Скажи, — какой конец ее страданий!
 83, 8: Открою все, что вы хотите знать,
 84, 6: Смиренную: ты знаешь сам — о чем.
 85, 1: Широкою волною напояет...
 86, 25—26: И вступит в брак, что с горней высоты / Властителя богов низринет в бездну.
 86, 35—36: Он со стыдом падет, — тогда ничто / Не защитит от гибели позорной... / Ведь на него готовится боец
 87, 10: И будет он страдать сильнее, чем я.
 87, 16: Так будьте же рабами, пресмыкайтесь,
 88, 16: Я видел уж паденье двух владык
 88, 25—26: Такою же строптивостью безумной / Ты казнь твою и цепи заслужил.
 88, 27—28: Но знай, Гермес, взамен моих страданий / Не взял бы я позора твоего:
 89, 4: Всех, всех богов, платящих за добро
 89, 7: Иль ненависть к врагам — мое безумье?
 89, 9: Вот крик, неведомый для Зевса!
 89, 11: Но мудрым быть ты сам не научился!
 89, 12: О, да! Когда б я был мудрей, не стал бы
 89, 14: Ты угодить не хочешь Олимпийцу?
 89, 15: Мне есть за что Зевесу угождать!..
 89, 16: Зачем со мной ты шутишь, как с ребенком?..
 90, 1—4: Нет! Ты глупей ребенка, если мог / Надеяться, что тайну я открою. / Ни хитростью, ни пытками, ничем / Из уст моих не вырвет он признанья,
 90, 6: Сожжет меня огнем разящих молний,
 90, 10—11: Подумай же: упрямство не спасет...
 90, 11—12: Я все решил, я все давно предвидел!
 90, 14: Тебя могло покорности разумной!
 90, 16—17: Уйди, оставь! Не убеждай напрасно... / Ты думал, раб, что я паду во прах, / Испуганный угрозой Олимпийца,
 90, 18—19: Подняв с мольбой трепещущие длани, / Как женщина, к врагу!.. Нет, никогда!..
 90, 20—21: Я расточал слова мои бесплодно: / Моления не трогают тебя;
 90, 24—28: Немудрое упрямство: о, поверь мне, / Развеется, как прах, гордыня тех, / Кто слаб умом, но дерзок и мятежен. / Смириться ты не хочешь, так узнай, / Какой удел тебе готовят боги.
 90, 29: Вершины скал небесными громами:
 91, 1: Низверженный, исчезнешь ты, титан,

91, 17—18: Всесильного. Подумай же: покорность / Не лучше ли строптивости твоей?..

91, 28—30: Пусть такой ураган он подымет, / Чтоб земля содрогнулась на вечных корнях, / Пусть, безумствуя, в буре смешает

92, 6—8: Неужель совет коварный / Мы исполним? Слушать больно... / Сестры, сестры, не покинем

92, 25: И блеснули перуны,

Вариант текста по отдельному изданию 1902 г.:

60, 13: Слова твои с лицом твоим как сходны!

Власть и Сила — демоны (в греч. миф. — божественные существа, не имевшие человекоподобной внешности и своего культа). Упоминаются Гесиодом в «Теогонии» как дети богини Стикс, дочери Океана, и титана Палланта: «Нет у них дома отдельно от Зевса, пристанища нету, <...> Но неотступно при Зевсе живут они тяжкогремящем» («Теогония», ст. 385—388. Пер. В. Вересаева). Мережковский не точен, назвав их «две богини»: Власть по-гречески мужского рода, Сила — женского.

57, 1: *Мы в Скифии, мы на краю земли* — по представлению древних, земли, занятые скифами, простирались к северу от Греции вплоть до края земли, омываемого Океаном — мифической рекой, окружавшей всю землю.

Гефест — бог огня и кузнечного ремесла, сын Зевса и Геры.

57, 6—7: *...твой... Огонь украл* — кузница Гефеста, по мифам, находилась на о. Лемносе, под горой-вулканом Мосихлом.

57, 9: *Дабы он власть Крониона признал* — власть Зевса, сына Крона. В подлиннике: «Чтобы он научился любить тиранию Зевса» (Прометей же называет себя «φίλάνθρωπος», т. е. «человеколюбивый»).

57, 13: *...возлюбленного брата* — в подлиннике: «кровно-близкого бога», т. к. Гефест — правнук Урана, Прометей — его внук.

58, 2: *...сын Фемиды* — Фемида, дочь Урана и Геи, богиня справедливости. Эсхил отождествляет Фемиду с Геей и называет ее матерью Прометея.

58, 9: *Темная ли ночь* — в подлиннике: «пестроодетая», т. е. в пестрой, звездной одежде.

58, 17: *Вознес людей ты к почестям безмерным* — имеется в виду, что Прометей вывел человечество из свойственного ему дикого состояния и тем возвеличил его.

58, 22—23: *...новый властелин Всегда жесток* — Зевс воцарился недавно, причем захватил власть силой, свергнув отца — Крона. В Зевсе воплощены хорошо знакомые современникам Эсхила черты тирана: властолюбие, жестокость, веро-

ломство, мстительность, (последний афинский тиран, Гиппий, был свергнут в 510 г., когда Эсхил был подростком).

58, 27: *Священны узы дружбы* — в подлиннике: «узы дружбы и родства страшны», т. е. страшно посягнуть на них.

60, 2: *И грудь ему пронзи* — вероятно, Прометей приковыляли к центральной двери в фасаде сцены, декорированной как скала. В финале дверь открывалась внутрь и Прометей исчезал — проваливался в Тартар.

61, 4: *Когда-то слыл ты прозорливцем* — имя Прометей этимологически связано со словом «предвидение». У Эсхила он действительно предвидел воцарение Зевса и убеждал титанов подчиниться, а также предвидел конец владычества Зевса от сына, рожденного в браке с Фетидой.

62, 4: *Олимпийцам...* — Зевсу, его братьям и сестрам, воцарившимся на горе Олимп.

Океаниды — нимфы, дочери Океана (сына Урана и Геи) и Тефии, родившей три тысячи сыновей — речных божеств, и три тысячи дочерей — океанид. Считается, что хор океанид выезжал на оркестру в крылатой колеснице.

63, 5—6: *В черный Тартар... Или ниже, под своды Аида* — в подлиннике: «в принимающий мертвых Аид, в безысходный (т. е. откуда нет выхода) Тартар». Часто Тартар и Аид воспринимались как синонимы, обозначающие обиталище душ мертвых; оно находилось по одним представлениям, на западе, на краю света, по другим — под землей. У Гомера эти понятия различаются: в Аиде обитают тени людей, а в Тартаре — поверженные титаны.

63, 25: *Чтобы заговор новый открыть* — имеется в виду не заговор противников Зевса, а Судьба: в будущем Зевсу грозит лишение власти, т. к. сын от Фетиды будет сильнее своего отца. Прометей, зная эту тайну, мог бы помочь ему избежать падения.

64, 6: *...у Кроносова чада* — Зевса.

64, 19: *...в семье богов возник мятеж* — по Гесиоду, боги нового поколения, Зевс, его братья и сестры, дети Крона, вступили в борьбу за власть со старшим поколением богов-титанов (детей Урана и Геи) и свергли их.

64, 24: *Я был в те дни советником титанов* — в подлиннике: «советовавший» титанам.

64, 28: *Земля или Фемида* — см. примеч на с. 415.

64, 1: *Я поселил надежды в них слепые* — эти строки обычно соотносят с гесиодовским мифом о Пандоре, лишившей людей надежды. По Эсхилу, Прометей вернул ее людям; в то же время, надежды эти «слепые», т. е. относятся они к иллюзорной возможности преодоления смерти.

66, 4: *...созданий жалких* — в подлиннике: «однодневки», эфемеров.

67, 15: *...ты мне родной* — по Гесиоду, Океан — сын Урана и Геи, т. е. брат Прометея. По Эсхилу, Прометей еще и женат на Гесионе, дочери Океана.

67, 25: *Но как... решился ты* — по мифу, Океан уединенно живет в своем подводном дворце, никогда не появляясь в собрании богов. В словах Прометея очевидна ирония: удивительно, как Океан решился высказать даже робкое сострадание герою.

67, 26: *Для Скифии, рождающей железо* — Скифия славилась месторождениями железа, меди и золота и мастерами обработки стали.

68, 1: *Смирись пред Зевсом* — в переводе выпало «*γῆνοσκε σαυτὸν*» — «познай самого себя» — вариант знаменитого изречения, написанного над святилищем Аполлона в Дельфах, приписываемого Хилону, одному из Семи Мудрецов.

68, 10: *Советами наскучил я тебе* — в подлиннике Океан боится, что его советы покажутся устаревшей мудростью.

68, 25: *А был, как я, мятежником когда-то* — в подлиннике: «мой сподвижник и дерзнувший вместе со мной». Смысл фразы неясен, ранее Прометей утверждал, что он — единственный из титанов, оказавший помощь Зевсу. Некоторые исследователи полагают, что текст испорчен.

69, 3: *Атлас (Атлант)* — брат Прометея, державший на плечах небесный свод (по другому варианту мифа — подпирающий столбы, на которых лежит небо). Считалось, что Атлант стоит на крайнем западе известного грекам мира, там, где сейчас Гибралтарский пролив.

69, 6: *Тифон* — сын Геи и Тартара, чудовище с сотней драконовых голов, жившее в Киликии (Малая Азия); после победы олимпийских богов над титанами боролся с Зевсом и был заживо погребен под вулканом Этной. Огонь, вырывающийся из вулкана — результат яростного дыхания Тифона (см.: Гесиод. «Теогония», ст. 820—868).

69, 12: *...огонь Горгоны* — Горгона, женщина-чудовище, взгляд которой обращал все живое в камень.

69, 23: *...хлынут реки лавы* — Прометей предвещает известное Эсхилу извержение Этны, в 479 г., уничтожившее город Катану. Тиран Сиракуз Гиерон восстановил город, назвав его Этной. Считается, что на торжествах в честь его основания был Эсхил и показывал трагедии «Персы» и «Этнеянки».

71, 11: *...девы Колхиды* — амазонки, мифические женщины-воительницы, жившие, по Эсхилу, на севере или северо-западе от Черного моря.

71, 14: *...близ болот Меотидских* — у Азовского моря.

72, 25—26: *...память, Великую родительницу муз* — по мифам, богиня памяти — Мнемосина, дочь Урана и Геи, — мать девяти муз.

72, 31—32: *...коня, / Красу для глаз и гордость человека* — в подлиннике: «сокровище чрезвычайной роскоши»; Эсхил имеет в виду, что увлечение скачками — чрезвычайно дорогое удовольствие.

74, 2: *Парки* — в подлиннике «мойры», богини судьбы; Мережковский использует римское название.

74, 13: *гекатомба* — буквально, «жертвоприношение сотни быков», а также всякое большое жертвоприношение по праздникам.

75, 12: *Гесиона (Гезиона)* — одна из океанид, жена Прометея.

Ио — дочь речного бога Инаха, сына Океана и Тефии, поэтому Прометей говорит, что океаниды ей «по отцу родные». По традиционному мифу, ее превратила в телку ревнивая супруга Зевса Гера (вариант — превратил сам Зевс, чтобы спасти от мести Геры). По приказу Геры, ее стерег многоглазый великан Аргус, никогда не засыпавший, т. к. часть его глаз всегда бодрствовала. Когда Аргуса убил посланец Зевса Гермес, Гера наслала на Ио овода, непрерывно жалившего ее. После долгих странствий обезумевшая Ио попала в Египет, где Зевс избавил ее от овода, вернул человеческий облик и она родила сына Эпафа («дитя прикосновения»). В отличие от традиционного мифа, у Эсхила Ио жестоко преследует сам Зевс, и потому она с удовольствием выслушивает предсказание о его грядущем свержении.

75, 21: *Аргуса призрак* — к этому времени Аргус уже убит, но безумной Ио чудится его призрак, восставший из царства мертвых.

78, 16: *Киприда* — богиня любви Афродита.

78, 19: *Лернейские поля* — болотистая местность недалеко от города Аргоса, в будущем там будет обитать Лернейская гидра.

78, 25: *Додона* — святилище Зевса в Эпире, на северо-западе Греции; жрецы получали там прорицания, вслушиваясь в шелест священного дуба.

78, 26: *...к Пифии* — в город Дельфы, где находился знаменитый храм Аполлона. Жрица храма, пифия, сидя на треножнике, вдыхала ядовитые испарения, выходившие из расщелины скалы, и, впадая в экстаз, изрекала прорицания.

79, 4: *Керхнея* — река в окрестностях Аргоса.

79, 5: *...по холмам Лернейским* — в подлиннике: «вдоль Лернейского ключа».

80, 1: *К восходу обратясь* — географические описания областей, лежащих за пределами Греции, у Эсхила весьма неточны.

80, 3: *И Скифии достигни* — описание кочевников-скифов есть и у Геродота (История, IV, 46), считавшего, что они живут у Меотийского (Азовского) моря.

80, 7: *Их нрав жесток и страшен, — берегись* — после этих слов Мережковский пропустил, оставив без перевода, строки 712—716:

Беглый путь держи
Крутым скалистым взморьем, глухо стонущим.
Живут по руку левую от этих мест
Железа ковачи Халибы. Бойся их!
Они свирепы и к гостям неласковы
(пер. А. И. Пиотровского).

О халибах, мастерах обработки стали, писал Геродот (I, 28), но он считал их жителями южного побережья Черного моря, а Эсхил помещает их в Северную Скифию.

80, 8: *...к бурному потоку* — какая река имеется в виду, неизвестно.

80, 9: *Пока высот Кавказа не достигнешь* — по представлению Эсхила, Кавказские горы находятся на севере или северо-западе от Черного моря.

80, 14: *...увидишь амазонок* — из слов Прометея видно, что амазонки, воинственные девы, живущие на севере Скифии, со временем переселятся на южное побережье Черного моря, к реке Термодонту (Фермодонту).

80, 17: *...где грозный Сальмидес* — слова ошибочно отнесены к будущему местопребыванию амазонок; большинство исследователей считает, что Прометей говорит о дальнейшем пути Ио к Киммерийскому, т. е. Перекопскому перешейку, соединяющему Крым с материком. Возможно, под Сальмидесским заливом имеется в виду Сиваш. Исторический Сальмидес находился далеко от пути Ио — на черноморском побережье Фракии, недалеко от Мраморного моря.

80, 25: *Босфор (Боспор)* — дословно: коровья переправа. Здесь имеется в виду Босфор Киммерийский — Керченский пролив. Был еще Босфор Фракийский, соединяющий Мраморное море с Черным.

82, 8: *Потомок твой* — избавителем Прометея станет Геракл, дальний потомок Ио. Этот сюжет разработан в несохранившейся трагедии Эсхила «Прометей освобожденный».

83, 13: *Понт ревуший* — возможно, Каспийское море.

83, 14—15: *Горгонские поля, Кисфены дол* и т. д. — описание дальнейших странствий Ио носит совершенно фантастический характер. В целом очевидно, что перейдя через Керченский пролив и обогнув Каспийское море, Ио должна идти на юг и юго-запад, к устью Нила.

83, 15: *Парки* — в подлиннике Форкиды, т. е. Граии, дочери морского бога Форкия, прекрасные седоволосые девы.

83, 20: *Горгоны* — также дочери Форкия; у Гесиода названы три — Стено, Эвриала, Медуза. Последняя хорошо известна по мифу о Персее.

83, 25: *грифоны (грифы)* — существа с телами львов, орлиными клювами и крыльями; по представлениям древних гре-

ков, они стерегли золото и сражались за него с *Аримаспами* — свирепыми одноглазыми воинами (см.: Геродот, III, 116; III, 13, 27; Павсаний, I, 24, 6). Геродот, впрочем, считал, что Аримаспы и грифы живут на севере.

83, 29: *Плутоновой реки* — об этой реке другие источники ничего не сообщают. Плутон — владыка царства мертвых. Страна эфиопов, к которой приближается Ио, находилась, по мнению Геродота, на самом краю земли, и путь Ио, видимо, лежит где-то за пределами обитаемого мира, недалеко от границ мира мертвых.

83, 32: *...поток эфиопийский* — верховья Нила.

83, 33: *Библосские горы* — в других источниках не упоминаются.

83, 36—37: *...к устью Нила / Трехгранному* — в подлиннике «треугольному»; дельта Нила действительно напоминает по форме треугольник.

84, 13: *Достигла ты земли Молоссов* — начало странствия Ио должно было пройти через не упомянутые Эсхилом Фокею и Этолию, затем она пришла в прибрежную область Эпира — Феспотию, далее пошла на восток, через Молосскую равнину с горой Додоной, далее — приморской дорогой к заливу Деи, т. е. к Адриатическому морю. Эсхил считает его заливом Ионийского моря и производит это название от имени Ио.

84, 32: *Каноб (Каноп)* — город близ устья крайнего западного рукава дельты Нила.

84, 38: *...назовешь Эпафом* — слово производится от глагола «касаться», т. е. «дitia прикосновения».

85, 2: *И пятьдесят цветущих дочерей* — Прометей излагает историю о потомках Ио — дочерях Даная. Страшась брака с двоюродными братьями — сыновьями Египта — Данаиды бежали в город Аргос, где их приютил царь Пеласг (этот сюжет разработан в трагедии Эсхила «Умоляющие»). Сыновья Египта все же заставили отдать им Данаид в жены, но в первую брачную ночь по приказу отца Данаиды убили своих мужей и только Гипермнестра пощадила Линкея, ставшего впоследствии царем Аргоса.

85, 17: *...любовью побежденной* — в подлиннике говорится, что ее завлечет не просто желание, но «παῖδων ἱμερος» — желание иметь детей.

85, 24: *...прославленный герой* — Геракл.

86, 28: *Отцовское проклятие* — свергнутый Зевсом с престола, Крон проклял сына и предрек, что его когда-нибудь также свергнет собственный сын.

СОФОКЛ

Софокл (496—406) — второй трагический поэт Греции. Его срединное место в классической триаде отмечено в знаменитой легенде, по которой 45-летнего Эсхила, победителя персов при Саламине в 480 г., приветствовал в хоре мальчиков 16-летний Софокл — и в этом же году родился Еврипид.

Софокл родился в пригороде Афин Колоне, красоту которого прославил спустя много лет в последней своей трагедии «Эдип в Колоне». Его отец был состоятельным человеком, владельцем оружейной мастерской. Софокл получил традиционное музыкальное и гимнастическое образование и не раз побеждал в соревнованиях этого рода. Известно, что он сам писал музыку к своим трагедиям и выступал в них в качестве актера. По убеждениям — умеренный демократ, долгие годы он был дружен с вождем афинского государства Периклом, занимал высокие государственные должности — был хранителем казны Афинского морского союза, в 441 г. — стратегом (вместе с Периклом), участвовал в военной экспедиции против Самоса, с 420 г. стал главой медицинского культа Асклепия.

Юность и зрелые годы жизни Софокла совпали с периодом расцвета афинского государства, подъема во всех областях жизни, вызванного победами в греко-персидских войнах. Отсюда так явно проявившаяся в творчестве вера в справедливость богов, разумное мироустройство, в великие возможности человека. Софокл был любимцем афинян, его считали воплощением физического и нравственного идеала человека; после смерти он был причислен к лику героев, на его могиле ежегодно проходили торжественные жертвоприношения. В театральных состязаниях он 24 раза получил первое место и ни разу не потерпел поражения.

В своих драмах Софокл завершил реформу театрального искусства, начатую Эсхилом: он ввел третьего актера и увеличил число участников хора с 12 до 15. Из 123 пьес до нас дошло полностью 7 трагедий: «Аякс», «Электра», «Филоклет», «Трахинянки», и пьесы фиванского цикла: «Антигона», «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне», а также большой отрывок сатировской драмы «Следопыты».

Проблематика пьес Софокла менее масштабна, чем у Эсхила и связана уже не с судьбой рода, а с отдельной человеческой судьбой, этим определяется и отсутствие сюжетно связанных трилогий, каждая трагедия — самостоятельное произведение.

Главная проблема, интересующая Софокла — это человек в его силе и слабости — явление удивительное и противоречивое (см. об этом 1-й стасим «Антигоны»).

Действия героев в гораздо меньшей степени обусловлены волей богов или наследственным проклятием чем у Эсхила — их поступки органично вытекают из их характеров и убедительно психологически мотивированы. Герои — цельные натуры, они почти не знают колебаний и сомнений, сам Софокл считал их идеальными, «нормативными»; по словам Аристотеля («Поэтика», гл. 25), он изображает людей «такими, какими они должны быть», в отличие от Еврипида, изображающего их такими, «каковы они на самом деле».

Эдип-Царь

О времени постановки трагедии сведений не сохранилось. Современные ученые обычно датируют «Царя Эдипа» первой половиной 20-х гг. V в., мотивируя это следующими соображениями:

1) Вводя в сюжет моровую язву, отсутствующую в прочих источниках, Софокл, вероятно, находился под впечатлением страшной эпидемии, трижды поражавшей Афины — в 430, 429 и 426 гг. Возможно, в образе Эдипа отразилась судьба Перикла, много лет мудро руководившего Афинами — и в одночасье лишившегося и власти и народной любви, умершего от эпидемии в 429 г.;

2) В комедиях Аристофана «Ахарняне» (425) и «Всадники» (424) в ряде стихов исследователи видят пародию на «Царя Эдипа».

Видимо, трагедия была поставлена не раньше 429—426 гг. и не позже 425 г. Первоначально она называлась «Эдип», слово «царь» было прибавлено в более позднее время, чтобы отличить ее от другой софокловской одноименной трагедии, действие которой происходило в Колоне. По сообщению Дикеарха, ученика Аристотеля, Софокл уступил первое место Филоклу, племяннику Эсхила.

Миф, положенный в основу трагедии, упоминался еще в поэмах Гомера: в «Илиаде» (XXIII, 679—680) говорится о надгробных играх в честь Эдипа, павшего в каком-то сражении. В «Одиссее» (XI, 271—280) рассказывается об Эдипе, по неведению убившем отца и женившемся на собственной матери (она названа Эпикастой), боги раскрыли тайну этого преступного брака, Эпикаста повесилась, но Эдип остался царить в Фивах. Дальнейшее развитие этот миф получил в недошедшей до нас киклической поэме «Эдиподия», в ней говорилось о детях Эдипа — Этеокле, Полинике, Антигоне и Исмене, правда, рожденных от второго брака и лишенных родового проклятия (Павсаний, IX, 5, 10). Во второй Олимпийской оде Пиндара говорится

о пророчестве, полученном царем Лаем в Дельфах, о том, что сын убьет его — и это пророчество сбывается (ст. 38—42). Мотив проклятого богами потомства Эдипа появляется впервые, видимо, только у Эсхила в трилогии «Лай», «Эдип», «Семеро против Фив», из которых сохранилась лишь последняя часть.

Софокл ввел несколько новых мотивов: сообщение пьяного коринфянина о том, что Эдип — подкидыш, страшное предсказание Дельфийского оракула, побег Эдипа из Коринфа, моровая язва в Фивах, сюжетная линия, связанная с Тиресием, и, наконец, совмещение в одном лице единственного свидетеля убийства Лая — и пастуха, получившего от Лая младенца, а также коринфского вестника — и пастуха, спасшего Эдипа. Все это помогает создать сюжет, исполненный напряженного трагизма.

Миф об Эдипе вдохновлял многих древних авторов, прежде всего — Эсхила и Еврипида, в Риме — Сенеку. До наших дней дошла только трагедия Сенеки.

Вестник иностр. лит., 1894, № 1, с. 5—9 (вступ. заметка), 10—36; № 2, с. 13—34. С изменениями при последующих публикациях. Отд. изд. — СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1902. ПСС 1912, т. 14, с. 45—119. Печ. по ПСС 1914, т. 20, с. 3—8 (вступ. заметка), 53—128.

Вступительная заметка Д.С.Мережковского в «Вестнике иностр. лит.»:

Вместо предисловия

Среди греческих трагедий есть, может быть, произведения более глубокие и сильные, чем «Эдип-Царь» Софокла (напр., «Скованный Прометей» Эсхила), но нет ни одного, в котором философская глубина и трагическая сила сочетались бы с таким неподражаемым изяществом, с такою благородною грацией и совершенством внешней формы. Тем, кто знает «Эдипа-Царя» в греческом подлиннике, вероятно, не раз приходило на мысль, что это — одно из самых законченных и безупречных созданий человеческого ума, какие только вообще есть у людей.

Недаром всеобъемлющий Аристотель, полноправный владыка двух миров — Науки и Поэзии, считал эту трагедию высочайшим образцом среди всех других античных трагедий, которые до сих пор служат неподражаемыми и непревзойденными образцами красоты.

В известном смысле «Эдип-Царь» для греко-римского, дохристианского мира является тем же, чем «Фауст» Гете для на-

шего времени, т. е. наиболее глубоким и целостным воплощением религиозно-философских основ мирозерцания огромной эпохи в жизни человечества.

Над всей трагедией царит, как символическая статуя над храмом, образ чудища с лицом женщины, с крыльями, с острыми когтями, с лвиным туловищем, с опасной и загадочной речью — *Сфинкс*, воплощение Судьбы, того Непознаваемого, что язычники называли Роком.

Эдип, пришлец из Коринфа, юный герой, сразу победил Сфинкса. Эдип спас людей от его страшного и смертоносного очарования, разрешил его загадку. Таким он является в начале трагедии, отцом и спасителем народа, освободителем человечества от темных сил Рока, героем разума и воли. Народ в него верит, и сам он верит в себя, народ считает его чистым и мудрым, как божество, и сам он себя считает если не божеством, то равным ему.

Но Эдип — человек и только человек. Победа разума и воли над Сфинксом-Роком — временная. Правда, Сфинкс бежал, покинул терзаемый народ, но не совсем. По-прежнему соблазнительный и насмешливый, он поселился в сердце победившего его героя. Он скоро опять будет задавать его разуму неразрешимые загадки, опутает его сетью хитростей. Тогда для Эдипа его собственная жизнь сделается неразгаданною Сфинксом. Вот в чем ужас, вот узел этой трагедии: Сфинкс уже не извне, не в природе, а внутри, в душе своего победителя. Он страшнее всякого хищного зверя, потому что он теперь неуловим и бесплотен, как призрак, он — тайна жизни, тайна каждой человеческой совести. Пророк Тиресий имеет полное право бросить в лицо герою эту жестокую, но заслуженную насмешку: «Спаситель всего народа, спаси самого себя!»

Умеешь

Ты хитрые загадки разрешать.

Пусть он узнает, кто его мать, кто отец, в чем смысл жизни — в победе его духа над Судьбой или в победе Судьбы над его духом. Пусть человек разгадает загадку своего собственного происхождения, — и окажется, что смысл жизни — преступление, отчаяние и ужас, что воля ничтожна перед вечным законом необходимости. Древний, коварный Сфинкс победил своего победителя, перехитрил разум человеческий, вовлек его в преступные соблазны и погубил.

Но в том, как побежденный герой гибнет, столько величия, что все-таки трудно решить, что беспредельнее — воля Судьбы, или воля человека: вы сомневаетесь, не есть ли побежденный — победитель, жалеть ли его за гибель, или, напротив, гордиться им, благоговеть перед его всепобеждающим духом.

Вот почему «Эдип-Царь» и теперь, после двадцати веков, все еще сохраняет свою бессмертную юность, вот почему мы имеем право сказать, что это произведение такое же всемирное, общечеловеческое, как «Фауст» Гете или «Гамлет» Шекспира, хотя менее сложное и разностороннее.

Трагический образ победоносного героя, спасителя народа, Эдипа, борющегося против Сфинкса — загадки собственного происхождения, против Судьбы, — чудовища, лютого, как зверь, окрыленного, как дух, обольстительного, как женщина, — этот образ вечен, подобно Прометею, Фаусту, Гамлету, Дон-Жуану, Лиру, подобно всем трагическим образам из века в век, от поколения к поколению преследующим человечество. Герой и Судьба, воля и необходимость, разум и тайна мира — таков смысл этой религиозно-философской и, как все великое в искусстве, *символической* трагедии. В самом деле, отнимите у нее символизм — и что останется? Трагическая случайность. С нашей, современной точки зрения, Эдип *ни в чем не виноват*. Он ведь не знал, что убивает отца и женится на матери. Ни сознание, ни воля его не участвовали в отцеубийстве, в кровосмешении. Это в сущности — не преступление, а только несчастье, только осквернение невинного человека, обманутого пророчествами богов.

Эдип гибнет не потому, что он виноват, а потому, что хотел быть слишком великим для человеческих сил, слишком дерзновенным противником Судьбы и разгадчиком загадок древнего Сфинкса. Он стремился к чрезмерному и невозможному, власть его превращалась в самовластье (как это видно в сцене с Креоном, с прорицателем Тиресием), он стоял выше всех людей, забыв свою человеческую природу, издевался над пророчествами богов, он сам хотел быть богом. Здесь перед нами открывается не трагическая случайность, а самая сущность жизни, роковая неизбежность гибели всякого героя, который надеется только на свою волю, на свою силу, на свое непреклонное и неистребимое «я» при столкновении с тайною мира, с когтистым женоподобным чудовищем, предлагающим свои вечные загадки. Не так же ли погибли и Фауст, и Манфред, и Гамлет, и Дон-Жуан, только потому, что они восстали на закон необходимости и смерти, потому что они возжаждали «сверхчеловеческого»?

Но и самая гибель героев едва ли не прекраснейшее, что есть на земле.

Кроме религиозно-философского значения, эта трагедия обладает неисчерпаемым художественным обаянием. По силе и тонкости психологического анализа среди всех других греческих трагедий она стоит особняком и приближается к новой европейской драме.

Поэт с изумительным искусством, уже никогда с тех пор неповторенным, сжимая действие, сосредотачивая целую

жизнь героя в несколько страшных часов, не изменяя ни разу места действия, показывает нам последовательно все ступени человеческого бытия, начиная от высочайшего блаженства, кончая таким несчастьем, какое только доступно людям на земле. Герой становится отверженным, всеми проклятым злодеем; богоравный царь — бездомным бродягой, мудрец, прозревавший в тайны Сфинкса — жалким слепцом.

Для меня, по крайней мере, ужас и очарование этой трагедии, главным образом, заключаются в неотвратимой и медленной *постепенности*, с которой надвигается разгадка тайны. Это страшное, как смерть, приближается шаг за шагом, вырастает из крошечного зерна незаметно и неумолимо, и наконец охватывает и поглощает жертву. В начале трагедии Эдип на высоте славы и могущества; народ его боготворит. Хотя город и поражен несчастьем, моровою язвою, но никто не сомневается, что Эдип умилюстит богов, что он, спасший их от чудовищного Сфинкса, спасет и от новой беды.

Первая тень, первый намек на подозрение мелькает в словах Тиресия. Эдипа раздражают боязливые недомолвки прорицателя. Между ними разгорается спор, царь оскорбляет пророка, и тот называет его убийцей старого царя Лайоса.

Страшный узел завязан, и никакие человеческие силы его не распутают.

Эдип не чувствует ни малейшей тревоги. Он возмущен оскорблением, подозревает Тиресия и Креона в заговоре против его власти, и с величайшею ревностью сам перед лицом народа начинает отыскивать истинного злодея, убийцу Лайоса.

И вдруг, в случайном намеке Иокасты, жены его, мелькает что-то забытое и зловещее. Но все опять путается, и нить исчезает. Он продолжает искать с жадностью, со злобой на преграды, но без всякого страха. Что-то неуловимое, напоминающее загадки Сфинкса, то приближается, то отступает, то заглядывает ему прямо в глаза, то совсем исчезает. Судьба смеется над ним, чудовище играет с ним, как кошка с мышью. Сфинкс расставляет свои хитрые сети; Эдип хочет разорвать их, борется и еще более запутывает. А между тем сила улик и очевидность преступления все растут и растут с медленной, неотвратимой постепенностью. Эта игра судьбы, эти недомолвки, намеки, засады, насмешки, предчувствия, отвратительные подозрения доводят его до бешенства, он теряет самообладание, сам призывает окончательную развязку. Лучше упасть, чем висеть, зная, что все равно упадешь в бездну. В самой горечи страдания есть опьянение, есть сладкий и мучительный восторг, которые увлекают Эдипа вперед и вперед, не дают ему опомниться. На самом краю бездны он имеет еще силу бросить судьбе вызов. И в это мгновение обнажается тайна. Он — отцеубийца, он осквернил ложе матери. Тогда только Эдип останавливается, но уже

поздно. Теперь несчастный более не ищет разгадки, разгадка сама идет к нему навстречу.

И отвága, и гордость ему изменяют.

Он хватается за каждый сучок на краю бездны, жаждет ослепить себя, хоть призраком защитить от ужаса, обмануть свое сердце и совесть.

Но спасенья нет. Когда он говорит, что верит надежде, он уже ей не верит.

Еще один последний удар, последнее слово разгадки, и все кончено. Тогда раздается трагический плач Хора над всякою жизнью человеческой, над всяким стремлением к благу, к истине, к счастью. Быть может, во всемирной поэзии, даже не исключая современной, не высказывалось никогда более безнадежного и страшного пессимизма. И эти глубокие думы выражены с детской наивностью, которая делает их еще неотразимее.

Последняя сцена отчаяния Эдипа, его ослепления, позора, проклятий богам, написана с такою силою и беспощадностью реализма, что жалость и ужас, которые мы испытываем, граничат с отвращением, по крайней мере, для наших слабых и болезненно утонченных нервов.

Но гармония не нарушается, красота побеждает ужас, и последние сцены трагедии озарены примиряющей, почти христианской нежностью. Здесь выступают грациозные, девственные образы Антигоны и Исмены, дочерей Эдипа. Он забывает себя, свое горе и свою гордость, думает только о своих бедных, отверженных и покинутых детях. Здесь человеческая душа является во всей своей красоте. Разве эта нежность — это новое, еще слабо мерцающее счастье любви, после всех ужасов и страданий, не победа над самою судьбою, над древним чудовищным Сфинксом? Любовь дает истинное бессмертие человеческой воле, любовь побеждает слепую силу Рока.

Автор перевода был бы вполне вознагражден за свой труд, если бы эта работа помогла углубиться в содержание великого произведения Софокла и отыскать тот именно нравственный смысл и красоту, которые наиболее нужны и близки сердцу каждого из русских читателей. Предлагаемое произведение — только слабый намек на возможность отыскать такой смысл и такую красоту, которая, несмотря на двадцать веков, отделяющие нас от Софокла, делают его произведение до сих пор живым и современным.

Варианты текста по «Вестнику иностр. лит»:

95, 4: Весь город полн клубами фимиама,

96, 12—13: Свиристует и наполняет Ад / Стенаньями опустошая город.

96, 20: Что некогда платили мы свирепой

97, 22: Креон. Его приход мне известили.

101, 17: Не уйти никуда от несчастных скорбей:
 104, 16: Да сохранят бессмертные вовек,
 107, 22: Не будь ты только дряхл и слеп, тебя
 110, 23: Ты б заплатил мне дорого, старик!
 120, 12: Изгнанием и даже смертью.
 125, 1: В какой земле несчастье совершилось?
 136, 4: Вот почему бежал ты из Коринфа?
 154, 28: Я так пред ним неправ, я был жесток.
 156, 28: Я знал, что ты захочешь их увидеть
 156, 39: Но сам того, что делал я, — не ведал.

95, 1: *...Кадма древнего питомцы* — Кадм, сын финикийского царя Агенора, легендарный победитель дракона, основатель Семивратных Фив, прапрадед Эдипа.

95, 3: *...молящие — с ветвями* — ветви (чаще всего оливковые) в руках просителей — традиционный знак мирных намерений и почтения.

95, 8: *...зовут Эдипом славным* — «Οἰδίπῳς» буквально с греч. — «с опухшими ногами». Так прозвали Эдипа за то, что его отец Лай приказал выбросить младенца, проколов (или перебив) ему ноги.

96, 4: *Вкруг алтарей пророческих Исмена* — в Фивах, на берегу реки Исмен, стоял храм Аполлона, где делались предсказания по пеплу сожженных жертв.

96, 5: *И пред двойным святилищем Паллады* — в историческое время в Фивах было два святилища Афины Паллады — Афины Онки и Афины Кадмейской или Исменийской.

96, 11: *Пылающая Язва Моровая* — в подлиннике: «огненный бог», так называли Ареса, бога войны и вообще всяческой гибели, в т. ч. чумы (λοῖπός, чума, — муж. рода). Ср. с примеч. к ст. 102, 3: *Страшного бога Поветрия, бога Ароя* — здесь Мережковский более точен.

96, 12: *Ад* — в подлиннике: Аид.

96, 20—21: *...свирепой Пророчице* — имеется в виду Сфинкс (по греч. — жен. рода) — крылатое чудовище с телом львицы и головой и грудью женщины. Поселившись в окрестностях Фив, она заставляла всех путников разгадывать ее загадку и убивала их, т. к. никто не мог найти ответ. Эдип разгадал загадку, и Сфинкс, не вынеся унижения, бросилась в пропасть. Благодарный народ Фив после этого отдал Эдипу в жены недавно овдовевшую царицу Иокасту и сделал его царем. Загадка и ответ сохранились в греческой поэзии:

Есть существо на земле: и двуногим и четвероногим
 Может являться оно, и трехногим, храня свое имя.
 Нет ему равного в этом во всех животворных стихиях.

Все же заметь: чем больше опор его тело находит,
Тем в его собственных членах слабее движения сила.

Внемли на гибель себе, злоименная смерти певица,
Голосу речи моей, козней пределу твоих.
То существо — человек. Бессловесный и слабый младенец
Четвероногим ползет в первом году по земле.
Дни неудержно текут, наливается тело младое:
Вот уж двуногим идет верною поступью он.
Далее — старость приспеет, берет он и третью опору —
Посох надежный — и им стан свой поникший крепит.

97, 11: *...во храм Пифийский* — в святилище Аполлона в Дельфах, где пифии изрекали прорицания (см. примеч. к «Скованному Прометею», ст. 78, 26).

97, 26: *Креона лавр венчает* — обращавшиеся к Дельфийскому оракулу надевали лавровый венок и не снимали его до возвращения домой.

98, 9: *Феб* — Аполлон.

98, 11: *...нами же питаемое зло* — причина мора состояла именно в том, что убийца Лая, происходивший из его царства, продолжал оставаться на фиванской земле, оскверняя ее.

100, 7: *Но долг мой ныне — обличить виновных* — этот и следующий монологи Эдипа — блестящий пример приема «трагической иронии»: Эдип произносит слова и принимает решения, объективного смысла которых он пока не постигает.

Парод (выход хора) — написан в форме гимна, обращенного к богам с мольбой о помощи. Боги несут традиционные имена, например, Артемиду-Эвклию (Доброславную) чтили в историческое время в Фивах и Коринфе. (Этот эпитет Мережковский пропускает.)

100, 29: *...о, владыка божественный Делоса* — Аполлон; остров Делос считался его родиной.

101, 5: *Слово богов амброзийное* — т. е. бессмертное, вечно; «ἀμύρτος» дословно значит «бессмертный».

101, 9: *В шумном собраньи* — в подлиннике: на агоре, центральной городской площади.

101, 27: *К Западному Берегу* — в подлиннике: «πρὸς ἑσπέρου θεοῦ» — к вечернему (западному) богу, т. е. Аиду, подземное царство которого, по представлениям древних, находилось на крайнем Западе, омываемом Океаном.

101, 32: *Поседевшие матери, жены* — в подлиннике наоборот: «поседевшие жены и матери».

101, 33: *Пред немым алтарем беспощадных богов* — в подлиннике выделенные слова отсутствуют.

102, 1—2: *О, Тучегонителя Золотая дочь* — дочь Зевса, т. е. Афина; в подлиннике ее эпитет «прекрасноликая».

102, 4: *Бога Арея* — см. примеч. к настоящей пьесе, ст. 96, 11.

102, 10: *Амфитрита* — владычица морей, дочь морского бога Нерея, супруга Посейдона.

102, 22: *...бог Солнца* — здесь: Аполлон, которого действительно часто отождествляли с богом Солнца Гелиосом. В подлиннике: «царь Ликейский», — этот эпитет Аполлона имеет разные объяснения.

102, 26: *Эвий-Вакх* — Дионис.

104, 3—4: *...дорог, Как собственный отец* — став супругом Иокасты, Эдип, по греческим понятиям, породнился и с Лаем, но, в соответствии с приемом трагической иронии, Эдип не понимает истинного смысла своих слов.

104, 5: *Лабдакид* — сын Лабдака Лай.

104, 7—8: *Полидор* — сын Кадма; *Агенор* — отец Кадма.

104, 17: *Дикэ* — богиня правды, дочь Зевса и Фемиды.

104, 26: *Тиресий-царь* (Тирезий) — в подлиннике: «ἄναξ» — «повелитель, господин»; царь в Фивах один — Эдип.

106, 19: *Скорей! Скорей!* и т. д. — как правило, эти слова считаются репликой хора.

109, 17: *О, мудрость* — в подлиннике: «о богатство, и власть, и искусство, превосходящее другие искусства в жизни, исполненной соперничества». Мережковский прав, полагая, что искусство — это мудрость (видимо, государственного деятеля), но перевод не совсем точный.

110, 11: *Ни знамения, ни вещи приметы* — в подлиннике Эдип говорит, что Тиресий не использовал ни гадание по вещим птицам, ни прорицания богов.

110, 40—111, 1: *С двуострою секирой, тяжким шагом Войдет, войдет Проклятие* — в подлиннике: «ὀμφιπλήξ δεινόπους ἄρα» — с двойным ударом (обоюдоострое) со страшными ногами (беспоощадно преследующее) проклятье.

111, 4: *Киферон* — горный кряж между Фивами и Аттикой.

112, 2: *Над счастьем ли Эдипа ты смеешься?* — Мережковский перевел как «счастье» слово τύχη — судьба, случай, успех. Некоторые комментаторы предлагали вместо «τύχη» читать «τέχνη» — искусство, т. е. Эдип гордится не столько славной судьбой, сколько мудростью. Перевод «счастье» вмещает оба смысла: судьба наделила его счастливым умением разгадывать загадки жизни.

113, 2: *Из Дельфийской пещеры* — из храма Аполлона в Дельфах.

113, 10: *Дий* — Зевс.

113, 12: *Кэры* (Керы) — злые демоны, дети Ночи, олицетворение смерти. Иногда так называли Эринний, богинь кровавой мести.

113, 14: *Парнас* (Парнасс) — гора в Фокиде, у подножья которой находился Дельфийский оракул.

113, 24: *...средоточья Земли* — в Дельфийском храме стоял мраморный конус, его называли «пупом Земли». По одной из легенд — это камень, проглоченный Кроном вместо младенца-Зевса, по другой — Зевс, решивший узнать, где находится центр земли, выпустил двух орлов с запада и с востока и там, где они встретились, воздвиг этот камень.

113, 25—26: *...крылатые... Вечно-мстительные* — Эринии, мстящие за убитого Лая.

113, 33: *...сын Полиба* — Эдип считался родным сыном правивших в Коринфе Полиба и Мeroпы.

114, 10: *Дева Крылатая* — Сфинкс.

123, 2: *...скоро от меня отступитесь* — в подлиннике: хор, «расслабляет и притупляет сердце» Эдипа.

123, 20—21: *Чем те из вас, кто побоялся ей Ответствовать* — слова, домысленные Мережковским.

123, 25: *Сам он это видел* — если бы Креонт «сам видел», как Эдип убил Лая, вряд ли он двадцать лет сохранял бы ему лояльность. Точнее было перевести: «Ему самому так показалось (сам сообразил) или он научен другими?»

124, 12: *Мойра* — богиня судьбы.

125, 3: *Давния* (Давлия или Давлида) — горная область около горы Парнас.

131, 2: *Олимпия* — равнина в Пелопоннесе, где стоял храм Зевса.

131, 4: *...храм Абесский* — в Абах (Фокида) был древний храм Аполлона.

131, 5: *Ибо люди уж не верят* — факт современной Софоклу действительности: в годы Пелопоннесской войны вера афинян в оракулы уменьшилась (Фукидид, II, 47, 4; V, 103, 2).

131, 26: *Ликийский Аполлон* — см. примеч. к 102, 22.

Появление Вестника — знаменитый прием ретардации, т. е. замедления действия: до раскрытия страшной тайны Эдипу остается один шаг, но вестник поначалу подает ему ложную надежду.

132, 16: *...народ Истмийский* — т. е. коринфяне; Истм — Коринфский перешеек.

135, 3: *Что с матерью они* — на ложе брачном — слова Иокасты переключаются с эпизодом из «Истории» Геродота (VI, 107): Гипсий, бывший афинский тиран, в роковую ночь высади вместе с персидским войском у Марафона видел во сне, что имел связь с матерью, и решил, что сон предвещает победу над бывшей родиной; но сон предвещал ему зло — афиняне разбили персов.

140, 6: *...тебя позор мой не коснется* — если бы речь шла не о царице, то жена раба по греческим законам считалась рабыней.

141, 10: *...Время — мне отец* — в подлиннике: «месяцы — мне родня».

141, 25: *Кто тебе родитель* — в предположениях хора для зрителей не было ничего фантастического: многие герои греческих мифов имели родителями богов.

141, 26: *Пан* — бог лесов и рощ, покровитель пастухов.

141, 27: *Дриада* — нимфа, покровительница деревьев.

141, 29: *...бог, царящий над Килленой* — Гермес, сын Зевса, родившийся на горе Киллене, в Аркадии.

141, 32: *Геликонские нимфы* — Геликон — гора в Беотии, обиталище Аполлона и муз.

142, 17: *Не купленным* — рабы, выросшие в доме господина, считались наиболее заслуживающими доверия.

143, 12: *Арктур* (Артур) — самая яркая звезда в созвездии Волопаса; считалась признаком наступления осеннего равноденствия.

148, 7: *...не может быть счастья для смертного* — переключка с идеями историка Геродота, современника и друга Софокла (Геродот, I, 29—34, III, 39—46 и т. д.).

148, 12—13: *...Пророчицу, С когтями Чудовище* — Сфинкс.

149, 7: *Фас* (Фасис) — кавказская река Рион; *Истр* — Дунай.

150, 22: *...тех, кого хотел бы он узнать* — родителей, которых разыскивал Эдип.

150, 23: *...тех, кого не должен бы он видеть* — детей, рожденных в кровосмесительном браке.

Эдип в Колоне

Согласно античным свидетельствам, трагедия была написана в последний год жизни Софокла (406) и поставлена уже после его смерти, в 401 г. его внуком, Софоклом-младшим. О том, какое сильное впечатление произвела эта трагедия на современников, может свидетельствовать следующая легенда: Софокл, увлеченный творчеством, оставлял в небрежении домашние дела, и родственники подали на него в суд, чтобы его признали недееспособным и отстранили от владения имуществом. Вместо оправдательной речи Софокл прочел песню хора из только что написанного «Эдипа в Колоне». Стихи вызвали такое восхищение, что его немедленно оправдали и проводили из суда словно из театра — рукоплесканиями и восхищенными возгласами.

Сюжет «Эдипа в Колоне» восходит к несохранившейся киклической поэме «Фиваида» (VII—VI вв.) — там рассказывалось, как сыновья Эдипа, Этеокл и Полиник, когда Эдип по-

терял власть, стали непочтительно с ним обходиться (подали серебряный стол и золотой кубок, принадлежавшие убитому царю Лаю, напомнив таким образом о невольном преступлении отца). Эдип проклял их, предсказав, что они будут делить власть мечом. Братья пытались править поочередно, но Этеокл отказался возвратить власть Полинику и изгнал его. Тот поселился в Аргосе, собрал войско, возглавляемое семью вождями (по числу ворот в Фивах) и отправился войной на родной город. Этот сюжет упоминался также у Пиндара — в II Олимпийской (ст. 38—42) и IX Немейской (ст. 18—27) одах. Знаменитый поход «Семерых против Фив» был отражен в одноименной трагедии Эсхила (467) и «Финикиянках» Еврипида (411—409).

Эдип находит последний приют в роще Эринний-Эвменид. Еще в «Одиссее» (IX, 280) говорилось, что Эриннии, созванные матерью Эдипа, преследовали его как пролившего родственную кровь. Но он искупил свои преступления бесчисленными страданиями, и Эриннии становятся для него Эвменидами — ему даруется мирная кончина, и боги приобщают его к сонму «героев», обожествленных смертных, приносящих благо тому месту, где они похоронены. О том, что Эдип был похоронен в Колоне, рассказывала местная аттическая легенда. Эта могила действительно существовала в историческое время — в роще Эвменид стоял алтарь, посвященный Эдипу, его видел еще во II в. н. э. греческий ученый Павсаний (I, 30, 4).

Софокл обратился к этому сюжету не случайно. В годы Пелопоннесской войны прославление Афин как города благочестивого, защитника всех нуждающихся в помощи, имело важное политическое звучание. Еще свежи были воспоминания как в 407 г. войско спартанского царя Агиса (конница в основном состояла из фиванцев) потерпело поражение около Колона — казалось, действительно, могила Эдипа оградила Афины. Кроме того, Софокл в этой трагедии получил возможность воспеть место своего рождения: хор, прославляющий Колон — одно из красивейших мест трагедии.

ВЕ, 1896, № 7, с. 22—89. С изменениями при последующих публикациях. Отд. изд. — СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1902. ПСС 1912, т. 14, с. 121—205. Печ. по ПСС 1914, т. 20, с. 129—216, с уточнением ремарок по ВЕ.

Варианты текста по ВЕ:

161, 1: Мне кажется, что мы в священном месте:

162, 3: Услышал я от той, чьи смотрят очи

162, 8: Здесь быть не должно человеку.

162, 12: Святые дочери Земли и Мрака.

163, 23: А кто же царь? Иль правит сам народ?
 163, 24: Нет, в городе есть царь, и над страну
 164, 4: А можно ли отсюда
 165, 31: Затем, что — призрак я того, чем был!
 166, 14: Очи потупив к земле,
 166, 24: Боги, возвестите кто он
 166, 27: Кто, как все мы в этой жизни
 167, 5: Прожил, белого света не видевший.
 168, 7: Тихонько, тихонько, мой милый!
 168, 18: Порог этот каменный, — стой здесь!
 169, 1: Да, и не дальше, не дальше, — вот так.
 169, 3—5: Вот так. / Сиди здесь, не бойся, родной, не спе-
 ши, — / Мой шаг я с твоим соразмерю.
 177, 13: А по каким? И что они гласят?
 177, 16: А на что им нужен
 177, 20: Сразили боги, боги и подымут.
 177, 21: Не поздно ли им старца подымать?
 177, 8: Да без пророчеств можно бы понять,
 182, 21—22: Без вас ни встать, ни двинуть не могу / Я мое-
 го беспомощного тела.
 195, 21: Не сторожи и не шпионь напрасно!
 197, 8: Безумец, почувствуешь силу!
 201, 13: Родной! Меня обидели жестоко!
 202, 13: Но вот затем рассудим по законам,
 204, 43—44: Хоть не жалел похвал, а вот забыл / Ведь глав-
 ное: что лучше всех народов
 205, 25: А от своих ты помощи не жди,
 213, 8: Зависть, гнев, мятежи и убийства!
 216, 14: С тобой — могу уже победой хвастать.
 216, 32: Я, моего убийцу, помнить буду!
 217, 10: Ведь вот же сестры чтить отца умели!
 222, 22: Святыню этих тайн неизреченных
 226, 21: Почтив Олимп и Землю. Он один,
 226, 23: Не ведает, как умирал Эдип.
 231, 12: И куда меня ведешь?

160, 11: ...*заповедной рощи* — в Колоне находилась священ-
 ная роща Эринний, или, как их называли в Аттике, Эвменид —
 подательниц блага для города Афины. О превращении богинь
 кровной мести Эринний в Эвменид рассказывается в трагедии
 «Эвмениды» — третьей части «Орестей» Эсхила.

162, 12: *Земли и Мрака дочери* — Эриннии (см. предыду-
 щее примеч.). Гесиод называет их дочерьми Земли и Урана
 (Неба), по другому мифу — это дети Ночи и Мрака.

163, 12: *Медный Порог* — каменистый кряж недалеко от
 Афин, с пещерой, которая считалась входом в царство мертвых.

165, 3—4: *...ко мне враждебными не будьте И к Фебу* — Эриннии преследовали когда-то Эдипа как убийцу отца; о древней вражде Аполлона (Феба) и Эринний см. «Эвмениды» Эсхила — Эриннии олицетворяли идею кровной мести и материнского права, Аполлон — идею побеждающего патриархата.

167, 14: *Где в возлияниях жертвенных* — обычные жертвенные возлияния — мед, вино, оливковое масло. Считалось, что Эринниям-Эвменидам ненавистно опьянение, поэтому им приносили чистую воду или воду, смешанную с медом; вот почему выше Эдип называет их «трезвыми».

171, 8—9: *...боги возмездьем тому не грозят, Кто за зло платит злом* — не оказать гостеприимства чужеземцу, просящему о нем, означало оскорбить самого Зевса, покровителя странников. Таких нечестивцев преследуют Эриннии. Но Эдип, по мнению хора, сам нечестивец, да еще скрывший свое истинное имя — и совершить в отношении него зло, изгнать, вполне уместно.

174, 9: *...на жеребце этнийском* — т. е. на сицилийском (где расположена гора Этна).

174, 11: *Фессалийская шляпа* — широкополая шляпа, обычная для пастухов и путешественников.

175, 7: *И вести принесла* — новые прорицания, принесенные Исменой, в сущности уже известны Эдипу — он предвидел и вражду сыновей, проклятых им, и благодеяния, которые принесет его могила земле, давшей ему приют. Этот мотив нужен Софоклу, чтобы объяснить приход Исмены.

176, 3: *О, как они похожи на египтян* — сведения о египтянах Софоклу, вероятно, сообщил его друг Геродот — они содержатся в его «Истории» (II, 35).

176, 19: *Кадмеяне* — фиванцы.

176, 34—35: *Проклятия, что издревле наш дом Преследует* — первым проклятым был Кадм, убивший дракона, посвященного Аресу, богу войны, и за это в старости сам превращенный в дракона. Несчастья преследовали и его потомков: Семела, мать Диониса, погибла в огне, Агава растерзала в вакхическом буйстве своего сына Пенфея. Правнук Кадма, Лай, по одному из мифов, похитил сына Пелопа, мальчика Хрисиппа и стал причиной его гибели, за что Аполлон предрек, что собственный сын Лая убьет его, как и случилось (см. «Эдип-Царь»). Прокляты и дети Эдипа, рожденные им в кровосмесительном браке.

176, 36: *...уж их злой иль Рок* — в подлиннике: «боги и нечестивый разум», т. е. и то и другое.

177, 2: *...в глубокий Аргос* — точнее, окруженный горами, лежащий в долине.

177, 3: *Товарищей-воителей собрал* — излагается начало легендарного похода «Семерых против Фив» (см. одноименную трагедию Эсхила).

178, 2—3: *...близ Кадмовой земли Похоронить* — в подлиннике Креонт собирается «поместить», т. е. насильно поселить Эдипа близ Фив.

186, 18: *...я и сам когда-то жил в изгнание* — по мифу, Тесей воспитывался в доме своего деда, царя Трезены, и лишь в юности пришел к своему отцу, афинскому царю Эгею, совершив по пути множество подвигов, избавивших Грецию от злодеев и чудовищ.

189, 14: *И некогда нарушит стук мечей* — действительно, во время Пелопоннесской войны Фивы в союзе со Спартой сражались против Афин.

191, 12: *...бог пославший* — Аполлон, чьему прорицанию подчиняется Эдип.

191, 24: *Богини-кормилицы* — Деметра и ее дочь, Персефона, богини-покровительницы растительного мира.

192, 1—2: *Нарцисс и шафран* — цветы, посвященные Деметре и Персефоне.

192, 4: *Кефис* (Кефиз) — крупнейшая река Аттики.

192, 5: *Киприда* — Афродита.

192, 9: *...на дорическом острове Пелопса* — имеется в виду Пелопоннес. По греческим легендам, племена дорийцев заняли его после Троянской войны, в то время как Эдип жил до нее. Вероятно, Софоклу важно упоминание о дорийцах, т. к. в следующих строках комментаторы обычно видят намек на вторжение в Аттику спартанского (дорийского) царя Архидама (431), воины которого не тронули маслин — деревьев, посвященных грозной Афине.

192, 17: *Дий* — Зевс; в подлиннике имеет эпитет «Морий», от «μόριον» — священная маслина.

192, 24: *Посейдон* — как и Афина, считался покровителем Афин; по преданию он выбил своим трезубцем из скалы на Акрополе источник с морской водой и подарил коня первому царю Афин — Кекропу. Спор Посейдона и Афины за господство в Аттике изображен на западном фронте Парфенона.

192, 30: *Нереиды* — морские нимфы.

193, 32: *Какое поношение* — эти слова, как и весь монолог Креонта — образец искусной и циничной речи софиста: поведение Антигоны, самоотверженно заботящейся об отце, не может позорить ни Эдипа ни его род.

195, 13—14: *...праведный не должен С искусством равным говорить про все* — еще один намек на современных Софоклу софистов, способных искусными речами обосновывать любые, даже противоречащие друг другу утверждения.

195, 21: *Разведчиком пришел сюда напрасно* — Эдип выражается более образно: «Не разведывай, встав на якорь там, где мне нужно плавать».

202, 6: *...где обе сходятся дороги* — из Колона действительно вели две дороги на Киферон: одна — вдоль Элевсинского залива и через Элевсин, другая — севернее, в обход Эгалейского хребта; обе сходились южнее селения Элевфер. Тесей торопит сограждан, чтобы они успели захватить девушек еще на афинской земле.

202, 26—27: *Но там, как и у нас, Не любят злых* — комплименты в адрес Фив некоторые исследователи считают позднейшей вставкой, возможно, она принадлежала Софоклу-внуку, т. к. в 401 г. именно Фивы помогали Афинам освободиться от тирании «Четырехсот».

203, 15: *Ареопаг* — орган афинской аристократии, совет старейшин, его учреждение приписывали Афине; до 462 г. (реформы Эфиальта) играл важную роль в политической жизни, позднее занимался лишь уголовными делами.

206, 13: *Меднобренный Арей* — в подлиннике: «с медным голосом».

206, 18: *Богини Плодородья* — Деметра и Персефона.

206, 19: *Таинства* — Элевсинские мистерии, участники которых давали строжайший обет хранить в тайне все, что там происходило.

210, 15: *Тебе родня, хотя и не из Фив* — далее Тезей признает в Полинике аргосца, возможно, по характерной одежде.

212, 31: *Ибо долгая жизнь — только долгая скорбь* — строфа и антистрофа песни хора воспроизводят часто встречающееся в греческой литературе рассуждение. Так, например, греческий поэт Феогнид (VI в.) писал:

Было бы лучше всего тебе, смертный, совсем не родиться,
Вовсе не видеть лучей ярко светящего дня;
Если ж родился — пройти поскорее ворота Аида
И под землей глубоко в ней погребенным лежать.
(Пер. Л. Блуменау).

213, 25: *...от Рифея ночного* — Рифейские горы находились в «странах полуночных», т. е. на Севере.

223, 4: *Для воинства, посеянного Кадмом* — т. е. для фиванцев. По мифу, Кадм посеял зубы убитого им дракона, из них выросли воины, начали сражаться между собой и все кроме пятерых погибли. Эти пятеро помогли Кадму выстроить крепость Кадмею и стали родоначальниками знатнейших фиванских родов.

223, 22: *...подземная богиня* — Персефона, жена Аида.

223, 23: *Гермес, Путеводитель душ* — по представлениям греков, Гермес сопровождал души умерших в подземное царство.

223, 36: *Аидоней* — Аид.

223, 40: *В обители Стигийские* — в Аид, где течет Стикс, подземная река царства мертвых.

224, 7: *Неукротимый Зверь* — пес Кербер (Цербер).

224, 13: *Дитя Земли и Тартара* — бог смерти Танатос, обычно считался порождением Ночи.

224, 29: *...к Порогу Бездны* — см. примеч. *Медный Порог*: ст. 163, 12.

225, 3: *Где некогда Тесей и Перифой* — по легенде, Тесей и царь лапифов Перифой на этом месте метали жребий о том, кому достанется Прекрасная Елена, привезенная ими в Афины. Она досталась Тесею, который ранее поклялся помочь Перифою также добыть невесту. Связанный клятвой, он последовал за Перифоем в Аид, чтобы украсть Персефону. Спустившись туда через расщелину в скале у Медного Порога, они были схвачены Аидом и прикованы у входа в подземное царство. Позже их освободил Геракл (вариант — освободил только Тесей).

225, 5—6: *Форикийские скалы, гробовая плита, дикая груша* — какие-то неизвестные нам колонские святыни.

225, 10: *К Деметре многоплодной* — в подлиннике упоминается Деметра-Хлоя, т. е. «зеленеющая» — покровительница весенней растительности. В Афинах было отдельное ее святилище (Павсаний, I, 22, 3).

232, 13: *Оркос, всеслышащий Демон* — Орк или Горк — сын богини Эриды, слуга Зевса, карающий клятвопреступников.

Антигона

Время написания трагедии принято датировать 442 г. По сообщению античных источников, в этом году афиняне, воодушевленные постановкой «Антигоны», избрали Софокла стражем для войны против острова Самоса.

Сюжет «Антигоны» намечен в трагедии Эсхила «Семеро против Фив», которая кончалась запретом властей хоронить Полиника и решением Антигоны нарушить этот запрет. Однако некоторые ученые считали этот финал дописанным позднее, для повторных постановок в IV в., и потому согласованным со знаменитой «Антигоной». Согласно мифологической традиции, Антигона действительно ослушалась Креонта и похоронила Полиника, но наказанию за это не подверглась. Видимо, именно Софокл ввел мотив смертной казни тому, кто похоронит Полиника — и сделал это единоличным решением Креонта (в трагедии Эсхила не хоронить Полиника решает Совет).

ВЕ, 1892, № 4, с. 457—458 (предисл., впоследствии не перепечатывавшееся), 459—510. С изменениями при последующих публикациях. Отд. изд. — СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1902. ПСС 1912, т. 14, с. 207—265. Печ. по ПСС 1914, т. 21, с. 3—64, с уточнением ремарок по ВЕ.

Предисловие в «Вестнике Европы»:

«Антигона» — заключительная часть трилогии Софокла, связанной последовательным развитием драматического действия.

В первой части, «Эдип-Царь», — изображается судьба отца Антигоны, властителя Фив. В городе свирепствует моровая язва. Дельфийский оракул, обещая народу избавление от заразы, требует немедленной казни неизвестных убийц Лайя, предшественника Эдипа на престоле Фив. Прорицатель Тиресий, после долгих колебаний, объявляет, что убийство совершено самим царем Эдипом. Царь в негодовании и ужасе отвергает страшное подозрение. Но, желая оправдаться перед народом и уличить истинного преступника, он мало-помалу с неотразимою для себя ясностью убеждается в своем невольном преступлении, сначала из слов вестника, — потом из рассказа старого пастуха, который спас Эдипа, в младенчестве покинутого отцом. Иокаста, жена покойного царя и вместе с тем жена своего собственного сына, Эдипа, кончает жизнь самоубийством. Сам он в отчаянии вырывает себе глаза пряжками хитона и слепой, лишенный престола, умоляет об изгнании, как о милости. Таково содержание первой части трилогии.

Во второй части: «Эдип в Колоне», — изгнанный царь фиванский со своей дочерью Антигоной, которая не покидает отца в несчастье, приходит в Колон, местечко близ Афин, в заповедную рощу Эвменид, богинь мщения. Тесей, царь Афин, принимает Эдипа благосклонно. Изгнанник сообщает ему новое предсказание дельфийского оракула: боги даруют счастье и победу над врагами тому народу, в чьей земле будет жить Эдип или будут покоиться его кости. Креон, желающий овладеть Фивами и воспользоваться милостью богов, обещанной оракулом, приходит к Эдипу во время отсутствия Тесея и пытается силою увлечь изгнанника обратно в Фивы. Но Тесей, вернувшись, принуждает Креона удалиться. Тогда к Эдипу приступают с мольбами его сын Полиник. Между ним и братом Этеоклом возгорелась непримиримая ненависть из-за обладания Фивами. Полиник, покинувший родину и объявивший своим тестем аргосского царя, Адраста, ведет на Фивы семь союзных вождей во главе семи отрядов. Он умоляет отца присоединиться к ним, зная, что победа, согласно с предсказанием оракула, должна

принадлежать тому из двух враждебных войск, на чьей стороне будет Эдип, живой или мертвый. Отец отвергает его мольбы, и Полиник убегает в решимости или погибнуть, или умертвить Этеокла и овладеть Фивами. Эдип уходит в глубину заповедной рощи и умирает, примиренный с богами.

В «Антигоне», последней части трилогии, изображается гибель самоотверженной дочери Эдипа. Семь вождей, осаждавших Фивы, потерпели поражение. Этеокл и Полиник пали оба, умертвив друг друга в единоборстве. Креон овладел престолом и объявил народу, что труп Полиника, врага отечества, будет предан позору и лишен погребения; того же, кто дерзнет нарушить волю царя, ожидает смертная казнь. С этого момента и начинается действие в последней части трилогии, открывающейся сценою между двумя сестрами, дочерьми Эдипа, Антигоною и Исменою. Антигона сообщает сестре повеление нового правителя Фив, — Креона.

Варианты текста по ВЕ:

233, 1: О, дай обнять главу твою, Исмена!

234, 18—19: На площади побит камнями. Теперь / Ты знаешь все. О, покажи скорее,

234, 25: Скажи, какой ты замысел питаешь?

234, 25—26: Похоронить мне брата помоги.

234, 26—27: Ужель дерзнешь закон царя нарушить?

235, 1—2: О, если ты боишься, я одна / Похороню возлюбленного брата!

235, 4: Не может царь отнять меня у тех,

235, 27: Нет! Делай ты, что хочешь. Тело брата

235, 29—30: Желанною. Презрев закон, исполню / Мой вечный долг и лягу рядом с ним,

236, 3: Я чту богов в душе, но силы нет

236, 6: Воздвигнуть холм могильный Полинику.

236, 7: О, бедная, мне страшно за тебя!

236, 8: Спасай себя лишь, — за меня не бойся.

236, 11: О, нет, иди к врагам, открой им все:

236, 13: Каким огнем душа твоя полна!

236, 15: Но ты достичь не можешь...

237, 1—6: О, нет, молчи, Исмена, / Не то врагом ты будешь мне навек / И снизойдешь в могилу ненавистной / Родным теньям. О, дай исполнить мне / Мой замысел безумный и погибнуть! / Что б ни было, я верю, — будет смерть / Прекрасною!..

237, 6: Иди, сестра моя.

239, 6—13: И я призвал избранных моих. / Вы чтите скипетр и трон священный Лаяя, / И верными остались до конца / Вы при царе Эдипе и при детях / Умершего владыки. И теперь, / Когда они, друг друга убивая / Преступною рукой в одном бою, / Разящие, сраженные, погибли, —

239, 15: Я власть от них законную приемлю.

239, 20—31: О благе всех, кто истину таит / В груди своей,
открыть ее не смея, / И для кого не выше всех друзей / Отече-
ство, — тот для меня ничтожный, / Презренный человек! Сви-
детель бог / Всевидящий: молчал ли я из страха, / Когда-ни-
будь скрывал ли я беду / Грозящую, и был ли враг отчизны /
Среди моих друзей? Я думал так: / О, только бы спасти родную
землю, — / Друзей всегда довольно мы найдем. / И в этих мыс-
лях я вовек пребуду, — / И благо тем отчизне принесу. / Так
ныне всем я повелел: да будет

239, 40—42: Я повелел, да будет Полинник / Лишен в земле
родной могильной сени, / Да будет труп злодея, страшный лю-
дям,

240, 2: Я так хочу: чтоб не был нечестивый

240, 9: Повелевать и мертвым, и живым.

240, 10: Я вас избрал хранить мои веленья.

240, 12, Уж я давно приставил к телу стражу.

241, 6: Тебе, мой царь, всю правду расскажу.

241, 9: Какую весть принес ты, полный страха?

241, 15: Должно быть, весть тревожна...

241, 15—16: Страх великий / Внушает нам предчувствие
беды.

241, 27: Но говори скорей, чтоб быть свободным.

241, 31: Что говоришь ты? Кто дерзнул?

242, 1: И не нашли мы никаких улик

242, 5—6: Недоброе! Невидим был мертвец, / Непогребен,
но скрыт могильным прахом,

242, 8: И никаких следов мы не открыли:

242, 12: В несчастии друг друга упрекали,

242, 14—16: Никто не мог нас помирить, и каждый / Ви-
новником казался для других, / А верного мы ничего не знали.

242, 19—20: Каленое готовы были все, / Чтоб доказать, что
раньше не слыхали

242, 22: Ни помыслом, ни делом неповинны.

242, 25: Что голову склонили мы к земле

242, 33—34: И вот я здесь — наперекор моей / И вашей
воле: ненавидят люди

243, 5: Чтоб грабить, жечь, законы ниспровергнуть

243, 7: Не пощадив многоколонных храмов?

243, 9: Бессмертные? Но, нет — не их, а граждан

243, 11: Мятежники, главами помавая,

243, 23: Нет! Если тех, кто труп похоронил,

243, 28: Я не убью, я вас живых повешу

243, 36: Но мне в словах твоих отрады мало...

244, 1: Зачем тебе об этом знать?..

244, 1—3: Подумай: / Кто весть принес, тот слух твой ос-
корбил, / А душу — тот, кто совершил деянье.

244, 4: Без умолку умеешь ты болтать!..
 244, 7: О, как и чем разубедить того,
 244, 9: Нет, говори, что хочешь, о своей
 245, 1: По волнам седого Понта,
 246, 24: Пришел опять и деву я привел
 247, 2: И заслужил прощение твое!..
 247, 2—3: Как ты нашел ее?
 247, 3—4: Она воздвигла / Могильный холм...
 247, 4: Но правда ли?..
 247, 16: Мы бранными словами. В этот час,
 248, 10: И мы ее схватили, и она,
 248, 20: Оправданный от обвинений тяжких.
 248, 23: И наш закон нарушить
 252, 22: Я не стыжусь в страданиях для тебя
 257, 12: Я весь тебе принадлежу: давая
 257, 20: Его друзей он также почитает,
 257, 30: Коварных? Нет, изменницу отвергни,—
 257, 33: Единую в народе уличив,
 258, 10—11: Нет! Волю чтить владыки должно в малом / И
 в праведном, и в тягостном. Поверь,
 258, 22: Пред женами не отступлю вовеки!
 258, 27: Я не скажу, сказать я не осмелюсь,
 258, 31: Что говорит народ, что порицает,
 258, 34—35: Ему не льстят. А я подслушать мог, / Как втай-
 не все невинную жалеют
 259, 26—27: А если ум столь редкий дар,— пускай / Хоть
 мудрому совету люди внемлют.
 259, 30—32: Чтобы я, / В моих годах, выслушивал советы
 / От юношей!..
 259, 35: В моих речах,— ты рассуди.
 260, 1—3: О том / Вся речь твоя, что должно беззаконным
 / Потворствовать.
 260, 6: Преступной Антигону?
 260, 9: Не может мне предписывать законов.
 260, 12: Я властвую один в моей земле.
 260, 13: Нет, никому принадлежать не может
 260, 14—15: Земля тому / Принадлежит, кто в ней повеле-
 вает.
 261, 5—6: Когда хотел, чтоб люди уважали / Закон и власть
 мою?
 261, 6—7: Ты был неправ, / Когда закон божественный
 нарушил.
 261, 11: Вся речь твоя лишь за нее...
 261, 11—12: Неправда!.. / Я говорил, отец, и за себя,
 261, 14: Мне слов пустых довольно... Жалок тот,
 261, 15: Нет, не хочешь
 262, 2: Я так решил:

262, 4: Еще один погибнет с ней!
 262, 4: Ты смеешь / Грозить?
 262, 5: Ужель ответ пустым речам — / Угроза?
 262, 6—7: Знай, что собственные речи, / Оплавав их, ты скоро назовешь
 262, 9: Я назвал бы тебя безумцем!
 262, 9—10: Я — / Безумец! О, клянусь Олимпом вечным,
 262, 12—14: Обиды! Нет!.. Рабы, сюда ведите / Преступни-
 цу. Она умрет сейчас / Близ жениха, перед его очами!
 262, 14—16: Не предо мной: меня не будет здесь... / Не
 встретимся мы больше в этом мире. / Я уйду, и с этих пор один,
 263, 2—3: Хотя б он больше мог, чем может смертный, — /
 От гибели ничем их не спасет.
 263, 4: Но разве ты предашь обеих смерти?
 263, 17: В загробный мир и мертвых почитать!
 264, 18: К смертному ложу грядет.
 264, 29: Ты грядешь в жилище мертвых,
 267, 19: Наперекор законам, ни супруга,
 267, 38—39: Виновою, но если вы преступны, / Враги
 мои, — нет, не желаю вам
 268, 3: Так ведите же ее, горе вам, о, рабы,
 269, 27: Меж тем она царственным родом была
 269, 29: Меж тем ее в дальних пещерах Борей,
 270, 8—9: И счастливо доныне управлял / Ты городом.
 270, 12: Старик, от слов твоих я трепещу.
 272, 2: Когда, пленен корыстью, изрекает
 273, 5: Слова твои подкупными не будут!
 273, 6: Всегда правдив был вещей мой глагол.
 273, 18—19: Ни боги, — нет, ты преступил закон / И совер-
 шил насилие. Духи мщенья,
 275, 15: Ты, Дионисий, царящий
 275, 17: И на полях Элевзиса,
 276, 31: Он некогда был зависти достоин.
 277, 10—11: Увы, пророк, / Исполнился глагол твой вещей!..
 278, 22: В подземную гробницу мы пошли.
 278, 25: Сказал царю. Приблизился владыка,
 281, 21: Поднять зениц, покрытых тенью смертной,

233, 11: *...ждет друзей твоих судьба врагов* — не совсем
 точно: Антигона говорит, что любимым (т. е. Полинику) гро-
 зит беда, идущая от врагов.

233, 14: *...брат убил в сраженьи брата* — Этеокл и Поли-
 ник убили друг друга в поединке.

233, 16: *...войска аргосцев* — войско семерых вождей, при-
 веденное Полиником из Аргоса (см. «Эдип в Колоне», ст. 1359—
 1375).

234, 9: *А между тем останки Полиника* — решение Креонта не просто жестокость по отношению к погибшему и его родственникам. По представлениям древних, не оплаканный должным образом и не похороненный мертвец не найдет посмертного успокоения, его душа не сможет спуститься в Аид. Для города же присутствие непохороненного тела и неоплаканной души может стать источником скверны.

234, 21: *Бесчестной ли от честных родилась* — еще греческий поэт Феогнид считал, что сама природа велит благородным порождать благородных, а низким — низких (Феогнид, ст. 183—185, 537—538).

235, 21: *У мертвеца я вымолю прощенье* — в подлиннике: «у подземных», т. е. у подземных богов — Аида и Персефоны, оскорбленных тем, что у них отнят принадлежащий им по праву мертвец, может быть, также и у Эринний, богинь кровной мести, ведь Исмена отказывается похоронить родного брата. Исмена видит свое оправдание в том, что, нарушая божественный, она выполняет человеческий закон — приказ старшего в роде и главы государства, причем не добровольно, а подчиняясь силе.

237, 11: *Над Диркейской волной* — Дирке, река в Фивах.

237, 30: *Как чудовище* — в подлиннике войско фиванцев сравнивается с драконом, т. к. фиванцы возводили свой род к воинам, выросшим из посеянных Кадмом драконовых зубов. Врагом дракона считался орел, поэтому он символизирует войско Полиника.

238, 9—10: *...во прах Сбросил молнией* — имеется в виду Капаней, царь Аргоса, один из семи вождей, известный своей надменностью и презрением к богам. Штурмующие стены Фив, он кричал, что его не удержит сам Зевс — и Зевс поразил его молнией. В последующей литературной традиции — символ дерзкого богоборчества; Данте в «Божественной комедии» поместил его в 7-й круг ада, среди богохульников (XIV, 46—72).

238, 19—20: *...покинув Богу медные трофеи* — медные доспехи побежденных (павших и бежавших с поля боя) посвящались как трофеев Зевсу. Только доспехи Этеокла и Полиника не могли быть посвящены богу, т. к. они оба победители — каждый убил своего противника.

238, 28: *С громкою славой богиня Победа* — Ника, в подлиннике названная «μεγαλόνομος» — «с великим именем».

238, 36: *Менойkid* — Креонт, сын Менойка (Менекея), брат Иокасты, дядя Антигоны и Исмены.

239, 21—22: *И для кого не выше всех друзей Отечество* — пример трагической иронии: Креонт готов ради отчизны отречься и от друзей, и от родных, думая, что это принесет ей благо. Он еще не знает, что ему придется пожертвовать всеми близкими, и это принесет городу лишь гнев богов.

242, 18: *Пройти огонь и в руки взять железо* — согласно древним представлениям, невиновному ни огонь, ни раскаленное железо не причинят вреда — и тем засвидетельствуют его невиновность.

243, 25—26: *...отца Крониона* — т. е. Зевса.

244, 19—20: *В мире много сил великих, Но сильнее человека* — в подлиннике о человеке сказано: «κοῦδὲν ἄνθρώπου δεινότερον» — «нет ничего ужаснее, сильнее, удивительнее человека» — и эту многозначность слова δεινός затруднительно передать при переводе. Для Софокла важно и то, как могуч человек, и то, как удивительным образом в нем сочетается сила — и слабая, смертная природа, ум — и ограниченность человеческого знания.

248, 25—26: *Закона твоего Не начертал ни бог* — в подлиннике: Зевс.

252, 9—10: *И на прекрасных ланитах — Жаркий румянец от слез* — в подлиннике: «туча над бровями омрачает окровавленное лицо, прекрасные щеки орошены слезами». Комментаторы считают, что Исмена появляется уже не в той маске, что в начале трагедии: на щеках у нее красные полосы, знак того, что она в скорби раздирала себе ногтями лицо.

252, 11: *Ехидна* — змея.

255, 4: *О, бедный, милый Гемон* — в рукописи эти слова принадлежали Исмене, но, начиная с первого печатного издания Альда Мануция, многие издатели отдают их Антигоне, руководствуясь представлением о ее любви к Гемону.

256, 11: *О, последняя жертва безумия* — в подлиннике хор поет, что Антигону привели к гибели «губительное безумие речи и помраченный ум».

256, 36—37: *Если тебя небожители, Смертный, ведут к преступлению* — возможно, эту мысль Софокл также почерпнул у Геродота (см., например, рассказ о подготовке похода Ксеркса на Грецию: боги решают покарать его и посылают ему губительные ложные сны, заставляющие принять роковое решение воевать с греками — VII, 12—18).

258, 11: *Не только в легком, но и трудном* — в подлиннике иная мысль: «правителю надлежит повиноваться и в малом и в справедливом и в противоположном» — т. е. и в несправедливом.

259, 16—17: *Так дерево, поникшее ветвями, Не падает* — имеется в виду, что деревья, которые гнутся под бушующими зимними потоками, сохраняют ветви; те же, что противостоят — погибают.

263, 12: *Чтоб города не осквернить убийством* — убийство свободного гражданина, тем более царской дочери, могло навлечь на город скверну. Чтобы избежать этого, Креонт решает не проливать кровь Антигоны — т. е. им движет не жестокость, а своеобразная забота о благе города.

263, 16—17: *...как бесполезно верить В загробный мир и мертвых чтить* — в подлиннике: «труд напрасный — почитать Аид». При всем нечестии, Креонт не мог сомневаться в наличии Аида.

264, 23: *Ахерон* (Ахеронт) — река в подземном царстве.

265, 2: *Ниобея* (Ниоба) — мифологическая фиванская царица, дочь фригийского царя Тантала, внука Зевса, имела семь сыновей и семь дочерей и хвасталась ими перед Латоной, имевшей только двоих — могущественных Аполлона и Артемиду. Дети Латоны, мстя за обиду матери, убили всех детей Ниобы и она от горя превратилась в камень, стоящий на горе *Сепил* (Сипил) в Малой Азии. Даже окаменев, Ниоба тоскует по детям, и по камню текут слезы.

265, 27—29: *Ты устремилась... К подножью Правды* — не очень ясное место, в подлиннике: «Ты тяжело обрушилась, дитя, на высокий алтарь Правды». Некоторые исследователи видели в этих словах хора признание, что Антигона нарушила заветы Правды. Можно понять и так, что она припала к алтарю Правды в поисках справедливости.

266, 10: *Полиник мой возлюбленный* — в подлиннике говорится о несчастном браке Полиника — причине гибели и его и Антигоны. Действительно, брак с аргосской царевной Аргеей, дочерью Адраста, дал ему возможность собрать войско и выступить против родного города.

267, 19—20: *...ни супруга, Ни сыновей не погребла бы* — эти рассуждения вызывали у ряда исследователей сомнения в подлинности. Антигона до сих пор ссылалась на вечные законы божественной Правды, а эти объяснения кажутся приземленно-прагматическими, к тому же и бесполезными — она уже приговорена к смерти. С другой стороны, для Антигоны важно, что она чтит не только закон богов, но и древние установления предков. Возможно, эти строки возникли под влиянием Геродота, где жена знатного перса Интафрена рассуждает точно таким же образом (III, 119).

268, 15: *Даная* — дочь царя Аргоса Акрисия, которому было предсказано, что его убьет собственный внук. Чтобы избежать его рождения, Даная заточили в медную башню, куда Зевс проник в виде золотого дождя и таким образом родился герой Персей.

269, 2: *Дриантова буйного сына* — речь идет о фракийском царе Ликурге, отказавшемся чтить Диониса; он был заключен в расселину скалы, с которой сросся.

269, 17: *...беспощадный Арес* — в подлиннике: «обитающий неподалеку» Арес.

269, 18: *...два сына Финея* — Финей, царь Сальмидесса (западный берег Босфора), имел двух сыновей от первой жены Клеопатры, которую он вскоре заточил в темницу; вторая жена

ослепила пасынков и заключила их в склеп. По Диодору Сицилийскому, Финей сам ослепил сыновей, подстрекаемый второй женой (IV, 43).

269, 28: *Из древней семьи Эрехтидов* — Клеопатра была внучкой аттического героя Эрехтея, ее мать похитил бог северного ветра Борей.

275, 12: *Многоименный потомок* — у Диониса было много имен: Вакх, Лией, Бромий, Бассарей, Сабасий.

275, 13: *Тяжкогремящего бога* — Зевса.

275, 14: *Девы Кадмейской* — Семелы, дочери фиванского царя Кадма, матери Диониса.

275, 18: *...тайнств Деметры* — см. примеч. к ст. 206, 18, 19.

275, 28: *...корикийские нимфы* — обитали в Корикийской пещере на горе Парнас, были спутницами Диониса.

275, 30: *...кастальские воды* — источник около горы Парнас.

276, 3—4: *...как мать... громом Пораженную* — Семела по совету Геры, желавшей смерти сопернице, попросила своего возлюбленного, Зевса, явиться во всем блеске могущества и, сожженная небесным огнем, погибла. Зевс спас нерожденного Диониса, зашив себе в бедро и доносив до положенного срока.

276, 10: *...через волны морские* — возможно, Диониса ждут с горы Ниса, находящейся на острове Эвбея, за проливом.

276, 21: *Амфион* — сын Зевса и фиванской царевны Антиопы, один из строителей фиванской крепости.

278, 16: *...помолясь Гекате и Плутону* — Геката — богиня Ночи и Луны, подательница урожая и богатства, ее жертвенники стояли на перекрестках дорог и были осквернены кусками мертвой плоти Полиника, разносимыми птицами и зверями. Плутон, владыка подземного царства, оскорблен тем, что принадлежащий ему мертвец не был погребен.

281, 19: *Мегарей* — старший сын Креонта, погибший при защите Фив, упоминается у Эсхила («Семеро против Фив»). В «Финикиянках» Еврипида его зовут Менекей, он добровольно приносит себя в жертву Аресу, т. к. это единственный способ спасти Фивы.

Премьера «Антигоны» состоялась в Московском Художественном театре 12 января 1899 г. Мережковский откликнулся на нее статьей (Мир искусства, 1899, т. 1, № 7/8, с. 64—64; ПСС 1914, т. 17, с. 19—24):

Трагедия целомудрия и сладострастия

В Москве, в нынешнем году, поставлена трагедия Софокла «Антигона», судя по многочисленным отзывам — тщательно, но едва ли вполне удачно, с излишними сценическими эффектами.

Значение хоров, в которых заключена вся мудрость и поэзия трагедии, ослаблено, потому что их превратили в оперные хоры. Публике, впрочем, это понравилось: вероятно, без оперы она бы скучала от однообразной простоты великих слов и не столь охотно посещала бы представления. Но во всяком случае постановка греческой трагедии у нас, и то, что толпа любопытствовала и шла в театр — есть уже событие. Оно говорит о едва нарождающемся, смутном желании что-то понять, прежде совсем не нужное, обратить взоры в ту сторону, куда прежде вовсе не смотрели. Но может быть нехорошо, что нашей младенческой толпе, чтобы привлечь и забавить ее, чтобы остановить ее внимание, — делают вечные уступки: дают оперу в трагедии, скрывая под семитическими сентиментально-нежными мелодиями Мендельсона суровые и беспощадные пророчества древнего эллина; из других трагедий — выбрана первая «Антигона», произведение высокое и совершенное, — но все-таки менее дерзновенное, чем остальные части трилогии — «Эдип-Царь» и «Эдип в Колоне». Те, от кого зависел выбор трагедии, думали, вероятно, что «Антигона» современнее. Но ее только скорее, чем какую-либо иную трагедию, можно «приспособлять» к современной сентиментальности, понять со стороны неглубокой, общедоступной, мнимо-христианской чувствительности — что, вероятно, большинство публики, не скучающей во время представления, и делает. Современность гораздо шире и глубже, чем случайное, сентиментальное волнение, которое может дать среднему человеку ложно понятая «Антигона». И если взоры людей невольно обращаются назад, к великим произведениям древности, со смутной надеждой найти в них звуки наших дней, — почему не дать им то, в чем звуки эти яснее и совершеннее, почему не показать живую связь прошлого с будущим без прикрас, уступок и смягчений?

Еврипид, в сравнении с Эсхилом и Софоклом, казался некогда трагиком упадка. Его находили слишком утонченным, изысканным, лишенным той громовой силы, которая есть у его предшественников, упрекали за то, что он отошел от правды жизни и допустил чудесное в своих трагедиях. Но так ли это?

Действительно, боги развязывают у него узлы человеческих страстей сверхъестественным вмешательством: он обнажает два вечные начала мира, «Я» и «не-Я», Аполлона и Диониса, до последней, почти безобразной наготы; он знает борьбу между ними, и уже символизирует ее в «Ипполите» борьбой

двух богинь — Афродиты и Артемиды. Может быть, у него уже слишком много сознания, что лишает его стихийной, первобытной мощи Эсхила и совершенной гармонии Софокла; но именно это острое и тонкое сознание и преобладание его над стихийностью, глубокая прозрачность символов, разлад, ослабляющий и углубляющий его, — и приближают к нему нас, людей с душами, едва пробудившимися к сознанию, еще такими же раздвоенными, как душа Еврипида. Также, как он, мы поняли, что трагедия мировой жизни заключается в окружающей, в проникающей нас великой борьбе двух великих начал; так же, как он, увидели, что говорить о ней можно только символами, и как он — слишком острым и тонким сознанием еще не сумели найти последней гармонии последнего соединения.

Афродита — сила, сладострастие и красота — идет против Артемиды, целомудренной, строгой, нежной — и такой же сильной и прекрасной. Обе они равно прекрасны — и потому равно правы. Вечная борьба их не оканчивается и никогда не окончится в трагедии мира поражением одной, победой другой, и эта борьба не нарушает их олимпийской тишины и ясности, совершаясь *только* внизу, на земле, в сердцах человеческих. Артемида говорит Тесею после гибели Ипполита:

А есть такой обычай у блаженных,
Что на своих в семье богов никто
Не восстает, но каждый уступает.
Не то, поверь, не стала бы терпеть
Я, гордая, такого униженья,
Чтоб из людей того, кто для меня
Дороже всех, невинного казнили.

.....
Но как над ним ты должен плакать, смертный,
Когда и мне его, богине, жаль!¹

Молниеносную Афродиту — мстительницу — Хор называет беспощадною:

Эрос! Эрос! Желанья
Ты вливаешь чрез очи
В душу тех, кого губишь,
Проникая в сердца
Упоительной негой...
Не являйся мне, Эрос,
Разрушающей силой,
Беспощадным врагом!

¹ Трагедия Еврипида «Ипполит» в переводе Д. С. Мережковского. —
Примеч. авт.

Нет, слабей огонь пожара
И светил, враждебных людям,
Смертоносные лучи,
Чем из рук твоих любезных
Стрелы нежной Афродиты,
Олимпийское дитя!

И далее:

Диркейский колодезь,
Священные Фивы,
Вы помните *ярость*
Богини любви:
Там Семелу, Дионисия
От Крониона зачавшую,
Не на радость полюбившую,
Ты сожгла, Киприда, молнией:
Губишь все своим дыханием,
А потом, золотокудрая,
Улетаешь, как пчела!

Богиня Сладострастия мстит человеку, непокорному ей, чему-
щему в сердце своем богиню Целомудрия; убивает его и губит
невинную Федру, «сжигает все своим дыханием»; Ипполит умирает,
его должны принести к отцу; и вдруг, среди горя и плача,
среди несчастий, созданных Афродитою, перед самым появлением
Артемиды, Хор возглашает радостный, как бы победный
гимн:

Гордое сердце богов и людей
Ты, Афродита, смиряешь.
Веет над ними, порхая, твой сын
Легкий, на радужных крыльях,
И над певучей соленой волной,
И над землею летает...
Укрощает Эрос
И зверей свирепых,
На горах живущих, —
Только что в их душу
Темную проникнет
Золотым лучом;
И морских чудовищ,
И несметных тварей,
Вскормленных землею
Озаренной оком
Солнца, — и людей!
Всем повелевает.

Надо всем, Киприда,
Ты одна царишь!

Какая тишина, какое благоволение в злой силе прекрасного!

В этот миг является Артемида, непобежденная и непобедившая, чистая, справедливая и холодная. Она снимает клевету с Ипполита:

О, милый мой, для мук ты был рожден
И жить с людьми не мог, затем, что *слишком*
Была для них душа твоя чиста.

Но когда он, умирающий, взывает к ней:

О, Артемида,
Взгляни, как я страдаю!

Богиня отвечает ему кротко:

Вижу все.
Но слезы лить не должно нам, блаженным.

Ипполит в безумии ропота восклицает:

Зачем проклясть богов не могут люди!

Но Артемида утешает его, безгневно обещает отомстить Афродите, убив человека, который ей дороже всех. Борьба продолжается в бесконечность, и поле битвы все то же — сердце человека. Еврипид понимает, что эта борьба богов — есть истинная жизнь людей, что она — биенье их сердца, движение крови, усилие и победа мысли. Мир — две чаши весов, вечно колеблющихся, две разные и равные чаши, с одной трепетной стрелкой вверх. И только две, соединенные и далекие, они могут существовать, обреченные на ничтожество одна без другой:

Если о мудрости вечных богов помышляю, —
В сердце моем утихает тревога,
И понимать начинаю
Волю бессмертных
В мире земном.

Прошло много веков, борьба Артемиды и Афродиты проявлялась многими символами, люди познали галилейское учение целомудрия, смирения, отречения и покорности, не победившее их.

Еврипид, как будто за много веков, прозревал неведомое новое учение и носил его в душе своей. Это смутно чувствовали люди старой русской Церкви, тихие и глубокие, более нас близкие к тайне жизни, потому что они в эту тайну хотели проникнуть, тогда как теперешний средний человек, под корой сонной нехристианской и неязыческой пошлости, — к ней равнодушен. Наши древние иконописцы изображали языческих мудрецов, поэтов и Сибилл, предвещавших Мессию. И в Вяжицком монастыре, в храме святого Николая (1462 г.) под Спасителем, сидящим на престоле, изображен *«Трагик Еврипид»* со свитком: *«Аз чаю неприкосновенному родитися от Девы и воскресити мертвые и паки судити им»*.

В Петербурге, на частной сцене, предполагается постановка «Ипполита», с возможной верностью и строгостью. Обещано участие артистов императорских театров. Хоры будут сопровождаться музыкой, которую напишет бар.<on> Е. Овербек. Полное подражание древней постановке недостижимо — да и ненужно. Все мелочное, временное уходит с временем, остается лишь вечное; и ясною должна быть только цепь, соединяющая наши помыслы и желания с душой великого поэта и пророка. Антигона может растрогать на минуту доброго, среднего человека, может испугать и ослепить душу более глубокую; но надо, чтобы нежный, девственный Ипполит заговорил со сцены, чтобы богиня Целомудрия, Артемида, и богиня Сладострастия, Афродита, страшная, как смерть, золотая и легкая, как пчела, — стали вновь лицом к лицу в вечной борьбе, губя и возвеличивая сердца человеческие; и тогда, может быть, многие, смутно или ясно, вдруг почувствуют, как две чаши весов мира, разные и равные, — колеблются, и как дрожит между ними, вверху, единая стрелка, не умея найти последнюю неподвижность.

ЕВРИПИД

По преданию, Еврипид был рожден в день знаменитого Саламинского сражения с персами, в 480 г. (по другим данным, в 484 г.), а умер в 406, за несколько месяцев до Софокла. По сведениям, почерпнутым из комедий, его отец был мелким лавочником, а мать — торговкой овощами (по другим данным, семья была близкой к аристократическим кругам, что более вероятно, т. к. Еврипид получил блестящее образование и имел богатейшую по тем временам личную библиотеку). Он был другом философов Анаксагора и Архилая, софистов Протагора и Продика, общался с Сократом. В общественной жизни участво-

вал мало, предпочитал занятия литературой и философией, биографы рисовали его человеком нелюдимым и мрачным. Первые пьесы были поставлены в 455 г., с этого времени около пятидесяти лет Еврипид соперничал на афинской сцене с Софоклом. Успехом у современников он не пользовался, первое место получил только пять раз, и то последний раз — посмертно. Новые философские идеи и драматургические новшества его пьес вызывали раздражение и непонимание у консервативной части общества, об этом свидетельствуют многочисленные насмешки в комедиях Аристофана. Видимо, этими обстоятельствами объясняется то, что в старости, в 408 г. Еврипид по приглашению царя Архилая уехал в Македонию.

Недостаточно оцененный при жизни, Еврипид стал любимым поэтом следующих поколений. Его произведения сохранились лучше, чем у его предшественников: из 92 пьес до нас дошло 18: «Алкестида», «Медея», «Гераклиды», «Ипполит», сатировская драма «Киклоп», «Гекуба», «Геракл», «Просительницы», «Троянки», «Электра», «Ион», «Ифигения в Тавриде», «Елена», «Андромаха», «Финикиянки», «Орест», «Вакханки», «Ифигения в Авлиде».

В творчестве Еврипида отразились духовные и социальные проблемы эпохи кризиса афинского государства. Его называли «философом на сцене», в его пьесах герои, и главные и второстепенные, выступают с пространными речами, ведут философские споры, мучительно пытаются осмыслить ряд важнейших проблем. Новаторством явилось и перенесение трагического конфликта в область внутренней жизни героев, исследование противоречивых человеческих страстей. Еврипид изображает уже не нормативных, идеальных героев, а людей «каковы они на самом деле». Творчеству Еврипида свойственно переосмысление традиционных мифов, сомнение в благости и самом существовании олимпийских богов, сомнение в справедливости освященных веками обычаев, в том числе семейных отношений и института рабства, рационализм, скептицизм и напряженные поиски новых мировоззренческих систем.

Смерть Клитемнестры

Отрывок из «Электры».

Трагедия была написана около 413 г. В ней используется тот же сюжет, что и в «Хозфорах» Эсхила и «Электре» Софокла. По приказу Аполлона Орест и его сестра Электра убивают мать, Клитемнестру, которая убила своего мужа, Агамемнона, возвратившегося с победой из троянского похода. Электра выдана замуж за простого поселанина; она и Орест заманивают

мать в его хижину под ложным предлогом, что дочь нуждается в помощи после родов. Если Эсхил оправдывает убийц матери, а Софокл даже героизирует их, то Еврипид снимает с их деяния героический ореол, показывает издерганными, глубоко потрясенными людьми, раскаивающимися в содеянном.

Возможно, «Электра» Еврипида написана в ответ на одноименную трагедию Софокла и полемично направлена против его трактовки мифа.

Стихотворения (1883—1887). СПб., 1888, с. 279—284. Печ. по ПСС 1914, т. 22, с. 163—166.

Мережковский сделал переложение ст. 1148—1232, до появления братьев Клитемнестры, божественных Диоскуров, Кастора и Полидевка: они обещают Электре новый брак, а Оресту — прощение и покой.

287, 4: *В тихий сладостный час омовения* — Клитемнестра убила Агамемнона в ванне.

287, 21: *Потомки Тантала* — Тантал, царь Аргоса (по другой версии — Коринфа), прадед Агамемнона, за свои преступления перед богами был наказан в Аиде, а все его потомки несли на себе родовое проклятие (Ниоба, Атрей и Фиест).

Медея

Трагедия была поставлена в 431 г. и заняла лишь третье место, уступив трагедиям Эвфориона (сына Эсхила) и Софокла. В основе лежит миф о походе аргонавтов в Колхиду. Он сложился в догомеровский период, упоминается в «Илиаде» (V, 468; XXI, 41; XXIII, 747), «Одиссее» (XI, 256—257, XII, 69—72), «Теогонии» Гесиода (956). Подробно его разработал Пиндар в IV Пифийской оде (ст. 67—255). Вкратце этот миф сводится к следующему: в фессалийском городе Иолке захватил власть Пелий, изгнав законного царя — своего сводного брата Эсона. Когда сын Эсона, Ясон, достиг совершеннолетия, он явился в Иолку и потребовал отдать власть. Пелий согласился, но поставил условие: добыть золотое руно — волшебную шкуру золотого барана, который когда-то унес иолкского царевича Фрикса, спасавшегося от злой мачехи, в Колхиду (грузинское побережье Черного моря). Там барана принесли в жертву Зевсу, а его шкуру повесили в священной роще под охраной дракона.

Вместе с Ясоном в поход решили отправиться и другие греческие герои — Орфей, Кастор и Полидевк, Тесей и т. д., всего

50 — по числу весел корабля. С помощью Афины они выстроили корабль «Арго» и, испытав множество приключений, прибыли в Колхиду. Царь Ээт поставил перед аргонавтами невыполнимые задачи: укротить огнедышащих медных быков, вспахать на них поле, засеять его зубами дракона, из которых должны были вырасти свирепые воины. Ясон был обречен на смерть, если бы ему не помогла справиться с этими задачами влюбившаяся в него дочь Ээта, внучка бога солнца Гелиоса волшебница Медея. Когда же Ээт все равно отказался отдать золотое руно, Медея помогла Ясону убить дракона, похитить руно и бежала с ним в Грецию.

Ээт бросился в погоню, но Медея убила своего младшего брата Апсирта и разбросала части его тела, зная, что Ээт останется, чтобы собрать их и похоронить. Повстречав на обратном пути Сирен, Сциллу и Харибду, аргонавты счастливо вернулись в Иолк, но Пелий отказался возвращать власть Ясону. Желая помочь Ясону, Медея уговорила дочерей Пелия совершить магический обряд, который якобы вернет их отцу молодость, но обманула их — и Пелий был сварен в кипятке. Его родственники изгнали Ясона и Медею из Иолка, и им вместе с двумя маленькими сыновьями пришлось искать убежища в Коринфе.

С этого места и начинается трагедия Еврипида. Он несколько изменил миф, т. к. по мифу Медея — не детоубийца, она, убегая из Коринфа, спрятала детей в храме Геры, а разъяренные граждане Коринфа, нарушив право убежища, убили их, за что должны были каждый год приносить искупительные жертвы.

ВЕ, 1895, № 7, с. 5—57. С изменениями при последующих публикациях. Отд. изд. — СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1902. ПСС 1912, т. 14, с. 267—327. Печ. по ПСС 1914, т. 21, с. 65—128, с уточнением ремарок по ВЕ.

Варианты текста по ВЕ:

290, 2—3: Меж Симплегад лазурных кораблей / Не направлять в далекую Колхиду!

290, 14: И не была б должна, с двумя детьми,

292, 4: Воспитатель мудрый

292, 25: Что слышу, — там, где завсегда играть

293, 1—2: Собираются старейшины близ вод / Священного источника Пиренны, — / Я услышал, как сообщали весть,

293, 9: Старинная любовь —

293, 14: Но госпоже об этом знать не должно:

293, 17: Желать ему я не должна: Ясон —

293, 19: Предательски он с нами поступил!..

294, 19: Ее гневного, лютого сердца, —
 295, 5: Как ужасна безумная воля владык!
 298, 27: Второе — горше первого; потом
 298, 31: Уйти уже нельзя: развод — бесславье!
 299, 17: Безмолствуйте!.. Мы, жены, — боязливы
 299, 24: Но тише: царь Креон сюда идет,
 301, 1: Но только мне дозволю, Креон, остаться
 306, 8: Наказана за дерзостную речь
 306, 24: Что зла тебе желать я не могу...
 306, 24—25: О, трус, о, подлый трус! Иного слова
 306, 28—29: Мне на глаза еще явиться смел!.. / Отвагой ли
 считаешь ты — спокойно
 305, 35: От дней давнишних речь я поведу:
 307, 20: Которыми клялся мне, что иные
 309, 27—29: А если б дал я детям нашим братьев, / Тогда,
 поверь, я в дружную семью, / Всех уравнив, в любви объеди-
 нил бы
 310, 6: По-моему, злодей красноречивый
 310, 8: Что, зло умея ложью облекать,
 310, 12: Постыдную измену оправдать...
 310, 25: Я в новый брак не для себя вступаю,
 314, 13: Пелопса сын благочестивый, — знаю.
 318, 10: Ты лишь должна без помощи моей
 319, 22: От сильной бури гавань и приют,
 321, 17: Доныне ты во всем была мне верной:
 324, 8—9: Забуди, забудь мой гнев несправедливый, / Ясон,
 прости меня и не сердись, —
 324, 11: Обдумав все наедине, я стала
 325, 16: Я бедствия великие предвижу...
 333, 20: Спасайся же по морю, или суше,
 334, 38: И, локоны обвив златым венцом,
 335, 36: Несчастной тело белое снедал.
 335, 41: Но золото за локоны цеплялось,
 343, 23: И подобным тебе святотатцам.
 344, 3: Погоди же, не плачь: впереди у тебя
 344, 8: Прикоснуться губами к их мертвым губам!..
 344, 16: Но, насколько могу, я о мщенье
 345, 3: Как, зарезав детей, не дала ты отцу

290, 2—3: *...кораблей Не направлять* — корабль был один,
 «Арго».

290, 3: *Симплегады* — по мифу, сталкивающиеся и расхо-
 дящиеся скалы, плававшие у входа в Черное море; аргонавтам
 удалось проплыть между ними невредимыми.

290, 5: *Пелион* — горный хребет в Фессалии, славивший-
 ся своим корабельным лесом.

290, 7: *...для славного Пелея* — правильное: Пелия, т. к. Пелей — имя другого героя, супруга Фетиды, отца Ахилла.

291, 5: *Священные напоминая клятвы* — по мифу, в Колхиде, получив помощь от Медеи, Ясон поклялся ей в любви и верности всеми богами.

291, 26—27: *...чтоб острого меча Себе царица не вонзила в сердце* — в подлиннике: «боюсь, чтобы заостренный меч не поразил печень». Слова кормилицы неясны, можно подумать, что она боится убийства Креонта или Ясона, но в той же мере они относятся и к детям Медеи.

291, 34: *Палестра* — место для спортивных упражнений.

291, 35: *...несчастья своего* — в подлиннике: «материнского несчастья».

295, 8: *Нет, я верю, что все пред законом равны* — в подлиннике несколько другая мысль: «лучше привыкнуть жить среди равных».

295, 13: *В том, что меру превысило, счастья нет* — известное изречение, приписывалось в разных вариациях разным философам, в т. ч. «Семи мудрецам»: «ничего слишком» — слова Солона; «соблюдай умеренность» — слова Клеобула.

295, 21: *Через медные, звонкие створы дверей* — в подлиннике: «через двойные двери», т. е. вопли Медеи доносятся сквозь двери дворца и двери гинекея — женской половины дома.

296, 7—8: *Так безумно тоскуешь Ты по брачному ложу* — в подлиннике: «что у тебя за желание страшного (неприступного) ложа, о женщина?» Мережковский понимает «τὰς ἀπλάτου κοίτας ἔρος» как страстную тоску по недоступному ложу мужа, между тем, исходя из предыдущих реплик Медеи видно, что она не помышляет уже о восстановлении брака и зовет только смерть.

296, 16: *Фемида* — богиня правосудия.

297, 17: *Люди, как же безумными вас не назвать* — характерный для Еврипида пример отступлений на морально-философские темы, не очень связанных с ситуацией, за них он получил прозвание «философа на сцене». См. также начало монолога Медеи и т. д.

297, 36—37: *...по горькому, Темному Понту* — Понту Евксинскому, т. е. Черному морю.

298, 25: *Мы покупать должны себе мужей* — как правило, браки заключались родителями и чувства молодых людей не брались в расчет. В такой ситуации для жениха определяющим был размер приданого, приносимого невестой.

299, 26: *Тебе, колдунья с черными очами* — в подлиннике: «Тебе, мрачноглазой и на супруга гневающейся...». Креонт говорит не столько об экзотической, варварской внешности Медеи, сколько о ее настроении.

304, 11—13: *Клянуся в том Луной... Гекатой, очаг мой стерегущей* — Геката считалась богиней ночи, иногда отождествлялась с Селеной — Луной, ее считали также богиней призраков, ночных кошмаров, колдовства, поэтому волшебница Медея называет ее союзницей. Еще одна функция Гекаты — охрана домашнего очага, изображения ее имелись в каждом афинском доме.

304, 20: *Игрушкою Сизифовых детей* — предок Креонта, Сизиф, легендарный строитель Коринфа, первый его царь. По Гомеру — хитрый, порочный, корыстолюбивый человек, наказанный за свои грехи в Аиде: он обречен втаскивать на гору тяжелый камень, который, достигнув вершины, всегда скатывается назад. Особенно оскорбительным Медее кажется, что над ней, внучкой бога солнца Гелиоса, будет торжествовать «Ясонов брак», потомство порочного Сизифа.

304, 32—33: *Ужели наша доля Изменится* — имеется в виду, что обычно складывались легенды о женском коварстве, оно уже вошло в поговорки: «На верность жены полагаться опасно» (Одиссея, XI, 456); «Верит поистине вору ночному, кто женщине верит» (Гесиод, «Труды и дни», 375). Писали о коварных женах Архилох, Семонид Аморгский и др. Теперь же мужчины становятся коварными как женщины.

310, 25: *Я в новый брак не для того вступаю* — Ясон, конечно, лицемерит, но доводы его не лишены смысла. В Афинах, например, полноправными гражданами считались только дети афинских граждан. Сам руководитель Афин Перикл ценой больших просьб и унижений добился гражданства для своих детей, рожденных от брака с бывшей гетерой Аспасией. Не имевшие коринфского гражданства дети Медеи действительно нуждались в сильных защитниках.

311, 17: *Могу и письма дать* — в подлиннике: «гостинные знаки» — таблички, которые разламывались пополам и половинки хранились в дружественных семьях. Подлинность таблички определялась по совпадению линии излома.

313, 18: *Святылище Дельфийское* — см. примеч. к ст. 78, 26 и 97, 11.

314, 8: *Не должно мне развязывать мехов* — в подлиннике: «не развязывай ногу своего меха (мешка для вина)». На первый взгляд загадочное, прорицание имеет эротический смысл: Эгей не должен вступать ни с кем в связь, как выясняется ниже, пока не прибудет в Афины. Медея, как волшебница, сразу же догадывается о скрытом смысле оракула, но не спешит объяснить его, надеясь в будущем извлечь из него пользу. Из мифа известно, что Эгей не последовал велению оракула. Он отправился за советом в Трезену, к мудрому царю Питфею и вступил в связь с его дочерью — так родился Тесей, будущий победитель Минотавра. Возвращаясь с Крита в Афи-

ны, Тесей забыл, что в знак благополучного исхода должен был поменять черные паруса на белые. Старик Эгей увидел черные паруса и, решив, что сын погиб, бросился со скалы в море, которое с тех пор называют Эгейским. Так оправдался оракул, предостерегавший Эгея.

319, 12: *Гермес* — сын Зевса и Майи, среди многих функций этого бога — покровительство странникам, поэтому он изображался в дорожной шляпе и в крылатых сандалиях, ему посвящались каменные дорожные вехи, называвшиеся гермами.

319, 24: *...к Палладе в город* — в Афины.

320, 17: *Пеплум* — правильнее: пеплос, верхняя женская одежда с застежками на плечах.

321, 21: *Жители Аттики* — в подлиннике: Эрехтиды, т. е. потомки Эрехтея, аттического героя. Хор прославляет Афины и их жителей. Описание это напоминает картину безмятежно-го счастья людей золотого века (Гесиод, «Труды и дни», 109—126).

322, 8: *Музы* — согласно традиционному мифу, дочери Зевса и богини памяти Мнемозины, а не Гармонии; местом рождения обычно считалась не Аттика, а Пиэрия, в Северной Греции, отсюда прозвище муз — пиэриды.

322, 10: *Кефиз* — река в Аттике.

328, 13: *Золотой венец Аида* — царица подземного царства, супруга Аида Персефона часто изображалась в золотом венце.

328, 25: *Парка* — Мойра, богиня судьбы.

330, 20: *...свадебной лампы не зажгу* — по греческому обычаю, мать жениха зажигала факелы, которыми приветствовали приближающуюся свадебную процессию.

333, 1—2: *Но последнего, самого горького зла Не избегнет никто* — в подлиннике: «Напоследок же скажу о самом страшном из всех зол для смертных».

335, 14: *Пан* — бог лесов и рощ с козлиными рогами, копытами и хвостом, обладал способностью нагонять безумный «панический» ужас.

335, 27: *Уже успев окончить целый стадий* — речь идет о состязании в ходьбе на стадий (примерно 185 м); скороход проходит это расстояние примерно за две минуты — столько же лежала без сознания царевна.

338, 29: *Ино* — дочь Кадма и Гармонии. По традиционному мифу, Гера разгневалась на нее за то, что та воспитала Диониса, сына погибшей сестры Семелы, и наслала безумие на ее мужа, Атаманта, который убил одного сына. Ино и второй сын, спасаясь от него, бросились в море и стали морскими божествами — Левкотеей и Палемоном. По Еврипиду, Ино в безумии сама умертвила своих детей.

341, 8: *Как фурию* — в подлиннике: «как демона мести».

341, 20: *Сицлла* — чудовище с шестью зубастыми пастями, обитало на прибрежных скалах на севере Сицилии (отсюда ее прозвище — Тирренская, пропущенное Мережковским).

343, 8—9: *...в тихой роще Богини Геры* — по мифу, детей, спрятанных Медеей в храме Геры, убили коринфяне — см. с. 455 настоящего изд.

343, 13: *В Сизифовой земле* — в Коринфе.

343, 15: *...в Эрехтеев край* — в Афины.

343, 17: *Обломками тебя задавит Арго* — эта и следующая строка некоторыми исследователями считалась позднейшей вставкой.

Ипполит

Трагедия была поставлена в 428 г. и получила первую премию. Эту пьесу называли в античности «Ипполит, несущий венок», в отличие от первого варианта этой же трагедии — «Ипполита, закрывающегося плащом», до наших дней не дошедшего. В нем действие происходило не в Трезене, а в Афинах, в отсутствие Тесея, отправившегося в подземное царство. Федра, полюбившая Ипполита, сама объяснялась ему в любви. Такое откровенное изображение беззаконной страсти, видимо, возмутило афинских зрителей, привыкших считать, что самая хорошая афинянка — это та, о которой ничего не говорят, и трагедия провалилась. В новом варианте Федра готова молча страдать и умереть, но ее тайну выдает кормилица, преданная и готовая совершить ради нее любой безнравственный поступок.

Миф об Ипполите — один из греческих вариантов хорошо известного в мировой культуре сюжета о коварной жене, преследующей пасынка своей любовью. Кроме Еврипида сюжетом о Федре воспользовался Софокл в одной из недошедших до нас трагедий, но по незначительным отрывкам ее мы не можем судить ни о содержании, ни о времени написания. В дальнейшем сюжет первого варианта еврипидовской трагедии использовал римский писатель Сенека и уже в новое время — Ж. Расин в трагедии «Федра».

ВЕ, 1893, № 1, с. 5—54. Отд. изд. — СПб.: Изд. Т-ва «Знание», 1902. ПСС 1912, т. 14, с. 329—389. Печ. по ПСС 1914, т. 21, с. 129—191, с уточнением ремарок по ВЕ.

Варианты текста по ВЕ:

386, 4: Когда жену отца ты оскорблял?

389, 20: И Посейдон твою мольбу услышал.

391, 24: И каждый раз, как натянув бразды,

346, 4: *От берегов Понтийских* — т. е. от берегов Черного моря, Понта Евксинского.

346, 9—10: *...рожденный Амазонкой, Воспитанный Пифеем* (Питфеем) — по мифу, матерью Ипполита была царица амазонок Антиопа (по другим источникам — Ипполита); после ее смерти Тесей отдал сына на воспитание своему деду, трезенскому царю Питфею.

346, 11: *Один из всех мужей Эллады* — в подиннике более конкретно: «один из всех граждан этой земли трезенской».

347, 8: *Жена отца* — Федра.

347, 9: *...к святыне Элевзинской* — см. «Эдип в Колоне», ст. 160, 11. По Еврипиду, первая встреча Федры с Ипполитом произошла, когда он пришел в Афины, чтобы стать участником мистерий в честь Деметры, происходивших в местечке Элевсин.

347, 13: *...она мне храм воздвигла* — по античным свидетельствам, на южном склоне афинского Акрополя находилась «гробница Ипполита», а рядом с ней — святилище в честь Афродиты, судя по одной из аттических надписей, называвшееся «Афродитой около Ипполита». Некоторые исследователи считают, что эта и две следующие строки могли быть перенесены сюда из трагедии «Ипполит, закрывающийся плащом», т. к. Федра из настоящей трагедии вряд ли могла решиться так демонстрировать свою преступную страсть.

347, 17: *Очиститься от крови Паллантидов* — по традиционному мифу, когда Эгей объявил своего сына Тесея, пришедшего в Афины, наследником царства, сыновья Эгеева брата, Палланта, выступили против Тесея, но были им убиты. Кровь двоюродных братьев запятнала Тесея, и чтобы очиститься, он, по обычаю, обрек себя на временное изгнание. Согласно Плутарху, считавшему Тесея историческим лицом, это произошло еще до похода на Крит, до рождения Ипполита и тем более до женитьбы на Федре. В первой редакции пьесы Тесей отлучался из Афин, чтобы посетить подземный мир, здесь же действие происходит в Трезене, и объясняя отлучку Тесея, Еврипид вынужденно смещает хронологию.

347, 24: *А Посейдон Тесею обещал* — по некоторым вариантам мифа, Посейдон был не только покровителем, но и отцом Тесея.

348, 15—16: *...нимфа рек Стыдливые деревья орошает* — в подиннике: «Стыдливость орошает речной влагой» (этот луг).

348, 18: *Кто в мудрости природою взлелеян* — в подиннике: «лишь тот, кто обрел σοφροσύνη, т. е. добродетель (здра-

вомыслие, целомудрие), а равно и все остальное не от учения, а от природы, вправе срывать здесь цветы».

348, 27: *Мой господин* — в подлиннике: «Царь! Господами ведь должно звать одних богов».

352, 12—13: *От твоих, о Деметра, плодов... Не подносит... к... устам Сладких брашин* — Федра отказывается от пищи, дара богини Деметры.

352, 15: *Пан иль Геката* — см. ст. 141, 26 и 304, 11. Далее Мережковский пропустил еще одно предположение хора: «или гнев священных корибантов» — имеются в виду спутники богини Реи (Кибелы), «Великой Матери», богини плодородия; они сопровождали обряды в ее честь шумными оргиастическими плясками.

352, 27: *Эрехтиды* — афиняне, потомки героя Эрехтея.

353, 17: *О, мученья людей* — монолог кормилицы — характерный пример рассуждений, непосредственно не связанных с ситуацией, за что Еврипида называли «философ на сцене». См. также «Медея», ст. 297, 11.

354, 30: *Венетские кони* — племя венетов, жившее на северном побережье Адриатического моря, славилось своими конями; явный анахронизм, т. к. первых венетских коней завез в Грецию в 440 г. спартанец Леонт.

357, 19: *Детей своих любимых* — у Федры от Тесея было двое сыновей: Демофонт, будущий царь Афин, участник Троянской войны, и Акамант (см. Еврипид, «Гераклиды»).

359, 13—14: *О матери моей Преступная любовь* — Федра вспоминает о Пасифае, жене царя Крита Миноса, вступившей в связь с морским быком, посланным Посейдоном, и родившей чудовище, получеловека-полубыка Минотавра.

360, 2: *Ариадна* — дочь Пасифаи, спасающая Тесея на Крите. Она дала ему клубок ниток, чтобы он, убив Минотавра, смог найти обратную дорогу из Лабиринта. Тесей увез Ариадну, обещав на ней жениться, но на острове Наксос тайно покинул ее. По более позднему варианту мифа, он сделал это по приказу Диониса, который затем взял ее в жены.

360, 4: *...тревожишь прах усопших* — в подлиннике: «порочишь родственников».

361, 9: *Не божество, но больше всех богов* — безумная любовь; в подлиннике не так безлично: «Киприда ведь не бог, но больше бога».

361, 25: *...у врат Пелопоннеса* — вратами этого полуострова Трезен мог казаться именно афинянам, приплывавшим туда через Саронийский залив.

363, 40: *Семела* — см. примеч. к ст. 275, 14; 276, 3—4.

364, 1: *Аврора* — в подлиннике: Эос — богиня утренней зари, похитившая прекрасного охотника Кефала.

364, 20—21: *Но, если в жизни Добро над злом преобладает* — в подлиннике: «Если имеешь (в себе) больше доброго, чем

злого, будучи человеком, считай себя полностью счастливой» — т. е. имеются в виду не жизненные обстоятельства, а нравственное состояние и поступки человека.

365, 30: *От милого мне нужно слово, знак* — некоторые комментаторы считают эту и две следующие строки позднейшей вставкой, т. к. выше Федра категорически отвергла предложение кормилицы о сводничестве и та притворяется, что даст магическое средство самой Федре — для исцеления от любви. Именно так понимает ее Федра, судя по следующей реплике.

366, 22: *Олимпийское дитя* — в подлиннике: «сын Зевса». Это необычная генеалогия. В древнейших греческих мифах Эрос (Эрот) — олицетворение могучего стихийного созидательного начала в природе. Согласно «Теогонии» Гесиода, родился из Хаоса вместе с Геей и Тартаром, по другим источникам — сын Геи и Урана или Кроноса, по более поздним представлениям — сын Ареса и Афродиты.

367, 2: *...во храме Пифийском* — т. е. в Дельфийском храме Аполлона.

367, 3: *Алфей* — главная река Пелопоннеса, на правом берегу находился город Олимпия со знаменитым храмом Зевса.

367, 5: *Гекатомбы* — буквально: принесение в жертву ста быков; в переносном смысле — богатое жертвоприношение. Хор имеет в виду, что в отличие от Зевса и Аполлона, не менее великий бог Эрос не имел публичного культа.

367, 15: *В Эвхалии дева* — имеется в виду Иола, дочь эхалийского царя Эврита. Охваченный страстью к ней Геракл пошел войной на ее отца, разорил Эхалию и взял Иолу в наложницы.

367, 25: *Алкменид* — сын Алкмены Геракл.

367, 26: *Диркейский колодезь* — Дирка, источник вблизи города Фивы, родины Семелы — см. ст. 275, 14; 276, 3—4.

367, 30: *Дионисия* — правильно: Диониса.

368, 9: *Сюда, сюда, на лестницу* — в подлиннике Федра не говорит о лестнице: «Встаньте у дверей, послушайте, какой шум в доме».

374, 6—7: *Прочь отсюда в пещеры глубокие, Где живут только стаи пернатые* и т. д. — соединены две разные мысли: сначала хор призывает скрыться «в бездонные пропасти», затем — стать пернатой птицей. Далее хор перечисляет фантастические области, где можно найти убежище: *Эридан* — мифическая река, текущая где-то на краю мира, позднее отождествлялась с Роной или По. Миф рассказывает, что в эту реку упал Фазтон, сын бога Гелиоса, не справившийся с небесной колесницей и сраженный молнией Зевса, а его сестры, превратившись в тополя, оплакивают его янтарными слезами, которые падают в реку.

374, 20—22: *...края... Гесперид* — крайний запад, около Гибралтара, где узкий пролив по воле *владыки пучины лазуревой* — Посейдона — преграждает кораблям путь. *Геспериды*, хранительницы волшебных золотых яблок, были дочерьями Атланта (Атласа), великана, державшего на плечах небесный свод. Рядом, как считалось, находились Зевсовы чертоги, где бил источник бессмертия.

375, 9: *Мунихий* — афинская гавань.

378, 2—3: *За вину Моих предков* — неожиданно свалившиеся несчастья древние греки были склонны объяснять карой богов за преступления предков.

378, 19: *Ты ушла от нас навеки* — эта и следующие четыре строки обычно относят к монологу Тесея.

382, 9—10: *Орфея признавай Учителем* — последователями Орфея, знаменитого мифического певца, называли себя орфики — религиозное течение VIII—VI вв., возникшее в Аттике. Орфики верили в переселение душ, проповедовали аскетизм, не ели мяса, яиц и бобов. Не совсем ясно, почему Тесей причисляет к ним Ипполита, убивающего на охоте животных, видимо потому, что по одному из мифов, Орфей был растерзан женщинами за презрение к ним.

382, 39: *Синис* — разбойник, живший на Коринфском перешейке; он привязывал пойманных путников к двум согнутым соснам и, отпустив деревья, разрывал людей пополам. Тесей, направляясь из Трезена в Афины на поиски отца, победил его и убил таким же способом.

382, 42: *Скирос* — разбойник, живший на Мегарских скалах; заставлял путников мыть ему ноги, а когда они наклонялись — сбрасывал их со скалы на берег моря, где их съедала огромная черепаха. Тесей сбросил его со скалы.

384, 9: *Хранитель обетов* — Зевс.

384, 23: *Тот лицемер и лжец неисправимый* — в подлиннике: «Ну не кудесник и не заклинатель ли?» (т. е. не шарлатан, зачаровывающий своими речами).

385, 4—5: *...за пределы Атлантики* — т. е. за грань мира.

387, 8: *...твердыни Эрехтея* — афинская крепость, Афины.

388, 7: *Афин лучезарное солнце* — в подлиннике: «ярчайшая звезда Афин».

388, 18: *Ристалище Лимны* — название гимнасия в Трезене.

390, 4: *Немезида* — богиня мщенья.

390, 32: *...волны Сароники* — Саронийского залива.

390, 33—34: *...мрачный путь По берегу ведет* — на самом деле, выехав из Трезена, Ипполит не должен был оказаться на побережье, т. к. дорога на север и северо-запад, в Эпидавр и Аргос, вела далеко от берега, среди гор, вдоль моря же стояли неприступные скалы.

392, 9: *Ида* — гора на острове Крит, откуда была родом Федра.

394, 12: *О, пощади, богиня* — неточно, в подлиннике: «О, госпожа, пусть я погибну!»

394, 13—14: *...но можешь искупить Свой тяжкий грех* — в подлиннике: «но и ты можешь получить прощение» — об искуплении речи нет, ведь сына не воскресить.

397, 13: *Кто для нее дороже всех людей* — по мифу, Афродита полюбила смертного юношу — Адониса, но он был убит на охоте.

397, 15: *И дам тебе я славу на земле* — в Трезене действительно существовал культ Ипполита. О его судьбе пели ритуальные девичьи хоры, перед свадьбой девушки приносили ему в жертву пряди волос.

Постановка «Ипполита» была осуществлена 14 октября 1902 г. в Александринском театре. В связи с премьерой Мережковский напечатал статью (Новое время, 1902, № 9560, 15 окт., с. 2):

О новом значении древней трагедии (Вступительное слово к представлению «Ипполита»)

У древних греков театр был храмом; действие, происходившее на сцене, трагедия, была священнодействием, богослужением. И в средние века мистерии, из которых вышел новый театр, совершались иногда в церквах, были тоже почти богослужением.

Много храмов осквернено с тех пор; но, кажется, ни один из них в такой мере, как этот; ни на одном из них не оправдалось до такой степени слово пророка, как на храме бога Диониса: мерзость запустения на месте святом. Театр сделался местом наиболее противоположным храму, чуждым всякой святости, местом самых плоских и пошлых развлечений толпы, почти кощунственных, ибо кощунствен жрец, превращаясь в забавника.

Пятьдесят лет назад, с этой же самой Александринской сцены, величайший творец русского театра Гоголь в развязке «Ревизора» сказал устами Первого Актера: «Соотечественники! Не пустой я какой-нибудь скоморох, созданный для потехи пустых людей, но честный чиновник великого Божьего государства... Дружно докажем свету, что в Русской земле все от мала до велика стремится служить Тому же, Кому все должно

служить на земле, несется туда же кверху, к Верховной Красоте». Гоголь хотел, чтобы театр вернулся к своему первому истинному призванию, чтобы и в современном театре, также как в средневековых мистериях и древнегреческой трагедии, происходило некоторое «священное действие», некоторое «тайнство», служение Богу.

Сегодня делается первый, может быть, еще слабый, но в всяком случае знаменательный опыт восстановить это первоначальное религиозное значение театра.

<Но> что это — скажи,—
Что смертные любовью называют? —

этот вопрос Федры есть главный вопрос всей трагедии, поднятый Еврипидом впервые именно здесь, в «Ипполите», не только в художественном, нравственном, но и в религиозном значении: что такое любовь, как явление человеческого и божеского мира?

Слово «любовь» на русском и на всех новых европейских языках имеет двойное значение: первый смысл — древний, языческий; любовь — страсть, плотское вожделение, Эрос, тяготение пола к полу. Второй смысл — уже новый, христианский: любовь — милосердие, сострадание, всепрощение, любовь девственная, противоположная, или кажущаяся противоположно страсти. Первая любовь, страстная и жестокая, воплощена в одном из двух главных, реально и мистически действующих лиц трагедии — в лице богини Афродиты; вторая, девственная и милосердная — в Артемиде. Борьба этих двух божественных начал мира, жестокого и милосердного, сладострастного и целомудренного, отражается в человеческой борьбе Ипполита и Федры. Между Афродитой и Артемидой, между этими двумя противоположными божествами, происходит вся человеческая трагедия.

Афродита — мать сущего, источник всякого бытия:

Она царит повсюду —
И в небесах, и в глубине морей,
И семена любви в природе сеет:
От них, <дита>, произошли мы все.

Но все, что рождается, должно умереть: в самом рождении есть уже семя смерти, тления; в страсти есть начало страданий и жестокости. Сила Афродиты не только творческая, но и разрушительная:

Не являйся мне, Эрос,
Разрушающей силой,
Беспощадным врагом!

Афродита «губит все своим дыханьем». Эрос —

...все уничтожая,
К людям с муками и смертью,
Торжествующий, грядет.

Ипполит и Федра, оба называют Афродиту «жестокою», «злою» богинею.

Федра — почти слепое орудие этой злой любви. «Моя любовь чиста», — говорит она. Но когда Ипполит отвергает ее, она вдруг чувствует свой позор и, чтобы избавиться от него, убивает себя и губит клеветой невинного Ипполита. Федра, «лучшая из женщин», становится не только преступною, но и низкою. Любовь превращается в ненависть, в жажду смерти, разрушения:

<Но> смерть моя погубит и другого.
Я научу его не презирать
Чужой беды, и гордого заставлю
Моей любви мученья разделить!

Ипполит возмущается этой жестокостью Афродиты. Самая сущность плотской любви кажется ему нечистою, позорною и оскверняющею:

Я сердцем чист и целомудрен: чтить
Таких богов могу лишь издалека.

У Ипполита, по выражению Достоевского об Алеше Карамазове — «исступленная стыдливость»:

Я сохранил доныне чистым тело
От женских ласк и только иногда
Слышал о них и видел на картинах,
Но не любил ни слушать, ни смотреть,
Имея душу девственную.

Презирая ласки жен и дев земных, он любил неземную деву, Артемиду. Он ее таинственный любовник и жрец, вечный жених этой «невесты невестной». Его любовь — его молитва:

О, если бы у ног твоих, любя,
Окончить мог я жизнь мою,—

говорит он в самом начале трагедии, и в конце ее, в кровавой развязке,— его желание исполняется: Ипполит действительно

умирает у ног Артемиды, и она, склоняясь над ним, принимает его последний вздох, последний взор, с бесконечной нежностью.

Ты — здесь!.. Тебя почувствовал я в муках.
О, вейные благоуханных уст!..
Мне легче... Здесь, со мной — моя богиня!

Они соединяются, девственный любовник с девственной возлюбленной, в браке безбрачном, в смерти.

В этой трагедии Еврипида точно так же, как в религиозных откровениях Пифагора и Орфея, в диалогах Платона о неземной любви, чуть брезжит в темной глубине язычества первый луч того нового христианского света, который впоследствии сквозь отходящие мглы и сумерки средних веков загорится утренней зарей Возрождения в песнях трубадуров, в любви рыцарей, в любви Данте к Беатриче, Франциска Ассизского к Небесной Даме:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. D. своею кровью
Начертал он на щите.

А. М. D. значит *Alma Mater Dei*. Ипполит, омраченный тенью и скорбью средних веков — это и есть «Бедный Рыцарь». Ипполит ведь тоже одинокий, непонятый толпою, мечтатель, «несчастный», «бедный рыцарь» своей богини; тоже мученик; тоже кровью своею запечатлел он союз с А. М. D., с небесною Девою. И осиянный светом ее, обвеянный благоуханием уст ее, умирающий Ипполит мог бы воскликнуть, подобно бедному рыцарю: *Lumen Coeli, Sancta Rosa!* — Свет Небесный, Святая Роза!

Ипполит — ученик Орфея. Мы знаем, что первые христиане в римских катакомбах изображали под видом Орфея Христа. Ипполит отрекается от мирских сует, от власти; живет вдаль от шума и толпы, в кругу «немногих избранных друзей», почти отшельником, в тишине, в уединении, преданный чтению, молитве, труду и созерцанию. Он — постник: «довольствуется растительною пищею, бескровною». Сам Еврипид устами

хора и Артемиды называет его не только «героем», «мужем великим», но и «святым»:

И на главу святую
Обрушил бог проклятие свое.

Святой, отшельник, постник, девственник, жених небесной Девы и, наконец, мученик целомудрия, прощающий и любящий врага своего, убийцу — разве это не почти совершенный образ христианина до христианства?

Мы, люди новых веков, поняли одну лишь сторону язычества. Торжество дневных солнечных богов Афродиты, Аполлона заслонило от нас священные таинства ночных, подземных, родственных древним титанам, Артемиды, Деметры Елевзинской и Вакха-Диониса. Но теперь, когда блестящая и холодная, как мрамор, оболочка классицизма римского, еще более холодных французских подражаний XVII и XVIII века и уже окончательно обледнелого и обесдушевленного казенного русского классицизма спадает с эллинской древности, нам открывается снова ее живое и родное сердце. Из-за явного и лучезарного лица Аполлона выступает загадочное и темное, как звездная ночь, лицо Диониса, воскресающего бога трагедии.

Первое представление «Ипполита» в Афинах не имело успеха: даже избранная афинская толпа не поняла этой слишком новой и смелой трагедии. Аристофан признал Еврипида вместе с его учителем Сократом главным виновником упадка, вырождения Афин — того, что мы теперь называем «декадентством». И в наши дни Ницше, сам декадент, повторил беспощадный приговор Аристофана над Сократом и Еврипидом, признал в них главных виновников афинского «упадка», величайших «декадентов» древнего мира.

Трагический вопрос, поставленный в «Ипполите», нам, русским, особенно близок потому, что и в нашей русской литературе, наиболее новой, вещей из всех европейских литератур, с небывалою силою поднят этот же самый вопрос. Бесстрашнее, чем кто-либо, сопоставил Достоевский языческую злую любовь, жестокое сладострастие с целомудренной и милосердною любовью христианскою, или, как сам он выражался, «идеал Мадонны — с идеалом Содомским». Все главные его герои — или сладострастники, или девственники. Один из них, мудрец для самого Достоевского, «идиот» для толпы, князь Мышкин говорит о себе почти словами Ипполита: «я ведь совсем женщин не знаю». И Достоевский определяет его теми же стихами Пушкина о «Бедном Рыцаре», которые, мы сейчас видели, так подходят к Ипполиту:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
.....
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел.

И Алеша Карамазов, ученик старца Зосимы, христианского Орфея, который укрощает свирепых зверей тихими песнями и чарами своей любви, — и Алеша, как Ипполит, «имеет душу девственную», «не знает женщин». И у Алеши, как у древнего любовника Артемиды, — «исступленная стыдливость».

В последних произведениях Л. Толстого — тот же бунт против жестокой Афродиты. Новые герои его — тоже постники, вегетарианцы, которые, подобно Ипполиту, «довольствуются растительною бескровною пищею»; тоже преданы, вдали от толпы, одинокому созерцанию и телесным упражнениям, если не охоте, то земледелию; и они могли бы сказать с такою же девственною и детскою брезгливостью, как Ипполит:

...служить не буду я богам,
Которых чтут во мраке ночи, тайно.

Это ведь и значит, как утверждают Позднышев, герой «Крейцеровой сонаты», и Нехлюдов: «Во всякой половой любви есть что-то унижающее человеческое достоинство; что-то стыдное, мерзкое, свиное». Наши новые Ипполиты только несколько грубее и циничнее выражаются, чем древние; но сущность та же. И пока они бунтуют против злой похоти и рассуждают о прекращении рода человеческого и о том, как бы обойтись миру без женщин, — Афродита, «которой преодолеть нельзя», торжествует точно так же, как во времена Федры и Медеи, в убивающей себя Анне Карениной, в рождающей Китти:

Губит все своим дыханьем,
А потом, золотокудрая,
Улетает, как пчела.

Так, несмотря на неизмеримое расстояние, отделяющее древний мир от нового, оба они идут к одной и той же цели. Самое древнее — ново, самое дальнее — близко. Первое представление «Ипполита» в Афинах в театре Диониса в четвертый год LXXXVII Олимпиады, год смерти Перикла, от первого в Европе возобновления этой трагедии, именно здесь, в сегодняшний вечер на Александрийской сцене, отделяют 2331 год и какие бездны истории, какие громады мировых событий! Ведь все христианство легло между этими двумя представлениями, тог-

дашним афинским и сегодняшним петербургским. А между тем — такова сила религиозной мысли — трагедия эта более живая, более современная, новая, отвечающая на самые жгучие злости дня, на самые тайные томления и недоумения нашего духа, чем великое множество пьес, которые написаны вчера и сегодня, ибо вечное всегда новее, чем сегодняшнее.

Умиравший Ипполит клянется «безгрешною Артемидою», что он простил врага, убийцу своего:

Тебя сильнее, чем самого себя,
За все, за все, родимый мой, жалею! —

говорит он отцу. «Увы! — отвечает тот, — теперь твою любовь я понял!» Это и есть ответ, или по крайней мере один из двух ответов на главный вопрос всей трагедии: «Что такое любовь?» — «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, молитесь за проклиняющих вас. Нет больше той любви, как если человек полагает душу свою за друзей своих».

Такого объяснения «Ипполита», конечно, сам Еврипид не предвидел. Оно было бы невозможно, если бы не совершилась последняя, величайшая, уже не человеческая, а божеская трагедия любви на Голгофе. Так же как Ипполит, вся древность погибла, потому что не имела силы «распутать узел роковой», разрешить противоречие Афродиты и Артемиды. Или рождающая, но жестокая Афродита, или милосердная, но бесплодная Артемида. А между тем, оба начала одинаково божественны, потому что одинаково необходимы для бытия мира. Как же их соединить? Ипполит не соединяет их, а только уничтожает одно начало другим; не побеждает реально и действительно, а только мечтательно и легкомысленно отрицает то, чего нельзя отрицать — рождающую силу Афродиты, источник всякого бытия. В этом ребяческом и кощунственном отрицании преступление Ипполита, и за него он гибнет. Предчувствие последнего соединения этих двух начал дано в христианстве. Но это именно только смутное предчувствие, только греза, только видение, не достигнутое, не воплощенное. А в нашей плоти, в нашей реальной действительности христианской, как и в языческой, все еще не разрешено это трагическое противоречие, от которого мы погибаем точно так же, как Ипполит, как Бедный Рыцарь, — умираем с бесконечною, из века в век звучащею и напрасною мольбою: *Lumen Coeli, Sancta Rosa!*

Язычник Еврипид каким-то чудом прозрения увидел то, чего и мы, христиане, еще не видим или уже не видим в христианстве. На иконостасах древних русских церквей рядом со святыми, пророками и мучениками изображались эллинские мудрецы и поэты: Гомер, Платон, Аристотель, Софокл и Еврипид. Об этих изображениях сказано в нашем старинном иконо-

писном подлиннике, руководстве к написанию икон: «Эллинские мудрецы отчасти пророчествовали о превышнем Божестве и о Рождестве Христове от Пречистой Девы,— хотя они и неверными были, но чистого ради их жития открылся им дар прорицать будущее». В этих иконописных изображениях «трагик Еврипидий» является со свитком в руках, на котором написано: «*Аз чаю Нетленному родиться от девы и воскресити мертвыя*».

Подобное сближение языческого мудреца с христианскими святыми нам теперь почти непонятно. Мы более, чем наши предки, гордимся христианством нашим или тем, что мы называем «христианством»; более презираем язычество. Но если бы мы вдумались в то, что есть в этой трагедии Еврипида, то не пришлось ли бы нам умерить нашу гордость и признать, что мы, христиане часто только на словах, а на деле язычники или даже просто безбожники, могли бы поучиться у этого древнего язычника христианству?

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронτισпис. Д. С. Мережковский. С фотографии М. Дмитриева в Нижнем Новгороде. 1910. Портрет помещен в 15-м томе «Полного собрания сочинений» Д. С. Мережковского в 17-ти томах. СПб., М., 1912.

Стр. 145. Рекламное объявление о поступлении в продажу отдельных изданий греческих трагедий в переводе Д. С. Мережковского. СПб., 1902.

Стр. 229. Титульный лист 14-го тома «Полного собрания сочинений» Д. С. Мережковского в 17-ти томах. СПб.; М., 1912.

Стр. 283. Титульный лист 2-го отдельного издания трагедии Софокла «Антигона» в переводе Д. С. Мережковского. СПб., 1903.

Стр. 315. Титульный лист 3-го отдельного издания трагедии Еврипида «Медея» в переводе Д. С. Мережковского. СПб., 1910.

Стр. 323. Титульный лист 20-го тома «Полного собрания сочинений» Д. С. Мережковского в 24-х томах. М., 1914.

Стр. 349. Титульный лист 2-го отдельного издания трагедии Еврипида «Ипполит» в переводе Д. С. Мережковского. СПб., 1903.

Стр. 397. Рекламное объявление о поступлении в продажу очередных отдельных изданий греческих трагедий в переводе Д. С. Мережковского. СПб., 1910.

СОДЕРЖАНИЕ

Греческая трагедия в переводах Д. С. Мережковского. <i>Вступительная статья А. В. Успенской</i>	5
--	---

ЭСХИЛ

Скованный Прометей	57
--------------------------	----

СОФОКЛ

Эдип-Царь	95
Эдип в Колоне	160
Антигона	233

ЕВРИПИД

Смерть Клитемнестры (мотив из Еврипида)	287
Медея	290
Ипполит	346

Примечания

Происхождение трагедии и устройство античного театра. <i>А. В. Успенская</i>	403
<i>Эсхил</i>	405
<i>Софокл</i>	421
Вместо предисловия (<i>Вступительная заметка</i> <i>Д. С. Мережковского к трагедии «Эдип-Царь»</i>)	423
Предисловие <i>Д. С. Мережковского</i> <i>к трагедии «Антигона»</i>	439
Трагедия целомудрия и сладострастия (<i>Статья Д. С. Мережковского</i>)	448
<i>Еврипид</i>	452
О новом значении древней трагедии (<i>Вступительное слово Д. С. Мережковского</i> <i>к представлению «Ипполита»</i>)	465
К иллюстрациям	473

**Серия Библиотеки Российской Академии Наук
«Вечные спутники»**

В ы ш л а и з п е ч а т и

В. М. МАРКОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

Книга включает работы известного филолога, одного из создателей современной петербургской филологической школы профессора Санкт-Петербургского государственного университета В. М. Марковича, посвященные русской литературе XIX столетия. Внимание автора сосредоточено на классических произведениях этой эпохи — от «Евгения Онегина» и «Героя нашего времени» до «Воскресения» Л. Толстого и чеховской «Палаты № 6». Но хорошо известные читателю тексты рассматриваются в необычных аналитических ракурсах и получают соответственно необычное истолкование.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся русской словесностью, может быть полезна студентам-филологам, учителям и преподавателям гуманитарных вузов.

**Серия Библиотеки Российской Академии Наук
«Вечные спутники»**

Готовится к печати

Г. Г. МАРТЫНОВ

**ЖУРНАЛ «РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

за 1958—2007 гг.

Указатель содержания

«Русская литература» является ведущим научным историко-литературным журналом страны. В его программе: литературно-теоретические и литературоведческие статьи; публикации, основанные на неизвестных документальных (архивных) источниках; заметки и уточнения по конкретным историко-литературным вопросам; обзоры и рецензии новой литературы; хроника научной жизни. Всего за полвека существования на страницах журнала увидело свет более 5600 работ. Настоящий систематический указатель содержания призван помочь ориентироваться в этом обилии материалов.

Указатель адресован работникам библиотек, ученым-филологам, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется историей русской культуры.

**Серия Библиотеки Российской Академии Наук
«Вечные спутники»**

Готовится к печати

Г. Г. МАРТЫНОВ

**ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК
ЕВРОПЫ»**

за 1866—1918 гг.

Указатель содержания

В истории русской журналистики второй половины XIX — начала XX вв. «Вестник Европы» — один из наиболее значительных ежемесячных литературно-политических журналов либерального направления. На протяжении многих лет постоянными его сотрудниками были виднейшие русские ученые, публицисты, земские деятели. В литературном отделе журнала впервые опубликован ряд произведений И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, П. Д. Боборыкина, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Общее число публикаций на страницах журнала приближается к 10 000.

Подробный хронологический указатель содержания, издаваемый впервые, адресован работникам библиотек, ученым, учителям и преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется историей русской науки, культуры и общественной мысли.

**Серия Библиотеки Российской Академии Наук
«Вечные спутники»**

Готовится к печати

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ПЕРЕВОДЫ В ПРОЗЕ

Настоящее собрание рассказов, очерков и прозаических переводов Д. С. Мережковского — первое научное издание почти забытой части творческого наследия одного из выдающихся представителей русской литературы, стоявшего у истоков Серебряного века. Произведения Мережковского в этом жанре представлены с исключительной полнотой — от рассказов и очерков на темы из жизни различных слоев российского общества конца XIX в. до переводов изящных средневековых итальянских новелл и «Стихотворений в прозе» Шарля Бодлера.

Книга снабжена вступительной статьей и подробным комментарием, адресована широкому кругу читателей, интересующихся всемирной литературой и русской словесностью, может быть полезна студентам-филологам, учителям и преподавателям гуманитарных вузов.

**Серия Библиотеки Российской Академии Наук
«Вечные спутники»**

Готовится к печати

Г. Г. МАРТЫНОВ
БИБЛИОГРАФИЯ
Г. Р. ДЕРЖАВИНА
за 1759—2007 гг.

Первый фундаментальный научно-вспомогательный свод печатных источников, посвященный видному государственному деятелю трех царствований и крупнейшему русскому поэту XVIII в. Всего зарегистрировано около 3 000 публикаций, в т. ч. на нескольких национальных и иностранных языках.

Систематический свод источников предназначен для ученых, преподавателей вузов и школ, аспирантов, студентов, работников библиотек, а также для всех, кого интересуют различные вопросы биографии и творчества Г. Р. Державина и судьба державинского наследия в новое и новейшее время.

Эсхил. Софокл. Еврипид
ТРАГЕДИИ

Перевод с греческого
Дмитрия МЕРЕЖКОВСКОГО

Эсхил. Софокл. Еврипид
Э84 Трагедии / Эсхил. Софокл. Еврипид; Пер. с греч. Дмит-
рия Мережковского. — М.: Ломоносовъ, 2009. — 474 с.: ил.

ISBN 978-5-91678-002-4

Один из зачинателей русского символизма, блестящий поэт и переводчик, беллетрист, религиозный мыслитель Дмитрий Мережковский перевел трагедии древнегреческих классиков Эсхила, Софокла и Еврипида в 1890-х годах. Последний раз его переводы публиковались в 1914 году и сейчас практически неизвестны. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся античным театром и русской словесностью.

УДК 821.14
ББК 84(2Рос-Рус)1-5

Подписано в печать 19.11.2008. Формат 60 x 90 1/16.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Изд. № 2.
Тираж 3000 экз. Заказ № 395

117296, Россия, Москва, ул. Молодежная, д. 5, помещение XII.
тел. (495) 930-51-20, (495) 665-00-74

Издательский отдел Библиотеки Российской Академии наук
199034, Россия, СПб., Биржевая л., д. 1.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Эсхил ♦ Софокл ♦ Еврипид ■ ТРАГЕДИИ
ПЕРЕВОДЫ Дмитрия Мережковского

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Эсхил
Софокл
Еврипид

ТРАГЕДИИ

Переводы
Дмитрия
Мережковского

Ломоносовъ